

Том 19, № 4, 2026 год

Экономика. Налоги. Право

elpub.

RePEc

СОЦИОНЕТ

WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

Vol. 19, No. 4, 2026

Ekonomika. Nalogi. Pravo

[Economics, taxes & law]

Экономика. Налоги. Право

Научно-практический журнал

Том 19, № 4, 2026

Издается с 2007 года

Периодичность: 6 раз в год

ISSN 1999-849X (Print)

ISSN 2619-1474 (Online)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России»: 81303

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-67075 от 15 сентября 2016 г.

Учредитель и издатель:

Финансовый университет

при Правительстве Российской

Федерации, 125167, Российская

Федерация, Москва, Ленинградский

проспект, 49

8(499) 553-10-71

vashadrin@fa.ru

etl.fa.ru

«Экономика. Налоги. Право» — рецензируемый научно-практический журнал, на страницах которого публикуются оригинальные научные статьи, обзоры, аналитические материалы по актуальным вопросам права, налогов и налогообложения, мировой, региональной и отраслевой экономики, государственного и муниципального управления, финансовой и инвестиционной политики, менеджмента.

Журнал «Экономика. Налоги. Право» индексируется в базах данных: Ebsco, RePec, eLibrary.ru, Russian Index of Science Citation

Специальности ВАК:

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.2.7. Государственное и муниципальное управление (экономические науки)

Главный редактор: Гончаренко Л.И.

Выпускающий редактор: Шадрин В.А.

Переводчик: Пунтус Н.А.

Корректор: Колобова Н.В.

Верстальщик: Ветров С.М.

Подписано в печать: 20.08.2026

Дата выхода в свет: 21.09.2026

Заказ № 26-4690

Отпечатано в ООО «Коми
Республиканская типография»,
г. Сыктывкар, ул. Савина, д. 81

© Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГОНЧАРЕНКО Л.И., доктор экономических наук, профессор, научный руководитель кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, Заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АБРАМОВА М.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АДВОКАТОВА А.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ВИННИЦКИЙ Д.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

ВИШНЕВСКИЙ В. П., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела финансово-экономических исследований ГБУ «Институт экономических исследований», Член Координационного совета ЮАНО РАН, Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

ЕВЛАХОВА Ю.С., доктор экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), тьютор магистерской программы «Финансовый мониторинг и финансовые рынки», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ИВАНОВА Н.Г., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

КИРЕЕВА Е.Ф., доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

КРАСЮКОВА Н.Л., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

КУНИЦЫНА Н.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

ЛАПИНА М.А., доктор юридических наук, профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

МАЙБУРОВ И.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета, главный научный сотрудник кафедры «Финансы и кредит» Дальневосточного федерального университета, Екатеринбург, Владивосток, Российская Федерация

МЕЛЬНИЧУК М.В., доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ПАНСОВ В.Г., доктор экономических наук, профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ПОГОРЛЕЦКИЙ А.И., доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ПОНОМАРЕНКО Е.В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой политической экономии, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

ПОПОВА А.В., доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

РОЩУПКИНА В.В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Налоговая политика и таможенное дело», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

РУЧКИНА Г.Ф., доктор юридических наук, декан юридического факультета, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

СОЛЯНИКОВА С.П., кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЧЕРНИК Д.Г., доктор экономических наук, профессор, президент Палаты налоговых консультантов, Российская Федерация

ЧИНАЕВА Т.И., доктор экономических наук, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт проблем развития науки», Российская академия наук, Москва, Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

GONCHARENKO L.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Head of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

EDITORIAL STAFF

ABRAMOVA M.A., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ADVOKATOVA A.S., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

VINNITSKY D.V., Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

VISHNEVSKY V.P., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher of the Department of Financial and Economic Research at the Institute of Economic Research, Member of the Coordination Council of the South-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

EVLAKHOVA YU.S., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Financial Monitoring and Financial Markets Chair, Tutor of the Master's programme "Financial monitoring and financial markets", Rostov State University of Economics, Rostov, Russian Federation

IVANOVA N.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, professor of the Department of Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

KIREEVA E.F., Doctor of Economics, Professor, Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

KRASYUKOVA N.L., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

KUNITSYNA N.N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Credit Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

LAPINA M.A., Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MAYBUROV I.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Tax Management Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Senior Researcher of the Finance & Credit Chair, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

MELNICHUK M.V., Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Department of English and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

PANSKOV V.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

POGORLETSKIY A.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, the Department World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

PONOMARENKO E.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Political Economics Department, Russian University of Peoples' Friendship, Russian Federation

POPOVA A.V., Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ROSCHUPKINA V.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Tax Policy & Customs Department, the North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

RUCHKINA G.F., Dr. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

SOLYANNIKOVA S.P., Cand. (Econ.), Associate Professor, Vice-rector for scientific work, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

CHERNIK D.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Chamber of Tax Consultants, Moscow, Russian Federation

CHINAEVA T.I., Dr. Sci. (Econ.), Director of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Science Development Problems, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Economics, Taxes & Law

Scientific and Practical Journal

Volume 19, No. 4, 2026

Published Since 2007

Publication Frequency: 6 times a year

ISSN 1999-849X (Print)

ISSN 2619-1474 (Online)

Founder and Publisher: Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation

8(499) 553-10-71

vashadrin@fa.ru

etl.fa.ru

Aims and Scope: Economics, Taxes & Law is a peer reviewed academic journal that publishes original research, reviews, and analytics on law, taxes, global and regional economics, public administration, financial policy, and management.

The journal Finance:

Economics, Taxes & Law is indexed in the following databases: Ebsco, RePEc, eLibrary.ru, Russian Index of Science Citation

Editor-in-chief: Goncharenko L.I.

Senior editor: Shadrin V.A.

Translator: Puntus N.A.

Proofreader: Kolobova N.V.

Design and layout: Vetrov S.M.

Passed for printing: 20.08.2026

Issue Date: 21.09.2026

Order № 26-4690

Printed in Komi Republican Printing House LLC, Syktyvkar, Savina St. 81

© Financial University under the Government of the Russian Federation

ТЕМА НОМЕРА

В.В. Ерёмин, С.Н. Сильвестров, Т.К. Чернышева

Экономический рост и ущерб окружающей среде: выбор оптимального сочетания 6

М.Е. Косов, А.А. Рябченко

Экологическое налогообложение в России: фискальная эффективность и стимулирующий потенциал в контексте «зелёной» трансформации экономики 17

Б.С. Батаева, М.А. Измайлова

Климатические стратегии российских компаний в контексте реализации концепции «зеленой» экономики 27

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

М.А. Абрамова, М.Т. Белова, Е.В. Травкина, А.Б. Фиапшев

Внедрение в оборот цифровой валюты центрального банка: влияние на инфляцию и её региональные особенности 38

Н.М. Абрамова

Критерии эффективности университета как научно-образовательной корпорации в экономике знаний 48

С.В. Карпова, В.С. Кудряшов

Финансово-налоговые детерминанты устойчивого экономического роста и качества жизни населения в условиях структурных трансформаций 55

М.Л. Альпидовская, А.И. Сироткина

Цифровой капитал: извлечение и присвоение прибавочной стоимости в период смены Кондратьевских циклов 66

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

С.И. Кравченко, А.В. Гурнак

Ограничения комплементарности и нелинейные эффекты цифровой среды и исследовательского кадрового потенциала в инновационной динамике регионов 83

Е.В. Никифорова, О.В. Шнайдер, В.В. Шнайдер, О.А. Петрова

Анализ социально-экономических показателей регионов России 94

С.В. Фрумина

Культурно-институциональные ограничения фискального пространства 105

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В.В. Перская

Политико-экономические аспекты глобального регулирования / управления в условиях полицентризма 116

Л.С. Ревенко, Н.С. Ревенко

Экологическая ответственность промышленности в Японии: правовые и технологические аспекты 127

И.В. Никулкина, Е.А. Федченко, А.В. Иванущенко

Администрирование таможенных доходов: зарубежная практика цифровизации и перспективы развития «цифровой» таможни в России 137

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

С.В. Богачев, В.П. Вишневский, О.В. Мандрощенко, Н.Н. Пономаренко

Налогообложение имущества на новых территориях РФ: проблемы и решения 146

О.А. Синенко

Политика налогового стимулирования территорий с особым экономическим статусом Дальнего Востока и Арктики: развитие территорий или ускорение пространственной поляризации? 156

Д.А. Смирнов, А.М. Садыков

Налоговый мониторинг и транзакционное налогообложение как две архитектуры цифровой трансформации налогового администрирования 165

А.А. Пугачёв

«Налоговый кешбэк» и налоговые вычеты по НДФЛ: потенциал сглаживания неравенства и снижения бедности 173

ПРАВО

М.В. Демченко, Ю.И. Фроловская

ИИ-технологии в системе договорных обязательств: проблемы правовой идентификации и распределения рисков 183

TOPIC OF THE ISSUE*V.V. Eremin, S.N. Silvestrov, T.K. Chernysheva***Balancing Economic Growth and Environmental Harm: Finding the Best Mix. 6***M.E. Kosov, A.A. Ryabchenko***Environmental Taxes in Russia: Fiscal Efficiency and Incentive Potential
in the Green Economic Transitions 17***B.S. Bataeva, M.A. Izmailova***Russian Businesses' Climate Strategies in the Green Economy's Concept 27****ECONOMICS AND MANAGEMENT***M.A. Abramova, M.T. Belova, E.V. Travkina, A.B. Fiapshev***Introducing a Central Bank Digital Currency: Inflation and Regional Features Analysis. 38***N.M. Abramova***University Efficiency Criteria as a Scientific and Educational Corporation in the Knowledge Economy. 48***S.V. Karpova, V.S. Kudryashov***Determinants of Finance and Taxation Affecting Sustainable Economic Expansion
and Public Welfare Amidst Structural Shifts 55***M.L. Alpidovskaya, A.I. Sirotkina***The Role of Digital Capital in Extracting and Appropriating Surplus Value Amidst Kondratiev Wave Shifts 66****REGIONAL ECONOMY***S.I. Kravchenko, A.V. Gurnak***The Impact of the Digital Environment and Research Staff Potential
on Regional Innovation Dynamics, Considering Complementarity Constraints and Nonlinear Effects 83***E.V. Nikiforova, O.V. Schneider, V.V. Schneider, O.A. Petrova***Analysis of Socioeconomic Indices in Russia's Regions. 94***S.V. Frumina***Cultural and Institutional Constraints on Fiscal Space 105****GLOBAL ECONOMY***V.V. Perskaya***Political and Economic Facets of Global Regulation / Governance in a Polycentric World 116***L.S. Revenko, N.S. Revenko***Japan's Industrial Eco-Accountability: Legal and Technological Dimensions 127***I.V. Nikulkina, E.A. Fedchenko, A.V. Ivanushchenko***Customs Revenue Administration: International Digitalization Practices and Prospects
for the Digital Customs Development in Russia 137****TAXES AND TAXATION***S.V. Bogachev, V.P. Vishnevsky, O.V. Mandroshchenko, N.N. Ponomarenko***Property Tax in the Russian Federation's New Territories: Obstacles and Resolutions 146***O.A. Sinenko***Tax Incentive Policy for Territories with Special Economic Status in the Far East and the Arctic:
Territorial Growth or Spatial Polarization? 156***D.A. Smirnov, A.M. Sadykov***Tax Monitoring and Transactional Taxation: Two Approaches to Digital Transformation
of Tax Administration 165***A.A. Pugachev***Tax Cashback and Personal Income Tax Deductions: Potential for Alleviating Inequality
and Decreasing Poverty 173****LAW***M.V. Demchenko, Yu.I. Frolovskaya***AI Technologies and Contractual Obligations: Challenges in Legal Identification and Risk Sharing 183**

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-6-16
УДК 330.354(045)
JEL E22, O44

Экономический рост и ущерб окружающей среде: выбор оптимального сочетания

В.В. Ерёмин, С.Н. Сильвестров, Т.К. Чернышева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения роста национальной экономики при минимизации его негативного воздействия на окружающую среду. **Предмет** — соотношение объемов генерируемого инвестициями в развитие обрабатывающей промышленности прироста ВВП и ущерба окружающей среде. **Цель** работы — попытка создать методологию, позволяющую из нескольких вариантов распределения инвестиций в отрасли обрабатывающей промышленности выбрать вариант, оптимальный по соотношению «прирост ущерба окружающей среде / прирост ВВП». Был применён подход, в полной мере учитывающий влияние инвестиций на экономическую динамику и сопутствующий ей экологический ущерб, то есть учитывающий не только прямое, но и косвенное влияние инвестиций. **В результате** разработана линейка математических моделей, применение которых позволяет достичь поставленной цели. Авторы пришли к следующему **выводу**: поскольку из-за ресурсных ограничений оптимальная с позиций соотношения «прирост ущерба окружающей среде / прирост ВВП» модель отраслевого распределения инвестиций не всегда может быть реализована, необходимо использовать все другие варианты, таким ограничениям удовлетворяющие.

Ключевые слова: инвестиции; ущерб окружающей среде; экологический ущерб; устойчивое развитие; ESG-принципы; экономическое развитие; мультипликатор инвестиций; экологическая безопасность

Для цитирования: Ерёмин В.В., Сильвестров С.Н., Чернышева Т.К. Экономический рост и ущерб окружающей среде: выбор оптимального сочетания. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):6-16. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-6-16

ORIGINAL PAPER

Balancing Economic Growth and Environmental Harm: Finding the Best Mix

V.V. Eremin, S.N. Silvestrov, T.K. Chernysheva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **significance** of this research lies in balancing economic expansion with environmental protection. The **subject** concerns the relationship between GDP growth from manufacturing investment and environmental harm. The research **aims** to establish a framework for selecting the preferred investment option among manufacturing industry choices, based on the “increase in environmental damage / increase in GDP” ratio. The authors implemented a method that completely considers the effect of investments on economic dynamics and the resulting environmental harm, including both direct and indirect effects of investments. **Consequently**, mathematical models were created to facilitate this goal. The authors **concluded** that when the optimal investment allocation model in terms of the “increase in environmental damage / increase in GDP” ratio cannot be achieved because of resource limitations and all other feasible options must be employed.

Keywords: investments; environmental harm; ecological damage; sustainable development; ESG principles; economic growth; investment multiplier; environmental safety

For citation: Eremin V.V., Silvestrov S.N., Chernysheva T.K. Balancing economic growth and environmental harm: Finding the best mix. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2026;19(4):6-16. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-6-16

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение устойчивого развития является мейнстримом динамики мировой экономики на протяжении более трех десятилетий [1]. Немаляважное место в данной концепции занимают вопросы реализации «зеленой повестки», связанной с переходом к низкоуглеродной экономике [2], а также её практические инструменты — ESG-принципы, включающие в себя защиту окружающей среды (*Environmental*), отношения с обществом, сотрудниками и клиентами (*Social*), а также эффективное корпоративное управление (*Corporate Governance*) [3].

Снижение уровня токсичных выбросов и отходов — ключевое звено экологической (*E*) составляющей принципов ESG [4]. Инструментарием такого снижения являются не только возобновляемые источники энергии [3], но и «зеленые» финансовые облигации [5], налоги на выбросы CO₂, налоговые льготы для «зеленых» инвестиций, снижение ставок НДС на товары, произведенные с минимальным уровнем выбросов CO₂ в атмосферу и т.п. [6]. В результате для компаний, загрязняющих окружающую среду, заимствования будут дороже, привлечение инвестиций сложнее, а налоги выше, что снизит конкурентоспособность их продукции на мировых рынках.

Последние события в мировой экономике и политике замедлили эти тенденции. Так, администрация Трампа отменила широкий набор экологических норм, принятых администрацией Байдена, а Евросоюз смягчает свои требования к компаниям относительно раскрытия информации о ESG-факторах [7]. Тем не менее отдельные штаты США (например, Калифорния), глобальные корпорации, масштабные мировые экономики, такие как Китай, продолжают продвигать повестку декарбонизации [8], в связи с чем тенденции, связанные с действиями национальных и мировых регуляторов, направленными на удорожание продукции компаний, не соблюдающих в своей деятельности ESG-принципы, не теряют своей актуальности. Все это усиливает необходимость разработки методологий, направленных на как можно более полную оценку и прогнозирование объемов отходов, связанных с реализацией инвестиционных проектов.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА, НАНОСИМОГО ЭКОНОМИЧЕСКИМ РОСТОМ

Одним из наиболее эффективных, на наш взгляд, подходов к оценке ущерба окружающей среде явля-

ется *затратный метод*, позволяющий с помощью прямого счета или косвенной оценки определять объемы этого ущерба на основе оценки расходов на восстановление окружающей среды или предотвращения наносимого ей вреда [9]. *Метод прямого счета* может быть основан на выявлении связи главных компонентов (например, уровней загрязнения) с вызывающими их факторами, после чего оценивается зависимость экономического показателя (например, уровня урожайности) от этих главных компонентов, а также сумма экономического ущерба [10].

Метод косвенного счета применяется при невозможности оценки суммы ущерба окружающей среде в рамках реализации конкретного проекта. В данном случае с помощью нормативных методик исчисления ущерба, утверждаемых уполномоченными органами власти для отдельных компонентов природной среды¹, определяется уровень вреда, наносимого аналогичными действующими проектами, который и служит основой для последующих расчётов.

Метод оценки объемов загрязнения основан на расчетах того объема загрязнения окружающей среды (в натуральном измерении), который может быть нанесен в ходе реализации конкретного инвестиционного проекта [11]. Разновидностью данного подхода является предложенная Центральным экономико-математическим институтом РАН оценка, основанная не только на массе выбросов, но и на её своеобразном весе — сумме баллов относительной опасности загрязнения с поправочными коэффициентами, в частности, характеризующими рассеивание примесей [12].

Метод рыночной стоимости основан на расчете изменений рыночной стоимости актива, подвергнутого воздействию негативного влияния на окружающую среду (например, потеря ценности земельного участка). При этом оцениваются экологические, в частности гидрологические, связи таких активов [13].

¹ Минприроды России: Приказ от 28.01.2021 № 59 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды». URL: <https://docs.cntd.ru/document/573536168>; Минприроды России: Приказ от 30.03.2007 № 71 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902038343>; Минприроды России: Приказ от 08.07.2010 № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902227668>

Метод предотвращенного ущерба сравнивает сценарии реализации инвестиционного проекта, для каждого из которых характерны и разный уровень затрат на природоохранные мероприятия, и степень наносимого окружающей среде ущерба. Цель — оптимизировать общую сумму расходов. Отдельным направлением анализа «затраты-выгоды» выступает интеграция оценок ущерба в контур экологическо-экономического учета и оценки природного капитала (в том числе экосистемных услуг), что методологически закреплено в международной системе экологическо-экономического учета «*System of Environmental-Economic Accounting*». Данный инструмент, нацеленный на согласование экологических и экономических агрегатов, позволяет анализировать «стоимость» роста с учетом деградации природных активов и снижения качества среды².

Суть метода экспертных оценок заключается в экспертизе различных компонентов ущерба окружающей среде с дальнейшим определением интегрального показателя ущерба, основанного на системе весов [14].

Перечень представленных методов не является исчерпывающим, при этом все из них достаточно редко учитывают следующее обстоятельство: экологический ущерб окружающей среде (как прямой, так и косвенный) наносится не только в месте приложения инвестиций, но и в связанных с ней локациях, в которых производятся и поставляются необходимые для инвестиций ресурсы. Подходы, осуществляющие такой учет, основаны на модели «затраты-выпуск» [15], формирование которой занимает достаточно длительный период времени. Авторами предложен иной — инновационный подход, позволяющий оперативнее и, главное, точнее оценить величину прямого и косвенного ущерба окружающей среде с помощью оценки генерации отходов.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРЕДЛАГАЕМОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Прямой положительный эффект инвестиций заключается в росте ВВП развиваемой отрасли в случае востребованности производимой продукции рынком и отсутствия ресурсных ограничений. *Косвен-*

ный эффект — в распространении влияния таких инвестиций на экономику по цепочке, трансформирующей доходы её участников в их расходы.

Например, реализация инвестиционного проекта по развитию обрабатывающей промышленности требует соответствующих ресурсов: оборудования, строительных материалов, рабочей силы и т.п. Расходы инвестора на их закупку становятся доходами их поставщиков, часть из которых они резервируют, выплачивают в виде налогов, тратят на закупку импорта. Все эти средства определяются как финансовые утечки из анализируемого процесса.

Затем оставшаяся у поставщиков часть финансов идёт на закупку необходимых для их собственного функционирования ресурсов у второй группы поставщиков, которая повторяет данный процесс с третьей группой и т.д. Прирост доходов каждой группы поставщиков вызывает прирост их спроса на ресурсы, нехватка которых стимулирует производство. Все вышеуказанное в совокупности формирует прирост ВВП в отраслях промышленности, отличных от целенаправленно развиваемых с помощью инвестиционных проектов.

Невозможность своевременно удовлетворить дополнительный спрос приведет не к росту реального ВВП, а к росту инфляции, генерирующей цепочки неплатежей, трансформирующуюся в цепочки сокращения производства [16, с. 10]. Исходя из этого, инфляция способна снижать величину мультипликатора инвестиций, оказывая негативное влияние на динамику объема ВВП.

Анализируемый процесс способен генерировать прямой и косвенный экологический ущерб окружающей среде как непосредственно в точке реализации инвестиционного проекта, так и в рамках каждой группы поставщиков в описываемых цепочках трансформации *доходы-потребление*. Все вышеуказанное формирует теоретическую основу методологического подхода, направленного на решение задачи увеличения роста ВВП с одновременным снижением негативного воздействия на окружающую среду. Для решения такой задачи необходимо: оценить влияние изменения объемов производства отраслей обрабатывающей промышленности на величину национального мультипликатора инвестиций; определить объем негативного влияния соответствующих отраслей на окружающую среду; сформировать отраслевую структуру инвестиций в экономику Российской Федерации таким образом, чтобы она максимизировала прирост ВВП как за счет прямого, так и косвенного эффекта, оказывая

² Цифровая библиотека ООН. System of Environmental-Economic Accounting 2012: central framework. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/767283?amp%3Bln=%5B%22%5B%27ar%27%5D%22%5D&v=pdf>

при этом минимальное негативное воздействие на окружающую среду.

Разделим предлагаемый методологический подход на две части с описанием каждой из них.

РАСЧЕТ ОТРАСЛЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МУЛЬТИПЛИКАТОР

Первым этапом предлагаемого подхода является расчет значений российского мультипликатора инвестиций. В работе [17] представлена модель мультипликатора, являющаяся результатом поэтапного математического моделирования описанных выше цепочек трансформации *доходы-потребление*, в виде используемой в данной работе формулы (1):

$$M = \frac{1}{l \left[1 - \frac{ax(1-l)}{l} \right]}, \quad (1)$$

где M — величина национального мультипликатора инвестиций; l — величина утечек (*leakage*) из анализируемого процесса; ax — величина акселератора инвестиций.

При этом величину утечек предлагается рассчитывать по формуле (2):

$$l = s + t + i, \quad (2)$$

где s — норма сбережений; t — ставка налогообложения; i — ставка склонности к импорту.

Составляющие формулы (2) рассчитываются как доли соответствующих показателей от ВВП.

Значения национального мультипликатора инвестиций за 2005–2024 гг. рассчитаны по формуле (1). Исходные данные для этого расчета и его результат представлены в *табл. 1*.

Получив значения национального мультипликатора инвестиций, определим отраслевое влияние на них на основе величины валовой добавленной стоимости (далее — ВДС), генерируемой отраслями российской экономики, так как изменение динамики развития этих отраслей отразится в величине их ВДС. Для того чтобы оценить уровень отраслевого влияния, используем в качестве расчётного инструмента формулу (3):

$$M = \sum_{i=1}^n (b_i \times \text{ВДС}_i), \quad (3)$$

где M — величина национального мультипликатора инвестиций; i — i -я отрасль региональной

экономики; n — количество анализируемых отраслей национальной экономики; b_i — коэффициент, характеризующий влияние i -й отрасли национальной экономики на величину национального мультипликатора инвестиции; ВДС_i — величина валовой добавленной стоимости, генерируемая i -й отраслью национальной экономики.

Для того чтобы проиллюстрировать действия формулы (3), сформируем трехфакторную модель, в рамках которой рассматриваются три отрасли: две — производящие потребительские товары (производство продуктов питания, напитков, табачных изделий; производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи) и одна — производящая промышленные товары (производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования).

Исходные данные для расчёта по формуле (3) выборочно представлены в *табл. 2*.

На основе теоретической зависимости, выраженной формулой (3), с использованием эмпирических данных (*табл. 2*), а также — расчетных значений мультипликатора инвестиций (*табл. 1*) по трем анализируемым отраслям построена прикладная эконометрическая модель. Результаты эмпирической оценки данной модели представлены в виде формулы (4):

$$M = 0,00156 \times x_1 + 0,00511 \times x_2 + 0,000351 \times x_3. \quad (4)$$

Статистические характеристики полученной эконометрической модели подтверждают ее статистическую значимость. В частности, коэффициент детерминации модели (R^2) равен 0,995 668, значимость F-критерия Фишера модели равна 2,55E-19. Коэффициенты b_i по отраслям и их статистическая значимость показаны в *табл. 3*.

Определив влияние анализируемых отраслей национальной экономики на величину национального мультипликатора инвестиций, следует оценить его экологическую составляющую.

ОЦЕНКА УЩЕРБА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Следующим шагом (после определения влияния анализируемых отраслей национальной экономики на величину национального мультипликатора инвестиций) является оценка его экологической составляющей, для чего были использованы данные из открытых источников — по образованию отходов обрабатывающих производств, их утили-

Таблица 1 / Table 1

**Исходные данные и результат расчета мультипликатора инвестиций, выборочно /
Initial data and the result of calculating the investment multiplier, selectively**

Показатель / Indicator	2005	2008	2015	2022	2024
ВВП, млрд руб.	21 609,77	41 276,85	83 087,36	156 940,9	201 152,1
Инвестиции в нефинансовые активы, млрд руб.	2945,7	6794,9	10 742,3	22 214,4	32 609,6
Расходы на конечное потребление, млрд руб.	14 438,2	27 543,5	58 531,1	101 793,6	136 628,1
Чистые налоги на производство и импорт, млрд руб.	4 248,4	8 218,4	9 263,8	12 022,54	15 467,66
Импорт товаров и услуг, млн USD	164 309,9	366 228,1	281 788,9	347 384,3	383 010,5
Среднегодовой курс, руб. / USD	28,29	24,87	61	68,54	92,62
Величина акселератора инвестиций	0,1363	0,1646	0,1293	0,1415	0,1621
Доля оттоков из мультипликативного процесса	0,5568	0,5567	0,468	0,4965	0,4903
Величина мультипликатора инвестиций	2,0148	2,0674	2,5046	2,3515	2,453

Источник / Source: составлено авторами по данным Росстата и Банка России / compiled by the authors based on Rosstat and the Bank of Russia.

Таблица 2 / Table 2

**Валовая добавленная стоимость, млрд руб., и величина дефлятора ВВП, выборочно /
Gross value added, bln RUB, and the value of the GRP deflator, selectively**

Вид деятельности / Type of activity	2005	2008	2015	2021	2024
Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	506,81	899,96	1506,97	2171,46	3448,9
Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи	59,68	115,75	175,12	281,28	516,41
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	75,47	162,63	533,43	1007,81	2247,72
Дефлятор ВВП	0,25	0,38	0,68	1	1,39

Источник / Source: составлено авторами по данным Росстата / compiled by the authors based on Rosstat data.

Таблица 3 / Table 3

**Значение коэффициентов b_i по отраслям и их статистическая значимость /
The value of the b_i coefficients by industry and their statistical significance**

Вид деятельности / Type of activity	b_i	Стандартная ошибка / Standard error	t-стат. / t-statistic	P-знач. / P-value
Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	0,001 556	0,000 17	9,137 893	5,71E-08
Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи	0,005 108	0,001 564	3,265 631	0,004 556
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	0,000 351	0,000 105	3,344 425	0,002 095

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 4 / Table 4

Разница между образованием и утилизацией, обезвреживанием отходов производства и потребления, Россия, млн т, выборочно / The difference between the formation and disposal of industrial and consumer waste, Russia, mln tons, selectively

Вид деятельности / Type of activity	2016	2017	2018	2024
Обрабатывающие отрасли	305,96	138,907	115,498	223,384
в том числе:				
– производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	12,261	15,557	12,74	7,619
– производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи	10,967	9,227	4,238	4,348
– производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	3,255	3,151	3,938	12,359

Источник / Source: составлено авторами по данным Росстата / compiled by the authors based on Rosstat data.

Таблица 5 / Table 5

Предлагаемые сценарии инвестирования, млрд руб. / Proposed investment scenarios, bln RUB

Вид деятельности / Type of activity	Вариант 1 / Version 1	Вариант 2 / Version 2	Вариант 3 / Version 3
Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	60	40	–
Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи	–	–	60
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	40	60	40

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

зации и обезвреживанию, что позволило рассчитать разницу между этими объемами по трем анализируемым видам деятельности (табл. 4).

Проиллюстрируем предлагаемый методологический подход к оценке ущерба окружающей среде в рамках трёх сценариев инвестирования (табл. 5).

Задача — из трех представленных вариантов инвестирования выбрать один, позволяющий максимизировать рост ВВП страны при минимизации объема генерируемых отходов.

В качестве точки отсчета возьмем значение мультипликатора инвестиций за 2024 г. из табл. 1, равное (без учета округления) 2,453 032. Значения коэффициентов b_i из табл. 3 позволяют по формуле (5) определить влияние инвестиций в каждую из трех рассматриваемых отраслей на величину мультипликатора:

$$M_{\pi} = M_6 + b_i, \quad (5)$$

где M_{π} — величина мультипликатора после осуществления инвестиций; M_6 — величина мультипликатора без учета осуществления инвестиций; b_i — коэффициент влияния отраслевых

инвестиций на величину регионального мультипликатора.

Под влиянием инвестиций в производство величина мультипликатора составит:

- для пищевых продуктов, напитков, табачных изделий:

$$2,453\,032 + 0,001\,556 = 2,454\,588;$$

- для текстильных изделий, одежды, кожи, изделий из кожи:

$$2,453\,032 + 0,005\,108 = 2,458\,14;$$

- для готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования:

$$2,453\,032 + 0,000\,351 = 2,453\,383.$$

Рассчитаем прирост ВВП с учетом мультипликативного эффекта на 100 млрд руб. инвестиций для каждого варианта распределения инвестиций из табл. 5 по формуле (6):

$$\Delta \text{ВВП} = \text{ИНВ} \times M_{\pi}, \quad (6)$$

где $\Delta \text{ВВП}$ — прирост ВВП; ИНВ — объем инвестиций.

Для производства пищевых продуктов, напитков, табачных изделий величина прироста ВВП при пер-

вом варианте распределения инвестиций составит: 60 млрд руб. $\times$ 2,4545 88 = 147,275 28 млрд руб.; **при втором** — 40 млрд руб. $\times$ 2,454 588 = 98,183 52 млрд руб.; **при третьем** — 60 млрд руб. $\times$ 2,458 14 = 147,4884 млрд руб.

Для производства готовых металлических изделий величина прироста ВВП при **первом варианте распределения инвестиций** составит: 40 млрд руб. $\times$ 2,453 383 = 98,135 32 млрд руб.; **при втором** — 60 млрд руб. $\times$ 2,453 383 = 147,202 98 млрд руб.; **при третьем** — 40 млрд руб. $\times$ 2,453 383 = 98,135 32 млрд руб.

Общий прирост ВВП для первого варианта инвестиций составит:

147,275 28 млрд руб. + 98,135 32 млрд руб. = 245,4106 млрд руб.; **для второго** — 147,202 98 млрд руб. + 98,183 52 млрд руб. = 245,3865 млрд руб.; **для третьего** — 147,4884 млрд руб. + 98,183 52 млрд руб. = 245,6719 млрд руб.

Прирост объема отходов будет складываться из нескольких составляющих. Так, при третьем варианте инвестиций генерация отходов будет происходить в результате:

- прироста производства текстильных изделий, кожи, изделий из кожи;
- прироста производства готовых металлических изделий;
- косвенного прироста ВВП в прочих отраслях.

Исходя из вышесказанного, общий объем прироста отходов предлагается определять по формуле (7):

$$\Delta OTH = \frac{P_1}{ВВП_1} \times \Delta ВВП_1 + \frac{P_2}{ВВП_2} \times \Delta ВВП_2 + \frac{P_k}{ВВП_k} \times \Delta ВВП_k, \quad (7)$$

где ΔOTH — объем производства отходов в результате инвестиций в вышеуказанные отрасли экономики; P_i — разница между образованием и утилизацией, обезвреживанием отходов производства и потребления в анализируемой i -й отрасли (см. табл. 4); $ВВП_i$ — объем ВВП, генерируемого i -й анализируемой отраслью; $\Delta ВВП_i$ — прирост объема ВВП, генерируемый приростом инвестиций в i -ю анализируемую отрасль; P_k — разница между образованием и утилизацией, обезвреживанием отходов производства и потребления по обрабатывающим производствам в целом (см. табл. 4); $ВВП_k$ — величина ВВП обрабатывающих производств в целом; $\Delta ВВП_k$ — разница между общим приростом ВВП в результате инвестиций и прямым приростом ВВП, который оценивается равным сумме инвестиций.

На практике расчет затрудняет то, что в открытых статистических данных по отраслям распределен не ВВП, а ВДС, что приводит к необходимости пересчета отраслевого ВДС в ВВП³ с поправочным коэффициентом K :

$$K = \frac{ВВП}{ВДС} = \frac{201\,152,092}{183\,026,914} = 1,099. \quad (8)$$

Подготовка данных к расчетам, включая пересчет ВДС в ВВП и расчет объема отходов на единицу ВВП, представлена в табл. 6.

На основе данных табл. 6 и формулы (7) рассчитаем объем отходов, получаемых в результате каждого из трех сценарных вариантов инвестиций (табл. 7).

Для того чтобы выбрать из трех вариантов распределения инвестиций оптимальный, объединим полученные результаты в табл. 8.

Если до учета генерации отходов предпочтительным представлялся третий вариант распределения инвестиций, то после учета этой генерации предпочтительным является первый вариант распределения инвестиций как генерирующий минимальный объем отходов (со значительным отрывом от третьего варианта) и генерирующий прирост ВВП, который незначительно ниже максимального генерируемого прироста в третьем варианте.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показали, что предложенный методологический подход позволяет сформировать систему поддержки принятия решений, которая предварительно, еще до определения конкретных проектов инвестирования, помогает выявлять (особенно эффективно на региональном уровне) те отрасли национальной экономики, инвестиции в развитие которых наиболее оптимальны по соотношению «объем генерируемых отходов / прирост ВВП».

Представленные в работе расчеты основаны на открытых данных национальной статистики в отличие от информации по отдельным регионам. Цель представленных расчетов — проиллюстрировать функционирование предлагаемого методологического подхода, который позволяет оценить не только прямое, но и косвенное, мультипликативное влияние инвестиций на окружающую среду.

³ Данные Росстата за 2024 г. URL: rosstat.gov.ru/statistics/accounts

Таблица 6 / Table 6

Подготовка данных к расчетам / Preparing data for calculations

Отрасль / Industry	ВДС, млрд руб. / GVA, bln RUB	ВВП, млрд руб. / GDP, bln RUB	P, млн т / P, mln tons	P _i /ВВП, млн т / млрд руб. / P _i / GDP, mln tons / bln RUB
Обрабатывающие отрасли	26 660,01	29 300,15	223,38	0,0076
Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	3448,896	3790,441	7,619	0,002
Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи	516,4124	567,5528	4,348	0,0077
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	2247,723	2470,315	12,359	0,005

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 7 / Table 7

Расчет объема отходов, генерируемых каждым из трех сценарных вариантов распределения инвестиций / Calculation of the volume of waste generated by each of the three investment distribution scenarios

Показатель / Indicator	ΔВРП, млрд руб. / ΔGDP, bln RUB			P _i /ВВП×ΔВРП, млн т / P _i / GDP×ΔGRP, mln tons		
Вариант	№ 1	№ 2	№ 3	№ 1	№ 2	№ 3
Обрабатывающие отрасли	145,411	145,387	145,624	1,109	1,108	1,11
Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	60	40	0	0,121	0,08	0
Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи	0	0	60	0	0	0,46
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	40	60	40	0,2	0,3	0,2
Всего				1,43	1,488	1,77

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 8 / Table 8

Полученные результаты / Results obtained

Показатель / Indicator	Вариант 1 / Version 1	Вариант 2 / Version 2	Вариант 3 / Version 3
Объем отходов, млн т	1,43	1,488	1,77
Прирост ВРП, млрд руб.	245,4106	245,3865	245,6237

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Полученные результаты позволяют авторам сформировать ряд научно-практических рекомендаций, направленных на интеграцию разработанного методологического инструментария в систему макроэкономического планирования и экологического регулирования.

В частности, Министерство экономического развития РФ и министерства экономики субъектов РФ могут использовать разработанный методологический подход в практике предпроектной оценки крупных межотраслевых инвестиционных программ и национальных проектов для проведения комплексного эколого-экономического скоринга с дальнейшей корректировкой региональных инвестиционных стратегий и целевого распределения бюджетных субсидий в пользу производств с наименьшим объемом генерации отходов на единицу добавленной стоимости.

Одновременно с этим Министерству природных ресурсов и экологии РФ совместно с Росприроднадзором рекомендуется применить предлагаемый

методологический подход для дифференциации мер экологического стимулирования и модернизации фискальных инструментов экологической трансформации, что выражается в обоснованном ужесточении нормативов утилизации для отраслей с высоким мультипликативным экологическим ущербом при одновременном предоставлении им налоговых преференций на технологическое переоснащение.

Для представителей академического сообщества и специалистов в области макроэкономического моделирования значимость полученных результатов заключается в расширении аналитического контура таблиц «затраты-выпуск» посредством интеграции в него предложенного экспресс-метода оценки межотраслевых взаимосвязей и экстерналий. Данный подход обеспечивает исследователей методологической базой для определения скрытого воздействия инвестиций на окружающую среду на предынвестиционном этапе.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Марголин А. М., Вязкина И. В. Риски, вызовы и механизмы ESG-трансформации систем управления. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022;13(3):352-368. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.352-368
Margolin A. M., Vyakina I. V. Risks, threats and mechanisms of management systems ESG-transformation. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2022;13(3):352-368. (In Russ.). DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.352-368
2. Коршунов И. В. Устойчивое развитие и зеленый рост в стратегиях регионов: заявляемые намерения и финансовое обеспечение. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(3):98-108. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-98-108
Korshunov I. V. Sustainable development and green growth in regional strategies: Stated intentions and financial support. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(3):98-108. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-98-108
3. Семенова Н. Н. ESG-трансформация российских компаний в интересах устойчивого развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(3):57-65. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-57-65
Semenova N. N. ESG-transformation of Russian companies in the interests of sustainable development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(3):57-65. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-57-65

4. Благов Ю.Е. ESG: трансформация интерпретаций. *Российский журнал менеджмента*. 2024;22(2):289-301. DOI: 10.21638/spbu18.2024.206
Blagov Yu.E. ESG: Transformation of interpretations. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*. 2024;22(2):289-301. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu18.2024.206
5. Nazarova V.V., Kozlova S.A., Pustynnikova A.A., Lodiagin B.A., Alekseeva O.V. Green bonds in Russia: Market and macroeconomic factors of returns. *Journal of Applied Economic Research*. 2025;24(4):1249-1279. DOI: 10.15826/vestnik.2025.24.4.041
6. Hu G., Li X., Cao Z. Do tax incentives make firms greener? Evidence from the accelerated depreciation policy in China. *The British Accounting Review*. 2025;57(5):101-118. DOI: 10.1016/j.bar.2024.101517
7. Peiserich J. Fractured & Fraught — but still potentially profitable: The State of ESG in 2025. *Corporate Compliance Insights*. URL: <https://www.corporatecomplianceinsights.com/the-state-of-esg-2025/>
8. Choi S.Y. Climate policy reversal under the second Trump Administration: Implications for global sustainable finance. *Korea Capital Market Institute* URL: https://www.kcmi.re.kr/en/publications/pub_detail_view?year=2025&zcd=002001017&zno=1850&cno=6550
9. Jackson S., Finn M., Scheepers K. The use of replacement cost method to assess and manage the impacts of water resource development on Australian indigenous customary economies. *Journal of Environmental Management*. 2014;135:100-109. DOI: 10.1016/j.jenvman.2014.01.018
10. Гусев А.А. *Современные экономические проблемы природопользования*. М.: Международные отношения; 2004. 208 с.
Gusev A.A. *Modern economic problems of environmental management*. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2004. 208 p. (In Russ.).
11. Митяков Е.С., Митяков С.Н. Методический подход к анализу эффективности региональных промышленных экосистем. *Экономика региона*. 2024;20(3):836-850. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-3-15
Mityakov E.S., Mityakov S.N. Methodological approach to the efficiency analysis of regional industrial ecosystems. *Ekonomika regiona = Economy of regions*. 2024;20(3):836-850. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-3-15
12. Потравный И.М., Новоселов А.Л., Новоселова И.Ю. Развитие методов экономической оценки ущерба от загрязнения окружающей среды и их практическое применение. *Экономическая наука современной России*. 2018;(3):35-48.
Potravny I.M., Novoselov A.L., Novoselova I.J. The development of economic assessment methods of damage from environmental pollution and their practical application. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = Economics of Contemporary Russia*. 2018;(3):35-48. (In Russ.).
13. Barbier E.B. Wetlands as natural assets. *Hydrological Sciences Journal*. 2011;56(8):1360-1373. DOI: 10.1080/02626667.2011.629787
14. Куракина Н.И. Вопросы оценки экологических рисков в Арктическом регионе. *Россия в глобальном мире*. 2016;9(32):298-306.
Kurakina N.I. Questions of the environmental risks assessment in the Arctic region. *Rossija v global'nom mire = Russia in the global world*. 2016;9(32):298-306. (In Russ.).
15. Minx J.C., et al. Input-output analysis and carbon footprinting: An overview of applications. *Economic Systems Research*. 2009. URL: <https://richardw.folk.ntnu.no/papers/Inputoutput-analysis-and-carbon-footprinting-An-overview-of-applicationsEconomic-Systems-Research.pdf>
16. Белоусов Д.Р. Механизм инфляции в современной экономике России (финансово-воспроизводственный аспект): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; 1998. 108 с.
Belousov D.R. Inflation mechanism in the modern Russian economy (financial and reproduction aspect): dis. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Moscow: Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences; 1998. 108 p.
17. Eremin V.V., Sil'vestrov S.N. Methodology for assessing the direct and indirect impact of sanctions on the resource potential of national and regional economies. *Studies on Russian Economic Development*. 2025;36(1).103-112. DOI: 10.47711/0868-6351-208-162-174

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Владимирович Ерёмин — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института финансово-промышленной политики и проблем экономической безопасности факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Vladimir V. Eremin — Dr. Sci. (Econ.), Leader Research Assoc., Institute of Financial and Industrial Policy and Economic Security Problems, Faculty of Economic and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-2144-3543>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

villy9@rambler.ru

Сергей Николаевич Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, научный руководитель Института финансово-промышленной политики и проблем экономической безопасности факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Sergey N. Silvestrov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Honored Economist of the Russian Federation, Scientific Director of the Institute of Financial and Industrial Policy and Economic Security Problems, Faculty of Economic and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7678-1283>

ssilvestrov@fa.ru

Татьяна Константиновна Чернышева — младший научный сотрудник Института финансово-промышленной политики и проблем экономической безопасности факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Tatiana K. Chernysheva — Junior Research Assoc., Institute of Financial and Industrial Policy and Economic Security Problems, Faculty of Economic and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4744-7198>

TKChernysheva@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

В.В. Ерёмин — формирование теоретического обоснования предложенного методологического подхода; математическое моделирование; проведение расчетов; интерпретация полученных результатов.

С.Н. Сильвестров — научное руководство; определение структуры статьи; проведение критического анализа материалов и формирование выводов.

Т.К. Чернышева — сбор данных; определение и характеристика подходов к оценке ущерба окружающей среде, генерируемого инвестициями в развитие обрабатывающей промышленности России.

Authors Contribution Statement:

V. V. Eremin — developing a theoretical framework for the proposed methodological approach; mathematical modelling; performing calculations; interpretation of the obtained results.

S. N. Silvestrov — scientific supervision; determining the paper's structure; critical analysis of materials and forming conclusions.

T. K. Chernysheva — data collection; identifying and characterizing approaches to assessing the environmental damage generated by investments in the development of Russia's manufacturing industry.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.02.2026; принята к публикации 30.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.02.2026; accepted for publication 30.06.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-17-26
УДК 336.225.4:330.342.146.8(045)
JEL H23, Q58, H61, O44

Экологическое налогообложение в России: фискальная эффективность и стимулирующий потенциал в контексте «зелёной» трансформации экономики

М.Е. Косов^а, А.А. Рябченко^б

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

^б Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — экологическое налогообложение в Российской Федерации как инструмент фискальной политики и стимулятор «зелёной» трансформации экономики. **Цель** работы — выявление системных недостатков действующей модели экологических платежей и разработка научно обоснованных предложений по её реформированию с учётом международного опыта и российской специфики. В **результате** исследования систематизированы механизмы экологического налогообложения и выявлены его системные диспропорции: фискальная доминанта, нецелевое использование средств, фрагментарный охват источников загрязнения и отсутствие национальной «зелёной» таксономии. На основе анализа несоответствия текущей системы принципам «загрязнитель платит» и гипотезе «двойного дивиденда» обоснована необходимость институционализации самостоятельного экологического налога, формирования целевых фондов и гармонизации фискальной политики с парадигмой «зелёного» роста. Аргументирована целесообразность перехода к национально-ориентированной, внешне совместимой модели экологического регулирования, учитывающей санкционные ограничения, задачи технологического суверенитета и природно-климатическую специфику России. Сделан **вывод** о целесообразности реализации предложенной дорожной карты на 2026–2028 гг., направленной на повышение фискальной эффективности, стимулирование внедрения наилучших доступных технологий и обеспечение устойчивого развития в контексте национальных целей до 2030 г.

Ключевые слова: налог; экологическое налогообложение; «зелёная» экономика; экологический налог; фискальная политика; устойчивое развитие; целевые экологические фонды; дорожная карта

Для цитирования: Косов М.Е., Рябченко А.А. Экологическое налогообложение в России: фискальная эффективность и стимулирующий потенциал в контексте «зелёной» трансформации экономики. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):17–26. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-17-26

ORIGINAL PAPER

Environmental Taxes in Russia: Fiscal Efficiency and Incentive Potential in the Green Economic Transitions

М.Е. Kosov^а, А.А. Ryabchenko^б

^а Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

^б Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **subject** of this research is environmental taxes in the Russian Federation. The study will analyze their role in fiscal policy and as a driver for green economic transitions. The **aim** is to pinpoint flaws in the current environmental charge system and create data-driven reform proposals, factoring in global and Russian contexts. As a **result**, the mechanisms of environmental taxation have been systematized and its systemic imbalances have been identified: a fiscal dominant, misallocation of funds, fragmented coverage of pollution sources, and the absence of a national green taxonomy. Based on the analysis of the current system's inconsistency with the «polluter pays» principle and the «double dividend» hypothesis, the study substantiates the need for the institutionalization of an independent environmental tax, the formation of targeted funds, and the harmonization of fiscal policy with the «green» growth paradigm. The article argues for the need to switch to a nationally oriented, externally compatible model of environmental regulation that takes into

© Косов М.Е., Рябченко А.А., 2026

account sanctions restrictions, the objectives of technological sovereignty, and Russia's natural and climatic conditions. The study **concludes** that the 2026–2028 roadmap is achievable, designed to boost financial effectiveness, encourage the use of leading technologies, and support sustainable progress aligned with national objectives up to 2030.

Keywords: tax; environmental taxation; green economy; environmental tax; fiscal policy; sustainable development; targeted environmental funds; roadmap

For citation: Kosov M.E., Ryabchenko A.A. Environmental taxes in Russia: Fiscal efficiency and incentive potential in the green economic transitions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):17-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-17-26

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе экологические приоритеты стали неотъемлемой частью фискальной политики. Для России, экономика которой структурно зависит от углеродоёмких отраслей, реформа экологических платежей — это не дань глобальной повестке, а насущная экономическая необходимость. Современная система (НВОС, утилизационный и экосборы) работает преимущественно как фискальный инструмент, практически не стимулируя бизнес к снижению вреда. Средства растворяются в общем бюджете без целевого назначения, ставки не отражают реальный экологический ущерб, а принцип «загрязнитель платит» де-факто превратился в формальную «лицензию на загрязнение».

Необходимость реформы обусловлена как внутренними вызовами — необходимостью достижения национальных целей устойчивого развития до 2030 г., повышения технологического суверенитета и стимулирования внедрения наилучших доступных технологий, так и внешними рисками, связанными с изоляцией от международных климатических инициатив и ростом «зелёных» торговых барьеров, таких как пограничный корректирующий углеродный механизм (СВАМ) ЕС. В этих условиях требуется переход к национально ориентированной, но внешне совместимой модели экологического регулирования, основанной на научно обоснованной дорожной карте и гармонизированной с принципами «зелёного» роста ОЭСР.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Экологическое налогообложение как инструмент государственного регулирования устойчивого развития базируется на трёх фундаментальных теоретических концепциях [1–5] — принципе «загрязнитель платит», теории интернализации экстерналий и гипотезе двойного дивиденда — формирующих методологический каркас, определяющий цели, функции и структуру экологических налогов в современных экономиках. Принцип «загрязнитель

платит» (polluter pays principle), впервые сформулированный Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1972 г. и закреплённый в международных документах, включая Декларацию Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (1992) [1; 6], предполагает, что субъект, причиняющий ущерб окружающей среде, обязан нести полные издержки по его предотвращению, устранению и компенсации¹. В российском законодательстве данный принцип декларирован в статье 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 28.12.2025). Однако, как отмечают С.П. Колчин и М.Е. Косов², на практике его реализация сводится к формальному администрированию платы за негативное воздействие на окружающую среду, которая не обеспечивает реальной компенсации экологического ущерба.

Теоретической основой корректирующего налогообложения выступает концепция интернализации экстерналий, разработанная А. Пигу ещё в 1920 г. В рамках этой теории загрязнение рассматривается как классический пример негативной экстерналии — издержек, не отражённых в рыночной цене товара или услуги [2]. Пигу предложил механизм корректирующих налогов («налогов Пигу»), призванных уравнивать предельные частные издержки (МРС) с предельными общественными издержками (MSC = МРС + МЕС, где МЕС — предельные внешние издержки). Таким образом, налог перестаёт быть исключительно фискальным инструментом и превращается в рычаг коррекции рыночного равновесия в пользу экологически эффективных решений. В контексте российской действительности, как подчёркивает Л.С. Самоделко, отсутствие прямой связи между ставкой платы за НВОС и реальным ущербом делает

¹ Организация экономического сотрудничества и развития (2008), Принцип «загрязнитель платит»: определение, анализ, применение. Париж: Издательство ОЭСР. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264044845-en> (дата обращения: 25.01.2026).

² Эриашвили Н.Д., Косов М.Е., Колчин С.П. и др. Налоговое администрирование в цифровой экономике. Москва: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА»; 2023. 455 с.

существующую систему неэффективной с точки зрения пигуанской модели [3].

Дальнейшее развитие теория экологического налогообложения получила в рамках гипотезы двойного дивиденда (double dividend hypothesis), согласно которой экологические налоги способны одновременно снижать экологический ущерб и повышать экономическую эффективность. Первый «дивиденд» носит экологический характер (снижение выбросов, потребления ресурсов), второй — экономический (рост занятости, снижение искажающих налогов, например, на труд или капитал) [4; 5]. Именно эта идея легла в основу «зелёных» налоговых реформ в странах Европейского союза, где доходы от углеродных налогов направлялись на снижение социальных взносов и налогов на заработную плату. В России подобный подход остаётся преимущественно теоретическим, поскольку экологические платежи не связаны с перераспределением налоговой нагрузки и воспринимаются хозяйствующими субъектами исключительно как дополнительное бремя [7; 8].

Таким образом, современная теория экологического налогообложения предполагает его регуляторную, а не фискальную доминанту: налог должен стимулировать изменение поведения экономических агентов, а не просто извлекать доходы в бюджет. Однако анализ показывает, что действующая в России система экологических платежей слабо соответствует этим теоретическим предпосылкам. Современная теория предлагает комплексный подход, сочетающий компенсаторную, стимулирующую и распределительную функции, реализация которых возможна лишь при условии, что налоговая ставка отражает реальный ущерб, средства используются целевым образом, а доходы реинвестируются в снижение других налоговых обременений. Отсутствие этих элементов в российской практике обуславливает необходимость перехода от фрагментарной и формальной системы платежей к полноценному, институционализированному экологическому налогу, встроенному в структуру Налогового кодекса.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО- ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

С позиций институциональной экономики, существующая система экологических платежей в нашей стране представляет собой неэффективный гибрид административного регулирования и фискального

изъятия, лишенный рыночных сигналов. Как отмечают ряд авторов^{3,4}, плата за НВОС формально относится к категории корректирующих платежей, однако её конструкция противоречит базовым положениям теории интернализации экстерналий. Во-первых, ставки платы рассчитываются на основе усреднённых нормативов ущерба, не учитывающих реальные локальные экологические издержки. Во-вторых, отсутствует прямая зависимость между объёмом выбросов и предельными общественными издержками (MSC), что делает механизм нечувствительным к маргинальному ущербу, описанному в модели Пигу [2; 9].

Теоретически для достижения оптимального уровня загрязнения необходимо, чтобы предельные частные издержки (MPC) совпадали с предельными общественными (MSC = MPC + MEC). Однако в российской практике плата за НВОС не влияет на поведение эмитентов, поскольку:

- величина платежа значительно ниже реального ущерба;
- отсутствуют дифференцированные ставки по классам опасности;
- нет штрафных коэффициентов за превышение лимитов, сопоставимых с европейскими аналогами [6].

Более того, с точки зрения теории легитимности, компании воспринимают плату за НВОС не как компенсацию ущерба, а как «лицензию на загрязнение», что подрывает саму идею экологической ответственности. Это подтверждается данными Счётной палаты: в 2022 г. лишь 12% средств от платы за НВОС были направлены на природоохранные мероприятия, остальные 88% — в общий бюджет⁵.

«Параэкологические» налоги (НДПИ, водный налог, акцизы) также не выполняют стимулирующей функции. Например, НДПИ, несмотря на свою природоресурсную основу, ориентирован исключительно на максимизацию доходов, а не на стимулирование ресурсосбережения или замкнутого цикла потреб-

³ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiko-ekonomicheskij-analiz-vliyaniya-rosta-stavok-platy-za-negativnoe-vozdeystvie-na-okruzhayushchuyu-sredu-v-2026-2030-godah-na> (дата обращения: 20.01.2026).

⁴ Эриашвили Н.Д., Косов М.Е., Колчин С.П. и др. Налоговое администрирование в цифровой экономике. Москва: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА»; 2023. 455 с.

⁵ Счетная палата Российской Федерации. Анализ исполнения федерального бюджета в части доходов от платы за негативное воздействие на окружающую среду. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/a1c/ygyhwc502ubudozudfb6bp73i684e132.pdf?ysclid=mkeil8gok636712550> (дата обращения: 25.01.2026).

Рис. / Fig. Поступления экологического налога в федеральный бюджет Российской Федерации за период 2015–2025 гг. / Revenues from environmental tax to the Federal Budget of the Russian Federation for 2015–2025

Источник / Source: составлено авторами по данным Федеральной налоговой службы, за период 2015–2025 гг. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ / compiled by the authors based on data from the Federal Tax Service for 2015–2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

ления. Таким образом, вся система экологических платежей остаётся фискально ориентированной, не обеспечивая ни экологической эффективности, ни экономической справедливости [5; 10].

Поступления от таких фискальных инструментов, как «Налоги и сборы за пользование природными ресурсами» и «Платежи за пользование природными ресурсами», традиционно рассматриваются в научной литературе в качестве ключевых компонентов экологического налогообложения в Российской Федерации. Именно эти категории платежей выделяются рядом исследователей в качестве основных форм фискального воздействия, направленного на регулирование природопользования и стимулирование экологически ответственного поведения хозяйствующих субъектов.

Анализ данных, представленных на рисунке, свидетельствует о значительном объёме поступлений от «Налогов и сборов за пользование природными ресурсами» и «Платежей за пользование природными ресурсами». Однако указанные средства аккумулируются в общий бюджет без целевой привязки к природоохранным мероприятиям. Такая практика ставит под сомнение реализацию принципа «загрязнитель платит», снижая его институциональную легитимность. В результате у хозяйствующих субъектов формируется представление о данных платежах не

как о компенсации причинённого экологического ущерба, а, скорее, как о своеобразной «лицензии на загрязнение», что противоречит основополагающим целям экологического регулирования.

МИРОВОЙ ОПЫТ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ

Международная практика демонстрирует два доминирующих подхода к экологическому налогообложению: price-based (налоги и сборы) и quantity-based (торговля квотами). Они различаются по степени гибкости и предсказуемости результатов, хотя тот и другой опираются на экономическую теорию коррекции рыночных провалов.

Шведская модель представляет собой классический пример реализации гипотезы двойного дивиденда. Углеродный налог, введённый в 1991 г., был сопряжён с параллельным снижением налогов на труд и капитал, что позволило компенсировать возможное снижение конкурентоспособности⁶. С точки зрения теории оптимального налогообложения, такой подход минимизирует искажения в экономике, одно-

⁶ Swedish Environmental Protection Agency. Carbon Tax in Sweden: Effects and Experiences. Stockholm, 2023.

временно достигая экологических целей. Ключевым институциональным условием успеха стало наличие независимого климатического совета, обеспечивающего прозрачность и долгосрочность политики.

Норвежская модель (NO_x-налог) иллюстрирует применение принципа дифференциации по технологическим характеристикам. Предприятия, внедряющие наилучшие доступные технологии (НДТ), получают значительные льготы. Такой подход основан на теории стимулирующего регулирования, согласно которой налог должен быть не просто издержкой, а сигналом к инновациям [11; 12]. Эффект усиливается за счёт обратной связи: чем меньше удельные выбросы — тем ниже налоговая нагрузка.

Европейская таксономия (EU Taxonomy), представляющая собой институциональный каркас, позволяющий верифицировать «зелёный уровень» деятельности, сочетает в себе нормативный подход (чёткие пороговые значения) и рыночный механизм (доступ к преференциальному финансированию). По мнению Алиева А.А., именно такой синтез правового и экономического регулирования может стать основой для российской таксономии⁷.

Международный опыт свидетельствует о том, что эффективное экологическое налогообложение невозможно без прочной теоретико-институциональной основы, сочетающей рыночные стимулы, технологическую гибкость и правовую определённость. Успешные модели — будь то шведская система двойного дивиденда, голландский подход к дифференциации по уровню технологий или европейская таксономия — демонстрируют, что ключ к результативности лежит не в простом введении новых платежей, а в их интеграции в целостную систему экономического регулирования, ориентированную на устойчивое развитие.

ВЫЯВЛЕННЫЕ СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализ нормативно-правовой базы, статистических данных и экспертных оценок позволяет выделить семь следующих ключевых проблем, сдерживающих развитие эффективного экологического налогообложения в России [12–14]:

1. *Фискальная доминанта вместо стимулирующей функции.* Действующие механизмы — плата за НВОС,

утилизационный сбор, экосбор — ориентированы преимущественно на изъятие средств в бюджет, а не на изменение поведения хозяйствующих субъектов. Например, в 2022 г. поступления от платы за НВОС составили всего 32 млрд руб., что менее 0,04% ВВП⁸. При этом ставки не связаны с реальным ущербом: средняя ставка за тонну выбросов составляет порядка 50–100 руб., тогда как оценочный ущерб — от 3000 до 20000 руб. за тонну. Такой разрыв делает платеж символическим и не создаёт экономического стимула к снижению загрязнения.

2. *Отсутствие целевого использования средств.* Как отмечалось ранее, средства от экологических платежей поступают в общий бюджет без привязки к природоохранным мероприятиям. Такая практика ставит под сомнение реализацию принципа «загрязнитель платит», снижая его институциональную легитимность. В результате у хозяйствующих субъектов формируется представление о данных платежах не как о компенсации причинённого экологического ущерба, а, скорее, как о своеобразной «лицензии на загрязнение», что противоречит основополагающим целям экологического регулирования.

3. *Фрагментарность и дублирование инструментов.* В Российской Федерации одновременно действуют плата за НВОС, экосбор, утилизационный сбор, а также «параэкологические» налоги (НДПИ, водный налог, акцизы). Эти механизмы имеют разную правовую природу, администрируются разными ведомствами (Росприроднадзор, ФНС, Минпромторг), используют несопоставимые методики расчёта и не образуют единой системы. Это порождает административную нагрузку, правовую неопределённость и снижает эффективность регулирования.

4. *Ограниченный охват источников загрязнения.* Плата за НВОС распространяется только на стационарные источники, тогда как передвижные (автотранспорт, сельхозтехника) остаются вне системы. Между тем, по данным Росгидромета, автотранспорт даёт до 70% выбросов в крупных городах⁹. Отсутствие учёта этого сектора делает систему неадекватной реальному распределению экологической нагрузки.

⁸ Министерство финансов Российской Федерации. Отчёт о выполнении параметров бюджета за 2022 год. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/> (дата обращения: 25.01.2026).

⁹ Состояние и загрязнение окружающей среды в Российской Федерации за 2024 год. Межведомственная океанологическая комиссия. URL: <https://www.meteorf.gov.ru/upload/iblock/> (дата обращения: 02.02.2026).

⁷ EU Green Taxonomy Explained. The Corporate Governance Institute. URL: <https://www.thecorporategovernanceinstitute.com/insights/guides/eu-green-taxonomy-explained/> (дата обращения: 15.01.2026).

5. *Слабое взаимодействие между уровнями власти.* Экологическое регулирование требует координации между федеральными, региональными и муниципальными органами. Однако в настоящее время отсутствуют единые методологии расчёта ущерба, мониторинга выбросов и распределения средств. Регионы не имеют достаточных полномочий для установления дифференцированных ставок, учитывающих локальную экологическую ситуацию.

6. *Отсутствие национальной таксономии «зелёных» проектов.* Без чётких критериев того, какие виды деятельности считаются экологически устойчивыми, невозможно связать налоговые преференции с реальными результатами. Это создаёт риски «зелёного камуфляжа» и снижает доверие инвесторов. В то время как ЕС уже внедрил EU Taxonomy, Россия лишь начинает разработку собственной классификации.

7. *Недостаточная интеграция в международные климатические инициативы.* Отсутствие прозрачной системы учёта выбросов, верификации данных и ESG-отчётности делает Россию уязвимой перед новыми торговыми барьерами, такими как СВМ ЕС. Без адаптации к международным стандартам российские экспортёры могут столкнуться с дополнительными пошлинами уже с 2026 г.

Решение перечисленных выше проблем необходимо не только для повышения экологической эффективности, но и для обеспечения конкурентоспособности российской экономики в условиях глобальной «зелёной» трансформации.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Реформа экологического налогообложения в Российской Федерации должна быть не абстрактной «зелёной» трансформацией, а практико-ориентированной политикой, направленной на устранение конкретных институциональных, фискальных и административных барьеров. На основе выявленных проблем (фискальная доминанта, отсутствие целевого использования средств, фрагментарность инструментов, ограниченный охват источников загрязнения, слабая межуровневая координация, отсутствие национальной таксономии и изоляция от международных климатических механизмов) предлагается следующий комплекс мер:

– Замена платы за НВОС полноценным экологическим налогом с федеральным статусом, что позволит устранить фрагментарность и повысить прозрачность. Налог должен:

- рассчитываться на основе реального ущерба, а не усреднённых нормативов;

- включать повышающие коэффициенты за превышение лимитов и понижающие — за внедрение НДТ;

- распространяться не только на стационарные, но и на передвижные источники загрязнения (автотранспорт, сельхозтехника), что решит проблему неполного охвата.

– Создание целевых экологических фондов с механизмом «окрашивания» средств. Средства от экологического налога должны направляться исключительно на:

- рекультивацию территорий;
- мониторинг качества воздуха и воды;
- субсидирование проектов по замкнутому циклу потребления и утилизации отходов.

Это повысит легитимность налога в глазах бизнеса и населения и устранил проблему нецелевого использования средств, выявленную Счётной палатой.

– Разработка и утверждение национальной таксономии «зелёных» проектов. Без чётких критериев невозможно связать налоговые преференции с реальными результатами. Таксономия должна:

- опираться на российские природно-климатические условия (например, особый акцент на вечную мерзлоту, лесные пожары, водный стресс);
- учитывать технологический суверенитет и импортозамещение;
- быть совместимой с принципами ЕАЭС и БРИКС для будущей интеграции.

– Введение налоговых преференций за достижение измеримых экологических результатов. Необходимо закрепить в Налоговом кодексе Российской Федерации:

- ускоренную амортизацию оборудования для улавливания выбросов, переработки отходов, энергосбережения;
- налоговые вычеты при снижении удельных выбросов на 30% и более;

- освобождение от уплаты экологического налога при переходе на «зелёные» технологии, верифицированные через национальную систему. Это напрямую решит проблему отсутствия стимулов для бизнеса, особенно в условиях санкционного давления, когда компании нуждаются в поддержке, а не в новых обязательствах.

– Интеграция в международные климатические инициативы через «дружественные» платформы. Учитывая геополитическую изоляцию, Россия должна:

- развивать собственную систему учёта и верификации выбросов, ориентированную на внутренние нужды и сотрудничество с ЕАЭС, БРИКС, ШОС;
- участвовать в Международном партнёрстве по достижению углеродной нейтральности (IPAC) ОЭСР в качестве наблюдателя;
- подготовиться к возможному введению аналога СВАМ на уровне ЕАЭС или двусторонних соглашений с Китаем и Индией.

Это позволит избежать торговых барьеров и сохранить экспортный потенциал, особенно в нефтегазовом и металлургическом секторах.

Для реализации предлагаемых мер авторами разработана Дорожная карта реформирования экологического налогообложения в РФ на 2026–2028 гг. Это стратегический инструмент поэтапного перехода от фискально ориентированной системы платежей к комплексному механизму «зелёного» регулирования, обеспечивающему фискальную устойчивость, стимулирующий потенциал и технологический суверенитет (таблица).

Необходимость разработки карты обусловлена системными проблемами текущей модели: доминированием фискальной функции платы за НВОС при слабом стимулирующем эффекте, отсутствием целевого использования средств, фрагментарностью законодательства, ограниченным охватом источников загрязнения, низкой межведомственной координацией, отсутствием национальной таксономии «зелёных» проектов и растущей международной климатической изоляцией.

Реализация дорожной карты предусматривает комплексное решение ключевых задач реформирования экологического регулирования. Оно включает институционализацию экологического налога в Налоговый кодекс Российской Федерации с прогрессивной, дифференцированной по классам опасности шкалой и механизмом региональной адаптации, а также формирование целевых экологических фондов с принципом бюджетной «окраски» для прямого финансирования рекультивации и внедрения наилучших доступных технологий. Важным элементом станет утверждение национальной таксономии «зелёных» проектов, учитывающей климатическую специфику России и гармонизированной со стандартами ЕАЭС и БРИКС. Данная система дополняется налоговыми преференциями за достижение верифицируемых экологических результатов (включая снижение выбросов и переход к циркулярной экономике) и развитием суверенной цифровой инфраструктуры для независимой ESG-верификации на базе ИИ и Big Data.

В совокупности эти меры обеспечат превентивную адаптацию отечественной экономики к потенциальному введению аналогов механизмов трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) со стороны партнёров по ЕАЭС, Китая и Индии.

Ключевые преимущества реализации дорожной карты носят как экономический, так и экологический характер. С фискальной точки зрения ожидается повышение собираемости экологического налога до 0,4–0,5% ВВП к 2028 г. за счёт усиления администрирования и применения механизмов налоговой ответственности. С инновационной стороны — стимулирование инвестиций в отечественные НДТ через налоговые льготы, ускоренную амортизацию и господдержку, что укрепит технологический суверенитет. С институциональной — рост инвестиционной привлекательности регионов благодаря повышению прозрачности расходов и формированию высоких ESG-рейтингов. С экологической — снижение совокупного ущерба окружающей среде: целевые показатели предусматривают сокращение выбросов на 10% и увеличение инвестиций в НДТ на 20% к концу 2028 г.

Предложенная дорожная карта на 2026–2028 гг. выходит за рамки чисто административного плана и представляет собой стратегию трансформации экологического налогообложения из формального обязательства в действенный рычаг устойчивого развития. Она обеспечивает баланс между национальными интересами — технологическим суверенитетом, бюджетной устойчивостью и импортозамещением — и глобальными вызовами, связанными с декарбонизацией мировой экономики. Реализация данного подхода позволит России не только сохранить конкурентоспособность на международных рынках, но и укрепить внутреннюю экономическую устойчивость, экологическую безопасность и качество жизни граждан.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показали: экологическое налогообложение в Российской Федерации находится на этапе трансформации от фискально ориентированного механизма к инструменту устойчивого развития. Действующая система экологических платежей и сборов в значительной степени утратила стимулирующий и компенсационный потенциал, выполняя преимущественно бюджетную функцию. Средства от экологических платежей не имеют целевого назначения, ставки не отражают реального ущерба, а администрирование фрагментировано

Дорожная карта реформирования экологического налогообложения в Российской Федерации на 2026–2028 гг. / Roadmap for reforming environmental taxation in the Russian Federation for 2026–2028

Этап / Stage	Год / Year	Ключевые мероприятия / Key events	Ответственные органы / Responsible authorities	Целевые индикаторы / Target indicators
I. Институциональное оформление / Institutional design	2026	– разработка проекта Федерального закона «Об экологическом налоге»; – формирование рабочей группы при Минфине и Минприроды; – принятие Федерального закона «Об экологическом налоге»; – утверждение национальной таксономии «зелёных» проектов; – создание методологии расчёта регионального экологического ущерба; – запуск пилотных проектов в регионах	Минфин, Минприроды, Минэкономразвития, Росстат, субъекты Российской Федерации	– закон принят; – таксономия утверждена; – пилоты запущены; – методология разработана
II. Практическая реализация / Practical implementation	2027	– полный переход с платы за НВОС на экологический налог; – учреждение Федерального и региональных экологических фондов; – внедрение обязательной ESG-отчётности для крупных предприятий и регулируемых организаций	Минфин, ФНС, ЦБ Российской Федерации, Росприроднадзор, субъекты Российской Федерации	– экологический налог введён; – фонды созданы; – 100% крупных компаний публикуют esg-отчётность; – передвижные источники охвачены
III. Интеграция и масштабирование / Integration and scaling	2028	– распространение механизма на малый и средний бизнес; – оценка эффективности реформы по критериям: снижение эмиссий, рост инвестиций в НДТ, фискальная собираемость; – адаптация к международным стандартам (IPAC, TCFD)	Минэкономразвития, Минвнешторг, Минпромторг, Банк России	– снижение выбросов на 10% к 2028 г.; – рост инвестиций в НДТ на 20%; – собираемость экологического налога — не менее 0,4% ВВП

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

между различными ведомствами, что снижает эффективность регулирования.

Выявленные системные проблемы — фискальная доминанта, отсутствие «окрашивания» средств, неполный охват источников загрязнения (включая передвижные), слабая межуровневая координация, отсутствие национальной таксономии «зелёных» проектов и изоляция от международных климатических инициатив — требуют комплексного, но прагматичного ответа, учитывающего как глобальные тренды, так и российскую специфику в условиях санкционного давления и технологического суверенитета.

Предлагаемая дорожная карта на 2026–2028 гг. предусматривает поэтапный переход к полноценному экологическому налогу, включению его в Налоговый кодекс Российской Федерации, созданию целевых экологических фондов по аналогии с дорожными, внедрению налоговых преференций за внедрение

наилучших доступных технологий и снижение выбросов, а также разработке национальной таксономии, совместимой с платформами ЕАЭС, БРИКС и ШОС. Такой подход позволит не только повысить экологическую ответственность бизнеса, но и снизить риски внешнеторговых барьеров (включая СВМ ЕС), укрепить инвестиционную привлекательность «зелёных» проектов и обеспечить долгосрочную конкурентоспособность российской экономики.

Экологическое налогообложение должно перестать быть формальным обязательством и стать стратегическим рычагом «зелёной» трансформации, сочетающим фискальную дисциплину, экономическую стимуляцию и экологическую справедливость. Только при условии системного правового, институционального и методологического сопровождения оно сможет выполнить свою двойную роль — источника устойчивых доходов бюджета и катализатора низкоуглеродного и ресурсосберегающего развития.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филогин А.Г. Становление экологического налогообложения: принципы и подходы. *Актуальные проблемы российского права*. 2025;20(2):20-26. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.020-026
2. Pigou A. C. *The Economics of Welfare*. L.: Macmillan; 1920. 520 p.
3. Самоделко Л.С. Перспективы использования экологического налогообложения в налоговой системе Российской Федерации. Дис. ... канд. экон. наук. Москва.: Государственный университет управления; 2020. 185 с.
4. Goulder L.H. Environmental taxation and the “double dividend”: A reader’s guide. *International Tax and Public Finance*. 1995;2(2):157-183.
5. Костылева В.И. Двойной дивиденд в решении проблемы внешних эффектов. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2020;9(129):114-118. DOI: 10.17308/meps.2020.9/2434
6. Палкина Д.С. Экологическое налогообложение в России: проблемы реализации. *Общество, экономика, управление*. 2023;8(3):36-43. DOI: 10.47475/2618-9852-2023-8-3-36-43
7. Новоселова И.Ю., Новоселов А.Л. Моделирование региональной торговли квотами на загрязнение окружающей среды. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(4):96-106. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-96-106
8. Сидорова Е.Ю. Зеленые тренды в налоговой политике развитых стран. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(3):120-127. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-120-127
9. Камалетдинов А.Ш., Ксенофонтов А.А. Оценка межрегионального неравенства налоговых поступлений. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(1):63-75. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-63-75
10. Какаулина М.О., Демидова С.Е. Сравнение моделей цикличности фискальной политики в зарубежных странах. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(2):228-237. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-228-237
11. Рубан-Лазарева Н.В. Налоговые риски в контексте достижения национальных целей развития России на 2024 год. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):145-157. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-145-157
12. Юмаев М.М. Налоговая политика в отношении нефтегазового сектора Российской Федерации в условиях структурных изменений мировой экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(1):152-162. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-152-162
13. Ратнер С.В. Механизмы налогового стимулирования развития «зеленых» транспортных систем: опыт Норвегии. *Финансы и кредит*. 2018;24(4):767-783. DOI: 10.24891/fc.24.4.767
14. Головнева М.С., Оздоев М.Д. Эколого-экономический анализ влияния роста ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду в 2026-2030 годах на предприятия нефтегазовой отрасли Российской Федерации. *Вестник науки*. 2025;93(12).

REFERENCES

1. Filogin A. G. Formation of environmental taxation: Principles and approaches. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2025;20(2):20-26. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.020-026
2. Pigou A. C. *The Economics of Welfare*. L.: Macmillan; 1920. 520 p.
3. Samodelko L. S. Prospects for the use of environmental taxation in the tax system of the Russian Federation. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.). M.: State University of Management; 2020. 185 p. (In Russ.).
4. Goulder L.H. Environmental taxation and the “double dividend”: A reader’s guide. *International Tax and Public Finance*. 1995;2(2):157-183.

5. Kostyleva V.I. Double dividend in solving the problem of externalities. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* = *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2020;9(129):114-118. (In Russ.). DOI: 10.17308/meps.2020.9/2434
6. Palkina D.S. Ecological taxation in Russia: Problems of implementation. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie* = *Society, Economy, Management*. 2023;8(3):36-43. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-9852-2023-8-3-36-43
7. Novoselova I.Yu., Novoselov A.L. Modeling of regional trade in environmental pollution quotas. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2022;15(4):96-106. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-96-106
8. Sidorova E. Yu. Green trends in the tax policy of developed countries. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2023;16(3):120-127. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-120-127
9. Kamaletdinov A.Sh., Ksenofontov A.A. Assessment of interregional inequality of tax revenues. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(1):63-75. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-63-75
10. Kakaulina M.O., Demidova S.E. Comparison of fiscal policy cyclicity models in foreign countries. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(2):228-237. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-228-237
11. Ruban-Lazareva N.V. Tax risks in the context of achieving Russia's national development goals for 2024. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2024;17(1):145-157. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-145-157
12. Yumaev M.M. Tax policy in the oil and gas sector of the Russian Federation in the context of structural changes in the world economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2023;16(1):152-162. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-152-162
13. Ratner S.V. Mechanisms of tax incentives for the development of "green" transport systems: The Norwegian experience. *Finansy i kredit* = *Finance and Credit*. 2018;24(4):767-783. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.24.4.767
14. Golovneva M.S., Ozdov M.D. Ecological and economic analysis of the impact of the increase in payment rates for negative environmental impact in 2026-2030 on the enterprises of the oil and gas industry in the Russian Federation. *Vestnik Nauki*. 2025;93(12):1072-1090. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Михаил Евгеньевич Косов — кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов, ведущий научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Mikhail E. Kosov — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Public Finance, Leader Research Assoc., Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1067-0935>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
mekosov@fa.ru

Алексей Александрович Рябченко — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственных и муниципальных финансов факультета Высшая школа финансов, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Alexey A. Ryabchenko — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of State and Municipal Finance, Faculty of Higher School of Finance, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-8918-2765>
ya.ya.ya.pas@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.02.2026; принята к публикации 01.07.2026.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received 20.02.2026; accepted for publication 01.07.2026.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-27-37
УДК 338.24(045)
JEL Q54, Q55, Q58, G32

Климатические стратегии российских компаний в контексте реализации концепции «зеленой» экономики

Б.С. Батаева, М.А. Измайлова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — механизм реализации климатических стратегий в условиях становления и развития «зеленой» экономики. **Объект** — компании горнометаллургической отрасли как важного сектора экономики, являющегося крупнейшим источником выбросов парниковых газов и загрязняющих веществ. **Цель** работы — анализ реализации климатических стратегий российскими компаниями, выявление и оценка перспективных направлений улучшения корпоративной практики по управлению климатической повесткой. **Актуальность** исследования обусловлена устойчивым трендом развития «зеленой» экономики, основанной на признании антропогенного изменения климата и последующих финансовых потерь экономики, технологической готовности компаний к «озеленению» и растущем запросе общества на экологическое благополучие, ужесточении нормативно-правового регулирования на всех уровнях — от международного до корпоративного. Установлено, что металлургические компании более эффективно реализуют климатическую и экологическую стратегии по сравнению с горнодобывающими предприятиями, тем самым оказывая менее токсичное влияние на окружающую среду. Анализ и оценка реализации климатических стратегий пяти российских металлургических компаний позволили выявить лидеров с эффективным климатическим менеджментом, уникальность применяемых ими стратегических подходов и соответствующие зоны потенциального роста. Сделан **вывод** о влиянии публичного статуса компании на развитие климатической стратегии и необходимости стимулирования «зеленых» инициатив корпораций через государственную поддержку и развитие «зеленого» кредитования. **Научная новизна и значимость** исследования заключаются в предложенной авторами методике оценки реализации климатических стратегий и в разработанных ими рекомендациях, направленных на совершенствование корпоративной практики по управлению климатической повесткой.

Ключевые слова: зеленая экономика; устойчивое развитие; ESG; климатическая повестка; климатические стратегии; экологические стратегии; климатический рэнкинг; экологический рэнкинг; горнометаллургическая отрасль

Для цитирования: Батаева Б.С., Измайлова М.А. Климатические стратегии российских компаний в контексте реализации концепции «зеленой» экономики. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):27-37. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-27-37

ORIGINAL PAPER

Russian Businesses' Climate Strategies in the Green Economy's Concept

B.S. Bataeva, M.A. Izmailova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The paper's **subject** explores the mechanisms behind climate strategy implementation within the context of the rise and evolution of a green economy. The **object** is to examine mining and metals companies, a crucial economic sector responsible for most greenhouse gas and pollutant emissions. This study **aims** to look at the climate strategy implementation by Russian firms and pinpoint useful improvements for corporate climate management. This study is **relevant** because of the ongoing shift towards a green economy. This shift is driven by the acknowledgment of human-caused climate change and its economic effects, companies' technological capacity for environmental sustainability, increasing public desire for eco-health, and stricter regulations across all organizational levels. Metals and metal companies are better at climate and environmental strategies than mining companies, leading to less environmental toxicity. Leaders in effective climate management, the distinctive nature of their strategic plans, and associated areas

© Батаева Б.С., Измайлова М.А., 2026

for potential expansion were discovered through an analysis of climate strategy implementation at five Russian metallurgical companies. Ultimately, the authors **conclude** that a company's public standing affects its climate strategy creation, and they recommend that green business actions be recognized via government backing and the establishment of green loan programs. The study's **innovative scientific contribution** is its authors' method for evaluating climate strategy implementation and their advice for enhancing how companies handle climate matters.

Keywords: green economy; sustainable development; ESG; climate agenda; climate strategies; environmental strategies; climate ranking; eco-ranking; mining and metallurgical industry

For citation: Bataeva B.S., Izmailova M.A. Russian businesses' climate strategies in the green economy's concept. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):27-37. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-27-37

ВВЕДЕНИЕ

С конца XX и начала XXI в. наблюдается переосмысление важности природы и её сохранения для выживания человечества. Важной вехой в его развитии стало появление концепции устойчивого развития и формирование разных направлений развития экономики, учитывающих вред от человеческого потребления: «зеленая» экономика, низкоуглеродная экономика, «синяя» экономика¹, биоэкономика и проч. Всё более распространяется признание того, что достижение устойчивости требует изменения традиционных подходов к измерению экономического роста и воздействия на природу [1]. Осознание мировой общественностью границ экономического роста и деградации природы связывают с докладами Римского клуба, регулярно публикуемыми с 1970 г. («Пределы роста», «Пределы роста: 20 лет спустя» и др.) и с трудами академика Хачатурова Т.С. — основателя науки экономики природопользования [2].

На международном уровне концепцию устойчивого развития и «зеленой» экономики активно продвигает Комиссия по устойчивому развитию ООН (UNCSD), Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD) и проч. С принятием Парижского соглашения в 2015 г., «Зеленой сделки» в ЕС в 2020 г. активное развитие получили международные инициативы, связанные с углеродным регулированием.

Климатическая повестка и «зеленая» экономика рассматриваются как инструменты модернизации экономики на новой технологической основе. Это означает, в частности, её диверсификацию, развитие несырьевых отраслей, внедрение инноваций для повышения эффективности использования всех ресурсов, сокращения вредных

выбросов, преодоление технологического отставания [2; 3]. Корпоративная практика в области реализации климатической повестки, связанная со снижением выбросов парниковых газов, способствует митигации регуляторных климатических рисков и выполнению Парижского соглашения по климату, что становится важным направлением стратегического целеполагания.

Цель проведённого авторами исследования — анализ реализации климатических стратегий российскими компаниями, выявление и оценка перспективных направлений улучшения корпоративной практики по управлению климатической повесткой в сложившихся экономических условиях. Объектом изучения являлись корпорации горнометаллургической отрасли как важного сектора экономики, являющегося крупнейшим источником выбросов парниковых газов и загрязняющих веществ.

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА: УРОВНИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Научное сообщество достигло «консенсуса в том, что за более чем сто последних лет концентрация CO₂ и других парниковых газов в атмосфере постоянно увеличивалась и что этот рост во многом вызван антропогенным фактором», хотя точность предсказаний на основе математических моделей подвергается сомнению². Геополитические конфликты и наблюдаемые их негативные последствия на мировую экономику привели к актуальности атомной и газовой генерации и обусловили расконсервирование угольных электростанций в Европе. Россия, несмотря на запаздывание технологического развития [4], все же твердо стоит на позиции следования клима-

¹ Концепция «синей экономики». Обзор международных практик устойчивого управления. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/4f3bdf9df55157624f13ff2440275880/130821.pdf> (дата обращения: 06.04.2026).

² Климатическая повестка: как отделить науку от идеологии? URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/klimaticheskaya-povestka/> (дата обращения: 01.04.2026).

тической повестке, требующей ее актуализации в текущих реалиях [5].

Анализ профильных научных работ определил: нормативное регулирование климатической повестки и инструментария ее реализации представляет собой многоуровневую систему, охватывающую международный, региональный, национальный и корпоративный уровни. Анализу решения повестки декарбонизации экономики на международном уровне посвящены исследования А.А. Прудниковой [6], вопросам результативности реализации национальных планов по достижению углеродной нейтральности ряда стран — работы М.А. Сухаревой, И.Н. Ленкова, Чж. Пуяй [7], а климатическая повестка в парадигме международных мегатрендов рассмотрена в статье Н.И. Харитоновой, предложившей термин «экогеополитика» [8].

Изучению климатической повестки на региональном уровне, в разрезе объединений ЕС, БРИКС, ШОС, ЕАЭС и проч., посвятили свои академические труды многие известные иностранные и российские ученые. Так, климатическую повестку стран ЕС с позиции геополитики рассматривали М. Леонард, Ж. Пизани-Ферри, Д. Шапиро, С. Тальяпиетра, Г. Вульф [9], ЕС и ЕАЭС — И.С. Ермохин, Д.Э. Кучерова [10]. Климатическое регулирование на национальном уровне исследовано рядом российских ученых, в числе которых: М.Г. Решетников [11], В. Лукин [12], М.А. Федотова, Т.В. Погодина, С.В. Карпова [13], С.А. Рогинко [14], В.В. Еремин, С.Н. Сильвестров [15], Е.Р. Безсмертная [16] и др.

На корпоративном уровне политику декарбонизации и способы их интеграции в стратегии компаний разных отраслей изучали L. Ng, X. Wang, J. Yu, N. Zaiats [17]. Отраслевой аспект и инструменты реализации климатической повестки предприятий горнодобывающего сектора и металлургии исследуются Р.К. Нурмухаметовым, Г.В. Кузнецовым, Р.А. Жуковым, Э.В. Хлыниным [18], О.П. Черниковой, О.В. Афанасьевой, Е.Г. Афанасьевым [19] и др.

Краткий обзор работ в области регулирования и реализации климатической повестки позволяет сделать вывод, что компании, продукция которых экспортируется или которые планируют выход на международные рынки, должны учитывать повестку стран и регионов, с которыми развиваются торговые отношения.

В России национальная нормативная база в области климатической повестки представлена: Стратегией социально-экономического развития

до 2050 г. (2021), принятой в 2023 г. новой Климатической доктриной³, Федеральным законом № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» (2021), обязывающим компании отчитываться о выбросах парниковых газов (ПГ), рекомендациями Банка России, изданными в 2023 г., по разработке климатических стратегий и оценке климатических рисков финансовыми организациями.

В стране формируется система климатического мониторинга («Единая национальная система мониторинга климатически активных веществ») — инфраструктура обращения углеродных единиц, а на Сахалине в 2023 г. в качестве эксперимента запущена региональная система торговли выбросами. Обсуждается также вопрос о введении платы за выбросы с 2028 г.

Таким образом, климатическая повестка в российском правовом пространстве, действия правительства и регулятора стимулировали разработку климатических стратегий крупными компаниями.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ: ОЦЕНКА БАНКА РОССИИ

Заявление Банка России в 2019 г. о влиянии климатических рисков на финансовую стабильность послужило отправной точкой его методологической работы, связанной с рекомендациями по разработке стратегий устойчивого развития и учету климатических рисков. Одним из направлений деятельности регулятора является проведение мониторинга климатических и экологических стратегий нефинансовых компаний с целью оценки «климатической и экологической зрелости нефинансовых компаний для оценки рисков финансовой стабильности»⁴. В периметр мониторинга входят компании нефтегазовой отрасли, черной и цветной металлургии, угольной промышленности и горной добычи, химпрома и производства бумаги, генерации тепловой и электрической энергии.

³ Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (дата обращения: 04.04.2026).

⁴ Василенко Е., Мусаэльян Д., Сидоровский М., Чигирёва Д. Мониторинг климатических и экологических стратегий крупнейших российских нефинансовых компаний за 2024 год: Аналитическая записка. 02. 2025 г. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/172320/analytic_note_20250204_dfs.pdf (дата обращения: 11.04.2026).

Методология Банка России для определения интенсивности текущего влияния на климат деятельности российских нефинансовых компаний включает анализ по 7 группам критериев: раскрытие данных в области климата; выбросы ПГ; цели по сокращению выбросов ПГ; наличие климатической стратегии; управление климатической повесткой; адаптация к изменению климата; уровень энергоэффективности.

По результатам оценки Банк России присваивает группам компаний рассматриваемых отраслей один из 5 уровней климатического и экологического лидерства (1-й — высокий, 5-й — крайне низкий): 1 (80–100), 2 (60–80), 3 (40–60), 4 (20–40), 5 (0–20).

В 2023 г. Банк России провел первый мониторинг 67 крупнейших российских нефинансовых компаний, связанный с оценкой экологических и климатических стратегий и инициатив, по результатам которого был представлен рэнкинг. В 2024 г. климатические и экологические вопросы в мониторинге климатических и экологических стратегий были разделены на 2 рэнкинга. Из 41 компании, принявшей участие в исследовании, соответственно, 11 и 4 представляли металлургическую и горнодобывающую отрасли.

Данные *табл. 1* позволяют сделать вывод, что вопросами, связанными с климатической стратегией, металлургические компании управляют лучше (значение К-рейтинга — 46), чем компании угольной и горнодобывающей промышленности (значение К-рейтинга — 39). Данный вывод справедлив и в отношении реализации экологической стратегии: значение Е-рейтинга для компаний металлургической отрасли — 49, что выше значения 41 Е-рейтинга для компаний угольной и горнодобывающей отраслей.

В целом, у металлургических компаний по набору компонентов значения обоих рейтингов Банка России находятся в диапазоне от 40 до 60 (экологический — 49 и климатический — 46), что соответствует среднему уровню «экологического лидерства» и «климатического лидерства» — деятельность компаний оказывает негативное влияние умеренной интенсивности на окружающую среду и на климат.

У компаний горнодобывающей отрасли К-рейтинг составил 39, что означает «низкий уровень «климатического лидерства», характеризующийся высокой интенсивностью влияния на климат» (диапазон в пределах от 20 до 40). Самое низкое зна-

чение компании отрасли получили по критериям оценки, связанными с адаптацией к изменению климата (всего 4). Е-рейтинг в целом у компаний отрасли составил 41, что относится к среднему уровню «экологического лидерства».

Сравнительный анализ данных мониторинга по сравнению с предыдущим годом показал, что компании обеих отраслей улучшили свои значения: выросло число компаний, ставящих цели по углеродной нейтральности, разрабатывающих отдельную климатическую стратегию, рассчитывающих климатические риски (физические и переходные).

ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ КЛИМАТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ МЕТАЛЛУРГИИ И ГОРНОЙ ДОБЫЧИ

Для исследования климатических стратегий на корпоративном уровне были отобраны крупнейшие компании горнодобывающей и металлургической отраслей: ПАО «ГМК «Норильский никель»», ПАО «Алроса», ПАО «Северсталь», ПАО «Полюс», АО «Полиметалл». Источниками данных для анализа климатических стратегий послужили нефинансовые отчеты, отчеты эмитентов, информация с официальных корпоративных сайтов.

Оценка реализации климатических стратегий проведена на основе авторской методики, включающей 18 критериев, сгруппированных в 7 блоков: целеполагание и обязательства; выбросы парниковых газов; инструменты декарбонизации; управление и интеграция; риски и возможности; отчетность и верификация; внешние оценки и рейтинги.

Каждому критерию присваивался весовой коэффициент, отражающий его значимость в рамках блока, затем он оценивался по шкале от 0 до 10 и определялся его взвешенный балл (W). Сводные результаты анализа представлены в *табл. 2*.

Анализ данных *табл. 2* показывает, что уверенным лидером по четырем блокам «Учет выбросов парниковых газов» (7,0), «Управление и интеграция» (8,5), «Отчетность и верификация» (9,7), «Внешние оценки и рейтинги» (9,2) является ПАО «Алроса», разделившее лидерство с ПАО «Полюс» по блоку «Целеполагание и обязательства» (10,0) и одновременно уступившее этой компании по блоку «Инструменты декар-

Таблица 1 / Table 1

**Сравнение значений в экологическом и климатическом рэнкинге Банка России компаний
горнометаллургической отрасли за 2024 г. / Comparison of values in the environmental and climate
ranking of mining and metallurgical companies by the Bank of Russia for 2024**

Экологический рэнкинг / Eco-ranking			Климатический рэнкинг / Climate ranking		
Компонент / Component	Значение компании ме- таллургии / Metallurgy company's value	Значение угольной и горнодобывающей отраслей / The value of the coal and mining industries	Компонент / Component	Значение металлургии / Metallurgy value	Значение угольной и горнодобыва- ющей отраслей / The value of the coal and mining industries
Влияние на атмо- сферный воздух	37	47	Выбросы парниковых газов	42	39
Влияние на водные ресурсы	59	33	Цели по сокращению выбросов парниковых газов	36	21
Образование отходов и обраще- ние с ними	35	13	Климатическая стратегия	49	36
Биоразнообразие и землепользо- вание	38	27	Управление климатической повесткой	63	57
Экологический менеджмент	63	58	Адаптация к изменению климата	35	4
Экологические платежи	28	32	Энергоэф- фективность	37	44
Всего:	49	41	Всего:	46	39

Источник / Source: составлено авторами на основе: Василенко Е., Мусаэльян Д., Сидоровский М., Чигирёва Д. Мониторинг климатических и экологических стратегий крупнейших российских нефинансовых компаний за 2024 год: Аналитическая записка от 02 2025 г. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/172320/analytic_note_20250204_dfs.pdf (дата обращения: 11.04.2026) / compiled by the authors based on: Vasilenko E., Musaelyan D., Sidorovsky M., Chigireva D. Monitoring of Climate and Environmental Strategies of the Largest Russian Non-Financial Companies for 2024: Analytical Note. February 2025. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/172320/analytic_note_20250204_dfs.pdf (accessed on 11.04.2026).

бонизации» (7,6 против 8,3 у ПАО «Полус»). По блоку «Риски и возможности» наивысший балл (8,6) — у ПАО «Норникель». Самые низкие баллы по всем блокам анализа, особенно по «Учету выбросов парниковых газов» и «Отчетности и верификации» (0), у АО «Полиметалл». Исходя из полученных данных, наивысший уровень зрелости климатических стратегий демонстрирует ПАО «Алроса», а аутсайдером является АО «Полиметалл» (см. рисунок).

Результаты анализа показали, что наиболее уникальная климатическая стратегия реализуется ПАО «Алроса», которое является первой в мире горнодобывающей компанией, подтвердившей отрицательный углеродный след продукции за счет естественного поглощения CO₂ кимберлитовыми породами. Глобальное лидерство по природным

климатическим решениям компания получила за счет реализации CCS-проекта⁵ на основе кимберлита и является единственной в стране, у кого отчетность верифицирована авторитетным международным аудитором TÜV AUSTRIA. Вслед за лидером идет ПАО «Полус» — компания, которая осуществила полный переход на использование возобновляемой энергии от гидроэлектростанций и покупку сертификатов ее «зеленого» происхождения, что позволило ей достичь одного из лучших удельных показателей выбросов в мировой золотодобыче. Компания начиная с 2020 г. использует только «зеленую» энергию и за это время снизила

⁵ CCS-проект (Carbon Capture and Storage — улавливание и хранение углерода) — это комплекс технологических решений, направленных на сокращение выбросов CO₂.

Таблица 2 / Table 2

Оценка реализации климатических стратегий компаний горнометаллургической отрасли / Assessment of the implementation of climate strategies by companies in the mining and metallurgical industry

Блок анализа / Analysis set	Критерий / Criteria	Вес / Weight	Норникель / Nornickel		Северсталь / Severstal		Полюс / Polus		Алроса / Alrosa		Полиметалл / Polymetal	
			Балл / Outcome	W	Балл / Outcome	W	Балл / Outcome	W	Балл / Outcome	W	Балл / Outcome	W
1. Целеполагание и обязательства	Наличие климатических целей и климатической стратегии	1	8	8	9	9	10	10,0	10	10,0	2	2,0
2. Учет выбросов парниковых газов	Score 1	0,2	8	1,6	7	1,4	9	1,8	8	1,6	0	0
	Score 2	0,3	7	2,1	7	2,1	10	3,0	8	2,4	0	0
	Score 3	0,5	5	2,5	5	2,5	4	2,0	6	3,0	0	0
3. Инструменты декарбонизации	Меры по повышению энергоэффективности	0,3	8	2,4	9	2,7	8	2,4	8	2,4	6	1,8
	Использование ВИЭ	0,4	5	2,0	5	2,0	10	4,0	6	2,4	4	1,6
	Технологические изменения	0,2	9	1,8	9	1,8	7	1,4	9	1,8	5	1,0
	Компенсационные меры	0,1	7	0,7	6	0,6	5	0,5	10	1,0	3	0,3
4. Управление и интеграция	Наличие ответственного органа	0,3	8	2,4	8	2,4	8	2,4	9	2,7	5	1,5
	Включение климатических целей в общую стратегию	0,4	8	3,2	9	3,6	9	3,6	10	4,0	2	0,8
	Требования к поставщикам по снижению углеродного следа	0,3	5	1,5	6	1,8	5	1,5	6	1,8	3	0,9
5. Риски и возможности	Оценка климатических рисков	0,6	9	5,4	8	4,8	7	4,2	8	4,8	5	3,0
	Оценка возможностей, связанных с изменением климата	0,4	8	3,2	8	3,2	8	3,2	9	3,6	6	2,4
6. Отчетность и верификация	Наличие нефинансового отчета (GRI, SASB)	0,3	9	2,7	9	2,7	9	2,7	10	3,0	0	0
	Верификация данных	0,4	8	3,2	8	3,2	8	3,2	10	4,0	0	0
	Наличие отчетов (отдельных, в составе нефинансовых отчетов) по выбросам по стандартам CDP и рекомендациям TCFD	0,3	8	2,4	8	2,4	8	2,4	9	2,7	0	0
7. Внешние оценки и рейтинги	Уровень в ESG-рейтингах	0,6	8	4,8	8	4,8	9	5,4	10	6,0	3	1,8
	Развитие климатических проектов (продажа/покупка углеродных единиц)	0,4	8	3,2	9	3,6	7	2,8	8	3,2	0	0
Итог:				53,1		54,6		56,5		60,4		17,1

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

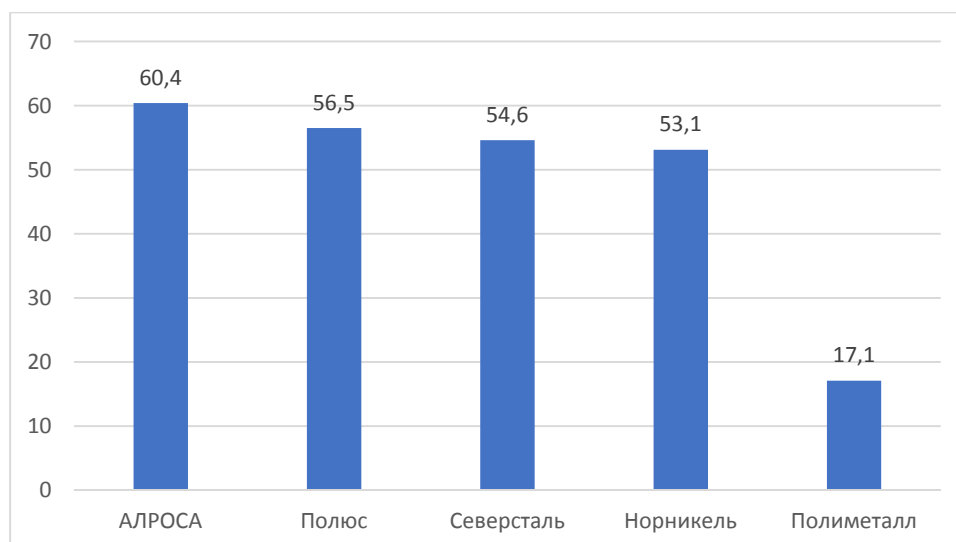

Рис. / Fig. Ранжирование компаний по уровню зрелости климатических стратегий / Ranking of companies by the maturity level of their climate strategies

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

валовые выбросы CO₂ (охват 1 и 2) на 27%⁶. В 2024 г. ею был зарегистрирован первый климатический проект и выпущены 2,16 млн углеродных единиц.

На третьей позиции разместилась компания ПАО «Северсталь», одной из сильных сторон которой является регистрация двух климатических проектов в госреестре с общим эффектом сокращения 4,24 млн т CO₂-эквивалента. Компания в 2026 г. запланировала объем инвестиций в размере 4 млрд руб. на экологические проекты, охрану труда и системы безопасности⁷. Для металлургической компании, имеющей углеродный след (более 20 млн т), перспективы роста видятся в переходе к «зеленой» металлургии.

Четвертое место в рейтинге занимает компания ПАО «Норникель», реализующая уникальный проект для цветной металлургии — «Серную программу», в рамках которой запланировано снижение выбросов SO₂ на 730 тыс. т в 2025 г. и улавливание 99% SO₂. В компании проводятся исследования в области выявления CCS-потенциала хвостохранилищ (поглощение парниковых газов пустой породой хвостохранилищ), а также активно изучают опыт

Сахалинского углеродного эксперимента. В 2024 г. в ПАО «Норникель» зарегистрирован один климатический проект на Кольской ГМК в Мурманской области.

Замыкает рейтинг компания АО «Полиметалл» — бывший российский актив глобальной компании Polymetal International plc (компания сменила название на Solidcore Resources plc). После продажи глобальной компанией и проведения делистинга с Мосбиржи в 2024 г. АО «Полиметалл» не публикует отчеты об устойчивом развитии. Глобальной компанией был опубликован первый климатический отчет в 2021 г. и поставлена цель по снижению выбросов парниковых газов на 30% к 2030 г. В годовом отчете компании АО «Полиметалл» за 2024 г. данные о выбросах не раскрываются, лишь перечислены мероприятия по повышению энергоэффективности⁸, в компании нет зарегистрированных климатических проектов. Иными словами, переход в непубличный статус и смена акционера (компанию приобрела группа компаний «Мангазея») снизили амбиции компании в области климатической повестки.

Таким образом, в процессе реализации своей климатической стратегии каждая компания применяет уникальные подходы.

Рассмотренные компании в ESG-Рейтинге RAEX за 2025 г. распределились следующим образом: ПАО «ГМК «Норильский никель»» — 1-е место, ПАО «Алроса» — 4-е, ПАО «Северсталь» — 5-е,

⁶ Сайт ПАО «Полюс»: URL: <https://polyus.com/ru/media/news/polyus-publikuet-otchet-ob-ustoychivom-razvitiiza-2024-god/> (дата обращения: 07.04.2026).

⁷ Три ключевых проекта «Северстали» снизят нагрузку на окружающую среду в Череповце. 11 февраля 2026 г. URL: <https://35media.ru/articles/novosti/tri-klyuchevykh-proekta-severstali-snizyat-nagruzku-na-okruzhayushchuyu-sredu-v-c> (дата обращения: 07.04.2026).

⁸ АО «Полиметалл». Годовой отчет за 2024 год. С. 47.

ПАО «Полюс» — 6-е место, АО «Полиметалл» — 61 место⁹. Отличия определяются особенностями критериев оценки и весов выбранных показателей. Кроме того, 4 из 5 рассмотренных компаний входят в Климатический индекс Мосбиржи, запущенный в июле 2025 г.

В 2026 г. российские компании, в том числе горнодобывающие и металлургические, столкнулись с затяжным экономическим кризисом, вызванным геополитической нестабильностью. Уменьшился внутренний спрос, продолжился спад в строительстве. Все рассмотренные в статье публичные компании на фоне ухудшения рыночной конъюнктуры отказались от выплаты дивидендов, что негативно отразилось на котировках их акций. Эти и другие факторы, безусловно, окажут влияние на возможности финансирования корпоративных программ в рамках реализации климатических стратегий.

ВЫВОДЫ

В результате исследования определено, что в 2023 и 2024 гг. климатическая повестка активно развивалась. Перспективные направления улучшения корпоративной практики по управлению климатической повесткой при нормализации и стабилизации ситуации в российской экономике в перспективе будут связаны, прежде всего, с процессами стратегирования, которые должны будут включать разработку климатической стратегии, что позволит: снизить экологическое давление на природу; предотвратить регуляторные, юридические, репутационные и прочие риски; улучшить финансово-экономические показатели.

Инструментами институционализации климатической стратегии следует рассматривать создание при совете директоров комитета по климатическим рискам, а также структурных подразделений, наделенных ресурсами и ответственностью по углеродному менеджменту, адаптации к изменениям климата, охране окружающей среды, снижению влияния на биоразнообразие и проч. Важными зонами ответственности данных структур могут стать: экспертно-аналитическая работа по выявлению, оценке и митигации экологических, климатических и переходных рисков; разработка

и реализация климатических проектов; публикация нефинансовой отчетности и международной финансовой отчетности по стандарту МСФО S1 и S2, раскрывающей данные о климатических рисках и возможностях компаний, связанных с изменениями климата и пр.

Исследование показало, что нормативное регулирование климатической повестки включает международный, региональный, национальный и корпоративный уровни. В нашей стране сформирована институциональная основа и инфраструктура углеродного регулирования, рассчитываются ESG-индексы рейтинговыми агентствами, запущен Климатический индекс Мосбиржи (ICLIMATE). Ужесточение требований Мосбиржи по предоставлению нефинансовой информации для эмитентов первого и второго уровня листинга, в том числе по выбросам, также оказало стимулирующее воздействие на принятие корпоративных решений в области климатической повестки.

По результатам составленного Банком России в 2024 г. Климатического рейтинга компании горнодобывающей отрасли, получившие оценку 39 из 100, были отнесены к низкому уровню «климатического лидерства», что означает высокую интенсивность их токсичного влияния на климат. Более высокие значения — 46 из 100 — получили компании металлургической отрасли и были отнесены к среднему уровню «экологического лидерства» на основании умеренной интенсивности негативного влияния своей деятельности на окружающую среду, все данные были представлены обобщенно по отраслям.

Анализ климатических стратегий 5 российских компаний из сектора горнодобычи и металлургии показал, что компании устанавливают цели по снижению выбросов, принимают климатические стратегии, внедряют инновации для достижения поставленных целей, создают структуры, ответственные за углеродный менеджмент, оценивают климатические и переходные риски, используют арсенал доступных инструментов по снижению углеродного следа. Важнейшим фактором, стимулирующим развитие климатических стратегий, является публичный статус вышеназванных компаний. Все рассмотренные компании, за исключением АО «Полиметалл», входят в Климатический индекс Мосбиржи. Переход этой компании в непубличный статус привел к ухудшению практик компании в области климатической повестки. Кроме того, компании-экспортеры более активны во внедрении климатической стратегии вследст-

⁹ ESG-рэнкинг компаний (октябрь 2025 года). URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2025.10/ (дата обращения: 13.04.2026).

вие введения ЕС трансграничного углеродного регулирования с 2026 г. и вероятности введения Китаем аналогичной меры с 2030 г.

В настоящее время кризисные тенденции 2026 г. могут повлиять на реализацию климатических стратегий, сроки достижения углеродной нейтральности и «зеленого перехода» российских компаний, а также на снижение возможности стимулирования «зеленых» инициатив корпораций через государственную поддержку и «зеленое» кредитование.

Тем не менее полагаем, что российские компании продолжат реализацию стратегии декар-

бонизации, поскольку их азиатские партнеры запрашивают климатическую отчетность, хотя пока не предъявляют спрос на поставку «зеленых» продуктов, включая «зеленую» сталь. Поэтому в российских компаниях в ближайшие годы, вероятнее всего, продолжит преобладать прагматический подход к реализации концепции «зеленой» экономики, заключающийся в повышении энергоэффективности и реализации климатических проектов, приносящих экономию ресурсов и экономическую выгоду в текущих условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зомонова Э.М. Понятие и принципы «зеленой» экономики. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2016;5(1(14)):13-17.
2. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего? *Вопросы политической экономии*. 2020;1:67-83.
3. Khan R.U., Saqib A., Abbasi M.A., Mikhailov A.Yu., Pinter G. green leadership, environmental knowledge sharing, and sustainable performance in manufacturing industry: Application from upper echelon theory. *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. 2023;60:103540. DOI: 10.1016/j.seta.2023.103540
4. Балацкий Е. Идентификация технологического фронта. *Форсайт*. 2021;15(3):23-34. DOI: 10.17323/2500-2597.2021.3.23.34
5. Рогинко С.А. Климатическая повестка в современной ситуации: советы для экономики России. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2022; 236(4):447-465. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-447-465
6. Прудникова А.А. Международная повестка декарбонизации экономики: взгляд и ответ России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):129-137. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-129-137
7. Сухарева М.А., Ленков И.Н., Пуюй Чж. Углеродная нейтральность: перспективы развития и влияние на мировую экономику. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2022;3:101-121.
8. Харитонов Н.И. Экогеополитика как новый концепт в геополитической парадигме международных отношений. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021;86:178-199.
9. Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Шапиро Д., Тальяпиетра С., Вульф Г. Геополитика «Зеленой сделки» Европейского союза. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2021;16(2):204-235. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-10
10. Ермохин И.С., Кучерова Д.Э. Влияние климатической повестки на международную конкурентоспособность Российской Федерации в условиях санкций. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2024;19(4):106-123. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-04-07
11. Решетников М.Г. Климатическая политика в России: наука, технологии, экономика. *Проблемы прогнозирования*. 2023;6(201):6-10. DOI: 10.47711/0868-6351-201-6-10
12. Лукин В. Декарбонизация: отраслевые риски и возможности. *Деловой журнал Neftegaz.RU*. 2021;7:54-58.
13. Федотова М.А., Погодина Т.В., Карпова С.В. Оценка тенденций и перспектив развития экономики России в условиях санкционного давления. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(1):6-19. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-6-19
14. Рогинко С.А. Система ИКАО CORSIA: новый углеродный рынок для России. *Проблемы прогнозирования*. 2025;6(213):191-204. DOI: 10.47711/0868-6351-213-191-204
15. Еремин В.В., Сильвестров С.Н. Применение мультипликатора инвестиций для смягчения базового экологического противоречия. *Экономика региона*. 2026;22(1):175-190. DOI: 10.17059/ekon.reg.2026-1-13

16. Безсмертная Е.Р. Российские инициативы в области устойчивого развития агломераций и территорий: работа над ошибками ESG. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):60-68. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-60-68
17. Ng L., Wang X., Yu J., Zaiats N. Ethical leadership in climate action: Navigating national government intervention, financial constraints, and corporate decarbonization: Ethical leadership in climate action: Navigating national. *Journal of Business Ethics*. 2025; DOI: 10.1007/s10551-025-06195-3
18. Нурмухаметов Р.К., Кузнецов Г.В., Жуков Р.А. Хлынин Э.В. Климатическая повестка предприятий горнодобывающего сектора и металлургии: особенности, проблемы, перспективы. *Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле*. 2023;4:116-134.
19. Черникова О.П., Афанасьева О.В., Афанасьев Е.Г. Направления декарбонизации Российской черной металлургии. *Известия высших учебных заведений. Черная Металлургия*. 2025;68(1):90-97. DOI: 10.17073/0368-0797-2025-1-90-97

REFERENCES

1. Zomonova E. M. Definition and principles of green economy. *Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie = Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2016;5(1(14)):13-17. (In Russ.).
2. Bobylev S. N. Sustainable development: A new vision of the future? *Voprosy politicheskoy ekonomii = Problems of Political Economy*. 2020;1:67-83. (In Russ.).
3. Khan R. U., Saqib A., Abbasi M. A., Mikhailov A. Yu., Pinter G. Green leadership, environmental knowledge sharing, and sustainable performance in manufacturing industry: Application from upper echelon theory. *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. 2023;60:103540. DOI: 10.1016/j.seta.2023.103540
4. Balatsky E. Identification of the Technology Frontier. *Forsait = Forsajt and STI Governance*. 2021;15(3):23-34. (In Russ.). DOI: 10.17323/2500-2597.2021.3.23.34
5. Roginko S. A. Climate agenda in the current situation: Advices for Russian economy. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of VEO of Russia Today*. 2022;236(4):447-465. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-447-465
6. Prudnikova A. A. The international economic decarbonization agenda: Russia's view and response. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):129-137. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-129-137
7. Sukhareva M. A., Lenkov I. N., Puyu Zh. Carbon neutrality: Development prospects and impact on the global economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow University Bulletin. Series 21. Public administration*. 2022;3:101-121. (In Russ.).
8. Kharitonova N. I. Eco-geopolitics as a new concept in the geopolitical paradigm of international relations. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = E-Journal Public Administration*. 2021;86:178-199. (In Russ.).
9. Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro D., Tagliapietra S., Wolf G. The Geopolitics of the European green deal. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organisations Research Journal*. 2021;16(2):204-235. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-10
10. Ermokhin I. S., Kucheroва D. E. The impact of the climate policies on Russia's global competitiveness in the context of sanctions. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organisations Research Journal*. 2024;19(4):106-123. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2024-04-07
11. Reshetnikov M. G. Climate policy in Russia: Science, technology, economics. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2023;6(201):6-10. (In Russ.). DOI: 10.47711/0868-6351-201-6-10
12. Lukin V. Decarbonization: Industry risks and opportunities. *Delovoj zhurnal Neftegaz.RU = Business Journal Neftegaz.RU*. 2021;7:54-58. (In Russ.).
13. Fedotova M. A., Pogodina T. V., Karpova S. V. Assessment of trends and prospects for the development of the Russian economy in the context of sanctions pressure. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(1):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-6-19
14. Roginko S. A. The ICAO CORSIA System: A new carbon market for Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 2025;6(36):903-911. (In Russ.).

15. Eremin V. V., Silvestrov S. N. Using the investment multiplier to mitigate a basic environmental contradiction. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2026;22(1):175-190. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2026-1-13
16. Bezsmertnaya E. R. Russian initiatives in the field of sustainable development of agglomerations and territories: Working on the mistakes of ESG. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):60-68. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-60-68
17. Ng L., Wang X., Yu J., Zaiats N. Ethical leadership in climate action: Navigating national government intervention, financial constraints, and corporate decarbonization: Ethical leadership in climate action: Navigating national. *Journal of Business Ethics*. 2025; DOI: 10.1007/s10551-025-06195-3
18. Nurmukhametov R. K., Kuznetsov G. V., Zhukov R. A., Khlynin E. V. Climate agenda of mining and metallurgy enterprises: Features, problems, prospects. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle = Izvestiya Tula State University*. 2023;4:116-134. (In Russ.).
19. Chernikova O. P., Afanas'eva O. V., Afanas'ev E. G. Directions of decarbonization of Russian ferrous metallurgy. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Chernaya Metallurgiya = Izvestiya. Ferrous Metallurgy*. 2025;68(1):90-97. (In Russ.). DOI: 10.17073/0368-0797-2025-1-90-97

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Бэла Саидовна Батаева — доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Bela S. Bataeva — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Corporate Finance and Corporate Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-5700-1667>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

bbataeva@fa.ru

Марина Алексеевна Измайлова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Marina A. Izmailova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Corporate Finance and Corporate Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7558-9639>

m.a.izmailova@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.05.2026; принята к публикации 10.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 14.05.2026; accepted for publication 10.07.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-38-47
УДК 336.74, 338.57.055.2(045)
JEL E31, E42

Внедрение в оборот цифровой валюты центрального банка: влияние на инфляцию и её региональные особенности

М.А. Абрамова, М.Т. Белова, Е.В. Травкина, А.Б. Фиапшев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — влияние внедрения цифровой валюты центрального банка (далее — ЦВЦБ) на структурные и динамические особенности инфляции. **Цель** — оценить влияние внедрения ЦВЦБ, в том числе, цифрового рубля, на механизм монетарной трансмиссии, возможности достижения центральным банком ценового таргета, балансирования инфляции с учетом ее региональных особенностей и дифференциации на уровне социально-экономического развития отдельных регионов. Авторы всесторонне исследовали феномен ЦВЦБ, дали оценку различным точкам зрения по вопросам меры и характера ее влияния на монетарную трансмиссию, изучили возможности центральных банков по ограничению ценовой динамики предельным значением ценового таргета. Вопреки существующему научному консенсусу, исследование не подтверждает идею о том, что монетарная трансмиссия, ценовая динамика и ее региональные особенности индифферентны к внедрению ЦВЦБ. Установлено, что данный процесс сопряжен с побочными эффектами, которые могут как усилить, так и ослабить каналы монетарной трансмиссии. Обобщены основные и побочные эффекты влияния внедрения ЦВЦБ на ценовую динамику, которые могут усиливаться и ослабевать под воздействием региональных условий. Выявлено, что наличие уязвимостей внедряемой монетарной новации актуализирует проблему адаптации денежно-кредитной политики к ее обороту с целью балансирования инфляции, в том числе с позиции минимизации ее территориальных различий. **Результаты** исследования позволили развить теоретические подходы внедрения в оборот цифровой валюты центрального банка и сделать **вывод** о доминировании объективных факторов региональной инфляции, что определяет необходимость повышения сопряжения денежно-кредитной политики с регуляторными практиками, ориентированными на снижение отставаний в территориальном развитии.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка; денежно-кредитная политика; механизм монетарной трансмиссии; инфляция; региональная неоднородность инфляции; территориальное развитие регионов; Банк России; проинфляционные риски; региональные особенности ценовой динамики; цифровой рубль

Для цитирования: Абрамова М.А., Белова М.Т., Травкина Е.В., Фиапшев А.Б. Внедрение в оборот цифровой валюты центрального банка: влияние на инфляцию и её региональные особенности. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):38-47. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-38-47

ORIGINAL PAPER

Introducing a Central Bank Digital Currency: Inflation and Regional Features Analysis

M.A. Abramova, M.T. Belova, E.V. Travkina, A.B. Fiapshv

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The study's **subject** is the impact of introducing a central bank digital currency (CBDC) on the structural and dynamic characteristics of inflation. The **goal** of this research is to measure the consequences of introducing CBDCs, such as the digital ruble, on the monetary transmission process, the central bank's capacity for price targeting, and inflation management, while acknowledging regional distinctions and diverse socioeconomic progress. The authors provided a thorough analysis of the CBDC phenomenon. They assessed diverse opinions regarding the scope and character of its influence on monetary transmission, and they scrutinized the capability of central banks to constrain price movements

© Абрамова М.А., Белова М.Т., Травкина Е.В., Фиапшев А.Б., 2026

to their ultimate price target. Contrary to current scientific consensus, the study does not support the idea that monetary transmission, price dynamics, and their regional features are unaffected by introducing CBDC. This process has been linked to side effects that can either bolster or diminish monetary transmission channels. Central bank digital currency introduction's main and subsequent effects on price changes are detailed, with regional conditions potentially altering these effects. The study indicated that the new monetary innovation's weaknesses show the necessity of adjusting monetary policy to its circulation for inflation control, such as by reducing regional disparities. The study's *findings* enabled the creation of theoretical frameworks for implementing CBDC and *concluded* that objective factors of regional inflation are dominant to better synchronization between monetary policy and regulatory actions designed to lessen disparities in regional development.

Keywords: central bank digital currency; monetary policy; monetary transmission mechanism; inflation; regional inflation heterogeneity; territorial development of regions; Bank of Russia; inflationary risks; regional features of price dynamics; digital ruble

For citation: Abramova M.A., Belova M.T., Travkina E.V., Fiapshv A.B. Introducing a central bank digital currency: Inflation and regional features analysis. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):38-47. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-38-47

ВВЕДЕНИЕ

Центральные банки по всему миру активно изучают возможности и последствия выпуска собственных цифровых валют — ЦВЦБ. Несмотря на то, что пока лишь небольшое число стран запустили соответствующие проекты, прогресс от концептуальных обсуждений преимуществ и рисков этой монетарной новации до целевых исследований и пилотных проектов — налицо. Даже те страны, которые заявили, что не видят немедленной необходимости в выпуске ЦВЦБ, активно исследуют ее различные вариации, возможности и уязвимые места.

В рамках современного научного дискурса, развернувшегося вокруг феномена ЦВЦБ, рассматривается влияние этой денежной новации на механизм монетарной трансмиссии, исследуется возможность достижения центральными банками ценовой стабильности в условиях весьма вероятного сокращения депозитов в структуре ресурсной базы коммерческих банков, изменений в составе денежной массы.

Немаловажным, если не одним из основных аспектов этой проблемы, является влияние введения в оборот ЦВЦБ, в том числе, цифрового рубля, на региональные особенности инфляционного процесса. Учитывая сохраняющуюся неоднородность в социально-экономическом развитии российских регионов, а также действенность различных каналов трансмиссионного механизма, следует констатировать: эффекты, выраженные в динамических и структурных особенностях инфляции от введения в оборот ЦВЦБ, могут отличаться от региона к региону. Во многом они зависят от меры устойчивости или эластичности монетарной трансмиссии в связи с массовым внедрением ЦВЦБ, включая цифровой рубль.

Соответственно, авторы в рамках поставленной исследованием цели учитывали два аспекта. *Первый* (носящий общий характер) был связан с оценкой влияния введения в оборот ЦВЦБ на денежно-кредитную политику, ее механизм и возможности достижения целевых установок по инфляции. *Второй* (более узкий), но не менее важный, — с отражением на общестрановом инфляционном фоне региональных особенностей ценовой динамики и возможностей достижения центральными банками в условиях оборота ЦВЦБ доминирующей установки их политики.

ВЛИЯНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА НА МЕХАНИЗМ МОНЕТАРНОЙ ТРАНСМИССИИ

Несмотря на то, что изучение феномена ЦВЦБ имеет непродолжительную историю, ему уже сегодня посвящено немалое количество научных работ. Во-первых, большая доля публикаций связана с концептуальной стороной вопроса: обоснованием содержательной стороны ЦВЦБ, её местом в видовом составе денег, ролью в развитии денежной системы. Этот теоретический крен рельефно выражен в работах российских авторов [1; 2], который не в последнюю очередь обусловлен отечественной традицией научных изысканий, всегда стремившейся заложить прочный фундамент для последующей оценки характера, меры устойчивости, перспектив развития экономических явлений.

Вторая совокупность работ фокусируется на прикладных аспектах ЦВЦБ, практическом обосновании преимуществ и уязвимостей разных моделей ее внедрения, разновидностей, отличающихся

опциональным наполнением, функционалом как платежного средства, обращающегося на инновационной технологической основе, позволяющей минимизировать транзакционные издержки, повысить эффективность платежей, обеспечить рост монетарного суверенитета и проч. [3–6] То, что значительная их часть выполнена и опубликована под эгидой международных финансовых инстанций и национальных регуляторов, не умаляет, и тем более не отменяет факта активного научного интереса к ним со стороны российских авторов [7–11].

Среди массы прикладных исследований выделим те, что сосредоточены на эффектах влияния ЦВЦБ на денежно-кредитные условия, монетарную трансмиссию и, соответственно, возможности обеспечения сбалансированной ценовой динамики¹. Относительно общим для большинства оценочных суждений является отсутствие сколь-нибудь значимых угроз для денежно-кредитной политики (далее — ДКП), несмотря на то что ЦВЦБ неизбежно вызовет сужение депозитной части ресурсов банков. В то же время современный анализ данного вопроса ставит под сомнение эту доминирующую позицию². То есть, у центральных банков есть определенная возможность купировать риски замещения части депозитных денег беспроцентной розничной ЦВЦБ без внесения корректив в свои операции. Эта позиция диссонирует с тезисом, отстаиваемым российским регулятором³

¹ Tourpe H., Lannquist A., Soderberg G. A Guide to Central Bank Digital Currency Product Development. 5P Methodology and Research and Development. IMF Fintech Note. 2023/007. URL: <https://www.imf.org/en/publications/fintech-notes/issues/2023/09/08/a-guide-to-central-bank-digital-currency-product-development-538496> (дата обращения: 22.11.2025); Lukonga I. Monetary Policy Implications Central Bank Digital Currencies: Perspectives on Jurisdictions with Conventional and Islamic Banking Systems. IMF Working Paper. 2023/060. URL: <https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2023/03/17/monetary-policy-implications-central-bank-digital-currencies-perspectives-on-jurisdictions-531074> (дата обращения: 22.11.2025).

² Srichander R. Could Uncapped and Unremunerated Retail CBDC Accounts Disintermediate Banks? South East Asian Central Banks (SEACEN). Research and Training Centre. Working Paper. 01/2024. URL: <https://www.seacen.org/publications/RePEc/702001-100490-PDF.pdf> (дата обращения: 22.11.2025).

³ Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. Банк России. 2020. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 22.11.2025); Концепция цифрового рубля. Банк России. Апрель. 2021. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 22.11.2025).

и рядом исследований международных финансовых организаций⁴.

В относительно стабильных условиях ДКП и ее передаточные импульсы, действительно, будут с высокой вероятностью относительно нечувствительны к реализации данной монетарной новации. Однако, существует вероятность ослабления действенности части каналов трансмиссионного механизма ДКП. Так, в условиях проведения антиинфляционной денежно-кредитной политики могут возникнуть и проявиться значимые проинфляционные риски; при возрастающих процентных ставках эти риски могут расти как следствие сокращения доли ЦВЦБ в денежном обороте, либо снижения темпов ее приращения в результате усиления склонности к сбережению. Но, этот эффект может компенсироваться потенциальным смягчением как результат усиления финансовой инклюзии и монетарного суверенитета. Эти факторы, ослабляющие монетарную трансмиссию, будут сильнее проявлять себя особенно на начальном этапе внедрения ЦВЦБ. Однако, по мере «укоренения» этой новации в монетарной реальности, их влияние будет ослабевать.

С другой стороны, стимулирующая или экспансионистская денежно-кредитная политика с высокой вероятностью катализирует переток средств с банковских депозитов в ЦВЦБ. Этот процесс в потенциале также повлияет на импульсы монетарной политики, поскольку приведет к росту обязательств центрального банка по ЦВЦБ и сокращению ресурсов банков. В случае введения ЦВЦБ без лимитов розничных обязательств центральные банки могут быть ограничены в своих возможностях проводить экспансионистскую денежно-кредитную политику. Введение данных лимитов представляется необходимым и неизбежным, учитывая позиции национальных регуляторов по этому вопросу⁵. Существующие на

⁴ Central Bank Digital Currencies. Bank for International Settlements. March 2018. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf> (дата обращения: 22.11.2025); Approach to Central Bank Digital Currency Capacity Development. International Monetary Fund. Policy Papers. No. 2023/016. URL: <https://doi.org/10.5089/9798400240256.007>; Central Bank Digital Currency: Progress and Further Considerations. International Monetary Fund. Policy Paper. No. 2024/052. URL: <https://www.imf.org/en/publications/policy-papers/issues/2024/11/08/central-bank-digital-currency-progress-and-further-considerations-557194> (дата обращения: 22.11.2025).

⁵ BIS survey on CBDCs and crypto/ BIS Papers. No 159. 22 August 2025. [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispp159> (дата обращения: 22.11.2025).

сегодняшний день модельные построения, а также наличие эмпирических доказательств последствий введения ЦВЦБ позволяют сделать вывод о неочевидности обеспечения ценовой стабильности без изменений в денежно-кредитной политике и регулировании денежного оборота.

ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ ИНФЛЯЦИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВОЗМОЖНОСТИ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫМ БАНКОМ ЦЕНОВОГО ТАРГЕТА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЦВЦБ

Учитывая, что банковская система в России имеет ярко выраженные региональные особенности, отражающиеся в итоге на социально-экономическом развитии территориальных образований, влияние тех или иных денежных новаций на ценовую динамику может спровоцировать рост регионального «разброса» цен. Усиление этого эффекта возможно вследствие сохраняющихся территориальных различий в развитии цифровой инфраструктуры.

Сопоставляя два аспекта регионального среза проблемы влияния ЦВЦБ на денежно-кредитную стабильность, следует отметить несравненно более широкое представление первого в современном анализе феномена инфляции и соответствующей политике монетарных властей. Региональная неоднородность инфляционного процесса уже не первый год является одним из эпицентров исследовательского интереса со стороны отечественных учёных, что является вполне закономерным на фоне злободневности самого явления для национальной экономики. Тем более, что территориальные различия в ценовой динамике, их консервация или усиление снижают эффективность проведения единой денежно-кредитной политики. При этом большинство исследований сфокусировано на идентификации факторов неоднородности инфляции. Ряд авторов связывает их с начальными различиями цен на товары и услуги [12], немонетарными факторами, обуславливающими объективный характер различий в возможностях российских регионов [13] или устойчивыми структурными факторами территориального происхождения [14]. Расхождение региональных цен объясняется также действием проциклических факторов [15], что фактически замыкает возможные решения данной проблемы исключительно рамками монетарной политики

без рассмотрения возможности включения в нее специализированных инструментов поддержки развития территорий.

Для зарубежных исследований региональной неоднородности инфляции также характерны различные позиции по вопросу классификации и доминирования тех или иных факторов неоднородности. Результаты, полученные на материале стран с формирующимся рынком, свидетельствуют о том, что пространственное распределение вместе с транспортными издержками являются важными факторами, определяющими региональную инфляцию [16; 17]. Результаты исследований в странах по вопросу факторов неоднородности указывают на существенность фактора единой ДКП⁶.

Таким образом, отклонение региональных показателей инфляции от общестранового тренда может быть обусловлено совокупностью многих факторов, как объективных, определяющих сравнительные преимущества и уязвимости территорий, так и конъюнктурных, связанных с формированием текущего макроэкономического фона.

Первая группа факторов — это, собственно, набор условий, сложившихся под воздействием объективных обстоятельств: географического положения, структуры ресурсов, территориальной хозяйственной специализации и т.п., которые и сегодня в существенной, если не определяющей мере, провоцируют сохранение и даже нарастание различий в региональной социально-экономической динамике инфляции. Подобного рода факторы действуют в направлении отклонения региональной ценовой динамики от общероссийского тренда, однако их вклад в региональную неоднородность оценивается отечественным регулятором как относительно незначительный — менее 5%⁷.

⁶ Beck G. W., Hubrich K., Marcellino M. Regional Inflation Dynamics Within and Across Euro Area Countries and a Comparison with the US. European Central Bank. Working Paper Series. 2006. (681). URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp681.pdf> (дата обращения: 28.11.2025); Gern K.-J., Sonnenberg N., Stolzenburg U. Inflation Divergence in the Euro Area: Nature and Implications. European Parliament. Monetary Dialogue Papers, November 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/733996/IPOL_IDA\(2022\)733996_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/733996/IPOL_IDA(2022)733996_EN.pdf) (дата обращения: 28.11.2025).

⁷ Дерюгина Е., Карлова Н., Пономаренко А., Цветкова А. Отраслевые и региональные факторы инфляции в России. Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях. 2018. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/47509/wp_36.pdf (дата обращения: 28.11.2025)

Группировка российских регионов по значениям индексов, характеризующих уровни социального и экономического развития / Grouping of Russian regions by index values featuring the levels of socioeconomic growth

Группы регионов / Region groups	Виды индексов / Types of indexes	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Регионы с высоким значением	индекса социального развития	14	10	7	5	15	15
	индекса хозяйственного развития	12	7	12	17	12	15
Регионы со средним значением	индекса социального развития	51	28	25	22	58	60
	индекса хозяйственного развития	51	26	45	49	43	60
Регионы с низким значением	индекса социального развития	20	47	53	58	12	10
	индекса хозяйственного развития	22	52	28	19	30	10

Источник / Source: Тренды развития экономик субъектов Российской Федерации в 2019–2024 гг. / Trends of economic development of the Russian Federation entities for 2019–2024. URL: <https://www.rea.ru/science/ekspertizyi-reu-arhiv/trendyi-razvitiya-ekonomik-subyektov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения / accessed on 28.11.2025).

Вторая группа факторов составляет так называемую идиосинкразическую компоненту региональной инфляции, объясняющую отклонение цены на конкретный товар в конкретном регионе. На них приходится чуть менее 40% дисперсии инфляции по регионам, и их влияние сопоставимо с действием общих для страны инфляционных факторов [18;19]. Одним из проявлений такого рода является разрыв в уровне социально-экономического развития регионов (см. таблицу).

За последние полтора-два десятилетия разница в социально-экономическом развитии регионов существенно уменьшилась благодаря реализации социально-экономических программ в рамках национальных проектов. В то же время произошедшие за последние годы изменения трудно квалифицировать как устойчивые ввиду специфики бюджетного импульса, их вызвавшего.

Таким образом, региональную неоднородность инфляции следует рассматривать как результат действия объективных факторов, определяющих разрыв в хозяйственных и инвестиционных возможностях территорий и, одновременно, как фактор углубления территориальных диспропорций.

Данные рисунка указывают на то, что в периоды нестабильности, которыми насыщен анализируемый период, разброс инфляционных показателей по регионам резко увеличивался, по мере же достижения макроэкономической стабильно-

сти — сокращался. К сожалению, в сохранении его стабильной низкой величины роль объективных, крайне инерционных факторов регионального происхождения, минимальна. Они индифферентны к традиционным инструментам антиинфляционного действия, ввиду чего снижение величины данного разброса следует рассматривать как результат нейтрализации или минимизации общестрановых факторов инфляции, в большинстве своем имеющих монетарную природу.

Введение в оборот цифрового рубля затрагивает сам механизм монетарной трансмиссии. Как отмечалось выше, действие отдельных его каналов может ослабнуть, что может быть компенсировано расширением рефинансирования, введением лимитов на балансы и транзакции в ЦВЦБ. В арсенале центрального банка достаточно инструментов, чтобы купировать возможные риски, связанные с введением ЦВЦБ. Эти общие меры не затронут упоминавшиеся объективные обстоятельства, сопровождающие региональное развитие, но они могут повлиять на факторы, располагающиеся «в пограничной области»: между региональными особенностями и макроэкономическим фоном. К ним мы относим сберегательную активность, структуру потребительской корзины, связанный с ней платежеспособный спрос, который является одним из заключительных этапов действия монетарной трансмиссии.

Фактор сбережений крайне важен, поскольку их краткосрочная компонента будет переведена

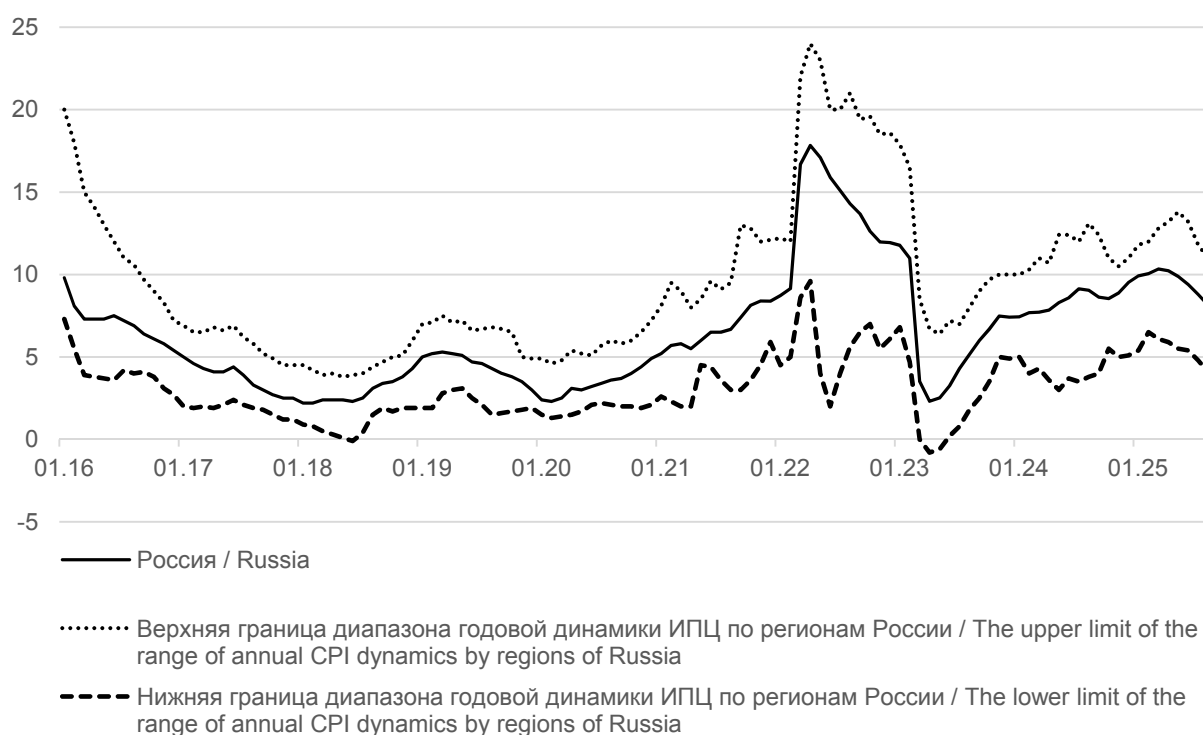

Рис. / Fig. Разброс годового показателя индекса потребительских цен (ИПЦ) в регионах относительно динамики по России, % / The spread of annual inflation in the regions relative to the dynamics over Russia, %

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Банка России / compiled by the authors on the World Bank's data. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkr (дата обращения / accessed on 28.11.2025).

в цифровые кошельки в первую очередь. Это — наиболее мелкие и краткосрочные депозиты, владельцы которых в основном имеют небольшие доходы. Именно этот вид депозитов в регионах, замыкающих общероссийский рейтинг по уровню социального благополучия, с большей вероятностью обретут беспроцентную цифровую форму денег центрального банка. В этой части можно предположить вероятность региональной неравномерности подобной трансформации, выраженной в относительных показателях, которая может увеличиться при условии перевода социальных выплат из бюджета, заработных плат работникам бюджетной сферы в цифровой рубль. Параллельным курсом возможно будет расти и мотивация использования цифрового рубля, формируемая его опциями как более экономичное средство платежа. Данные процессы будут стимулировать переток средств с карточных счетов в цифровые кошельки граждан. Сохраняющееся инфляционное давление на экономику, вероятная стагнация социальной ситуации способны ускорить и масштабировать этот процесс,

особенно в отстающих регионах. Потенциальный рост уровня финансовой инклюзивности в связи с введением в оборот цифрового рубля способен также усилить проинфляционные факторы. Однако, невзирая на достаточно высокий уровень этой инклюзивности в целом по России, его резервы еще остаются в регионах, находящихся, как правило, в нижней части общероссийского рейтинга. Резонирование этих факторов, а также вызванных ими процессов на фоне объективной картины существенной территориальной дифференциации вполне способно ускорить оборот денег и спровоцировать раскручивание инфляционной спирали спроса, увеличив региональный разброс ценовой динамики.

ВЫВОДЫ

ЦВЦБ пока не получила широкого распространения, поэтому и оценки её влияния на денежно-кредитную политику носят концептуальный, перспективный характер. На данном этапе, характеризуемом недостаточностью эмпирических

подтверждений эффектов, сопряженных с внедрением цифрового рубля, можно определенно судить о неочевидности индифферентности реакции на эту новацию механизма монетарной трансмиссии. Более того, вероятность отражения в нём включения в оборот ЦВЦБ оценивается как значимая, поскольку актуализируется адаптационная задача в отношении операций центрального банка. Возможности достижения регулятором декларируемой целевой установки ДКП — ценового таргета — отнюдь не устраняются при этом, но потребуют дополнительных усилий по мониторингу состояния ликвидности в банковском секторе, ее своевременному восполнению по каналам рефинансирования, отслеживанию

проинфляционных рисков, число и характер которых могут измениться в связи с введением ЦВЦБ.

Учитывая региональную неоднородность инфляции, вызванную совокупностью причин разного характера, задача сохранения действенности основных каналов монетарной трансмиссии может осложниться, потребовав расширения анализа, включения в его орбиту всей совокупности факторов, провоцирующих отставание в региональном развитии. Центральным банкам необходимо предвидеть любые последствия для своей политики, улучшать свои процедуры, адаптировать их к инновациям в монетарной сфере, условиям и задачам развития экономики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрюшин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2021;15(1):54-76. DOI: 10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76
2. Абрамова М.А., Фиापшев А.Б. Цифровизация монетарной сферы: развитие DeFi и введение цифрового рубля. *Банковские услуги*. 2024;(11):15-24. DOI: 10.36992/2075-1915_2024_11_15
3. Дюдикова Е.И., Криворучко С.В., Зеленева Е.С. Развитие платежной инфраструктуры трансграничных расчетов: от корсчетов к DLT. *Мировая экономика и международные отношения*. 2026;70(3):29-42. DOI: 10.20542/0131-2227-2026-70-3-29-42
4. Дюдикова Е.И., Бровкина Н.Е., Ризванова И.А. Наличные деньги: пережиток или системная необходимость? *Общественные науки и современность*. 2025;(4):62-76. DOI: 10.31857/S0869049925040051
5. Зеленева Е.С., Ризванова И.А. Оценка платежного суверенитета государства. *Финансы: теория и практика*. 2026;30(1):54-65. DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-1-54-65
6. Gospodarchuk G. G., Zeleneva E. S. Consolidation of monetary policy objectives with the goals of financial and economic development. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2025;18(6):1091-1103
7. Абрамова М.А., Фиапшев А.Б. Внедрение цифровой валюты центрального банка как фактор обеспечения финансового суверенитета. *Банковские услуги*. 2025;(1):3-11. DOI: 10.36992/2075-1915_2025_1_3
8. Парасоцкая Н.Н., Яковлев Н.Д. Основы координации денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политик для обеспечения роста российской экономики *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):23-33. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-23-33
9. Абрамова М.А., Куницына Н.Н., Дюдикова Е.И. Перспективы внедрения цифрового рубля в денежный оборот России. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(4):6-16. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16
10. Белова М.Т., Ризванова И.А. Влияние децентрализованных финансов на деятельность традиционных финансовых посредников. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(6):143-153. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-6-143-153

11. Калухов В. В., Дугаев М. В. Цифровой рубль в России и мире. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(6):62-76. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-62-76
12. Худобородов С. М. Неоднородность региональной инфляции и ее значение для денежно-кредитной политики. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2025;15(2):276-287. DOI: 10.21869/2223-1552-2025-15-2-276-287
13. Дворядкина Е. Б., Куклинова П. С. Стратегические приоритеты регионального экономического развития в контексте регулирования немонетарных факторов инфляции. *Управленец*. 2024;15(4):27-40. DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-4-3
14. Жемков М. И. Региональные эффекты таргетирования инфляции в России: факторы неоднородности и структурные уровни инфляции. *Вопросы экономики*. 2019;9(9):70-89. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-9-70-89
15. Пантеева С., Арженовский С., Туманянц К. Полуструктурная модель экономики макрорегиона «Юг». *Деньги и Кредит*. 2025;84(2):65-88
16. Marques H., Pino G., Horrillo J. D. T. Regional inflation dynamics using space-time models. *Empirical Economics*. 2014;47(3):1147-1172. DOI: 10.1007/s00181-013-0763-9
17. Winkelried D., Gutierrez J. E. Regional Inflation Dynamics and Inflation Targeting. The Case of Peru. *Journal of Applied Economics*. 2015;18(2):199-224. DOI: 10.1016/s1514-0326(15)30009-x
18. Молчанов И. Н., Молчанова Н. П. Трансформация экономического пространства: новые векторы комплексного развития территорий. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(4):6-15. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-4-6-15
19. Печалова М. Ю. Развитие трансграничных платежей с помощью цифровых активов и цифровых валют для достижения целей экономического развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):69-80. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-69-80

REFERENCES

1. Andryushin S. A. Digital currency of the Central Bank as the Third form of Money of the State. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*. 2021;15(1):54-76. (In Russ.). DOI: 10.21202/1993-047X.15.2021.1.54-76
2. Abramova M. A., Fiapshv A. B. Digitalization of the Monetary Sphere: the Development of DeFi and the Introduction of the Digital Ruble. *Bankovskie uslugi = Banking Services*. 2024;(11):15-24. (In Russ.). DOI: 10.36992/2075-1915_2024_11_15
3. Dyudikova E. I., Krivoruchko S. V., Zeleneva E. S. Evolution of cross-border payment infrastructure: From correspondent accounts to DLT. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = Global economy and international relations*. 2026;70(3):29-42. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2026-70-3-29-42
4. Dyudikova E. I., Brovkina N. E., Rizvanova I. A. Cash: A relic or a systemic necessity? *Obshchestvennye nauki i sovremennost = Social sciences and contemporary world*. 2025;(4):62-76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869049925040051
5. Zeleneva E. S., Rizvanova I. A. Assessment of the state's payment sovereignty. *Finance: Theory and Practice*. 2026;30(1):54-65. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-1-54-65
6. Gospodarchuk G. G., Zeleneva E. S. Consolidation of Monetary Policy Objectives with the Goals of Financial and Economic Development. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2025;18(6):1091-1103.
7. Abramova M. A., Fiapshv A. B. The Introduction of a Central Bank Digital Currency as a Factor in Ensuring Financial Sovereignty. *Bankovskie uslugi = Banking Services*. 2025;(1):3-11. (In Russ.). DOI: 10.36992/2075-1915_2025_1_3
8. Parasoczskaya N. N., Yakovlev N. D. Fundamentals of coordination of monetary and fiscal policies to ensure the growth of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):23-33. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-23-33
9. Abramova M. A., Kunitsyna N. N., Dyudikova E. I. Prospects for the Incorporation of the Digital Ruble into Russia's Monetary Turnover: Attributes and Principles for Developing a Trusted Digital Environment. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(4):6-16. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16

10. Belova M. T. Rizvanova I. A. The Impact of Decentralized Finance on the Activities of Traditional Financial Intermediaries. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(6):143-153. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-6-143-153
11. Kalukhov V. V., Dugaev M. V. Digital Ruble in Russia and the World. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(6):62-76. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-62-76
12. Khudoborodov S. M. Heterogeneity of Regional Inflation and its Importance for Monetary Policy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2025;15(2):276-287. (In Russ.). DOI: 10.21869/2223-1552-2025-15-2-276-287
13. Dvoryadkina E. B., Kuklinova P. S. Strategic Priorities of Regional Economic Development in the Context of Regulating Non-monetary Factors of Inflation. *Upravlenets = The Manager*. 2024;15(4):27-40. (In Russ.). DOI: 10.29141/2218-5003-2024-15-4-3
14. Zhemkov M. I. Regional Effects of Inflation Targeting in Russia: Factors of Heterogeneity and Structural Inflation Rates. *Voprosy Ekonomiki = Issues of Economics*. 2019;9(9):70-89. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2019-9-70-89
15. Panteeva S., Arzhenovskiy S. Tumanyants, K. Semi-Structural Model of Economy of the Southern Macroregion of Russia. *Den'gi i Kredit = Russian Journal of Money and Finance*. 2025;84(2):65-88. (In Russ.).
16. Marques H., Pino G., Horrillo J. D. T. Regional Inflation Dynamics Using Space-Time Models. *Empirical Economics*. 2014;47(3):1147-1172. DOI: 10.1007/s00181-013-0763-9
17. Winkelried D., Gutierrez J. E. Regional Inflation Dynamics and Inflation Targeting. The Case of Peru. *Journal of Applied Economics*. 2015;18(2):199-224. DOI: 10.1016/s1514-0326(15)30009-x
18. Molchanov I. N., Molchanova N. P. Transformation of the Economic Space: New Vectors of Integrated Development of Territories. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(4):6-15. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-4-6-15
19. Pechalova M. Yu. Development of cross-border payments using digital assets and digital currencies to achieve economic development goals. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):69-80. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-69-80

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Александровна Абрамова — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, главный научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Marina A. Abramova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance, Chief Research Assoc. of the Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9338-8478>

MAbramova@fa.ru

Марианна Толевна Белова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Marianna T. Belova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance, Leader Research Assoc. of the Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-6505-8607>

Автор для корреспонденции/ Corresponding author:

MTBelova@fa.ru

Елена Владимировна Травкина — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, главный научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena V. Travkina — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance, Chief Research Assoc. of the Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-0061-3427>

EVTravkina@fa.ru

Алим Борисович Фиапшев — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, главный научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Alim B. Fiapshev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance, Chief Research Assoc. of the Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3045-827X>

ABFiapshev@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

М.А. Абрамова — концепция статьи, научное обоснование и анализ эффектов внедрения в оборот цифровой валюты центрального банка, общее редактирование статьи.

М.Т. Белова — научный анализ проблемы дифференциации уровней социально-экономического развития регионов.

Е.В. Травкина — научный анализ феномена региональной неоднородности инфляции.

А.Б. Фиапшев — научный анализ влияния внедрения в оборот цифровой валюты центрального банка на инфляцию и ее региональные особенности.

Authors Contribution Statement:

M. A. Abramova — paper's concept, scientific substantiation, and analysis of the effects of a central bank digital currency introducing, general editing.

M. T. Belova — scientific analysis of the problem of differentiating the levels of socioeconomic development in regions.

E. V. Travkina — scientific analysis of the phenomenon of regional inflation heterogeneity.

A. B. Fiapshev — scientific analysis of the impact of the central bank digital currency introducing on inflation and its regional features.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.01.2026; принята к публикации 01.07.2026

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

The article was received 20.01.2026; accepted for publication 01.07.2026

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-48-54
УДК 338.24+378.4(045)
JEL I23, I25

Критерии эффективности университета как научно-образовательной корпорации в экономике знаний

Н.М. Абрамова

Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — модель университета как научно-образовательной корпорации, понимаемой как центральное звено инновационной экосистемы, функционирующей по принципу сквозного производственного цикла, включающего генерацию нового знания, трансформацию этого знания в человеческий капитал нового типа, создание технологических решений, а также демонстрацию и подтверждение практической применимости соответствующих технологий. **Цель** — разработка системы критериев и показателей эффективности функционирования научно-образовательной корпорации, отражающей полноту, скорость и связанность указанного цикла, а также позицию университета как экосистемного интегратора. **Актуальность** исследования обусловлена тем, что действующие системы оценки университетов, включая мониторинг Минобрнауки РФ, аккредитационные процедуры и глобальные рейтинги, фиксируют преимущественно ресурсные и процессные параметры деятельности вузов, но недостаточно отражают их способность обеспечивать полный цикл генерации, трансформации и практической реализации знания в условиях современной экономики. В этих условиях возникает необходимость разработки такой модели оценки, которая позволяла бы анализировать университет не как совокупность разрозненных образовательных и исследовательских функций, а как целостный научно-образовательный и инновационный комплекс. **Методология** исследования базируется на синтезе теорий предпринимательского университета, портфельного управления и экосистемного подхода. В работе использованы **методы** теоретического анализа и синтеза, сравнительного анализа существующих систем оценки университетов, индукции, а также авторской концептуализации критериев и показателей эффективности. **Научная новизна** состоит в предложении методологического подхода к оценке эффективности научно-образовательной корпорации, включающего систему критериев и показателей, отражающих результаты научной, образовательной и предпринимательской деятельности университета, структурированных в логике сквозного производственного цикла и институционального устройства научно-образовательной корпорации. **Результатом** работы является предложенная автором система из шести критериев и двадцати трёх показателей, сгруппированных по звеньям производственного цикла и охватывающих результативность генерации знания, качество человеческого капитала, интенсивность технологического трансфера, развитость демонстрационной инфраструктуры, экосистемную позицию и финансово-управленческую устойчивость. Сделан **вывод**: предлагаемая система позволяет переориентировать оценку университетов с разрозненных индикаторов (публикации, контингент, объёмы НИОКР) на измерение институциональной зрелости университетов как полносистемных производителей инноваций. **Ключевые слова**: научно-образовательная корпорация; университет; эффективность; критерии; показатели; инновационная экосистема; технологический трансфер; человеческий капитал

Для цитирования: Абрамова Н.М. Критерии эффективности университета как научно-образовательной корпорации в экономике знаний. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(4):48-54. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-48-54

ORIGINAL PAPER

University Efficiency Criteria as a Scientific and Educational Corporation in the Knowledge Economy

N.M. Abramova

Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The paper's **subject** is the model of a university as a scientific and educational corporation. The researcher understands it as the central element of an innovative ecosystem that functions according to the principle of the continuous production cycle. This cycle includes generating new knowledge, transforming that knowledge into

© Абрамова Н.М., 2026

new human capital, creating technological solutions, and showing and confirming the practical applicability of the corresponding technologies. The study's **goal** is to create a framework of criteria and indicators to evaluate a scientific and educational corporation's performance. This framework will assess how completely, quickly, and coherently the corporation functions, while also highlighting its role as an ecosystem integrator within the university. The **relevance** of this research stems from its connection to existing university evaluation methods, including monitoring by the Russian Ministry of Education and Science, accreditation, and international rankings. The core focus of these systems is on university resource and process metrics, neglecting their role in the full knowledge lifecycle for today's economy. Given the circumstances, we need to create an evaluation model. This model should view the university not as separate educational and research parts, but as one integrated system for science, education, and innovation. The research **methodology** combines theories of the entrepreneurial university, portfolio management, and the ecosystem approach. The researcher uses **methods** of theoretical analysis and synthesis, a comparative analysis of existing university evaluation systems, induction, and the author's own conceptualization of performance criteria and indicators. The **scientific innovation** lies in the suggested method for evaluating a research and educational corporation. This method includes criteria and indicators that show the university's scientific, educational, and entrepreneurial outcomes. These are organized according to the continuous production cycle and the corporation's institutional framework. The **outcomes** are the author's suggested six criteria and twenty-three indicators, organized by production cycle elements, covering the effectiveness of knowledge generation, human capital quality, technology transfer intensity, demonstration infrastructure development, ecosystem position, and financial/managerial sustainability. The **conclusion** is that this system facilitates a shift in university evaluations, moving from evaluating separate indicators like research output and student numbers, R&D volume, to assessing their development as integrated entities producing innovation.

Keywords: scientific and educational corporation; university; efficiency; criteria; indicators; innovation ecosystem; technology transfer; human capital

For citation: Abramova N.M. University efficiency criteria as a scientific and educational corporation in the knowledge economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):48-54. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-48-54

ВВЕДЕНИЕ

Современные университеты сегодня — это далеко не привычные нам «кузницы кадров» или «храмы науки». В настоящее время эти образовательные организации являются ключевыми институтами экономики знаний, определяющими способность стран и регионов к научно-технологическому развитию. Однако сложившиеся системы оценки их деятельности — государственная аккредитация, мониторинг Минобрнауки РФ, глобальные рейтинги* [1–5] — фиксируют главным образом ресурсные и процессные характеристики (контингент, средний балл ЕГЭ, объём НИОКР, число публикаций), оставляя за скобками главное: в какой мере университет выступает системным интегратором полного инновационного цикла.

В этой связи автором разработана и предлагается модель научно-образовательной корпорации (далее — НОК), в рамках которой университет рассматривается как ядро инновационной экосистемы, организованное по принципу сквозного производ-

ственного цикла, включающего четыре последовательно связанных звена:

1. *Генерация нового знания* — фундаментальные и прикладные исследования, создание интеллектуальной собственности.
2. *Трансформация знания в человеческий капитал* — подготовка специалистов, способных не только воспроизводить, но и приумножать знание, а также инициировать технологические инновации.
3. *Создание технологических решений* — патенты, лицензии, R&D для индустрии, стартапы, спин-оффы.
4. *Демонстрация и подтверждение практической применимости* — пилотные производства, живые лаборатории, испытательные полигоны, центры прототипирования и сертификации.

Научно-образовательная корпорация охватывает полный цикл движения знания — от его генерации до подтверждённой практической реализации. Учитывая, что действующие системы оценки университетов фрагментарно охватывают три звена, но практически не фиксируют четвёртое и не измеряют связанность и скорость потока между звеньями, цель настоящего исследования — разработка системы критериев и показателей, позволяющей восполнить указанный пробел.

* Информационно-аналитические материалы по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования. Benchmarking Higher Education System Performance. Higher Education. OECD Publishing. Paris. 2019. DOI: 10.1787/be5514d7-en

ОТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К НАУЧНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОРПОРАЦИИ

В основе предлагаемой модели лежит ряд концептуальных подходов, каждый из которых по-своему переосмысливает роль университета в экономике знаний и задаёт рамки для конструирования НОК. Прежде всего это концепция предпринимательского университета, фиксирующая интеграцию науки, образования и инноваций как новую социально-контрактную миссию университета [6–7], однако данная концепция остаётся преимущественно описательной и не предлагает операционных инструментов оценки.

Немаловажное значение имеет портфельная теория и проектный менеджмент, позволяющие рассматривать университет не как сметное бюджетное учреждение, а как организацию, управляющую портфелем исследовательских, образовательных и инновационных проектов с точки зрения их доходности, риска и стратегической связанности [8–9]. И, наконец, экосистемный метод, представляющий университет в качестве центра сетевых взаимодействий, определяющего инновационную траекторию региона или отрасли [10–13]. Синтез указанных подходов позволяет классифицировать научно-образовательную корпорацию как университет, обладающий тремя ключевыми свойствами:

- *единое производственное ядро* — наука, образование и инновации интегрированы в сквозной цикл, где результат одного звена является ресурсом для следующего;
- *портфельная логика управления* — управленческие решения (отбор проектов, аллокация ресурсов) принимаются на основе критериев доходности, риска и стратегической связанности;
- *внешняя ориентированность* — ценность создаётся для внешних стейкхолдеров (бизнеса, государства, инвесторов), а не для внутренних подразделений.

Именно эти свойства задают систему критериев оценки, отличающую НОК от классического университета.

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОРПОРАЦИИ

Предлагаемая нами система оценки включает шесть критериев эффективности научно-образовательной корпорации, сгруппированных по звеньям производственного цикла и сквозным

характеристикам. Каждый из них конкретизируется через три-пять показателей с указанием единиц измерения и источников данных. Полный перечень индикаторов приведен в *таблице*, что обеспечивает целостное представление о предлагаемой системе оценки и облегчает её использование в исследовательской и управленческой практике.

Критерий «Результативность генерации нового знания» (звено 1) характеризует не просто объём проводимых исследований, а их способность становиться ресурсом для последующих звеньев производственного цикла. В качестве основных показателей рассматриваются: доля НИОКР, выполненных в рамках партнёрства с индустрией; скорость включения новых результатов в образовательные программы; доля публикаций в соавторстве с представителями внешних организаций. Принципиально важно, что абстрактный показатель публикационной активности (например, число статей в различных базах цитирования) не включается в систему: будут иметь значение только те опубликованные научные работы, которые институционально и содержательно связаны с последующим трансфером знания.

Критерий «Качество и востребованность человеческого капитала» (звено 2) оценивает, в какой мере выпускники университета выступают носителями нового знания и агентами инноваций. В линейке ключевых показателей: доля выпускников, трудоустроенных в секторах экономики, связанных с исследованиями и разработками в секторе высоких технологий; доля выпускников, инициировавших создание технологического стартапа (в течение трёх лет после окончания); доля магистрантов и аспирантов, выполняющих исследования в рамках действующих проектов научно-образовательной корпорации. Таким образом, критерий возвращает в модель человеческий капитал, но — в отличие от традиционного подхода — трактует его не как конечную «цель университета», а как продукт второго звена, качество которого определяется степенью включённости выпускников в инновационные процессы.

Критерий «Интенсивность и результативность технологического трансфера» (звено 3) фиксирует превращение созданного знания в рыночно востребованные технологии. В качестве показателей используются: количество патентов и лицензий в расчёте на сто научно-педагогических работников; доля доходов от коммерциализации иссле-

Таблица / Table

**Система критериев и показателей эффективности научно-образовательной корпорации /
The system of performance criteria and indicators for scientific and educational corporations**

Критерий / Criteria	Показатель / Indicator	Единица измерения / Unit	Источник данных / Data source
1. Генерация нового знания	Доля НИОКР, выполненных в рамках партнёрств с индустрией	%	Отчёт по науке
	Скорость включения результатов исследований в образовательные программы (медианный срок от публикации до включения)	месяцы	Экспертиза учебных планов
	Доля публикаций в соавторстве с внешними организациями (невузовскими)	%	База данных публикаций
2. Человеческий капитал	Доля выпускников, трудоустроенных в секторах R&D/высоких технологий	%	Мониторинг трудоустройства
	Доля выпускников, создавших технологический стартап (за 3 года)	%	Опрос выпускников
	Доля магистрантов/аспирантов, вовлечённых в проекты НОК	%	Кадровый учёт
3. Технологический трансфер	Патенты и лицензии на 100 НПР	число	Отчёт по исследовательским продуктам
	Доля доходов от коммерциализации исследовательских продуктов во внебюджетных доходах	%	Финансовая отчётность
	Скорость вывода на рынок (от завершения НИОКР до первого договора)	месяцы	Договорной учёт
4. Демонстрационная инфраструктура	Количество пилотных производств/живых лабораторий/полигонов	число	Инфраструктурный учёт
	Загрузка демонстрационной инфраструктуры внешними заказами	%	Коммерческий учёт
	Число технологий, прошедших сертификацию/апробацию за период	число	Отчёт ЦКП/полигонов
5. Экосистемная позиция	Число партнёров с 3+ направлениями взаимодействия	число	CRM/партнёрский учёт
	Объём внешнего софинансирования на 1 рубль собственных средств	коэффициент	Финансовая отчётность
	Доля инновационных проектов в регионе, инициированных университетом	% (оценка)	Экспертный опрос
6. Финансовая устойчивость и управляемость	Доля доходов от инноваций во внебюджетных доходах	%	Финансовая отчётность
	Коэффициент самокупаемости инновационного контура	коэффициент	Управленческий учёт
	Доля проектов портфеля с формализованным мониторингом	%	Система управления проектами
	Доля доходов от коммерциализации, реинвестируемая по модели	%	Внутреннее положение

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

довательских продуктов в общих внебюджетных доходах; число созданных стартапов и спин-оффов; средняя скорость вывода технологического решения на рынок (от завершения НИОКР до заключения первого договора). Важным индикатором рыночной ориентированности исследовательской деятельности является также доля НИОКР, выполненных по прямым заказам бизнеса с фиксацией прав на последующую коммерциализацию.

Критерий «Развитость демонстрационно-испытательной инфраструктуры» (звено 4) отражает наличие и степень использования инфраструктуры, обеспечивающей подтверждение практической применимости технологий. Среди основных показателей — количество пилотных производств, живых лабораторий и испытательных полигонов в структуре университета, уровень их загрузки (доля времени работы, оплаченная внешними заказчиками), а также число технологий, прошедших сертификацию или апробацию в рамках данной инфраструктуры. Этот критерий отсутствует во всех существующих системах оценки, но именно он отличает университет как полносистемного инновационного оператора от организации, ограничивающейся преимущественно генерацией и регистрацией патентов без их последующей технологической и рыночной реализации.

Критерий «Экосистемная позиция университета» (сквозной) характеризует роль университета как ядра инновационной экосистемы. Из показателей целесообразно применять следующие: число партнёров, с которыми университет взаимодействует одновременно по трём и более направлениям (исследования, образование, инновации); объём внешнего софинансирования совместных проектов на один рубль собственных средств университета; участие в национальных и международных консорциумах, кластерах, технологических платформах. Ключевым индикатором выступает доля инновационных проектов в регионе или отрасли, инициированных университетом или реализуемых на его базе, которая рассчитывается на основе экспертных опросов ключевых стейкхолдеров.

Критерий «Финансовая устойчивость и управляемость портфеля научно-образовательной корпорации» (сквозной) позволяет оценить способность университета поддерживать и воспроизводить модель научно-образовательной корпорации в финансовом и управленческом измерениях. В качестве показателей рассматриваются: доля доходов от инновационной деятельности в общих внебюд-

жетных доходах; коэффициент самокупаемости инновационного контура (отношение доходов от инновационной деятельности к расходам на поддержание этого контура); доля проектов портфеля НОК, проходящих через формализованные процедуры коллегиального отбора и мониторинга; доля доходов от коммерциализации, реинвестируемых в исследования и образование в соответствии с нормативно закреплённой моделью.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С СУЩЕСТВУЮЩИМИ СИСТЕМАМИ ОЦЕНКИ

Предлагаемая система оценки научно-образовательной корпорации отличается от доминирующих подходов к оценке деятельности университетов по трём ключевым параметрам:

- *Во-первых*, в отличие от мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, который опирается преимущественно на входные и процессные показатели, предлагаемая система фокусируется на характеристиках связанности звеньев полного производственного цикла. В этом контексте, например, значим не просто совокупный объём НИОКР, а, прежде всего, их доля, реализованная в партнёрстве с промышленными заказчиками и перешедшая в стадию технологического трансфера.

- *Во-вторых*, в отличие от глобальных рейтингов университетов, сфокусированных на наукометрических показателях и репутационных оценках, предлагаемая система включает такие критически важные для экономики знаний параметры, как степень загрузки демонстрационно-испытательной инфраструктуры, скорость вывода технологических решений на рынок и доля выпускников, реализующих предпринимательские и инновационные проекты.

- *В-третьих*, в отличие от концептуальных моделей, которые в значительной мере носят описательный характер, предлагаемая система задаёт набор измеримых операционных индикаторов, пригодных для регулярного мониторинга, сопоставления университетов и принятия управленческих решений.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование показало, что модель университета как научно-образовательной корпорации позволяет по-новому описать его место

в экономике знаний и задать строгие, но более объективные рамки анализа его деятельности. НОК трактуется автором как университет, обладающий тремя ключевыми свойствами: единством производственного ядра, портфельной логикой управления и внешней ориентированностью, что создаёт основу для перехода от нормативных деклараций к формализованным критериям оценки.

На этой основе автор разработал систему оценки, в которой объектом измерения выступает целостный четырёхзвенный производственный цикл «знание → человек → технология → демонстрация», а не отдельные его элементы. Сформированная система включает шесть критериев и двадцать три показателя, каждый из которых соотнесён с конкретным звеном

производственного цикла и обеспечен определённым источником данных, что позволяет перейти от фиксации разрозненных аспектов деятельности университета к анализу его функционирования как полносистемного инновационного оператора.

Предложенная система оценки может служить базой внутреннего аудита, настройки портфеля проектов и стратегического планирования развития университета, интегрированного в научно-технологическую экосистему. В то же время она может быть использована органами государственной власти для переориентации мониторинга и инструментов поддержки вузов в сторону оценки полной цепочки создания и доведения инноваций до стадии демонстрации и внедрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губа К.С. Оценка качества высшего образования: обзор международного опыта. *Университетское управление: практика и анализ*. 2019;23(3):94-107. DOI: 10.15826/umpa.2019.03.022
2. Евдокимов С.Ю. Аккредитация как система оценки качества образовательной деятельности. *Мир науки*. 2017;5(4):39.
3. Григораш О.В., Багута Н.А. Методика оценки эффективности образовательной деятельности вуза. *Высшее образование сегодня*. 2024;6:11-16. DOI: 10.18137/RNU.HET.24.06.P.011
4. Романов Е.В. Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму? *Образование и наука*. 2021;23(6):84-125. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-83-125
5. Кудрявцева И.С., Козорез Д.А., Румакина А.В. Оценка эффективности и результативности деятельности университета в условиях цифровой трансформации. *Качество и жизнь*. 2023;2:10-14. DOI: 10.34214/2312-5209-2023-38-2-10-14
6. Бертон Р. Кларк. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Издательский дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики; 2011. 237 с.
7. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Предпринимательская модель vs гумбольдтовская модель вуза: институционализация университетского предпринимательства. Методология процесса. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2026;114:192-206. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-114-2026-192-206
8. Cooper R.G., Edgett S.J., Kleinschmidt E.J. Portfolio management for new products. 2nd ed. New York: Basic Books; 2002. 400 p.
9. J. Kent Crawford. Project management maturity model. Second edition. New York: Taylor & Francis Group, LLC; 2007. 235 p.
10. Adner R. Ecosystem as structure: An actionable construct for strategy. *Journal of Management*. 2017;43(1):39-58. DOI:10.1177/0149206316678451
11. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*. 2018;39(8):2255-2276. DOI: 10.1002/smj.2904
12. Акбердина В.В., Василенко Е.В. Инновационная экосистема: теоретический обзор предметной области. *Журнал экономической теории*. 2021;18(3):462-473. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-3.10
13. Granstrand O., Holgersson M. Innovation ecosystems: A conceptual review and a new definition. *Technovation*. 2020;90-91:102098. DOI: 10.1016/j.technovation.2019.102098

REFERENCES

1. Guba K.S. Quality of higher education: A review of international practice. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2019;23(3):94-107. (In Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2019.03.022

2. Evdokimov S. Y. Accreditation as a system for assessing the quality of educational activities. *Mir nauki = World of Science*. 2017;5(4):39. (In Russ.).
3. Grigorash O. V., Baguta N. A. Methodology for evaluating the effectiveness of university educational activities. *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher Education Today*. 2024;6:11-16. (In Russ.). DOI: 10.18137/RNU.HET.24.06.P.011
4. Romanov E. V. Evaluation of the efficiency of Russian universities: Do we need to change the paradigm? *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2021;23(6):84-125. (In Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-83-125
5. Kudryavtseva I. S., Kozorez D. A., Rumakina A. V. Evaluating the efficiency and effectiveness of university activities in the context of digital transformation. *Kachestvo i zhizn' = Quality and life*. 2023;2:10-14. (In Russ.). DOI: 10.34214/2312-5209-2023-38-2-10-14
6. Burton R. Clark. Creation of entrepreneurial universities: Organizational directions of transformation. Transl. from English by A. Smirnov. Moscow: Publishing House of the State University of Higher School of Economics; 2011. 237 p. (In Russ.).
7. Gumerova G. I., Shaimieva E. Sh. Entrepreneurial Model vs Humboldt University model: Institutionalization of university entrepreneurship. Methodology of the process. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = Public Administration. E-journal (Russia)*. 2026;114:192-206. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU2070-1381-114-2026-192-206
8. Cooper R. G., Edgett S. J., Kleinschmidt E. J. Portfolio management of new products. 2nd ed. NY.: Basic Books; 2002. 400 p.
9. J. Kent Crawford. Project management maturity model. Second edition. NY.: Taylor & Francis Group, LLC; 2007. 235 p.
10. Adner R. Ecosystem as a structure: an effective strategy construct. *Journal of Management*. 2017;43(1):39-58. DOI:10.1177/0149206316678451
11. Yakobidis M. G., Sennamo S., Gaver A. Towards the theory of ecosystems. *Journal of Strategic Management*. 2018;39(8):2255-2276. DOI:10.1002/smj.2904
12. Akberdina V. V., Vasilenko E. V. Innovation ecosystem: Review of the research field. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Russian Journal of Economic Theory*. 2021;18(3):462-473. (In Russ.). DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-3.10
13. Granstrand O., Holgersson M. Innovative ecosystems: A conceptual overview and a new definition. *Technovation*. 2020;90-91:102098. DOI: 10.1016/j.technovation.2019.102098

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Михайловна Абрамова — кандидат экономических наук, независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

Natalya M. Abramova — Cand. Sci. (Econ.), Independent Researcher, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0001-2486-7667>

abramova-research@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.05.2026; accepted for publication 13.07.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-55-65
УДК 336.2(045)
JEL G10, E69

Финансово-налоговые детерминанты устойчивого экономического роста и качества жизни населения в условиях структурных трансформаций

С.В. Карпова, В.С. Кудряшов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического и практического осмысления финансово-налоговых механизмов, которые в современных условиях оказывают решающее влияние на инвестиционную активность, региональную дифференциацию, функционирование финансового сектора и социально-экономическую устойчивость страны. **Предмет** — финансовые, налоговые, инвестиционные и региональные детерминанты долгосрочного экономического роста, а также их влияние на параметры качества жизни. **Цель** работы — выявление и систематизация ключевых факторов, определяющих устойчивость социально-экономического развития, а также попытка оценки институциональных и макроэкономических условий, в рамках которых формируются современные механизмы экономического роста. **Методологическая основа** исследования включает системный и институциональный подходы, методы экономико-статистического анализа, корреляционно-регрессионные методы, сравнение и обобщение результатов эмпирических работ российских и зарубежных исследователей. В **результате** применения этих инструментов осуществлена многомерная оценка влияния финансового развития, налоговой политики, инвестиционных процессов, санкционных ограничений и региональных факторов на экономику. **Научная новизна** заключается в целостном междисциплинарном анализе финансово-налоговых детерминант устойчивого роста, объединяющем макроэкономические, отраслевые, региональные и поведенческие параметры. Сделан **вывод**: интеграция финансовых, налоговых, санкционных и социальных факторов в единую аналитическую модель позволила глубже оценить механизмы формирования качества жизни в условиях структурных трансформаций. **Практическая значимость** исследования состоит в том, что его результаты и выводы целесообразно применять для совершенствования налоговой и бюджетной политики, разработки региональных программ развития, механизмов поддержки инвестиционной активности и стратегий повышения финансовой грамотности населения.

Ключевые слова: финансовое развитие; налоговая политика; экономический рост; качество жизни; инвестиции; региональная экономика; бюджетная политика; устойчивое развитие

Для цитирования: Карпова С.В., Кудряшов В.С. Финансово-налоговые детерминанты устойчивого экономического роста и качества жизни населения в условиях структурных трансформаций. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):55-65. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-55-65

ORIGINAL PAPER

Determinants of Finance and Taxation Affecting Sustainable Economic Expansion and Public Welfare Amidst Structural Shifts

S.V. Karpova, V.S. Kudryashov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **significance** of this research lies in its focus on the necessity of grasping financial and tax mechanisms from both theoretical and practical standpoints. In contemporary times, these mechanisms play a crucial role in shaping investment, regional differences, the financial sector's performance, and the country's socioeconomic stability. The study's **subject** focuses on the financial, tax, investment, and regional elements that drive long-term economic expansion and affect living standards. The research **aims** to identify and organize the key factors influencing sustainable socioeconomic

© Карпова С.В., Кудряшов В.С., 2026

development. It also attempts to evaluate the institutional and macroeconomic environments that shape current economic growth mechanisms. This study's **methodology basis** integrates systems and institutional perspectives, employing economic and statistical analysis, correlation and regression techniques, and a synthesis of findings from Russian and international empirical research. Using these tools, the authors could assess from multiple angles the influence of financial development, tax policy, investment, sanctions, and regional elements on the economy. The **scientific novelty** lies in the thorough analysis across different levels of financial and tax factors influencing sustainable growth, integrating macroeconomic, sectoral, regional, and behavioral elements. The authors' **findings** are that integrating financial, tax, sanctions, and social considerations into a unified analytical model enabled a more complete understanding of the forces that shape quality of life amidst structural transformations. This research's **practical value** lies in its conclusions as potential to inform tax and budget policy improvements, shape regional development initiatives, create investment support mechanisms, and guide strategies for enhancing public financial literacy.

Keywords: financial development; tax policy; economic growth; level of well-being; investments; regional economy; budget policy; sustainable development

For citation: Karpova S.V., Kudryashov V.S. Determinants of finance and taxation affecting sustainable economic expansion and public welfare amidst structural shifts. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):55-65. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-55-65

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобальной нестабильности и структурных изменений проблема устойчивого роста и качества жизни становится особенно значимой. Экономический рост в современной интерпретации рассматривается не только как количественное увеличение валового внутреннего продукта, но и как комплексный процесс, направленный на улучшение социального благополучия, снижение региональной дифференциации, рост инвестиционной активности и развитие человеческого капитала.

Финансово-налоговая система выступает ключевым инструментом государственного регулирования социально-экономических процессов. Уровень развития финансового сектора находится в устойчивой взаимосвязи с темпами экономического роста в России на протяжении последних двух десятилетий.

Существенное влияние на устойчивость экономического роста оказывают также внешние шоки, например негативное воздействие санкционных ограничений на финансовые результаты российских компаний. Однако надо учитывать и положительные эффекты политики импортозамещения для промышленного производства. Важной составляющей устойчивого развития является качество жизни населения, формируемое через механизмы доходов, занятости, доступности социальных услуг и финансовой грамотности. Уровень финансовой грамотности напрямую влияет на инвестиционное поведение населения, формирование сбережений и устойчивость финансового рынка. По данным Банка России, в апреле 2026 г. вложения домашних хозяйств в финансовые активы со-

ставили 2,1 трлн руб., а за последние 12 месяцев 14,5 трлн руб. Финансовые обязательства домашних хозяйств увеличились за месяц на 134 млрд руб., за 12 месяцев на 2,0 трлн руб.¹

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СВЯЗИ ФИНАНСОВОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Современная экономическая теория рассматривает финансовое развитие как один из ключевых эндогенных факторов экономического роста. Классические модели эндогенного роста, разработанные П. Агийоном и П. Хоуиттом [1], доказывают, что финансовая система способствует перераспределению ресурсов в пользу инновационных отраслей через механизм «созидательного разрушения».

М. Спенс в своей концепции «новой конвергенции» указывает, что долговременный экономический рост невозможен без устойчивого функционирования финансового сектора, который обеспечивает трансформацию сбережений в инвестиции и стимулирует развитие частного предпринимательства [2].

Российские исследования подтверждают данные положения. Так, А.К. Караев и В.В. Понкратов на основе эконометрического анализа выявили наличие долгосрочной коинтеграционной связи между уровнем финансового развития и динамикой ВВП России в 2000–2022 гг. [3], показав, что замедле-

¹ Банк России. Финансовые активы и обязательства домашних хозяйств по отдельным финансовым инструментам. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/households/pkshouse2022/#highlight=эскроу (дата обращения: 30.06.2026).

ние кредитной активности и инвестиций приводит к снижению темпов экономического роста.

Одним из базовых инструментов количественного анализа влияния финансового сектора на экономический рост является расширенная модель эндогенного роста, представленная в виде:

$$g = \alpha \cdot FD + \beta \cdot I_{nv} + \gamma \cdot HC + \varepsilon, \quad (1)$$

где g — темп экономического роста; FD — показатель финансового развития (отношение кредитов частному сектору к ВВП, индекс глубины финансового рынка); I_{nv} — доля валовых инвестиций в ВВП; HC — показатель человеческого капитала; α , β , γ — коэффициенты эластичности; ε — случайная ошибка.

Представленная модель ориентирована на выявление роли финансового сектора в обеспечении экономической динамики посредством анализа объёмов кредитной поддержки, степени охвата финансовыми услугами и уровня развитости финансового рынка. В рамках экономической системы финансы выполняют ряд ключевых функций, включая аккумуляцию денежных ресурсов, их перераспределение между отраслями экономики, оптимизацию транзакционных издержек и минимизацию финансовых рисков. Совокупное действие указанных функций формирует устойчивость макроэкономической системы, что отражено в *табл. 1*

Финансовое развитие оказывает мультипликативный эффект на социально-экономические процессы, способствуя росту предпринимательских инициатив, становлению и укреплению среднего класса, повышению доступности кредитных средств для домашних хозяйств и хозяйствующих субъектов. В условиях санкционных ограничений значимость внутреннего финансового рынка возрастает. Так, за 12 месяцев по апрель 2026 г. население вложило в финансовые активы по отдельным инструментам порядка 14,5 трлн руб.; вложения в акции и паи инвестиционных фондов за апрель 2026 г. составили 229 млрд руб.²

Согласно исследованиям Е. А. Фёдоровой, М. А. Федотовой и А. Э. Николаева, внешнеэкономические ограничения привели к снижению инвестиционной активности и доходности рос-

сийских компаний, что актуализировало вопрос финансового суверенитета и расширения внутренних источников финансирования. Многие европейские и американские компании в рамках санкций прекратили поставку технологий и оборудования в стратегически важные сферы экономики России, что снижает конкурентоспособность ее отраслей [4].

НАЛОГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Налоговая политика, формируя условия для инвестиционной активности, предпринимательства, распределения доходов и финансирования общественных благ, является одним из важнейших инструментов государственного воздействия на экономический рост.

Для анализа влияния налоговой политики на инвестиционные решения используется показатель эффективной налоговой нагрузки

$$T_{eff} = \frac{T}{VA}, \quad (2)$$

где T — сумма уплаченных налогов; VA — величина созданной добавленной стоимости.

Снижение T_{eff} свидетельствует о росте инвестиционной привлекательности предприятий, поскольку увеличивает объем располагаемых ресурсов для реинвестирования.

Систематизация основных налоговых инструментов стимулирования экономического роста представлена в *табл. 2*.

Наряду со стимулирующей функцией налоговая система выполняет роль риск-менеджмента. Налоговые риски, возникающие у налоговых агентов по НДС, способны существенно увеличивать транзакционные издержки бизнеса и снижать его инвестиционную активность.

Важной составляющей эффективности налоговой системы является управление налоговыми рисками, возникающими у налоговых агентов в процессе начисления и уплаты НДС. Исследование Е. Е. Смирновой демонстрирует, что именно ошибки в квалификации выплат, сложность трактовки норм Налогового кодекса и повышенные требования к документальному сопровождению операций формируют значимую часть налоговой неопределённости для бизнеса. Налоговые риски возникают у всех хозяйствующих субъектов, причем они могут затрагивать разные налоги, в том

² Банк России. Финансовые активы и обязательства домашних хозяйств по отдельным финансовым инструментам. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/households/pkshouse2022/ (дата обращения: 30.06.2026).

Таблица 1 / Table 1

**Влияние функций финансовой системы на экономический рост /
The impact of financial system functions on economic growth**

№	Функция финансовой системы / Function of the financial system	Экономическое содержание / Economic content	Механизм воздействия / Mechanism of action	Влияние на экономический рост / Impact on economic growth
1	Мобилизация сбережений	Аккумуляция временно свободных денежных средств домохозяйств и предприятий	Формирование ресурсной базы для инвестиций	Увеличение инвестиционного потенциала экономики
2	Перераспределение капитала	Переток ресурсов в высокопроизводительные секторы	Оптимизация структуры экономики	Рост общей факторной производительности
3	Управление рисками	Страхование, хеджирование, диверсификация	Снижение неопределённости для инвесторов	Рост долгосрочных инвестиций
4	Информационная функция	Оценка кредитоспособности и анализ инвестиционных проектов	Снижение асимметрии информации	Повышение эффективности инвестиционных решений
5	Финансовая инклюзия	Расширение доступа населения и МСП к финансовым услугам	Рост участия агентов в финансовых рынках	Повышение предпринимательской активности и потребительского спроса
6	Инновационная функция	Поддержка развития финтех-сектора и цифровых платформ	Снижение транзакционных издержек	Ускорение оборота капитала и повышение конкурентоспособности экономики

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

числе те из них, которые уплачиваются налоговыми агентами (НДФЛ, НДС, налог на прибыль организаций) [5]. Отмечается, что риски налоговых агентов не только увеличивают административную нагрузку, но и способны исказить стимулы к инвестиционной активности, поскольку предприятия вынуждены перераспределять ресурсы в пользу обеспечения налоговой безопасности, а не развития.

Налоговая политика оказывает также прямое воздействие на качество жизни населения через перераспределение доходов, финансирование социальной сферы, здравоохранения и образования. Как отмечают Е.В. Фролова, Т.М. Рябова, О.В. Рогач и Н.В. Медведева, государственный образовательный заказ является важнейшим элементом воспроизводства человеческого капитала и фактором долгосрочного экономического роста регионов, определяя вектор и характер всестороннего развития территорий. От запроса государства на качественное образование, выраженного в федеральных стандартах, а также в моделях взаимодействия ведущих агентов образовательного пространства, зависит создание базы подготовки кад-

ров для промышленно-экономической поддержки территорий [6].

Существенную роль в повышении инвестиционной привлекательности регионов играют налоговые преференции, формирующие долгосрочные преимущества территорий в условиях межрегиональной конкуренции. Л.И. Гончаренко отмечает, что налоговые преференции в системе пространственного развития страны выполняют не только фискальную, но и стратегическую функцию, определяя вектор территориального роста и стимулируя перераспределение капитала в пользу регионов с высоким потенциалом. На концептуальном уровне важным условием реализации территориального подхода в преференциальном налогообложении является понимание многоуровневого и многоцелевого характера налогового стимулирования социально-экономического развития страны [7].

При этом автор подчёркивает важность терминологической точности в определении видов преференций, поскольку корректная классификация позволяет более эффективно выстраивать структуру налоговых стимулов.

Таблица 2 / Table 2

**Налоговые инструменты стимулирования экономического роста /
Tax instruments to stimulate economic growth**

№	Инструмент / Instrument	Сущность / Core	Механизм действия / Mechanism of action	Экономический эффект / Economic effect
1	Налоговые льготы	Освобождение от уплаты части налогов	Снижение фискальной нагрузки	Рост инвестиционной активности
2	Инвестиционный налоговый вычет	Снижение налоговой базы на сумму капитальных вложений	Стимулирование модернизации	Обновление основных фондов
3	Специальные налоговые режимы	Упрощённое налогообложение МСП	Снижение административных издержек	Рост сектора МСП
4	Налоговые каникулы	Временное освобождение от части налогов	Уменьшение стартовых барьеров	Рост предпринимательской активности
5	Пониженные ставки по налогу на прибыль	Снижение налога для инвестирующих компаний	Увеличение чистой прибыли	Рост реинвестирования
6	Региональные налоговые преференции	Льготы в отдельных субъектах РФ	Усиление межрегиональной конкуренции	Рост инвестиционной привлекательности территорий
7	Налоговые стимулы для НИОКР	Вычеты на расходы в инновационной сфере	Стимулирование технологического развития	Рост инновационной активности

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ И САНКЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Инвестиционная активность является одним из базовых факторов устойчивого экономического роста, определяющим темпы обновления основного капитала, расширение производственных мощностей, технологическое развитие и рост производительности труда. Санкционные ограничения оказали многофакторное воздействие на результаты деятельности российских компаний. Внешнеэкономические шоки привели не только к снижению доступности зарубежного капитала, но и к росту кредитных рисков, удорожанию заимствований и снижению капитализации компаний. При этом по состоянию на 1 января 2026 г. совокупный долг организаций и домашних хозяйств России составил 174,8 трлн руб., что примерно равно 81,9% ВВП³.

Это, в свою очередь, обусловило замедление инвестиционных процессов в ряде отраслей. В то

же время Е.А. Фёдорова, Д.Д. Айрапетян, С.О. Мусиенко, Д.О. Афанасьев и Ф.Ю. Фёдоров отмечают, что политика импортозамещения стала одним из ключевых внутренних компенсаторных механизмов санкционного давления. По их оценкам, в промышленности был зафиксирован рост объемов производства по отдельным сегментам, однако эффект оказался неравномерным по отраслям. Эффективность политики импортозамещения в отраслях машиностроения и химической промышленности строго зависит от конкретной ситуации в отрасли, а также от региональных аспектов. Однако необходимо подчеркнуть, что импортозамещение не является самостоятельной мерой развития производства, оно лишь создает условия для роста отечественного производства, причем при поддержке государства в реализации дополнительных мер, в первую очередь таких, как обновление материально-технической базы, развитие транспортно-логистической инфраструктуры и пр. [8].

Структурные трансформации экономики целесообразно анализировать через показатель чистых инвестиций, который отражает реальное расширение производственного потенциала:

³ Банк России. Долг организаций и домашних хозяйств. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/ext_dep_indicator/ (дата обращения: 30.06.2026).

Таблица 3 / Table 3

**Влияние санкционных и инвестиционных факторов на экономический рост /
The impact of sanctions and investment factors on economic growth**

№	Фактор / Factor	Направление воздействия / Direction of impact	Дополнительные механизмы влияния / Additional mechanisms of influence	Экономические последствия / Economic consequences
1	Санкционные ограничения	Ограничение доступа к внешним рынкам капитала	Рост стоимости заимствований, сокращение ликвидности	Снижение инвестиционной активности
2	Импортозамещение	Стимулирование внутреннего производства	Рост внутреннего спроса на отечественные товары	Увеличение выпуска в отдельных отраслях
3	Государственные инвестиции	Расширение бюджетного финансирования	Поддержка стратегических отраслей	Укрепление промышленного и инфраструктурного потенциала
4	Частные инвестиции	Реакция бизнеса на неопределённость	Коррекция долгосрочных проектов	Сдерживание капиталоемких вложений
5	Инфляционные риски	Рост издержек и обесценивание капитала	Девальвация доходов инвесторов	Снижение реальной доходности инвестиций
6	Технологические ограничения	Сокращение доступа к оборудованию и инновациям	Удорожание технологического обновления	Замедление модернизации производств
7	Институциональная среда	Качество регулирования и защита прав собственности	Рост доверия к рынку	Увеличение долгосрочных инвестиций

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

$$I_{net} = I_{gross} - Dep, \quad (3)$$

где I_{gross} — валовые инвестиции; Dep — амортизационные отчисления.

При санкционных ограничениях рост I_{net} возможен только при активной государственной поддержке и снижении издержек модернизации.

Влияние санкционных и инвестиционных факторов на экономический рост представлено в табл. 3, в которой обобщены основные положительные и отрицательные эффекты.

В целом инвестиционная устойчивость современной экономики формируется под воздействием комплекса факторов: санкционных ограничений, бюджетной политики, денежно-кредитного регулирования, институциональных условий и уровня доверия к финансовой системе.

Системное влияние на экономический рост оказывают финансово-инвестиционные механизмы, направленные на обеспечение долгосрочной

устойчивости социально-экономической системы. В исследовании Ан Дж., А. Ю. Михайлова и Н.Б.А. Юсифа подчёркивается, что современные модели социального обеспечения должны основываться на сочетании устойчивых инвестиционных потоков, механизмов страхования социальных рисков и финансовых инструментов долгосрочного развития. Система пособий и других социальных выплат оказывает финансовую поддержку населению в различных ситуациях, таких как безработица, инвалидность, смерть кормильца, рождение ребенка. Она может быть различной в зависимости от страны и региона [9]. Авторы отмечают, что эффективные финансово-инвестиционные модели способны одновременно снижать социальную уязвимость домохозяйств и формировать основы устойчивого экономического роста, обеспечивая приток инвестиций в человеческий капитал и повышение производительности труда.

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВО-НАЛОГОВЫХ ДЕТЕРМИНАНТ

Региональный аспект устойчивого экономического роста приобретает в современных условиях особую значимость. Дифференциация социально-экономического развития субъектов Российской Федерации обуславливает различия в уровне доходов населения, занятости, инвестиционной привлекательности, доступности социальных благ и качестве жизни.

Современные исследования используют интегральный показатель качества жизни:

$$QLI = w_1 \cdot Inc + w_2 \cdot Emp + w_3 \cdot Edu + w_4 \cdot Health + w_5 \cdot Infra, \quad (4)$$

где *Inc* — уровень доходов населения; *Emp* — занятость; *Edu* — доступность и качество образования; *Health* — обеспеченность медицинскими услугами; *Infra* — инфраструктурная обеспеченность; $w_1 \dots w_5$ — весовые коэффициенты.

Использование многомерного индекса позволяет более полно учитывать региональные различия, чем одномерные показатели.

Новые формы хозяйственной активности также вносят существенный вклад в развитие региональной экономики. Так, О.А. Дмитриева, Д.Е. Морковкин, Ю.А. Симагин и А.Е. Поляков доказывают, что агротуризм выполняет мультипликативную функцию: способствует диверсификации доходов сельского населения, развитию малого бизнеса, росту занятости и улучшению инфраструктуры. Они отмечают, что эффективно разработанная комплексная институциональная система в области агротуризма способствует диверсификации региональной экономики, снижению миграции сельского населения, развитию региональной инфраструктуры, улучшению условий жизни и росту туристического потока [10].

Традиционно уровень жизни и бедность — понятия на пересечении систем социальной поддержки и экономической политики государства [11].

Долг домашних хозяйств на 1 января 2026 г. оценивается в 43,3 трлн руб., из которых ипотечные жилищные кредиты составляют более половины, т.е. около 23,8 трлн руб. (54,9%)⁴.

С одной стороны, система социального обеспечения позволяет перераспределять блага внутри страны, а с другой — именно экономическая система лежит в основе их создания. Качество жизни населения является многомерной категорией, включающей экономические, социальные, демографические и инфраструктурные показатели. Исследование Ф.И. Аржаева, Д.Е. Морковкина, Т.Н.О. Мамедова и Ю.А. Симагина демонстрирует необходимость комплексного подхода к оценке уровня жизни, основанного на методах многомерного статистического анализа [12].

Авторы показывают, что традиционные одномерные показатели, такие как среднедушевые доходы или уровень занятости, не отражают полной картины благосостояния населения, тогда как многомерная методология позволяет учитывать региональные различия, качество инфраструктуры, доступность социальных услуг и демографические особенности.

Отдельное место в системе факторов качества жизни занимает уровень финансовой грамотности населения. По результатам исследования Е.А. Фёдоровой, В.В. Нехаенко и С.Е. Довженко, повышение финансовой грамотности способствует:

- росту долгосрочных сбережений;
- развитию инвестиционной активности домохозяйств;
- снижению закредитованности населения;
- укреплению устойчивости финансового рынка.

Они отмечают, что без базовых знаний и навыков, соответствующего уровня финансовой грамотности невозможны уверенное распоряжение личными доходами, качественное управление и использование разнообразных финансовых продуктов и услуг. Финансово образованные граждане активнее действуют на финансовом рынке, имеют меньшую величину просроченных задолженностей в банке, а также тщательнее планируют свой выход на пенсию [13].

Сегодня региональный экономический рост и качество жизни населения формируются под воздействием совокупности взаимосвязанных детерминант: образовательных, инвестиционных, туристических, бюджетных и финансовых. Их системное развитие позволяет обеспечить устойчивость социально-экономических процессов и снизить региональную дифференциацию.

⁴ Банк России. Долг организаций и домашних хозяйств. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/ext_dep_indicator/ (дата обращения: 30.06.2026).

Таблица 4 / Table 4

**Приоритетные направления бюджетно-налоговой политики устойчивого экономического роста /
Priority areas of fiscal policy for sustainable economic growth**

№	Направление / Area	Экономическое содержание / Economic content	Механизмы реализации / Implementation mechanisms	Ожидаемый эффект / Expected effect
1	Налоговые льготы	Стимулирование инвестиций	Снижение налоговых обязательств	Рост капиталовложений
2	Цифровизация ФНС	Автоматизация налогового контроля	Искусственный интеллект, обмен данными	Снижение теневой экономики
3	Инициативное бюджетирование	Вовлечение населения в бюджетный цикл	Участие граждан в распределении средств	Рост локальных инвестиций
4	Поддержка МСП	Расширение малого бизнеса	Субсидии, льготные кредиты, спецрежимы	Рост занятости
5	Социальные расходы	Поддержка доходов населения	Индексация выплат, развитие услуг	Стабилизация спроса
6	Инвестиции в человеческий капитал	Повышение качества образования и здравоохранения	Национальные проекты, профессиональные программы	Рост производительности труда
7	Экологическое налогообложение	Стимулирование устойчивого развития	«Зелёные» налоги и льготы	Снижение экологических рисков, улучшение качества жизни

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ПЕРСПЕКТИВЫ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В условиях структурной трансформации экономики бюджетно-налоговая политика становится ключевым инструментом обеспечения устойчивого роста. Ее эффективность определяется степенью согласованности фискальных целей государства, стимулированием предпринимательства и поддержанием социальной стабильности.

Как отмечают О.И. Кожанчиков и Н.Ю. Кожанчикова, налоговые режимы для субъектов малого бизнеса, в частности патентная система налогообложения, обладают значительным потенциалом расширения налоговой базы при одновременном снижении административной нагрузки на предпринимателей [14].

Инвестиционная направленность бюджетной политики также усиливается за счёт механизмов инициативного бюджетирования. Согласно исследованиям Н.А. Гузь, подобные инструменты способствуют:

- росту доверия населения к органам власти;
- увеличению налоговой дисциплины;
- расширению локальной инвестиционной активности;

- более эффективному распределению бюджетных ресурсов [15].

Существенным резервом повышения эффективности фискальной политики остаётся цифровизация налогового администрирования. Сегодня программы автоматизированного обмена налоговой информацией позволяют сократить масштабы уклонения от уплаты налогов и повысить собираемость доходов бюджета.

Стратегические направления развития бюджетно-налоговой политики в контексте устойчивого развития представлены в табл. 4.

Перспективы устойчивого экономического роста в значительной мере зависят от способности бюджетно-налоговой политики адаптироваться к новым вызовам, обеспечивая баланс между фискальной устойчивостью государства и стимулированием предпринимательской активности.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование позволило установить, что устойчивый экономический рост и повышение качества жизни населения формируются под влиянием сложного комплекса финансовых, налоговых, инвестиционных, региональных и институциональных факторов. В современных условиях структурных трансформаций именно согласован-

ность этих элементов становится определяющим условием макроэкономической устойчивости.

Анализ теоретических подходов и эмпирических данных показал, что развитие финансовой системы способствует повышению инвестиционной активности, росту предпринимательской инициативы, расширению доступа населения и бизнеса к финансовым ресурсам. Вместе с тем недостаточная устойчивость финансового сектора усиливает системные риски, что требует активного государственного регулирования и совершенствования инструментов финансовой политики.

Выявлено, что налоговая система играет двойственную роль: с одной стороны, она обеспечивает наполнение бюджета и выполнение социальных обязательств, с другой — выступает важнейшим механизмом стимулирования деловой активности. Налоговые льготы, специальные режимы, инвестиционные вычеты и региональные преференции формируют условия для модернизации производства, развития малого и среднего предпринимательства и укрепления региональных экономик. Особое значение приобретает снижение налоговой неопределённости и рисков налоговых агентов, что напрямую влияет на инвестиционное поведение компаний.

Результаты исследования свидетельствуют о неоднозначном характере влияния санкционных ограничений на экономику: с одной стороны, они усиливают финансовые риски и ограничивают движение капитала, с другой — стимулируют развитие импортозамещающих производств, способствуют росту внутренних производственных связей и повышению роли национального финансового сектора. В сложившихся условиях важное значение приобретает государственная инвестиционная

политика. Региональный анализ подтверждает, что уровень и качество жизни населения формируются под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов, включающих доходы и занятость, состояние инфраструктуры, уровень образования, доступность социальных благ и степень финансовой грамотности. Их взаимодействие усиливает связь между региональным управлением, налогово-бюджетными инструментами и институциональными условиями, что обуславливает необходимость использования адаптивных моделей пространственного развития.

В целом полученные результаты подтверждают ведущую роль бюджетно-налоговой политики как инструмента поддержания экономической стабильности и сглаживания фаз экономического цикла. Дальнейшее её развитие связано с внедрением цифровых технологий в налоговое администрирование, расширением практик инициативного бюджетирования, стимулированием развития малого бизнеса и увеличением инвестиций в человеческий капитал.

Таким образом, обеспечение устойчивого экономического роста в современных российских условиях возможно лишь при согласованном функционировании финансово-налоговых механизмов, активизации инвестиционных процессов, усилении региональной политики и повышении уровня финансовой грамотности населения. Сформулированные выводы могут быть использованы в качестве методологической базы для корректировки государственной экономической стратегии и разработки практических решений, направленных на повышение качества жизни и конкурентоспособности национальной экономики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction. *Econometrica*. 1992;60(2):323-351.
2. Spence M. The next convergence: The future of economic growth. М.: Gaidar Institute Press; 2013. 336 p.
3. Караев А.К., Понкратов В.В. Взаимосвязь финансового развития и экономического роста России (2000–2022 гг.). *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(2):17-26.

4. Фёдорова Е. А., Федотова М. А., Николаев А. Э. Оценка влияния санкций на результаты деятельности российских компаний. *Вопросы экономики*. 2016;(3):34-45.
5. Смирнова Е. Е. Оценка налоговых рисков, возникающих у налоговых агентов по налогу на доходы физических лиц. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(1):64-74.
6. Фролова Е. В., Рябова Т. М., Рогач О. В., Медведева Н. В. Государственный образовательный заказ как фактор социально-экономического развития регионов. *Образование и наука*. 2020;22(1):9-30.
7. Гончаренко Л. И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(4):108-121.
8. Фёдорова Е. А., Айрапетян Д. Д., Мусиенко С. О., Афанасьев Д. О., Фёдоров Ф. Ю. Влияние политики импортозамещения на уровень промышленного производства в России: отраслевые особенности. *Проблемы прогнозирования*. 2018;(2):79-87.
9. Ан Дж., Михайлов А. Ю., Юсиф Н. Б. А. Финансово-инвестиционные модели социального обеспечения и устойчивого экономического роста. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(5):133-145.
10. Дмитриева О. А., Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А., Поляков А. Е. Развитие агротуризма как фактор диверсификации региональной экономики: влияние на качество жизни сельского населения. *Народонаселение*. 2025;28(1):190-203.
11. Кошарная Г. Б. Уровень и образ жизни бедного населения в региональном социуме. *Вестник Института социологии*. 2016;7(3):38-56.
12. Аржаев Ф. И., Морковкин Д. Е., Мамедов Т. Н. О., Симагин Ю. А. Многомерный анализ уровня жизни населения в Республике Беларусь. *Народонаселение*. 2025;28(2):70-82.
13. Фёдорова Е. А., Нехаенко В. В., Довженко С. Е. Влияние финансовой грамотности населения РФ на поведение на финансовом рынке (эмпирическая оценка). *Проблемы прогнозирования*. 2015;26(4):105-117.
14. Кожанчиков О. И., Кожанчикова Н. Ю. Перспективы развития патентной системы налогообложения. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2016;11(2):146-151.
15. Гузь Н. А. Партиципаторное бюджетирование: зарубежный опыт и российская практика. Экономический рост: факторы и механизмы устойчивого развития. Монография. Пенза: Наука и Просвещение; 2017;66-81

REFERENCES

1. Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction. *Econometrica*. 1992;60(2):323-351.
2. Spence M. The next convergence: The future of economic growth. M.: Gaidar Institute Press; 2013. 336 p.
3. Karaev A. K., Ponkratov V. V. The relationship between financial development and economic growth in Russia (2000-2022). *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(2):17-26. (In Russ.).
4. Fedorova E. A., Fedotova M. A., Nikolaev A. E. Assessing the impact of sanctions on Russian companies performance. *Voprosy Ekonomiki = Issues of Economics*. 2016;(3):34-45. (In Russ.).
5. Smirnova E. E. Assessment of tax risks arising from personal income tax agents. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(1):64-74. (In Russ.).
6. Frolova E. V., Ryabova T. M., Rogach O. V., Medvedeva N. V. State educational order as a factor of socio-economic development of regions. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2020;22(1):9-30. (In Russ.).
7. Goncharenko L. I. Tax preferences in the spatial development of the country: Terminological aspect of the study. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(4):108-121. (In Russ.).
8. Fedorova E. A., Airapetyan D. D., Musienko S. O., Afanas'ev D. O., Fedorov F. Yu. Influence of import substitution policy on the industrial production level in Russia: Sector-specific issues. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2018;(2):79-87. (In Russ.).
9. An J., Mikhaylov A. Yu., Yousif N. B. Financial and investment model for social security and sustainable economic growth. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(5):133-145. (In Russ.).
10. Dmitrieva O. A., Morkovkin D. E., Simagin Yu. A., Polyakov A. E. Development of agrotourism as a factor in diversification of regional economy: Impact on the quality of life of rural population. *Narodonaselenie = Population*. 2025;28(1):190-203. (In Russ.).
11. Kosharnaya G. B. The living standards and lifestyle on the poor in a regional society. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2016;7(3):38-56. (In Russ.).

12. Arzhaev F.I., Morkovkin D.E., Mamedov T.N.O., Simagin Yu.A. Multidimensional analysis of the population living standards in the Republic of Belarus. *Narodonaselenie = Population*. 2025;28(2):70-82. (In Russ.).
13. Fedorova E.A., Nekhaenko V.V., Dovzhenko S.E. Impact of financial literacy of the population of the Russian Federation on behaviour on financial market: Empirical evaluation. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2015;26(4):105-117. (In Russ.).
14. Kozhanchikov O.I., Kozhanchikova N. Yu. Prospects of development of the patent system of taxation for individual entrepreneurs in the Orel region. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2016;11(2):146-151. (In Russ.).
15. Guz N.A. Participatory budgeting: International experience and domestic practices. *Economic Growth: Factors and Mechanisms of Sustainable Development*. Monograph. Penza: Science and Education; 2017:66-81. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Светлана Васильевна Карпова — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга, директор Института управленческих исследований и консалтинга факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Svetlana V. Karpova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Marketing Department, Director of the Institute of Management Research and Consulting, Faculty of the Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4488-8131>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

svkarpova@fa.ru

Вадим Сергеевич Кудряшов — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Vadim S. Kudryashov — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Marketing Department, Faculty of the Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-5075-5247>

vskudryashov@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.01.2026; принята к публикации 06.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.01.2026; accepted for publication 06.07.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-66-82
УДК 323, 327, 330, 338, 339 (045)
JEL E2, F01, F2

Цифровой капитал: извлечение и присвоение прибавочной стоимости в период смены Кондратьевских циклов

М.Л. Альпидовская, А.И. Сироткина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления и выработки адаптивных механизмов управления экономическими системами в условиях текущей глобальной неопределенности. Смена Кондратьевских длинных волн и переход к шестому технологическому укладу сопровождаются масштабными структурными сдвигами, которые трансформируют традиционные модели хозяйствования. **Предмет** исследования – социально-экономические отношения, закономерности и причинно-следственные связи, возникающие в процессе трансформации мирохозяйственной системы, глобализации и модификации экономической политики под влиянием сквозных цифровых технологий в период перехода от пятого к шестому Кондратьевскому циклу. **Цель** работы – попытка теоретико-методологического обоснования сущности и структуры цифрового капитала посредством интеграции инструментария марксистской политической экономии и системного анализа современных процессов цифровизации. Были решены следующие **задачи**: обоснованы применение комбинированного сочетания марксистской политэкономической теории с анализом цифровых процессов на основании ограничений альтернативных экономических теорий, а также применимость цикла Кондратьева для анализа первоначального накопления цифрового капитала, адаптирован понятийный политэкономический аппарат к современным экономическим отношениям, дана характеристика трансформации модели извлечения прибыли в современных реалиях и цифрового капитала как основы нового технологического уклада, оценено влияние цифрового капитала на экономику, системно проанализированы и научно оценены макроэкономические индикаторы, подтверждающие смену Кондратьевских циклов, выявлены и описаны проблемы и перспективы накопления цифрового капитала. **В результате** обоснована необходимость внедрения адаптивных моделей государственного регулирования, учитывающих фундаментальную реорганизацию мировой парадигмы капитализации. **Научная новизна** исследования заключается в комплексном подходе к анализу структурных изменений и введении концепции «цифрового капитала» как ключевого фактора трансформации глобальной хозяйственной системы. Сделан **вывод** о необходимости внедрения адаптивных моделей государственного регулирования, учитывающих фундаментальную реорганизацию мировой парадигмы капитализации. **Ключевые слова**: циклы Кондратьева; кризис; прибавочная стоимость; цифровой капитал; стоимость; неравенство; Big Tech; платформенный капитализм; монополии; монетизация данных

Для цитирования: Альпидовская М.Л., Сироткина А.И. Цифровой капитал: извлечение и присвоение прибавочной стоимости в период смены Кондратьевских циклов. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):66-82. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-66-82

ORIGINAL PAPER

The Role of Digital Capital in Extracting and Appropriating Surplus Value Amidst Kondratiev Wave Shifts

M.L. Alpidovskaya, A.I. Sirotkina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **relevance** of this study lies in the necessity of theoretical comprehension and the creation of adaptive strategies for economic system management, given today's global unpredictability. The **subject** focuses on the transformation

© Альпидовская М.Л., Сироткина А.И., 2026

of traditional economic models, which is occurring through large-scale structural shifts, which coincide with the succession of Kondratiev long waves and the shift to the sixth technological paradigm. This research examines the socioeconomic relations, patterns, and cause-and-effect links emerging during the transformation of the global economic system, globalization, and the modification of economic policy under the end-to-end effect digital technologies during the transition from the fifth to the sixth K-wave. This study **aims** to offer a theoretical and methodological basis for understanding the nature and structure of digital capital. It achieves this by combining Marxist political economy principles with a systems analysis of current digitalization trends. The authors achieved the **objectives**: implementation of Marxist political economy theory combination with the analysis of digital processes was substantiated based on the limitations of alternative economic theories, as well as the applicability of the K-waves for the analysis of the initial accumulation of digital capital. The authors adapted the conceptual framework of political economy to the realities of modern economics. Also, they presented an analysis of the evolving profit-making model in contemporary settings, highlighting digital capital's role in establishing a new technological hierarchy and assessed the impact of digital capital on the economy. Macroeconomic indicators confirming the change in K-waves were systematically analyzed and scientifically evaluated. The problems and prospects for the accumulation of digital capital were identified and described. The **result** led to the substantiation of the need for adaptive government regulation models that acknowledge the fundamental transformation of the global capitalization paradigm. The study's **scientific innovation** stems from its combined method of examining structural shifts and proposing «digital capital» as a crucial driver of global economic change. A **conclusion** was reached on the necessity of adaptive government regulation models, accounting for the global capitalization paradigm's fundamental reorganization.

Keywords: Kondratiev waves; crisis; surplus value; digital capital; cost; inequality; Big Tech; platform capitalism; monopolies; data monetization

For citation: Alpidovskaya M.L., Sirotkina A.I. The role of digital capital in extracting and appropriating surplus value amidst Kondratiev wave shifts. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):66-82. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-66-82

ВВЕДЕНИЕ

Ожидаемая смена Кондратьевских циклов, связанная с технологическими революциями, сопровождается переходом к новому технологическому укладу, в том числе цифровому, что определяет современные экономические тренды, включающие прагматичный подход и переход от хаотичного внедрения технологий к расчёту их экономической эффективности. Либеральная парадигма мировой системы хозяйствования, а также достигнутые уровни глобализации и цифровизации обуславливают становление (и необходимость передела сфер влияния) новых источников формирования и извлечения прибавочной стоимости с помощью инноваций и информационных технологий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Существующие теоретико-концептуальные подходы и герменевтические модели цифрового капитала (далее — ЦК), такие как теория платформенного капитализма Н. Срничека, концепция цифровой ренты М. Руссо, модель сетевых эффектов М. Кастельса, характеризуются эклектичностью и спецификой применимости, что обуславливает необходимость продолжения научного поиска в разработке верифицируемой и релевантной экономической теории ЦК.

Цель данного исследования — попытка концептуального определения ЦК на основании применения комбинированного подхода марксистской политической экономии с анализом современных цифровых процессов. Для этого потребовалось решить следующие задачи:

- обосновать применение комбинированного сочетания марксистской политэкономической теории с анализом цифровых процессов на основании ограничений альтернативных экономических теорий;
- адаптировать понятийный политэкономический аппарат к реалиям современных экономических отношений;
- дать характеристику трансформации модели извлечения прибыли в современных реалиях;
- дать характеристику ЦК как основе нового технологического уклада. Оценить влияние ЦК на экономику;
- обосновать применимость цикла Кондратьева для анализа первоначального накопления ЦК;
- системно проанализировать макроэкономические индикаторы, подтверждающие смену Кондратьевских циклов / технологических укладов (присвоение прибавочной стоимости, накопление и извлечение ЦК, структурной социально-экономической трансформации, поляризация доходов) и дать им научную оценку;

- выявить и описать проблемы и перспективы накопления ЦК (риски монополизации и «цифрового феодализма»).

В качестве информационной базы исследования были использованы данные из открытых статистических и аналитических источников, размещённых на сайтах Всемирного банка, ВЭФ, Лаборатории мирового неравенства, Trading Economics, Trading View, Visual capitalist, World Population Review, Statista, ОПЕК, Стэнфордский институт человеко-ориентированного искусственного интеллекта, ОЭСР, Our World in Data. В процессе исследования применялись общенаучные инструменты и процедуры, в том числе кросс-страновой метод, изучение временных рядов с приведением графиков, демонстрирующих динамику ключевых экономических показателей.

ОТ КОНЦЕПЦИИ ПЛАТФОРМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА К ТЕОРИИ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛА

Продолжающаяся активная деятельность учёных по созданию концепций платформенного капитализма и цифровой ренты, моделей сетевых эффектов свидетельствует об актуальности данной работы, связанной с исследованием вопросов трансформации экономических отношений в современных реалиях. Оно актуально ещё и потому, что многие существующие концепции и модели обладают рядом значительных ограничений, препятствующих разработке комплексной теории ЦК, характеризующейся научной строгостью и верифицируемостью.

В частности, теория платформенного капитализма, автором которой является Н. Срничек [1], состоит в том, что после кризиса 2008 г. капитализм нашёл спасение в системе данных. С позиций Н. Срничека, платформа — не просто сайт, а цифровая инфраструктура, позволяющая взаимодействовать в её пространстве двум и более группам. По его мнению, платформенный капитализм — это движение в сторону рантье-экономики, в которой создатели и владельцы инфраструктуры извлекают ренту за её пользование. Что касается прибавочной стоимости в платформенной экономике, то он считает, что она создаётся неоплачиваемым трудом пользователей, генерирующих данные. Минус данной теории состоит в том, что категория прибавочной стоимости размыта, из неё исключены результаты интеллектуальной и творческой деятельности, генерируемые наёмными рабочи-

ми с применением информационных технологий (программистов, дизайнеров и пр.).

В свою очередь, в концепции цифровой ренты М. Маццукато [2; 3] прослеживается эволюция от классической земельной ренты Рикардо к цифровой, где «цифровой землёй» становятся платформы, эксплуатирующие информацию и обладающие «цифровой территорией». Рента извлекается технологическими гигантами за доступ к «цифровой территории», которые не только создают стоимость, но и извлекают, и приватизируют стоимость, созданную всем обществом. Вместе с тем доктрина М. Маццукато характеризуется многочисленными пробелами в объяснении механизмов производства стоимости в ИТ-корпорациях.

М. Кастельс рассматривает сетевые эффекты как фундаментальную логику новой эпохи — информационализма — в которой сетевое общество, пространство мест, потоков и сетевые предприятия формируют морфологию сетей [4; 5]. В логике М. Кастельса сетевой эффект — это механизм, конвертирующий информацию в капитал: сбор данных создаёт «интеллектуальный гумус», алгоритмы перерабатывают его в предсказательную силу, владельцы узлов присваивают результат, так как именно они обеспечивают связность сети, то есть М. Кастельс трактует цифровой (информационный) капитал как динамический поток.

Что касается недостатков разработанной им модели сетевых эффектов, то они связаны, прежде всего, с отсутствием в ней характеристик и определений экономических механизмов: извлечения прибыли в рамках цифровых взаимодействий, извлечения ренты цифровыми гигантами на основании положения «контролёра», роли частной собственности на инфраструктуру (серверы, кабели, платформы и пр.) в накоплении капитала.

Достигнутые уровни цифровизации, или индекс развития информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) (рис. 1) и проникновения интернета (рис. 2); возросшая роль третичного сектора экономики (рис. 3); правдоподобные прогнозы насчёт дальнейшего роста глобальной дистанционной занятости (рис. 4, 5); частный и монопольный характер собственности на инфраструктуру сети Интернет и мирового рынка информационных технологий [6] свидетельствуют о сохранении актуальности марксистской категории капитала в современных реалиях. Данный тезис подтверждается определением *капитала* по К. Марксу как самовозрастающей стоимости:

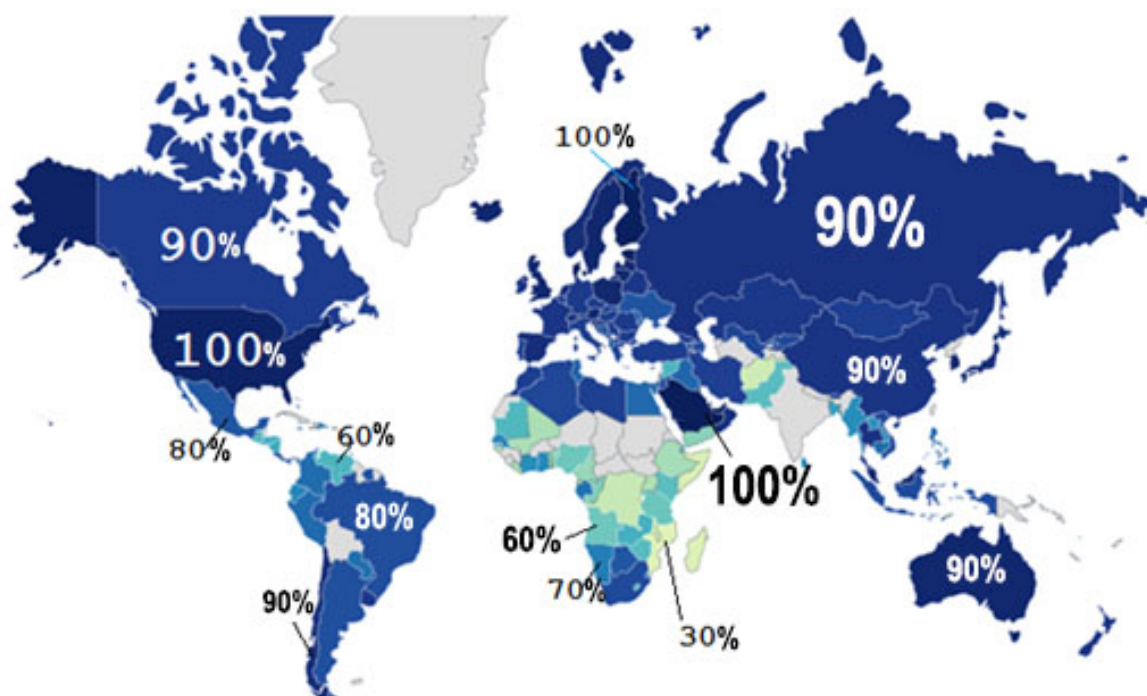

Рис. 1 / Fig. 1. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий по странам, 2026 г. / Information and Communication Technology Development Index by Country, 2026

Источник / Source: ICT Development Index by Country 2026. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/ict-development-index-by-country> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

«Деньги, взятые здесь как самостоятельное выражение известной суммы стоимости, — ..., — могут на основе капиталистического производства быть превращены в капитал и вследствие такого превращения делаются из данной стоимости стоимостью самовозрастающей, увеличивающейся. Они производят прибыль, т.е. дают капиталисту возможность извлекать из рабочих и присваивать определённое количество неоплаченного труда, прибавочный продукт и прибавочную стоимость.» [7, с. 350–351]. Как отмечает К. Маркс: «Процесс, порождающий эту большую сумму стоимости, есть капиталистическое производство; процесс, реализующий её, есть обращение капитала. Капиталист производит товар не ради самого товара, не ради его потребительной стоимости или своего личного потребления. Продукт, который в действительности интересует капиталиста, — ... избыток стоимости продукта над стоимостью потреблённого на него капитала. Капиталист авансирует весь капитал ... Он одинаково авансирует все эти составные части с той целью, чтобы ... произвести: известный избыток стоимости по сравнению с ним. Стоимость переменного капитала, авансируемого им, он может превратить в большую

стоимость лишь посредством обмена его на живой труд, посредством эксплуатации живого труда. Но он может эксплуатировать труд только в том случае, если он одновременно авансирует и условия для осуществления этого труда, — средства труда и предмет труда, машины и сырьё, — т.е. если он ту сумму стоимости, которая имеется у него, превратит в форму условий производства...» [7 с. 45].

ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛ КАК ГЛАВНЫЙ ИСТОЧНИК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

В контексте предполагаемого нового Кондратьев-ского цикла высокий индекс развития ИКТ стимулирует переход к платформенной экономике, в которой ЦК заменяет традиционный (физический) капитал в качестве главного источника добавленной стоимости. Подчеркнём: в процессе аккумуляции ЦК высокий уровень доступа, использования и навыков ИКТ усиливает позиции крупных собственников.

В 2025 г. доля всего населения планеты, пользующегося интернетом, достигла 75%, что свидетельствует о подготовке почвы для перехода к новому технологическому укладу. Цифровой ресурс

перестал быть элитарным и приобрёл черты базового (75%-й охват позволяет оцифровать практически любую сферу социально-экономических отношений), а рост экспансии ЦК в различные сферы жизни осуществляется не путём привлечения новых пользователей, а на основании интенсификации извлечения стоимости из уже привлечённых. Таким образом, можно констатировать, что экстенсивный путь развития ЦК практически завершён.

Преобладание сферы услуг в структуре ВВП 50 крупнейших экономик мира (рис. 3), где доля услуг составляет от 60 до 80% (причём не только у развитых стран, но и у развивающихся), является индикатором фундаментального перехода к шестому Кондратьевскому циклу и переноса центра тяжести накопления богатства с физических объектов на цифровые системы и интеллектуальную собственность.

Прогноз о глобальном росте цифровых рабочих мест свидетельствует о тренде интенсификации извлечения прибавочной стоимости, генерируемой наёмными рабочими по всему миру (общественным трудом), а также присвоении собственниками крупного ЦК (Big Tech компаниями, представляющими платформы и инфраструктуру).

Данная тенденция подтверждается ростом количества преимущественно удалённых работников (см. рис. 5), генерирующих стоимость с применением информационных технологий, то есть средств производства, собственность на которые носит частный характер. Иными словами, противоречие между дистанционным (цифровым) трудом и цифровым (информационно-технологическим) капиталом в период смены Кондратьевских циклов сохраняется.

Поскольку ЦК образуется путём слияния финансового и информационно-технологического капиталов, ему присущи все основные черты финансового капитала как противоречивой системы общественных отношений. Однако есть у него и собственные специфические признаки: участие на всех трёх стадиях кругооборота промышленного капитала, принятие роли специфической формы постоянного капитала, обладание нулевыми предельными издержками, склонность к росту на основании «сетевых эффектов», способность к извлечению стоимости из нерабочего времени, способность замещения управленца алгоритмом.

Формирование ЦК способствует воспроизводству социально-экономических отношений об-

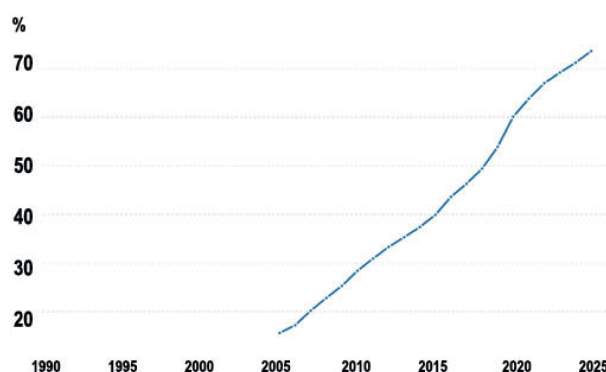

Рис. 2 / Fig. 2. Доля населения, пользующегося интернетом (% от общей численности населения), в 1990–2025 гг. / Share of the population using the Internet (% of the total population), 1990–2025

Источник / Source: Individuals using the Internet (% of population). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?end=2025&start=1990&view=chart> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

щественного производства и частного присвоения результатов труда на новом технологическом уровне (с первоначальным накоплением ЦК, применением цифровой монополярной ренты, извлечением прибавочной стоимости ЦК).

Первоначальное накопление ЦК осуществляется в рамках так называемого «цифрового огораживания», то есть приватизации информационных ресурсов (в том числе данных) и инфраструктуры (в частности, платформ и алгоритмов), а также колонизации жизненного пространства и создания зависимости между пользователями и платформой.

Таким образом, монополярная цифровая рента представляет собой доход от права собственности на дефицитный ресурс, получаемый Big Tech компаниями, выступающими в роли «цифровых лендлордов». Монополия на владение инфраструктурой и интеллектуальными ресурсами позволяет крупнейшим мировым технологическим компаниям извлекать сверхприбыль, которая по своей сути является монополярной цифровой рентой (рис. 6).

На основании анализа структуры доходов и капитализации крупнейших Big Tech компаний можно сделать следующий вывод: ЦК демонстрирует беспрецедентную концентрацию, трансформируясь из инструмента эффективности в основной источник ренты, где «магическая семерка» в 2024 г. контролировала от 25 [10] до 32,5% [11] стоимости всего рынка США, хотя в 80-х гг. прошлого века рыночная капитализация современных

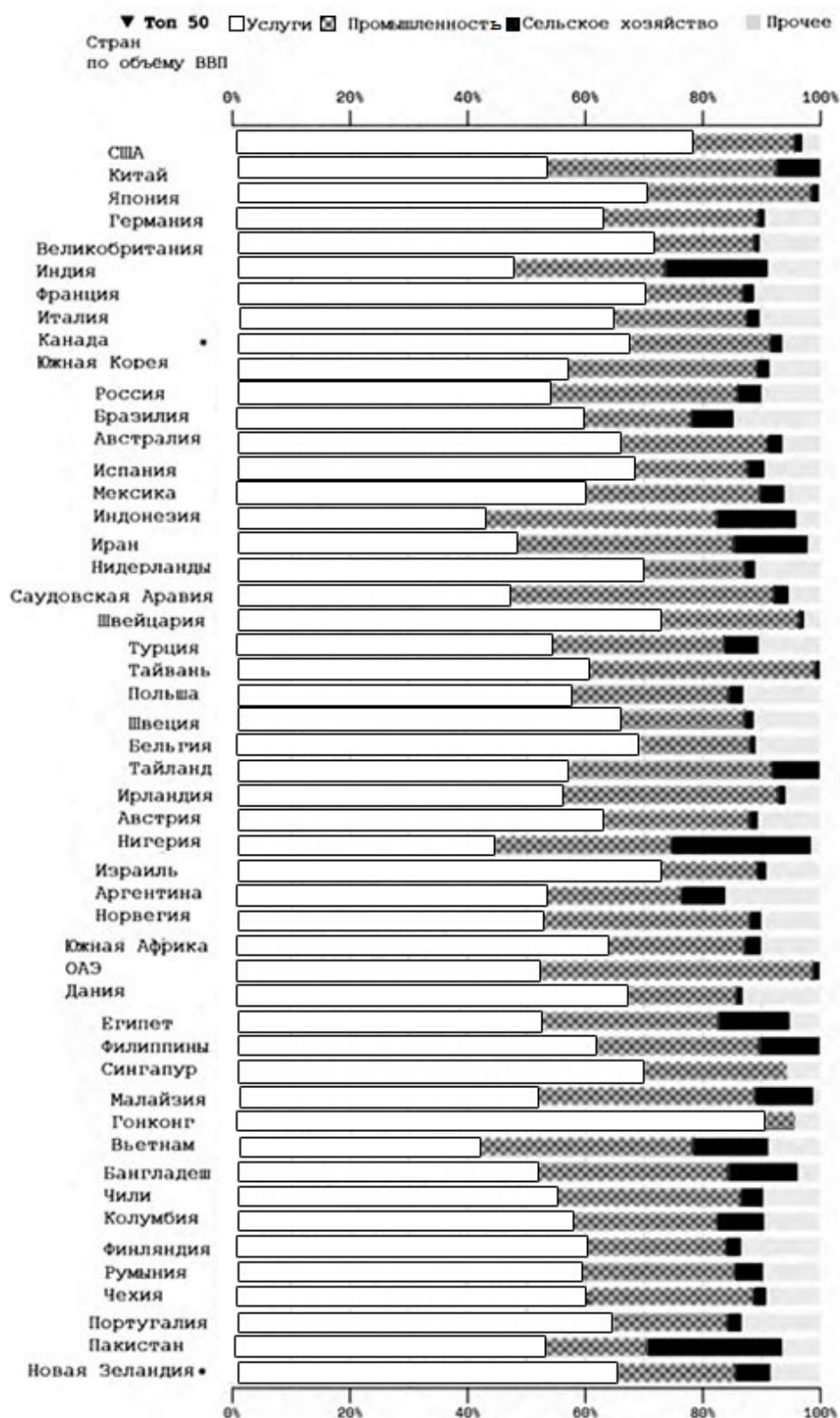

Рис. 3 / Fig. 3. Услуги в структуре ВВП 50 крупнейших стран мира /
Services in the GDP of the 50 Largest Countries in the World

Источник / Source: [8].

Примечание / Note: * Последние доковидные данные доступны за 2019 г. / Latest pre-COVID data available for 2019.

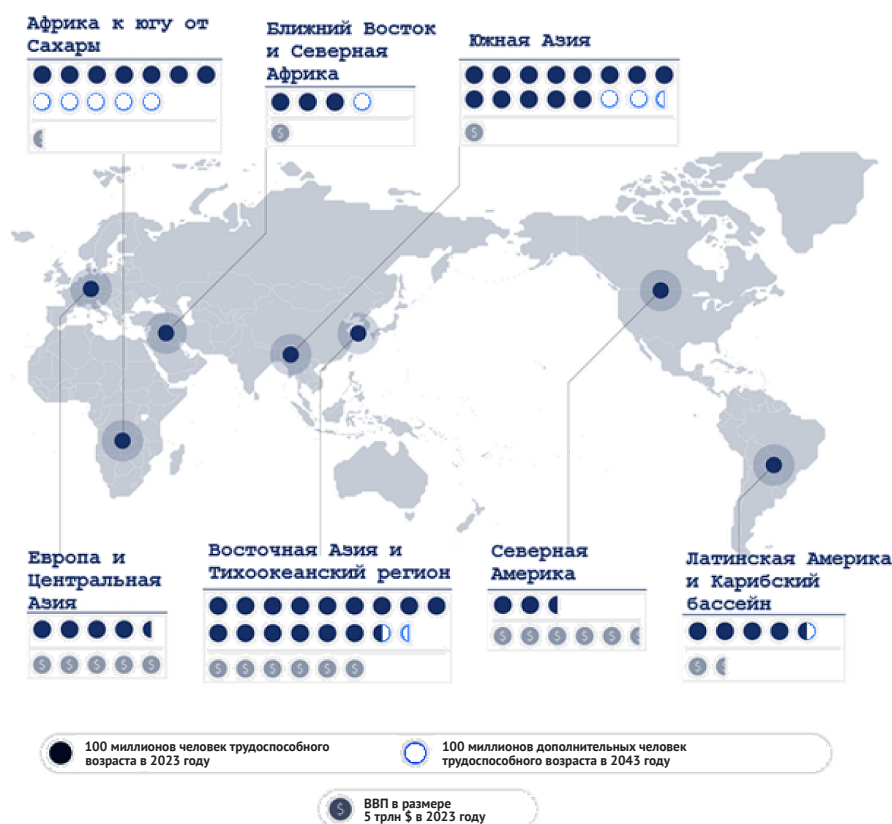

Рис. 4 / Fig. 4. Прогноз роста глобальных цифровых рабочих мест /
Global digital jobs growth forecast

Источник / Source: The Rise of global digital jobs. URL: <https://www.weforum.org/publications/the-rise-of-global-digital-jobs/> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

корпораций Big Tech (кроме IBM¹) была несопоставима с нынешней и уступала представителям сырьевого сектора — Exxon, Standard Oil, Shell, Mobile, Texaco, Gulf Oil, — доминировавшим на фондовом рынке.

Извлечение и присвоение прибавочной стоимости от ЦК осуществляется двумя типами эксплуатации: цифрового труда наёмных рабочих и бесплатного труда пользователей, генерирующих контент и обучающих алгоритмы бесплатно.

Накопление и извлечение ЦК характеризуются следующими данными:

- расходы на НИОКР в % к ВВП (рис. 7);
- объём программного обеспечения в объёме венчурных инвестиций (рис. 8, 9);
- инвестиции в ИИ (рис. 10, 11);

The most valuable companies in the world: 1980, 2000 and 2023. URL: [https://www.organisator.ch/en/management/2023-09-13/die-wertvollsten-unternehmen-der-welt-1980-2000-und-2023/#:~:text=In%201980%2C%20technology%20companies%20did,\(119.55%20billion%20euros%20today\)](https://www.organisator.ch/en/management/2023-09-13/die-wertvollsten-unternehmen-der-welt-1980-2000-und-2023/#:~:text=In%201980%2C%20technology%20companies%20did,(119.55%20billion%20euros%20today)) (дата обращения: 11.04.2026).

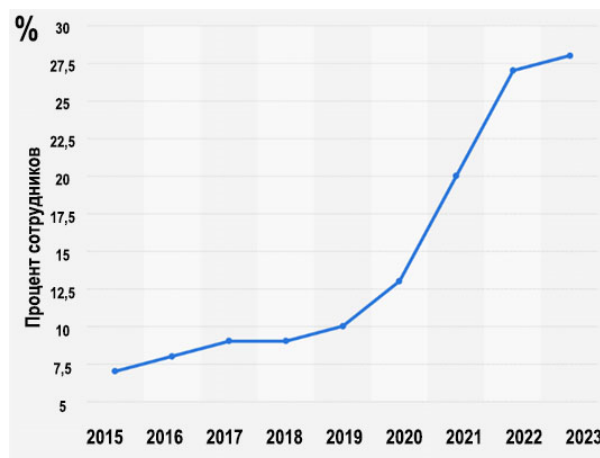

Рис. 5 / Fig. 5. Динамика количества работников в мире, работающих преимущественно дистанционно, 2015–2023 гг. / Dynamics of the number of global workers who work predominantly remotely, 2015–2023

Источник / Source: Employees working primarily remotely worldwide 2015–2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1450450/employees-remote-work-share> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

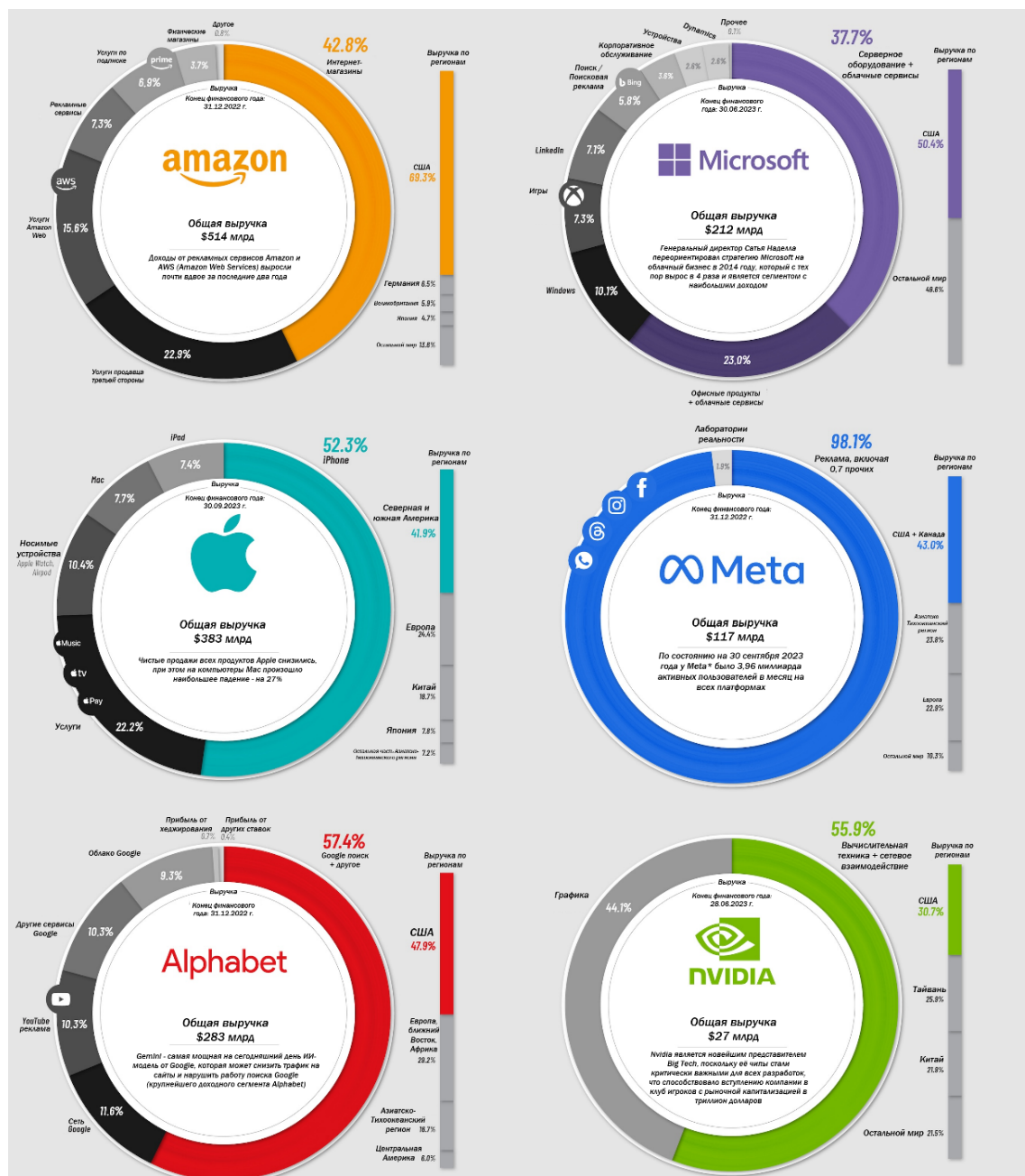

Рис. 6 / Fig. 6. Структура доходов крупнейших мировых Big Tech компаний / Revenue structure of the world's largest Big Tech companies

Источник / Source: [9].

Примечание / Note: * Meta – запрещённая на территории РФ организация / *Meta is recognized as an extremist organization in Russia.

- увеличение разрыва между нематериальными и материальными инвестициями (рис. 10);
- индикатор Баффета (рис. 11);
- капитализация крупнейших мировых Big Tech компаний (рис. 12).

Стоит отметить рост доли Азии в глобальных исследованиях и разработках с доминирующим вкладом Китая. Таким образом, данные по рас-

ходам на НИОКР в мировом ВВП подтверждают: ЦК перестал быть просто сектором экономики, он стал её основой. Ещё одним доказательством этого является возросший с 2000 по 2023 г. уровень диверсификации венчурных инвестиций. За этот период доля инвестиций в ИТ-оборудование в общей стоимости венчурных сделок заметно сократилась, в то время как в энергетику и здра-

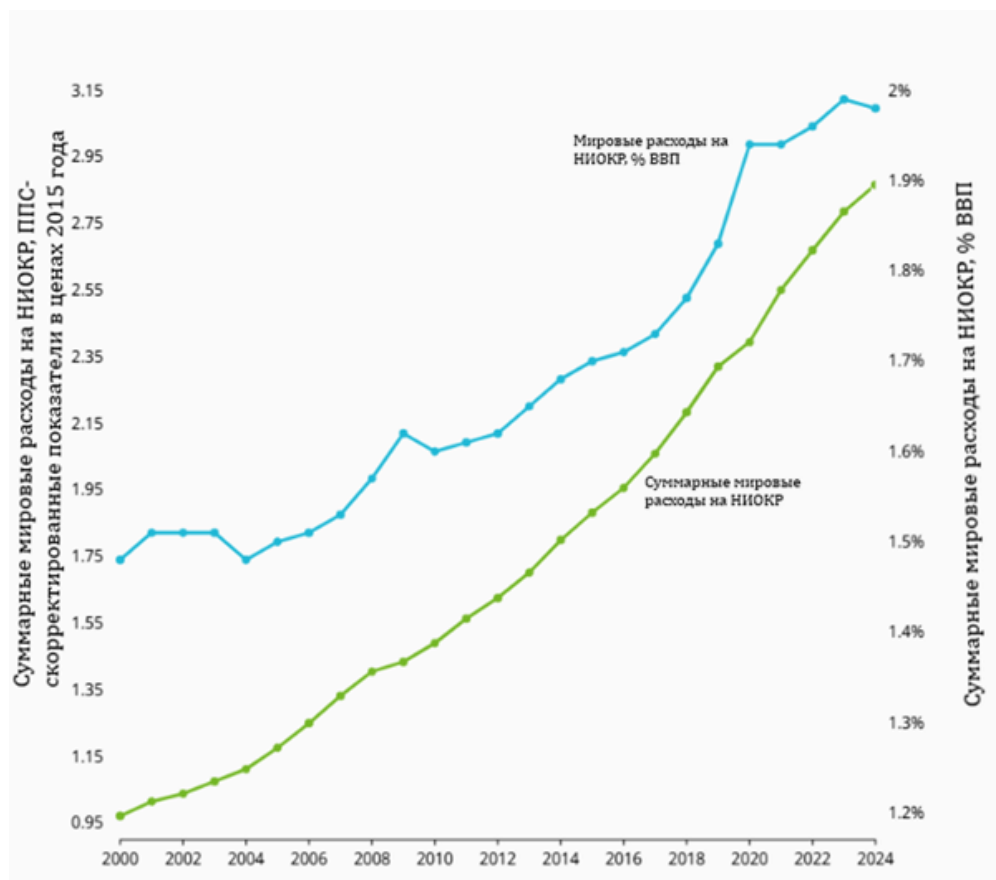

Рис. 7 / Fig. 7. Динамика расходов на НИОКР в структуре ВВП по миру, в % /
Revenue structure of the world's largest Big Tech companies, in %

Источник / Source: End of Year Edition – Despite the Odds, Global R&D Spending Grew Again in 2024, Inching Closer to the USD 3 Trillion Mark. URL: [https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/w/blogs/2025/end-of-year-edition#:text=Stylized%20Fact%20%20The%20Global,UNESCO%20UIS%20\(see%20background%20information\)](https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/w/blogs/2025/end-of-year-edition#:text=Stylized%20Fact%20%20The%20Global,UNESCO%20UIS%20(see%20background%20information)) (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

Таблица / Table

Отраслевая структура венчурных сделок в 2000, 2015 и 2023–2025 гг., в % /
Industry structure of venture capital deals in 2000, 2015, and 2023–2025, in %

2000	2015	2023	2024	2025	Год / Отрасль Year / Industry
0,3	8,1	3,5	5,2	1,7	Транспортировка
19,5	11,4	16,8	13,8	15,8	Коммерческие товары и услуги
4,9	17,4	8	7,2	4,1	Потребительские товары и услуги
0,8	1,2	4,1	3,8	2,8	Энергия
29,4	3,4	8	6,2	4,8	IT аппаратное
5,8	10,3	8,4	6,8	5,2	Другое
4,9	7,8	8,7	8,3	8,2	Здравоохранение и забота
5	9	10,4	10,4	7,2	Фармацевтика и биотехнологии
29,4	31,4	32,1	38,3	50,2	Программное обеспечение

Источник / Source: составлено авторами на основании / compiled by the authors based on Global Innovation Tracker. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/global-innovation-tracker.html#:text=In%20geographical%20terms%2C%20the%20United,Samsung%20Electronics%2C%20and%20SK%20Hynix> (дата обращения / accessed on 11.04.2026).

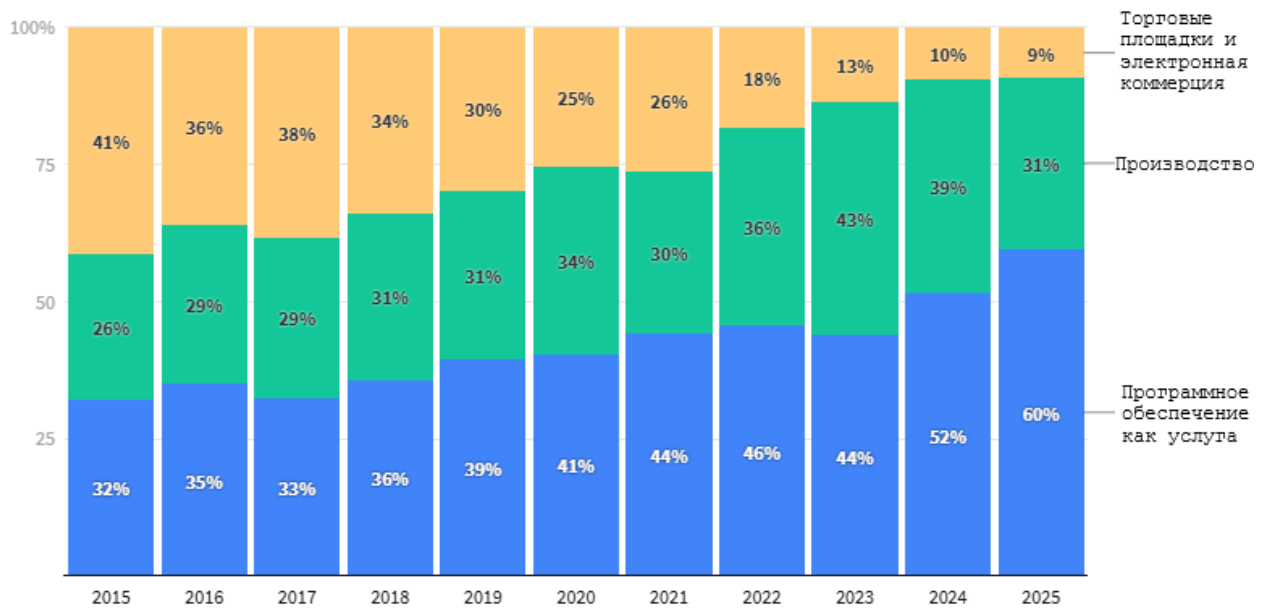

Рис. 8 / Fig. 8. Объём программного обеспечения как услуги (SaaS — Software as a Service) в объёме венчурных инвестиций 2016–2026 гг., в % / Volume of Software as a Service (SaaS) in the volume of venture investments 2016–2026, in %

Источник / Source: The State of Global VC. URL: <https://dealroom.co/guides/global> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

воохранение средств вкладывалось больше. Доля вложений в программное обеспечение оставалась стабильной и составляла около 30%. Однако после 2023 г. наметилась тенденция к реконцентрации, которая достигла своего пика в 2025 г., когда на сектор программного обеспечения пришлось половина всех венчурных инвестиций — исторический максимум. Отраслевая структура венчурного финансирования представлена в таблице, а динамика объёма инвестиций в программное обеспечение как услуги — на рис. 8.

Поляризация венчурного рынка в сторону программного обеспечения отражает концентрацию капитала в высокотехнологичном секторе, где переход к «эре ИИ» трансформирует статические облачные платформы в автономных самообучающихся агентов, автоматизирующие комплексные бизнес-процессы.

Глобальные частные инвестиции в искусственный интеллект достигли рекордного уровня, а за последнее десятилетие этот сектор значительно расширился (рис. 9).

При этом вложения в ИИ составляют более половины всех венчурных инвестиций (рис. 10).

По сравнению с гигантскими суммами частных инвестиций в индустрию искусственного интеллекта, объём государственных средств, выделяемых на фундаментальные исследования в этой

области, ничтожно мал и практически не растёт, по крайней мере, в США².

При этом начиная с 1995 г. темпы роста инвестиций в нематериальные активы в Бразилии, ЕС, Индии, Великобритании и США стабильно превышают темпы роста инвестиций в материальные активы — рис. 11. В 2008 г. темпы роста инвестиций в нематериальные активы начали ускоряться и достигли за 16 лет (с 2008 по 2024 г.) 4,1% совокупного среднегодового темпа роста. Этот показатель намного опережает темпы роста инвестиций в материальные активы, которые за тот же период увеличились всего на 1,1%. Это означает, что в период с 2008 по 2024 г. нематериальные инвестиции росли более чем в три раза — точнее, в 3,7 раза — такими же темпами, как и материальные. Только за год, с 2023 по 2024, нематериальные инвестиции выросли почти на 3% по сравнению с ростом материальных инвестиций на 1%.

И, хотя динамика роста разрыва между нематериальными (R&D, бренды, ПО, человеческий капитал) и материальными (заводы, оборудование) инвестициями оказывает прямое влияние на индикатор Баффета, искусственно завышая его

² State of AI Report. URL: https://docs.google.com/presentation/d/1xiLl0VdrlNMAei8pmaX4ojlOfej6lhvZbOIK7Z6C-Go/edit?slide=id.g309a25a756d_0_85#slide=id.g309a25a756d_0_85 (дата обращения: 11.04.2026).

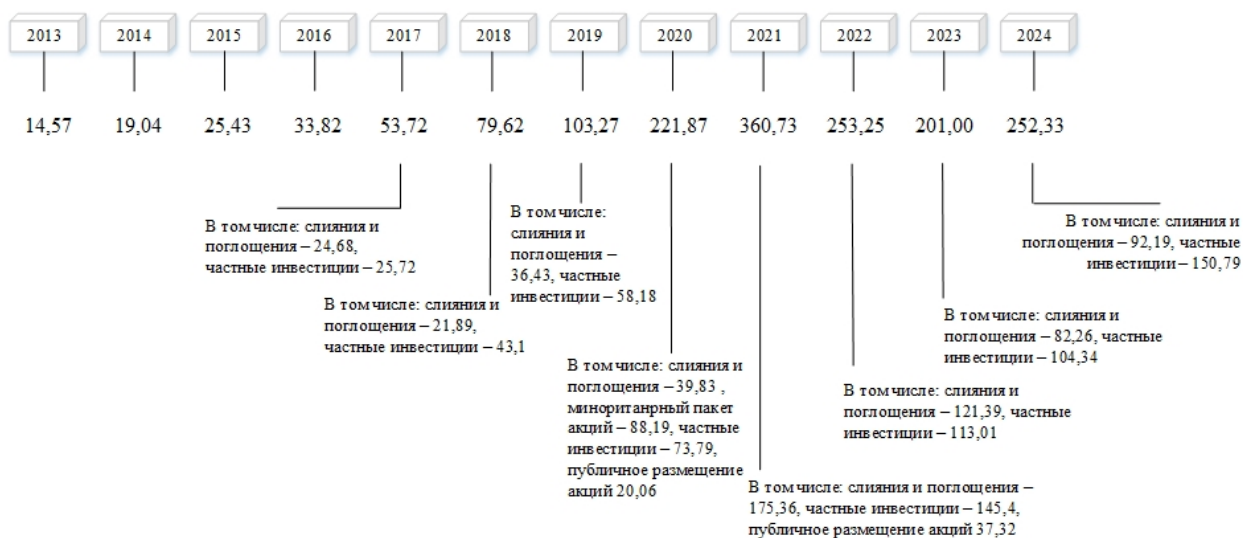

Рис. 9 / Fig. 9. Динамика частных инвестиций в ИИ, млрд долл., 2013–2024 гг. /
Dynamics of private investment in AI, billion dollars, 2013–2024

Источник / Source: составлено авторами на основании / compiled by the authors based on The 2025 AI Index Report. URL: <https://hai.stanford.edu/ai-index/2025-ai-index-report/economy> (дата обращения / accessed on 11.04.2026).

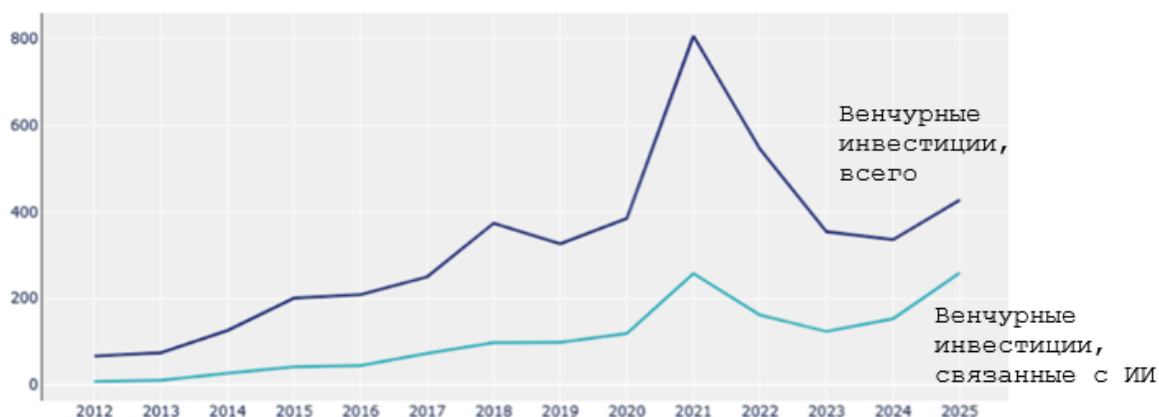

Рис. 10 / Fig. 10. Инвестиции в ИИ в объёме всех венчурных инвестиций, млрд долл. /
AI investments as a percentage of all venture capital investments, in billions of dollars

Источник / Source: Venture capital investments in artificial intelligence through 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/venture-capital-investments-in-artificial-intelligence-through-2025_a13752f5-en/full-report.html (дата обращения / accessed on 11.04.2026).

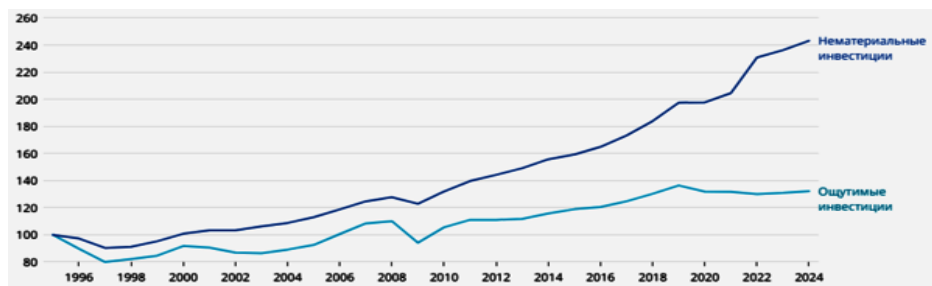

Рис. 11 / Fig. 11. Динамика роста разрыва между нематериальными и материальными инвестициями, в %, 1995 г. = 100% / Growth dynamics of the gap between intangible and tangible investments, in %, 1995 = 100%

Источник / Source: World Intangible Investment Highlights 2025. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/world-intangible-investment-highlights-2025/en/world-intangible-investment-highlights-2025.html> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

Рис. 12 / Fig. 12. Индикатор Баффета / The Buffett Indicator

Источник / Source: Buffet Indicator (Wilshire 5000/GDP). URL: <https://www.tradingview.com/script/gXvpJ24n-Buffet-Indicator-Wilshire-5000-GDP/?ysclid=mns70b4cx412668094> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

значение и делая его менее точным инструментом для оценки перекупленности рынка, он, тем не менее, растет, сигнализируя об «экстремальной переоценке» Big Tech компаний. Высокий индикатор Баффета (рис. 12) сегодня отражает не только «пузырь», но и сдвиг экономики от материального производства к интеллектуальной собственности, что искажает исторические метрики, а рост разрыва между нематериальными и материальными инвестициями ещё более его увеличивает.

Индикатор Баффета показывает, что фондовый рынок перегрет, в то время как накопление ЦК остается основным драйвером роста в экономике, что подтверждают данные по показателю рыночной капитализации крупнейших мировых компаний (рис. 13).

Доминирование компаний Big Tech по уровню рыночной капитализации — это ключевой индикатор перехода к экономике ЦК, свидетельствующий о смене парадигмы накопления стоимости: от владения физическими активами к контролю над данными, платформами и инфраструктурой ИИ. Доминирование Big Tech означает, что ЦК концентрируется в руках тех, кто контролирует инфраструктуру платформ, данных, алгоритмов, ИИ и пр., оказывая решающее значение на динамику развития мировой экономики и международных экономических отношений, посредством частной собственности на средства (цифрового)

производства, общественной (глобальной) формы производства стоимости и частной формой присвоения.

Иными словами, ЦК, являясь основой нового технологического уклада, выступает драйвером трансформации мировой экономики, механизмов формирования и извлечения стоимости, смены базисных технологий, перераспределения капитала, формирования новой инфраструктуры, эксплуатации нового типа ресурса. Смена цикла Кондратьева служит хронологической и структурной рамкой, объясняющей, почему именно сейчас происходит консолидация рынков ЦК.

В качестве подтверждения смены технологических укладов приведём данные по:

- валовому накоплению основного капитала, в % ВВП (рис. 14);
- динамике экспорта высоких технологий по миру (рис. 15);
- темпам производительности труда на примере США (рис. 16);
- годовому количеству рабочих часов (рис. 17);
- росту денежной массы M2.

ЦК в современном валовом накоплении основного капитала играет роль ключевого драйвера роста, трансформируя структуру инвестиций из материальной в нематериальную (интеллектуальную) сущность, представляющую собой совокупность аппаратных средств, про-

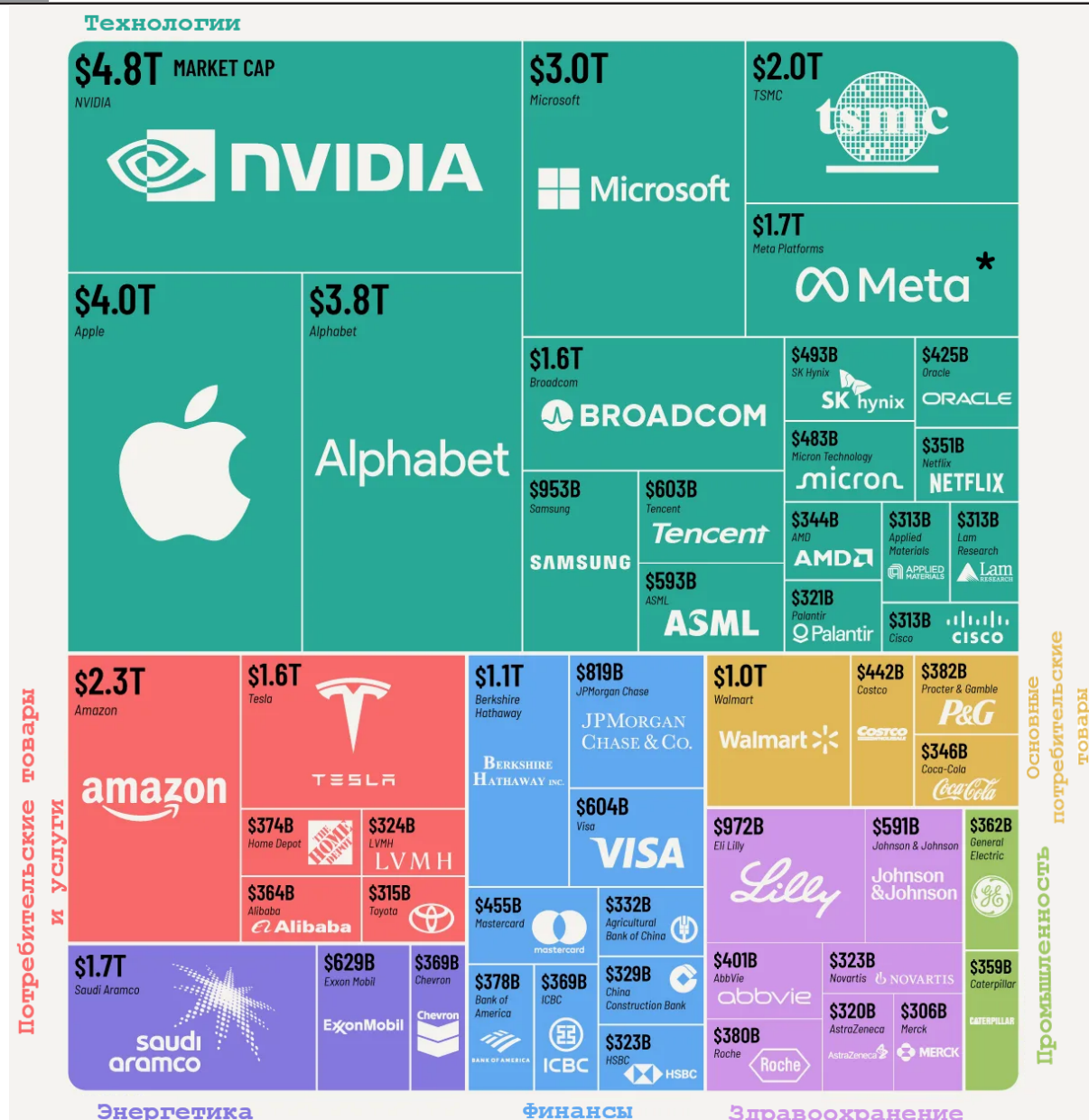

Рис. 13 / Fig. 13. Топ-50 компаний мира по рыночной капитализации на февраль 2026 г. / Top 50 companies in the world by market capitalization as of February 2026

Источник / Source: Ranked: The World's 50 Most Valuable Companies in 2026. URL: <https://www.visualcapitalist.com/50-most-valuable-companies-in-the-world-in-2026> (дата обращения / accessed on 06.04.2026).

Примечание / Note: * Meta — запрещённая на территории РФ организация / * Meta is recognized as an extremist organization in Russia.

граммного обеспечения, цифровых платформ и данных, накопленных для повышения производительности.

Валовое накопление ЦК является критическим фактором, превращающим традиционные производства в высокотехнологичные и способствующим их интеграции в глобальные цепочки создания стоимости, тем самым увеличивая объем и технологический уровень экспорта.

Рост производительности труда в условиях цифровой экономики трансформирует способы извлечения прибавочной стоимости, причём не только за счёт продления рабочего дня на основании, например, размытой границы между рабочим и личным временем в условиях дистанционной занятости, но и интенсификации труда, а также использования так называемого «бесплатного труда» пользователей для создания раз-

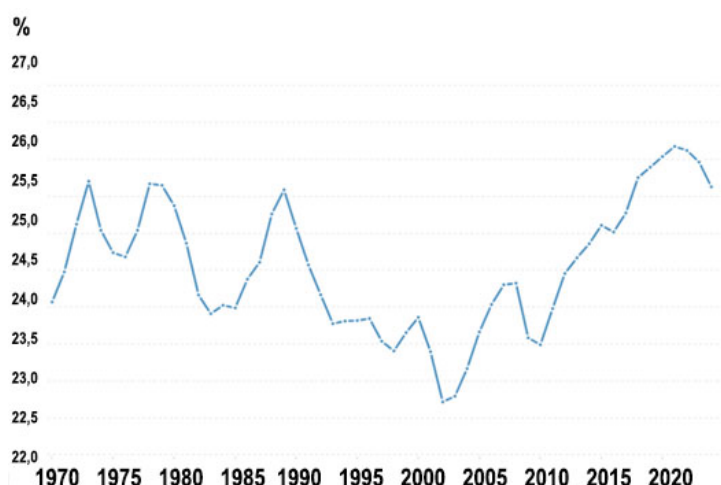

Рис. 14 / Fig. 14. Валовое накопление основного капитала по миру в 1960–2024 гг., в %
БВП / Gross fixed capital formation worldwide in 1960–2024, as a percentage of GDP

Источник / Source: Gross fixed capital formation (% of GDP). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.ZS> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

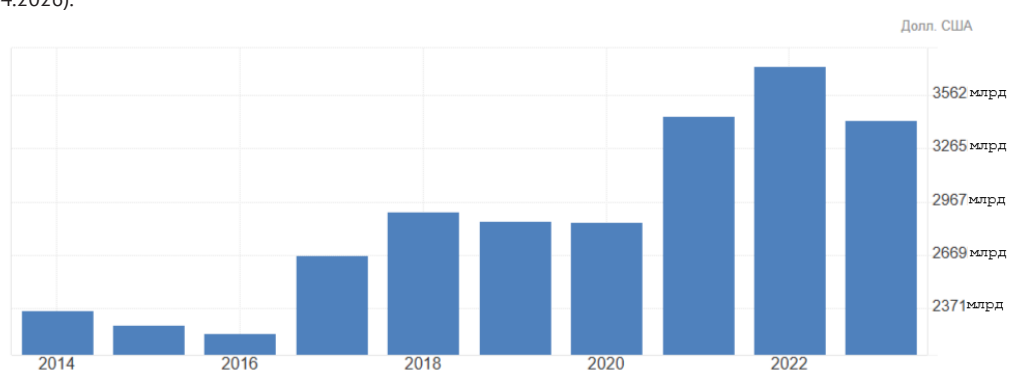

Рис. 15 / Fig. 15. Экспорт высоких технологий в мире за 2014–2024 гг., млрд долл. /
Global high-tech exports, 2014–2024, in billions of dollars

Источник / Source: World – High-technology Exports. URL: <https://tradingeconomics.com/world/high-technology-exports-us-dollar-wb-data.html> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

Рис. 16 / Fig. 16. Производительность труда на работника в час для всех работников
несельскохозяйственного сектора экономики США в 1950–2025 гг. / Labor productivity
per hour for all non-agricultural workers in the United States in 1950–2025

Источник / Source: Nonfarm Business Sector: Labor Productivity (Output per Hour) for All Workers. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/OPHNFB> (дата обращения / accessed on 10.04.2026).

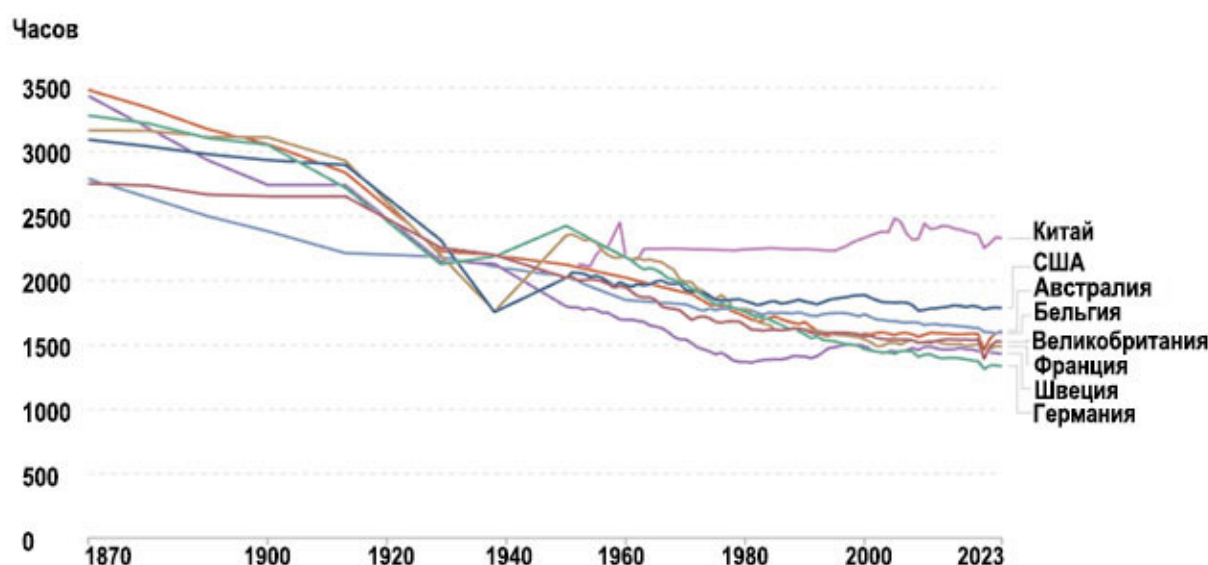

Рис. 17 / Fig. 17. Годовое количество рабочих часов на одного работника, 1870–2023 гг. /
Annual number of working hours per employee, 1870–2023

Источник / Source: Are we working more than ever? URL: <https://ourworldindata.org/working-more-than-ever> (дата обращения / accessed on 11.04.2026).

ного рода ценностей: контента (отзывов, фото), обучения ИИ, маркировки данных, активности в соцсетях («цифрового шеринга», добровольного участия в краудсорсинге, «бесплатных» стажировок) и др.

При этом стоит отметить, что за последние 150 лет количество рабочего времени средне-статистического работника значительно сократилось. Несмотря на то, что во многих странах продолжительность рабочего дня уменьшилась, различия между ними и внутри них по-прежнему велики.

Анализ денежной массы $M2^3$ и годового сокращения количества рабочих часов в контексте ЦК и смены Кондратьевских циклов указывает на переход от 5-го к 6-му технологическому укладу. Происходит замещение физического труда цифровым, при котором глобальная ликвидность ($M2$) раздувается, а реальная производительность труда растёт, что способствует смене механизмов формирования и извлечения стоимости, перераспределения капитала, новой инфраструктуры и базисных технологий.

В связи с тем, что источник стоимости по-прежнему связан с трудом, но при этом механизм

её изъятия смещается в цифровую среду, аргументами в пользу присвоения прибавочной стоимости (от ЦК) выступают данные о росте глобального неравенства как в развитых, так и в развивающихся странах⁴⁵.

ВЫВОДЫ

В результате исследования установлено: накопление ЦК является фундаментальной основой формирующегося технологического уклада. Цифровая рента, замещая традиционные формы прибыли, превращается в ключевой механизм извлечения и перераспределения добавленной стоимости.

ЦК детерминирует глубокую социально-экономическую трансформацию, усиливая поляризацию доходов между владельцами цифровых платформ и остальными участниками рынка. Данный аспект требует смены парадигмы государственного регулирования для предотвращения рисков «цифрового феодализма» и монополизации в условиях рентаориентированного поведения ИТ-гигантов, аккумулирующих ЦК.

⁴ World Inequality Report 2026. URL: <https://wir2026.wid.world/> (дата обращения: 10.04.2026).

⁵ Top 10% net personal wealth share. URL: https://wid.world/world/#shweal_p90p100_z/US;FR;DE;CN;ZA;GB;WO-PPP/last/eu/k/p/yearly/s/false/37.836/125/curve/false/country (дата обращения: 10.04.2026).

³ Денежный агрегат $M2$. URL: <https://ru.tradingview.com/markets/world-economy/indicators/money-supply-m2/> (дата обращения: 11.04.2026).

Результаты проведённого исследования демонстрируют необходимость пересмотра классических моделей капитала, формирования стоимости и извлечения прибавочной стоимости в условиях цифровой экономики на основании бинарной (материальной и нематериальной) природы ЦК, специфики цифровой монопольной ренты и сущностной природы превращённой (цифровой) формы капитала как системы экономических отношений между собственниками капитала и наёмными рабочими по производству, обмену, распределению стоимости.

Авторами предложено операционное определение ЦК, который представляет собой превращённую форму капитала, образованную путём слияния финансового (промышленного + банковского) и информационно-технологического капиталов. Сформулирован и статистически обоснован механизм первоначального накопления (цифрового) капитала на основании процесса «цифрового огораживания», то есть приватизации информа-

ционных ресурсов. Описаны механизмы извлечения и присвоения прибавочной стоимости от ЦК на основании цифрового труда наёмных рабочих и бесплатного труда пользователей. Приведена статистическая аргументация в пользу следующего постулата: ЦК не просто вышел за границы отведённых ему секторальных рамок экономики, он уже стал её фактической основой, что, с точки зрения авторов, свидетельствует о наступлении нового Кондратьевского цикла.

Приведённое исследование сущности и структуры ЦК может стать основанием для стратегических инициатив по эффективному перераспределению нематериальных ресурсов, преодолению цифрового неравенства, повышению общей конкурентоспособности и обеспечению технологического суверенитета в условиях современной экономики. Результаты данного исследования могут быть полезны для представителей бизнес-сообщества и государственных институтов (в том числе регуляторов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Срничек Н. Капитализм платформ. Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2019. 128 с.
Srniczek N. Platform Capitalism. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2019. 128 p. (In Russ.).
2. Маццукато М. Рента в цифровую эпоху. М.: URSS; 2026. 160 с.
Mazzucato M. Rent in the Digital Age. Moscow: URSS; 2026. 160 p. (In Russ.).
3. Маццукато М. Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2021. 408 с.
Mazzucato M. The value of all things. Creation and withdrawal in the global economy. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2021. 408 p. (In Russ.).
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ; 2000. 608 с.
Castells M. The Information Age: Economy, society, and culture. Moscow: HSE; 2000. 608 p. (In Russ.).
5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория; 2004. 328 с.
Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business, and society. Ekaterinburg: U-Factoria; 2004. 328 p. (In Russ.).
6. Альпидовская М.Л., Сироткина А.И. Воспроизводственные механизмы цифрового неравенства. *Теоретическая экономика*. 2025;10:13-32. DOI: 10.52957/2221-3260-2025-10-13-32
Alpidovskaya M.L., Sirotkina A.I. Reproductive mechanisms of digital inequality. *Teoreticheskaya Ekonomika = Theoretical Economics*. 2025;10:13-32. (In Russ.). DOI: 10.52957/2221-3260-2025-10-13-32
7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Части первая и вторая. Книга III: процесс капиталистического производства, взятый в целом. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1951. 932 с.
Marx K. Capital. Critique of political economy. Volume III. Parts one and two. Book III: The process of capitalist production as a whole. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1951. 932 p. (In Russ.).
8. Gavali P. Rakned: The World's 50 Top countries by GDP, by sector breakdown. URL: <https://www.visualcapitalist.com/cp/gdp-by-country-sector-breakdown/> (дата обращения: 10.04.2026).

9. Rao P. Visualizing how big tech companies make their billions. URL: <https://www.visualcapitalist.com/big-tech-companies-billions/> (дата обращения: 10.04.2026).
10. Cincotta F. The big 5 technology stocks now represent 25 of the SPs value what could disrupt these behemoths. URL: <https://www.forex.com/ie/market-analysis/latest-research/the-big-5-technology-stocks-now-represent-25-of-the-sps-value-what-could-disrupt-these-behemoths/> (дата обращения: 10.04.2026).
11. Taylor B. 200 years of market concentration. URL: <https://finaeon.com/200-years-of-market-concentration/> (дата обращения: 10.04.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Леонидовна Альпидовская — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Marina L. Alpidovskaya — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Department of Economic Theory, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9075-9683>

morskaya67@bk.ru

Анастасия Ильинична Сироткина — соискатель кафедры экономической теории факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Anastasia I. Sirotkina — Applicant for Cand. Sci. (Econ.) in the Department of Economic Theory, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9503-0306>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

sir_n@bk.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.12.2025; принята к публикации 25.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.12.2025; accepted for publication 25.06.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-83-93
УДК 332.1:001.895
JEL C23, O31, O33, R11

Ограничения комплементарности и нелинейные эффекты цифровой среды и исследовательского кадрового потенциала в инновационной динамике регионов

С.И. Кравченко, А.В. Гурнак

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — взаимосвязь цифровой среды, исследовательского кадрового потенциала и инновационных результатов в регионах Российской Федерации в условиях сохраняющейся региональной асимметрии и структурных ограничений. **Цель** работы — эмпирическая оценка модерационных эффектов цифровой среды и исследовательского кадрового потенциала на трансформацию инновационных затрат в инновационный результат, а также проверка нелинейного характера влияния цифровизации на инновационную динамику регионов. **Методология** базируется на концепции комплементарных активов. Эмпирическая база — данные Росстата по 75 субъектам РФ за 2014–2024 гг. Использована линейная панельная модель с фиксированными эффектами регионов и годовыми фиктивными переменными, а также модель случайных эффектов как сравнительная спецификация. Применены тесты Бреуша — Пагана, Хаусмана, VIF и тест Песарана для обоснования выбора модели и диагностики мультиколлинеарности и кросс-секционной зависимости. В **результате** исследования установлено, что влияние линейных модерационных эффектов цифровой среды и исследовательского кадрового потенциала на связь между инновационными затратами и инновационным результатом статистически незначимо во всех рассмотренных спецификациях. Это интерпретируется как свидетельство об ограниченной применимости линейной версии концепции комплементарных активов к российским регионам. В то же время подтверждена U-образная зависимость влияния цифровой среды на инновационный результат: положительные и значимые коэффициенты при линейном и квадратичном членах индекса цифровой среды указывают на возрастающую отдачу после достижения критического уровня цифровой зрелости. Выявлен устойчивый отрицательный эффект инвестиций в основной капитал, интерпретируемый как проявление инвестиционного вытеснения инновационной активности в условиях преобладания ресурсно-ориентированных и капиталоемких отраслей. Положительное влияние валового регионального продукта (далее — ВРП) на душу населения подтверждает роль экономического развития, но не компенсирует структурных ограничений. **Научный вклад** исследования состоит в одновременном тестировании модерационных и нелинейных эффектов цифровой среды и исследовательского кадрового потенциала на панельных данных российских регионов за расширенный период, включая интерпретацию статистически незначимых модерационных результатов как содержательного свидетельства контекстной зависимости комплементарных активов, а не как методологического артефакта. Полученные результаты задают основу для дальнейших исследований пороговых эффектов цифровизации, пространственных спilloверов знаний и дифференциации эффектов по типам региональных инновационных систем. **Практическая значимость** исследования состоит в обосновании дифференцированной региональной инновационной политики: для территорий с низким уровнем цифровой зрелости приоритетом должно стать достижение минимально достаточного уровня инфраструктурного развития, тогда как в регионах с выраженной сырьевой специализацией необходима переориентация инвестиционных потоков на технологическое обновление, R&D и высокотехнологичные сервисы.

Ключевые слова: инновационный результат; цифровая среда; исследовательский кадровый потенциал; региональная экономика; модерационные эффекты; нелинейность; панельные данные; пороговые эффекты; комплементарные активы

Для цитирования: Кравченко С.И., Гурнак А.В. Ограничения комплементарности и нелинейные эффекты цифровой среды и исследовательского кадрового потенциала в инновационной динамике регионов. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):83–93. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-83-93

The Impact of the Digital Environment and Research Staff Potential on Regional Innovation Dynamics, Considering Complementarity Constraints and Nonlinear Effects

S.I. Kravchenko, A.V. Gurnak

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Study topic: Regional asymmetry and structural constraints in Russian Federation regions and their impact on the digital environment, research staff potential, and innovation output. The work's **goal:** To empirically evaluate how the digital environment and research staff capabilities influence the conversion of innovation spending into innovation results, while also examining if digitalization's effect on regional innovation is non-linear. The **methodology** is rooted in the principle of complementary assets. The empirical basis is Rosstat data for 75 constituent entities of the Russian Federation for 2014–2024. The analysis involves a linear panel model with fixed regional and year dummy effects, alongside a random effects model for comparative analysis. To justify model selection and diagnose multicollinearity and cross-sectional dependence, the Breusch–Pagan, Hausman, VIF, and Pesaran tests are utilized. The **results** indicate that the impact of linear moderation from the digital environment and research staff potential on innovation expenditure – output is not statistically significant in any of the analyzed scenarios. The authors see this as proof that the linear complementary assets concept has restricted use in Russia's regions. The study confirms a U-shaped link between the digital environment and innovation output: The digital environment index's linear and quadratic terms show positive and significant coefficients, indicating that returns grow after a key level of digital maturity is attained. The consistent negative impact of fixed capital investment is understood as innovation activity being displaced by investment, especially in resource- and capital-intensive sectors. The positive impact of the gross regional product (GRP) per capita confirms the role of economic development, but does not compensate for structural limitations. **The scientific contribution** of this study is the simultaneous testing of the moderating and nonlinear effects of the digital environment and research human resources on panel data from Russian regions over an extended period, including the interpretation of statistically insignificant moderating results as meaningful evidence of the contextual dependence of complementary assets rather than as a methodological artifact. It also interprets non-significant moderation findings as substantive proof of complementary assets' context dependency, not as a methodological flaw. The findings lay the groundwork for continued investigation into digitalization's threshold effects, spatial knowledge spillovers, and how effects vary across different regional innovation systems. The study's **practical value** lies in supporting a varied regional innovation strategy. For areas with low digital development, the focus should be on reaching a basic infrastructure level. Conversely, regions with strong resource specialization need to shift investments towards technological renewal, R&D, and high-tech services.

Keywords: innovation output; digital environment; research staff potential; regional economy; moderation effects; nonlinearity; panel data; threshold effects; complementary assets

For citation: Kravchenko S.I., Gurnak A.V. The impact of the digital environment and research staff potential on regional innovation dynamics, considering complementarity constraints and nonlinear effects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):83-93. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-83-93

ВВЕДЕНИЕ

Для российских регионов с асимметричной экономической структурой, научно-технологической базой, урбанизацией и цифровой средой ключевым становится вопрос об условиях трансформации инновационных затрат в измеримые результаты: патенты, новые технологии и инновационные продукты. Теоретически данная постановка восходит к концепции комплементарных активов [1], согласно которой цифровая среда и исследовательский потенциал должны усиливать отдачу от инвестиций в ин-

новации. Однако эмпирические свидетельства неоднозначны: модерационные эффекты (когда воздействие одного экономического фактора на результат не является постоянным, а зависит от величины другого) могут быть статистически незначимы или отрицательны [2–4], а данные о нелинейном влиянии цифровой инфраструктуры [5–7] ставят под сомнение адекватность линейных моделей. Таким образом, выявление и оценка существующих зависимостей между цифровой средой, исследовательским кадровым потенциалом и динамикой инновационных ре-

зультатов в регионах РФ являются актуальными и требуют эмпирической верификации.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Современная профильная научная литература о региональных инновациях исходит из того, что инновационный результат многофакторен и территориально обусловлен, поэтому выбор одного индикатора (патенты или продукция) искажает картину региональных различий [8]. Для переходных и развивающихся экономик обоснован двухстадийный подход, различающий факт создания знания и процесс его коммерциализации [9]. Для российской выборки такая логика особенно важна, поскольку регионы могут иметь высокую научную активность при низкой рыночной отдаче или производить инновационную продукцию на заимствованных технологиях.

Теоретической основой исследования является концепция комплементарных активов, предполагающая, что эффективность инновационных затрат зависит от дополнительных ресурсов, которые сами по себе не генерируют новшества, но повышают отдачу от инвестиций. В нашем контексте это цифровая инфраструктура и исследовательские кадры.

Современные исследования подтверждают, что человеческий капитал важнее простого наращивания финансов [10], а пространственные перетоки знаний весьма значимы [11]. Также обосновывается существенный вклад университетов [12] и доказывается связь структуры человеческого капитала с патентной активностью [13]. При этом реализация потенциала кадров сдерживается недостаточной профориентацией и цифровой компетентностью преподавателей [14; 15], тогда как успех высокотехнологичных компаний среднего бизнеса демонстрирует важность инвестиций в человеческий капитал [16]. Отдельно рассматриваются структурные ограничения инновационного развития в ресурсно-ориентированных регионах [17].

Однако эмпирика не всегда подтверждает модерационные эффекты в инновациях: например, лицензирование иностранных технологий не усиливает связь интернет-возможностей фирм с инновациями [18], а эффекты цифровизации варьируются в зависимости от институционального развития [19]. То есть можно говорить о контекстной зависимости модерационных механизмов, которые могут не работать в условиях институциональной недостаточности или высокой региональной гетерогенности.

Накопленные данные свидетельствуют, что цифровизация не всегда оказывает линейный эффект. Zhang et al. [7] обнаружили зависимость эффекта от городского размера и инфраструктуры; Растворцева С. на панельных данных РФ показала более сильный эффект в технологически продвинутых регионах [20]; Han et al. [6] выявили пороговые эффекты для зеленых инноваций. Это согласуется с U-образной зависимостью, когда на ранней стадии цифровизация требует затрат, после достижения критической массы отдача растет. Для проверки этой нелинейности в регрессионную модель с фиксированными эффектами (FE) будет включен квадратичный член индекса цифровой среды.

Отечественные исследования подтверждают региональную асимметрию цифрового развития и рост ресурсных ограничений [21–23], что актуализирует анализ пороговых эффектов, включая цифровые интеллектуальные права [24]. Повестка цифровой трансформации смещается к прикладным драйверам [25], что требует учета цифровой зрелости бизнеса при оценке отдачи. Эмпирические оценки подтверждают, что цифровая инфраструктура и инвестиции — стабильные драйверы роста, а влияние занятости и образования контекстуально [26].

Наряду с цифровой и кадровой составляющей подчеркивается роль агломерации и инвестиционной структуры. Cai et al. [27] показали, что плотность населения усиливает инновационный выход, однако в ресурсно-ориентированных регионах характерна иная логика роста. Самусенко С. и др. [28] интерпретируют дефекты инновационных систем ресурсных регионов через слабость сетевых связей и институциональных механизмов. Международные исследования [29] также указывают на риск вытеснения инноваций традиционными инвестициями («ресурсное проклятие»), что ослабляет влияние исследовательского потенциала [28; 30]. Дополнительное свидетельство — прямая связь инновационности и потребления ресурсов [31].

Таким образом, выделяются три пробела: 1) недостаточно изучено, усиливают ли цифровая среда и кадры отдачу инновационных затрат в регионах РФ; 2) большинство исследований линейны, тогда как возможны пороговые эффекты; 3) роль инвестиционной структуры не прояснена в полной мере — капиталовложения могут закреплять традиционную специализацию и вытеснять R&D.

Настоящее исследование заполняет эти пробелы, тестируя модерационные эффекты, квадратичную

зависимость цифровой среды и связь инвестиций с инновационным результатом на панельных данных регионов РФ. Особое внимание уделяется интерпретации «нулевых» результатов для противодействия публикационному смещению [32]. Таким образом, с учетом неоднозначности данных, четыре гипотезы в работе формулируются как проверяемые предположения о наличии/отсутствии эффектов: Н1 — цифровая среда модифицирует связь затрат на инновации и полученные результаты; Н2 — уровень исследовательского кадрового потенциала модифицирует связь между инновационными затратами и инновационным результатом; Н3 — влияние цифровой среды на инновационный результат носит нелинейный характер; Н4 — инвестиции в основной капитал могут быть отрицательно связаны с инновационным результатом (эффект вытеснения). В целом предложенные гипотезы задают рамку эмпирической проверки в панельной модели.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данные и дизайн исследования

Эмпирическая база — официальные данные Росстата по 75 субъектам РФ за 2014–2024 гг. В выборку включены только регионы без систематических пропусков и ограничений по конфиденциальности. Первичный массив — 825 наблюдений типа «регион-год». Все объясняющие переменные заданы с лагом в два года для снижения риска обратной причинности и соответствия инновационному циклу (итоговая выборка — 675 наблюдений). Такой дизайн использует пространственную вариацию и временную динамику, что важно для инерционных инновационных процессов. Панельная структура позволяет контролировать ненаблюдаемую гетерогенность регионов (отраслевая структура, научная специализация, институциональное качество) и учитывать общие временные шоки (макроэкономические колебания, пандемия, санкции, изменение научно-технологической политики). Исследование имеет ограничения: возможная эндогенность (несмотря на лаги), неполнота индекса цифровой среды (данные Росстата не охватывают облачные технологии, большие данные, ИИ) и макроэкономические шоки, не полностью контролируемые временными эффектами.

Операционализация переменных

Операционализация переменных представлена в табл. 1. Зависимая переменная — композитный индекс инновационного результата как среднее

арифметическое двух мини-макси нормированных показателей: объема инновационных товаров, работ и услуг, а также числа выданных патентов на изобретения на 10 тыс. населения. Двойное измерение отражает как создание знания (патенты), так и его рыночную реализацию (инновационная продукция), что соответствует принятой практике анализа региональных инновационных систем [9; 33; 34].

Независимые переменные отобраны с учетом их теоретической связи с инновационным результатом [5; 9; 10; 33; 34]. Ключевой ресурсный фактор и независимая переменная — интенсивность затрат на инновационную деятельность (INN) — отношение затрат к ВРП, % — обеспечивает сопоставимость регионов разного масштаба. Вторая независимая переменная — цифровая среда (DIG) отражает доступность, распространенность и базовую цифровую зрелость. Третья переменная — исследовательский кадровый потенциал региона отражает не только объем научных кадров, но и способность территории генерировать, воспринимать и перерабатывать новые знания.

Контрольные переменные (ВРП и инвестиции в основной капитал на душу населения, доля городского населения, уровень занятости, численность студентов на 10 тыс. населения) позволяют контролировать уровень экономического развития, инвестиционную обеспеченность, агломерационные эффекты, состояние рынка труда и образовательную базу [10; 12; 27; 33; 34].

Количественные переменные (кроме индексов и процентов) логарифмированы для снижения асимметрии. Переменные для взаимодействий центрированы по средним для уменьшения мультиколлинеарности и повышения содержательности интерпретации коэффициентов при основных эффектах.

Эконометрическая спецификация и оценочные процедуры

Для проверки гипотез используется линейная панельная модель с фиксированными эффектами регионов и годовыми фиктивными переменными. Базовая спецификация представлена в виде следующей формулы:

$$Y_{ind_i,t} = \beta_0 + \beta_1 INN_{i,t-2} + \beta_2 INN_{i,t-2}^2 + \beta_3 DIG_{i,t-2} + \beta_4 DIG_{i,t-2}^2 + \beta_5 (INN * DIG)_{i,t-2} + \beta_6 RES_{i,t-2} + \beta_7 (INN * RES)_{i,t-2} + \gamma Controls_{i,t-2} + \alpha_i + v_t + \varepsilon_{it},$$

Таблица 1 / Table 1

Исследуемые переменные / Study variables

Переменная / Variables	Операционализация / Operationalization	Обозначение / Notation
Композитный индекс инновационного результата	Среднее двух мини-макси показателей: инновационная продукция и патенты на 10 тыс. населения	Y_{ind}
Интенсивность затрат на инновационную деятельность	Затраты на инновационную деятельность к ВРП, %	INN
Интегральный индекс цифровой среды	Среднее четырех мини-макси показателей: широкополосный доступ в интернет (далее — ШПД) организаций, ШПД домашних хозяйств, фиксированный ШПД на 100 человек, доля организаций с веб-сайтом	DIG
Исследовательский кадровый потенциал	Численность исследователей на 10 тыс. населения	RES
Уровень экономического развития	ВРП на душу населения, дефлированный, 2014 = 100	GRPrс
Инвестиционная обеспеченность	Инвестиции в основной капитал на душу населения, дефлированные, 2014 = 100	INVрс
Урбанизация и агломерационный эффект	Доля городского населения, %	URBAN
Состояние регионального рынка труда	Уровень занятости населения, %	EMP
Образовательная база	Численность студентов на 10 тыс. населения	STUD

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

где α_i — неизменяемые во времени региональные эффекты; v_t — временные эффекты; а ε_{it} — случайная ошибка; коэффициенты $\beta_1, \beta_3, \beta_6$ отражают частные эффекты при средних значениях взаимодействующих переменных (в силу центрирования); квадратичный член β_4 проверяет U-образность влияния цифровой среды; коэффициенты взаимодействий β_5 и β_7 показывают, насколько меняется отдача от инновационных затрат при увеличении уровня цифровой среды и исследовательского потенциала соответственно.

Годовые фиктивные переменные включены по результатам совместного теста значимости

Выбор между альтернативными панельными спецификациями осуществлялся тестами Бреуша — Пагана и Хаусмана. Приемлемость выбранной спецификации проверяется с использованием дополнительных диагностических процедур (матрица попарных коэффициентов корреляции, коэффициенты разбухания дисперсии (VIF), тест Песарана).

Предлагаемая методология соответствует логике региональных инновационных систем: инновационный результат — двухкомпонентный выход, затраты — ресурсный вход, цифровая среда и кадры — условия трансформации, макро- и социально-

демографические характеристики — структурный контекст.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно табл. 2, объем инновационных товаров варьирует от 0 до 8869,61 тыс. руб. (среднее 286,98, ст. откл. 477,48), патенты — от 0 до 7,17 (среднее 0,87, ст. откл. 0,75), что в обоих случаях фиксирует неравномерность инновационного выхода, характеризуя, тем не менее, её разные стороны.

Разброс объясняющих переменных также существен: INN — от 0,002 до 10,93% (среднее 1,46%); DIG — от 18,37 до 65,73%; RES — от 0,49 до 107,33 (среднее 13,59). Это подтверждает региональную неоднородность. Указанная разница может иметь принципиальное значение для интерпретации регрессионных результатов (сильная межрегиональная компонента может лучше улавливаться моделями случайных эффектов, тогда как модель фиксированных эффектов в большей степени будет опираться на внутрирегиональные изменения во времени).

Корреляционный анализ (табл. 3) показывает положительную связь Y_{ind} с RES ($r = 0,578$), DIG ($r = 0,393$) и INN ($r = 0,361$). Высокая корреляция между GRPrс и INVрс ($r = 0,747$) не критична (макс. VIF = 4,69), что в итоге не создает существенных рисков нестабильности оценок.

Таблица 2 / Table 2

**Описательные статистики по исходной выборке переменных /
Descriptive statistics for the original sample of variables**

Показатели / Indicators	Obs	Mean	Std. Dev.	Min	Max
Для расчета зависимой					
Объем инновационных товаров, работ, услуг на 10 тыс. населения, тыс. руб.	825	286,98	477,48	0	8869,61
Количество выданных патентов на 10 тыс. населения	825	0,87	0,75	0	7,17
Независимые и контрольные переменные					
Затраты на инновационную деятельность к ВРП, % от ВРП	825	1,46	1,50	0,002	10,93
Индекс цифровой среды, %	825	47,54	7,05	18,37	65,73
Численность исследователей на 10 тыс. населения	825	13,59	15,67	0,49	107,33
Валовой региональный продукт на душу населения (дефлированный, 2014 = 100), рублей на человека	825	421 419,3	307 485,4	100 526,4	2 147 838,0
Инвестиции в основной капитал на душу населения (дефлированный, 2014 = 100), рублей на человека	825	93 253,29	82 258,59	14 034,1	578 202,2
Доля городского населения, в долях единицы	825	0,71	0,12	0,30	1,0
Уровень занятости населения, в долях единицы	825	0,60	0,05	0,47	0,74
Численность студентов на 10 тыс. населения	825	258,58	101,14	21,0	746,0

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами / compiled and calculated by the authors.

Результаты, представленные в табл. 4, не выявили значимых модерационных эффектов DIG и RES на связь INN-Yind в обеих спецификациях. Незначимость устойчива, что свидетельствует об ограничениях линейной комплементарности в российских регионах, вероятно, из-за разнонаправленных эффектов, взаимно компенсирующихся при усреднении.

Коэффициенты DIG и DIG² положительны и значимы в обеих моделях (см. табл. 4), что указывает на U-образную зависимость: отдача от цифровой среды растет после достижения критического уровня инфраструктуры и компетенций. Отчасти этот вывод согласуется с результатами современных исследований о цифровом дивиденде и цифровом разрыве [5]. Инвестиции в основной капитал (INVpc) имеют отрицательный и значимый коэффициент в обеих моделях, что интерпретируется как эффект вытеснения: капиталовложения в ресурсные и инфраструктурные отрасли закрепляют сырьевую специализацию и снижают стимулы к R&D. GRPpc положительно значим (в FE на 10%, в RE на 5%), что подтверждает роль экономиче-

ского развития, но не компенсирует структурных ограничений. STUD значим только в RE, что указывает на долгосрочный, а не краткосрочный эффект образовательной базы.

FE-модель объясняет 9,85% внутригрупповой вариации (общий R² = 87,25%). Обоснованность использования индивидуальных эффектов проверена тестами (табл. 5).

Тест Бреуша — Пагана отвергает отсутствие региональной компоненты (chibar² = 795,85 при p = 0,0000); доля дисперсии, обусловленная индивидуальными эффектами, достигает 0,890, что дополнительно подтверждает необходимость учета ненаблюдаемой территориальной специфики

Тест Хаусмана (chi² = 51,96 при p = 0,0000) указывает на систематические различия между FE и RE, поэтому FE — базовая модель; RE сохранена как сравнительная. Тест Песарана (p = 0,4673) не обнаруживает статистически значимой кросс-секционной зависимости остатков, следовательно, результаты не свидетельствуют о систематическом влиянии неучтенных общих шоков в остаточной компоненте.

Таблица 3 / Table 3

**Матрица парных коэффициентов корреляции и коэффициенты разбухания дисперсии /
Pairwise correlation matrix and variance inflation factors**

Переменная / Variable	Y _{ind}	INN	DIG	RES	GRPpc	INVpc	URBAN	EMP	STUD	VIF
Y _{ind}	1,000									–
INN	0,361	1,000								1,22
DIG	0,393	0,210	1,000							1,76
RES	0,578	0,406	0,378	1,000						1,82
GRPpc	0,299	0,227	0,509	0,470	1,000					4,69
INVpc	0,132	0,189	0,266	0,340	0,747	1,000				3,57
URBAN	0,446	0,237	0,564	0,567	0,647	0,401	1,000			2,72
EMP	0,288	0,236	0,177	0,452	0,488	0,457	0,517	1,000		1,67
STUD	0,498	0,142	0,134	0,264	–0,039	–0,135	0,193	0,142	1,000	1,19

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами / compiled and calculated by the authors.

Примечание / Note: Верхний правый угол матрицы оставлен пустым ввиду симметричности матрицы парных коэффициентов корреляции / The upper right corner of the matrix is left blank due to the symmetry of the matrix of pairwise correlation coefficients.

Таблица 4 / Table 4

Результаты регрессионного анализа / Regression results

Переменная / Variable	Модель СЭ / RE model		Модель ФЭ / FE model	
	Коэффициент / Coefficient	Стандартная ошибка / Standard error	Коэффициент / Coefficient	Стандартная ошибка / Standard error
INN	0,0030	0,0028	0,0038	0,0029
INN2	–0,0007**	0,0003	–0,0001***	0,000 03
DIG	0,0014*	0,0004	0,0006**	0,0001
DIG2	0,000 04**	0,000 02	0,000 02*	0,00001
INN*DIG	0,000 08	0,0001	0,0001	0,0001
RES	0,0183*	0,0039	0,0028	0,0063
INN*RES	0,0004	0,0012	–0,0013	0,0013
GRPpc	0,0195**	0,0094	0,023***	0,0137
INVpc	–0,0138*	0,0049	–0,0120*	0,0051
URBAN	0,0456	0,0388	–0,1873	0,2058
EMP	0,0075	0,0696	–0,0255	0,0782
STUD	0,0370*	0,0079	–0,0089	0,0137
Константа	–0,3070*	0,1055	0,1088	0,2721
Внутригрупповой коэффициент детерминации (R ² within)	0,0697 / 0,5806		0,0985 / 0,1054	
Годовые ФЭ	+		+	

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами / compiled and calculated by the authors.

Примечание / Note: *p < 0,01, **p < 0,05, ***p < 0,1; СЭ – случайные эффекты, ФЭ – фиксированные эффекты / RE – random effects, FE – fixed effects.

Таблица 5 / Table 5

Диагностические тесты и выбор панельной модели / Diagnostic tests and panel model selection

Тест / Test	Статистика / Statistic	Вывод для спецификации модели / Implication for model specification
F-тест индивидуальных эффектов	$F(74, 580) = 15,38$; $p = 0,0000$	Региональные эффекты совместно значимы; модели фиксированных и случайных эффектов предпочтительнее сквозной МНК
LM-тест Бреуша – Пагана	$\text{chibar}2(01) = 795,85$; $p = 0,0000$	Нулевая гипотеза отвергается; панельная спецификация необходима
Тест Хаусмана	$\text{chi}2(12) = 51,96$; $p = 0,0000$	Модель фиксированных эффектов является базовой, поскольку различия коэффициентов систематичны
Тест Песарана	$CD = 0,727$; $p = 0,4673$	Значимая кросс-секционная зависимость остатков не выявлена
Совместная значимость годовых фиксированных эффектов	$\text{chi}2(8) = 37,85$; $p = 0,0000$	Годовые фиктивные переменные должны сохраняться в модели

Источник / Source: составлено и рассчитано авторами / compiled and calculated by the authors.

ВЫВОДЫ

В работе проанализирована взаимосвязь цифровой среды, исследовательского кадрового потенциала и инновационных результатов на панельных данных по регионам РФ за 2014–2024 гг. Модерационные эффекты H1 и H2 статистически незначимы во всех спецификациях. При этом отсутствие значимости не означает несущественности факторов, очевидно, их действие не сводится к линейному усилению отдачи, а проявляется через нелинейные траектории (DIG) и устойчивые региональные различия (RES), но не через краткосрочную модерацию затрат. Следовательно, комплементарные активы работают не универсально, а при пороговых и структурных условиях. Для региональной политики это означает, что наращивание затрат без учета цифровой зрелости и специализации территории не гарантирует роста инновационного результата, то есть необходим дифференцированный подход.

Гипотезы H3 и H4 подтверждены: положительные коэффициенты DIG и DIG² указывают на U-образное влияние цифровой среды. В свою очередь, отрицательный эффект инвестиций согласуется с идеей ресурсной ловушки и требует пересмотра инвестиционных приоритетов в ресурсно-ориентированных регионах.

В целом следует отметить несколько следствий для теории региональных инновационных систем: (1) комплементарность затрат, DIG и RES не автоматична; (2) необходим переход от линейных моделей к пороговым и типологическим; (3) отрицательный эффект инвестиций указывает на несовместимость количественного расширения капитала с инновационной модернизацией при сохранении традиционной структуры.

С прикладной точки зрения результаты исследования означают, что для регионов с низкой цифровой зрелостью первоочередной задачей является достижение минимально достаточного инфраструктурного уровня, после которого возможно формирование цифрового дивиденда. Для научно-образовательных центров более важной задачей становится развитие каналов трансфера знаний и механизмов коммерциализации разработок. Для ресурсно-ориентированных территорий особое значение имеет переориентация инвестиций на R&D и высокие технологии.

Полученные результаты задают эмпирическую основу для исследований пороговых эффектов цифровизации, пространственных спilloверов и типологии региональных инновационных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Teece D.J. Profiting from technological innovation: Implications for integration, collaboration, licensing and public policy. *Research Policy*. 1986;15(6):285-305. DOI: 10.1016/0048-7333(86)90027-2
2. Radicic D., Petkovic S. Impact of digitalization on technological innovations in small and medium-sized enterprises (SMEs). *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;191:122474. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122474

3. Huang J., Balezentis T., Shen S., Streimikiene D. Human capital mismatch and innovation performance in high-technology enterprises: An analysis based on the micro-level perspective. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2023;8(4):100452. DOI: 10.1016/j.jik.2023.100452
4. Li Y., Zhu Z., Gao S. Research on the impact of regional digitalization on innovation performance and its boundary conditions: An empirical study based on Chinese provincial panel data. *SAGE Open*. 2025;15(2):21582440241303223. DOI: 10.1177/21582440241303223
5. Du Z.-Y., Wang Q. Digital Infrastructure and Innovation: Digital Divide or Digital Dividend? *Journal of Innovation & Knowledge*. 2024;9(3):100542. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100542
6. Han Y., Li Z., Feng T., Qiu S., Hu J., Yadav K.K., Obaidullah A.J. Unraveling the impact of digital transformation on green innovation through microdata and machine learning. *Journal of Environmental Management*. 2024;354:120271. DOI: 10.1016/j.jenvman.2024.120271
7. Zhang X., Wu X., Zhou W., Fu N. Research on the green innovation effect of digital economy network – Empirical evidence from the manufacturing industry in the Yangtze River Delta. *Environmental Technology & Innovation*. 2024;34:103595. DOI: 10.1016/j.eti.2024.103595
8. Hauser C., Siller M., Schatzer T., Walde J., Tappeiner G. Measuring regional innovation: A critical inspection of the ability of single indicators to shape technological change. *Technological Forecasting and Social Change*. 2018;129(C):43-55. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.10.019
9. Rudskaya I., Kryzhko D., Shvediani A., Missler-Behr M. Regional Open Innovation Systems in a Transition Economy: A Two-Stage DEA Model to Estimate Effectiveness. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2022;8(1):41. DOI: 10.3390/joitmc8010041
10. Zemtsov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. Determinants of regional innovation in Russia: Are people or capital more important? *Foresight and STI Governance*. 2016;10(2):29-42. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.2.29.42
11. Aldieri L., Kotsemir M., Vinci C.P. Knowledge spillover effects: Empirical evidence from Russian regions. *Quality & Quantity*. 2018;52(5):2111-2132. DOI: 10.1007/s11135-017-0624-2
12. Rodionov D., Velichenkova D. Relation between Russian universities and regional innovation development. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2020;6(4):118. DOI: 10.3390/joitmc6040118
13. Teslenko V., Melnikov R., Bazin D. Evaluation of the impact of human capital on innovation activity in Russian regions. *Regional Studies, Regional Science*. 2021;8(1):109-126. DOI: 10.1080/21681376.2021.1900744
14. Полевая М.В. Особенности профессионализации и социализации молодежи в условиях инновационных преобразований. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(2):19-27. DOI: 10.26794/1999-849x-2023-16-2-19-27
Polevaya M.V. Features of professionalization and socialization of youth in the conditions of innovative transformations. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(2):19-27. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2023-16-2-19-27
15. Ильина И.Ю. Формирование конкурентных стратегий преподавателей российских вузов в условиях цифровизации образования. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(4):92-101. DOI: 10.26794/1999-849x-2024-17-4-92-101
Ilyina I. Yu. Formation of competitive strategies for teachers of Russian universities in the context of digitalization of education. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):92-101. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2024-17-4-92-101
16. Колодня Г.В. Высокотехнологичные компании среднего бизнеса как носители инноваций в отечественной экономике. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(6):16-23. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-6-16-23
Kolodnyaya G.V. High-tech medium-sized companies as carriers of innovation in the domestic economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(6):16-23. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-6-16-23
17. Гончаренко Л.И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):156-166. DOI: 10.26794/1999-849x-2024-17-3-156-166
Goncharenko L.I. The constructive nature of preferential tax regimes as a determinant of attracting investment in Russia's innovative development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):156-166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2024-17-3-156-166

18. Hawach F., Zhang C., Acharjee S., Nicolas-Sans R. Internet capabilities and innovation in the Balkan countries: The role of foreign technology licensing. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*. 2023;89(2): 12242. DOI: 10.1002/isd2.12242
19. Ning J., Jiang X., Luo J. Relationship between enterprise digitalization and green innovation: A mediated moderation model. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2023;8(1):100326. DOI: 10.1016/j.jik.2023.100326
20. Растворцева С.Н. Цифровизация и цифровые платформы в региональном стратегическом развитии промышленности. *Экономика промышленности*. 2025;18(3):433-449. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-3-1464
Rastvortseva S.N. Digitalization and digital platforms in the regional strategic industrial development. *Ekonomika promyshlennosti = Russian Journal of Industrial Economics*. 2025;18(3):433-449. (In Russ.). DOI: 10.17073/2072-1633-2025-3-1464
21. Капранова Л.Д. Цифровая трансформация общества и уровень жизни населения. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):81-91. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-81-91
Kapranova L.D. Digital transformation of society and the standard of living of the population. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):81-91. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-81-91
22. Харченко К.В. От «умного города» — к «умной территории»: состояние и перспективы цифровизации городской среды и городского хозяйства. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):112-120. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-112-120
Kharchenko K.V. From a smart city to a smart territory: The state and prospects of digitalization of the urban environment and urban economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):112-120. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-112-120
23. Стрелкова И.А. «Энергетический тупик» цифровизации: риски для национальной экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;(6):52-59. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-6-52-59
Strelkova I.A. The “energy impass” of digitalization: Risks for the national economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(6):52-59. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-6-52-59
24. Лосева О.В. Экономика цифровых интеллектуальных активов компании: сущность, виды, оценка стоимости и способы коммерциализации. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(1):69-78. DOI: 10.26794/1999-849x-2026-19-1-69-78
Loseva O.V. The economics of a company’s digital intellectual assets: Essence, types, valuation and commercialization methods. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):69-78. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2026-19-1-69-78
25. Кравченко С.И. Цифровая трансформация и устойчивое развитие предприятий: исследовательские тренды. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2025;21(3):279-287. DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-3-279-287
Kravchenko S.I. Digital Transformation and sustainable enterprise development: Research trends. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Economic problems and legal practice*. 2025;21(3):279-287. (In Russ.) DOI: 10.33693/2541-8025-2025-21-3-279-287
26. Кравченко С.И. Цифровая трансформация промышленности: стабильные драйверы и контекстуальные факторы роста. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2025;16(4):350-360. DOI: 10.17747/2618-947X-2025-4-350-360
Kravchenko S.I. Digital transformation of industry: Stable drivers and contextual growth factors. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2025;16(4):350-360. (In Russ.). DOI: 10.17747/2618-947X-2025-4-350-360
27. Cai S., Wang H., Zhou X. Do City Size and population density influence regional innovation output? Evidence from China. *Wireless Communications and Mobile Computing*. 2021;2021:3582053. DOI: 10.1155/2021/3582053
28. Самусенко С.А., Поподько Г.И., Зимнякова Т.С. Дефекты инновационных систем в ресурсных регионах. *Региональная экономика: теория и практика*. 2019;17(2):234-249. DOI: 10.24891/re.17.2.234
Samusenko S.A., Popod'ko G.I., Zimnyakova T.S. Imperfection of innovative systems in resource-rich regions. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2019;17(2):234-249. DOI: 10.24891/re.17.2.234
29. Wang S., Wang X., Lu B. Is resource abundance a curse for green economic growth? Evidence from developing countries. *Resources Policy*. 2022;75:102533. DOI: 10.1016/j.resourpol.2021.102533

30. Кондратьев В.Б., Сергеев П.А., Шульцева В.К. и др. Ресурсная модель модернизации экономики: возможности и ограничения. Москва: ИМЭМО РАН; 2016. 326 с.
Kondrat'ev V.B., Sergeev P.A., Shul'ceva V.K. Resources-based modernization model: Opportunities and constraints. Moscow: IMEMO; 2016. 326 p. (In Russ).
31. Кравченко С.И. Картирование связей эффективности использования ресурсов и инновационности национальных экономик. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2023;14(3):262-271. DOI: 10.17747/2618-947X-2023-3-262-271
Kravchenko S.I. Mapping the links between resource efficiency and the innovative capacity of national economies. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2023;14(3):262-271. (In Russ.). DOI: 10.17747/2618-947X-2023-3-262-271
32. Franco A., Malhotra N., Simonovits G. Social science. Publication bias in the social sciences: Unlocking the file drawer. *Science*. 2014 Sep;345(6203):1502-1505. DOI: 10.1126/science.1255484
33. Tian Z., Li Y., Niu X., Liu M. The impact of digital economy on regional technological innovation capability: An analysis based on China's provincial panel data. *PLoS ONE*. 2023;18(7): e0288065. DOI: 10.1371/journal.pone.0288065
34. Zeng Y., Zhang Z., Ye Z., Li L. Regional innovation effect of smart city construction in China. *PLoS ONE*. 2023;18(2): e0281862. DOI: 10.1371/journal.pone.0281862

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Иванович Кравченко — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры стратегического и инновационного развития факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Sergey I. Kravchenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Strategic and Innovative Development, Faculty of the Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8391-0445>

SKravchenko@fa.ru

Александр Владимирович Гурнак — кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Aleksandr V. Gurnak — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4514-6885>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

AVGurnak@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2026; принята к публикации 20.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.04.2026; accepted for publication 20.07.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-94-104
УДК 332.36:504(045)
JEL R19, R5

Анализ социально-экономических показателей регионов России

Е.В. Никифорова, О.В. Шнайдер, В.В. Шнайдер, О.А. Петрова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — социально-экономические показатели регионов России. **Актуальность** работы предопределена проблемами пространственной гетерогенности, где регионы-доноры, концентрирующие финансовые потоки и высокотехнологичные производства, сосуществуют с территориями, сохраняющими сырьевую ориентацию или испытывающими структурный кризис. **Цель** — выявление и количественная оценка статистически значимых пространственных автокорреляционных взаимосвязей, требующих учета, анализа и оценки пространственного контекста, а также и специфики развития выявленных кластеров. **Методология** исследования базируется на расчёте глобальных и локальных индексов Морана с применением бинарной матрицы пространственных весов и рандомизированного тестирования, анализе динамики одиннадцати репрезентативных показателей. **В результате** исследования установлено наличие устойчивой пространственной автокорреляции для шести ключевых индикаторов из одиннадцати репрезентативных: динамики оборота розничной торговли, индексов потребительских цен, изменения стоимости фиксированного набора товаров и услуг, цен на первичном рынке жилья, номинальной заработной платы и уровня безработицы. С помощью LISA-кластеризации идентифицированы устойчивые пространственные паттерны, включая формирование контрастных ареалов синхронного роста и спада, а также зоны пространственных выбросов, где локальные барьеры развития препятствуют распространению позитивных экономических импульсов. Сделан **вывод**: выявленная поляризация между центральными регионами, демонстрирующими опережающий рост доходов и потребительской активности, и периферийными территориями, испытывающими структурные ограничения, свидетельствует о сохранении фундаментальных дисбалансов пространственного развития, воспроизводящихся через механизмы пространственного перелива и конкуренции. Авторы **рекомендовали** активнее использовать полученные результаты, имеющие существенное практическое значение для разработки дифференцированной региональной политики, требующей учета, анализа и оценки пространственного контекста и специфики выявленных кластеров развития.

Ключевые слова: учет; анализ; оценка; пространственная автокорреляция; индекс Морана; LISA-кластеризация; регионы России; социально-экономическое развитие; пространственная эконометрика

Для цитирования: Никифорова Е.В., Шнайдер О.В., Шнайдер В.В., Петрова О.А. Анализ социально-экономических показателей регионов России. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(4):94-104. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-94-104

ORIGINAL PAPER

Analysis of Socioeconomic Indices in Russia's Regions

E.V. Nikiforova, O.V. Schneider, V.V. Schneider, O.A. Petrova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **subject** of this study is the socioeconomic indicators of Russian regions. The **relevance** of this work is determined by issues of spatial heterogeneity, where donor regions, concentrating financial flows and high-tech industries, coexist with territories that remain focused on raw materials or are experiencing a structural crisis. The **goal** is to identify and quantify statistically significant spatial autocorrelation relationships, requiring consideration, analysis, and evaluation of the spatial context, as well as the specific development patterns of the identified clusters. The research **methodology** is based on the calculation of global and local Moran's I indices using a binary matrix of spatial weights and randomized testing, as well as an analysis of the dynamics of eleven representative indicators. The **study revealed** the presence of stable spatial autocorrelation for six key indicators out of eleven representative ones: retail turnover dynamics, consumer price indices, changes in the cost of a fixed set of goods and services, prices on the primary housing market, nominal wages,

© Никифорова Е.В., Шнайдер О.В., Шнайдер В.В., Петрова О.А., 2026

and the unemployment rate. LISA clustering was used to identify persistent spatial patterns, including the formation of contrasting areas of synchronous growth and decline, as well as zones of spatial outliers where local development barriers impede the spread of positive economic impulses. It was **concluded** that the identified polarization between central regions demonstrating accelerated growth in income and consumer activity and peripheral territories experiencing structural constraints indicates the persistence of fundamental imbalances in spatial development, reproduced through mechanisms of spatial spillover and competition. The authors **recommended** more active use of the obtained results, which have significant practical implications for the development of differentiated regional policies that require consideration, analysis, and assessment of the spatial context and specific features of the identified cluster development.

Keywords: accounting; analysis; evaluation; spatial autocorrelation; Moran's index; LISA clustering; regions of Russia; socio-economic development; spatial econometrics

For citation: Nikiforova E.V., Schneider O.V., Schneider V.V., Petrova O.A. Analysis of socioeconomic indices in Russia's regions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):94-104. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-94-104

ВВЕДЕНИЕ

Современная экономика России характеризуется значительной пространственной гетерогенностью, где регионы-доноры сосуществуют с территориями, испытывающими структурный кризис. Устойчивая дифференциация, сформированная под влиянием исторической специализации и географического положения, создает сложную мозаику социально-экономического ландшафта страны, обуславливая необходимость исследования пространственных взаимосвязей между российскими субъектами.

Теоретическую основу исследования составили научные труды Я.Ш. Тухугова [1], Г.В. Колодней [2], А.А. Ткаченко [3], П. Кругмана [4], С.В. Шкиотова [5], А.Л. Чупина, В.Н. Засько, Д.Е. Морковкина, О.И. Донцовой [6], И. Абдуллаева с соавторами [7], А.В. Вавилиной [8], В.В. Антропова [9], Е.Б. Тютюкиной, А.М. Губернаторова, Д.А. Егоровой [10], И.В. Сафоновой [11] и др.

Цель исследования — выявление и количественная оценка статистически значимых пространственных автокорреляционных взаимосвязей между ключевыми социально-экономическими показателями субъектов России. В рамках исследования были применены методы пространственной эконометрики, включая расчет глобальных и локальных индексов Морана с использованием бинарной матрицы пространственных весов и рандомизированного тестирования для верификации статистической значимости полученных результатов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ практики смягчения пространственного социального неравенства в России характеризуется тем, «что в период 1990–2010 гг. в отечественной экономике предпочтение отдавалось проведению выравнивающей политики, предусматривающей выплату трансфертов из федерального бюджета менее развитым регионам. В последующие — 2011–2024 гг.

российским государством был сделан акцент на осуществлении стимулирующей политики, в частности на создании благоприятных условий для промышленного развития территорий в форме организации особых экономических зон» [2].

Ключевыми аспектами дифференциации выступают, с одной стороны, дуализм «центр — периферия», выражающийся в гиперконцентрации финансового, человеческого и административного капитала в столичных агломерациях, с другой — сырьевая зависимость ряда регионов, крайне уязвимых к конъюнктурным колебаниям мировых рынков. Параллельно с этим проявляется и социальное измерение неравенства, проявляющееся в устойчивых разрывах по уровню доходов населения, качеству здравоохранения, образования и доступности инфраструктуры, что не только ограничивает внутреннюю мобильность, но и создает риски для социальной стабильности и долгосрочного экономического роста страны в целом. Так, «в бюджетах российских домохозяйств сумма сбережений в самой высокодоходной децильной группе в 2023 г. в 4,47 раза превышает сбережения самой низкодоходной группы» [3].

Исследование пространственных взаимосвязей характеризуется концентрацией высокотехнологичного бизнеса вокруг крупных научных центров или формированием депрессивных поясов вокруг регионов с деградирующей промышленностью, позволяя выдвинуть гипотезу о том, что социально-экономические показатели регионов не являются пространственно независимыми, а, напротив, демонстрируют свойство автокорреляции. Регионы со схожим уровнем экономического развития, социального благополучия могут иметь тенденцию к географической кластеризации, образуя устойчивые ареалы «богатых» и «бедных» территорий, между которыми протекают интенсивные потоки ресурсов, знаний и рабочей силы, обуславливая «роль возрастающей отдачи от масштаба и транспортных издержек в формировании простран-

ственной структуры экономики» [4]. Позитивные шоки в одном регионе (например, реализация крупного инфраструктурного проекта) могут через каналы межрегиональной торговли, миграции и диффузии инноваций оказывать положительное воздействие на соседние территории — эффект, известный как «пространственное переливание» [5]. Также возможен и обратный процесс — так называемая «пространственная конкуренция» или эффект «теневого роста», когда мощный регион-центр перетягивает на себя ресурсы, тормозя развитие прилегающих регионов.

Методологический аппарат исследования базируется на принципах пространственной эконометрики, позволяющей количественно оценить и протестировать гипотезу о наличии статистически значимых пространственных взаимозависимостей между социально-экономическими показателями российских субъектов. Ключевым инструментом, используемым для выявления подобных зависимостей, является анализ пространственной автокорреляции, учитывающий географическое расположение регионов и потенциальное влияние соседних территорий друг на друга.

Исследование опирается на одиннадцать репрезентативных социально-экономических показателей, публикуемых Федеральной службой государственной статистики, ключевых сфер регионального развития: промышленное производство, инвестиционную активность в строительном комплексе, динамику торгового оборота, инфляционные процессы на потребительском и жилищном рынках, а также изменения на рынке труда¹. Состав анализируемых показателей схематично представлен на рис. 1.

Набор индикаторов формирует базу для выявления пространственных закономерностей в динамике социально-экономического развития субъектов России. Для обеспечения сопоставимости и устранения влияния различий в единицах измерения и масштабах исходных показателей они прошли процедуру «стандартизации с использованием метода StandardScaler, который трансформирует исходные данные таким образом, что их распределение приобретает нулевое математическое ожидание и единичную дисперсию»².

¹ Rosstat. Report “Socio-economic situation of Russia.” January–September 2025/Ministry of Economic Development of Russia. Federal State Statistics Service, Moscow; 2025.

² Chevereva S. A. (2021). Methods of Machine Learning. In Lecture Notes in Networks and Systems (pp. 907–913). Springer International Publishing. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-83175-2_110 (дата обращения: 02.12.2025).

Далее произведен расчет глобального индекса Морана, предназначенного для тестирования гипотезы о наличии статистически значимой пространственной автокорреляции в распределении изучаемого признака по совокупности географических объектов, позволяющего дать агрегированную количественную оценку тому, насколько значения социально-экономического показателя в одном регионе зависят от значений этого же показателя в географически соседних регионах, тем самым проверяя фундаментальное предположение о неслучайном, кластеризованном характере пространственного распределения экономической активности и социального благополучия. Отрицательные значения индекса свидетельствуют о пространственной негативной автокорреляции (тенденции к чередованию на карте регионов с высокими и низкими значениями показателя), в то время как положительные значения указывают на позитивную автокорреляцию, проявляющуюся в формировании компактных ареалов схожего уровня развития.

Для расчета глобальных индексов Морана необходимо рассчитать матрицу пространственных весов W размерностью $n \times n$, где n — количество регионов, а элемент матрицы $w_{ij} = 1$, если регионы i и j являются соседями, иначе 0 [12] для каждого из одиннадцати стандартизированных социально-экономических показателей ($X1 - X11$).

Достоверность полученных результатов проверяется пермутационным тестом, при котором исходные значения показателя случайным образом перераспределяются по регионам, и для каждой такой псевдовыборки заново рассчитывается индекс Морана, позволяя построить эмпирическое распределение статистики при справедливости нулевой гипотезы об отсутствии пространственной автокорреляции и определить p -value как долю псевдовыборок, для которых абсолютное значение индекса оказалось больше или равно абсолютному значению индекса, рассчитанному по реальным данным. Полученные значения глобального индекса Морана для показателя дополнительно верифицируются через расчет Z -оценок, что в сочетании с пермутационным тестированием позволяет сформировать комплексную оценку статистической значимости выявленных пространственных зависимостей, где Z -оценки, превышающие по модулю критические значения стандартного нормального распределения, подтверждают отклонение нулевой гипотезы на заданных уровнях значимости. Полученные значения глобальных индексов с результатами статистических тестов представлены в таблице и на рис. 2. Да-

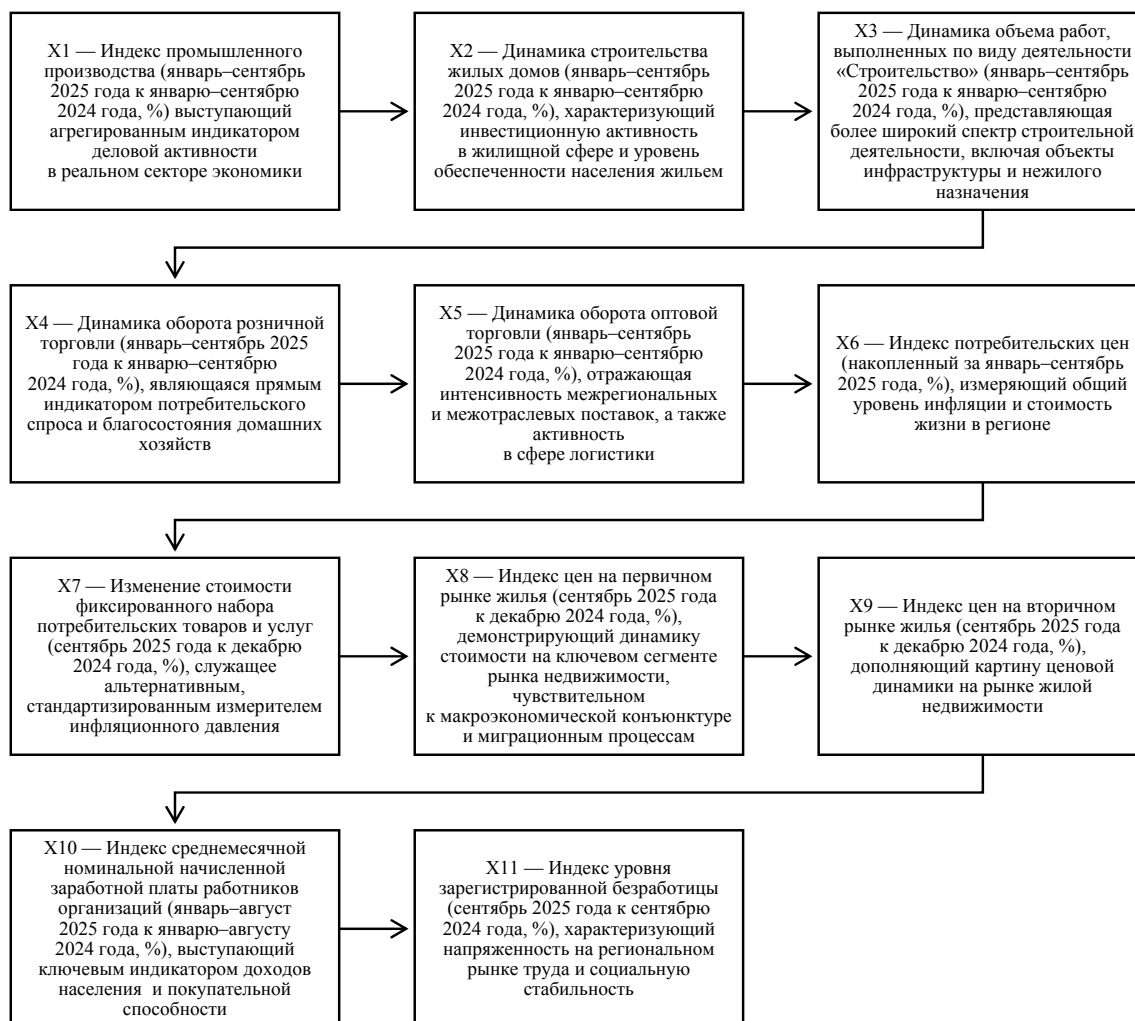

Рис. 1 / Fig. 1. Репрезентативные социально-экономические показатели, охватывающие ключевые сферы регионального развития / Representative socioeconomic indicators covering key areas of regional development

Источник / Source: Chevereva S.A. Methods of Machine Learning. In Lecture Notes in Networks and Systems. Springer International Publishing; 2021:907–913. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-83175-2_110 (дата обращения: 02.12.2025 / accessed on 02.12.2025).

Из одиннадцати показателей отобраны только те, которые продемонстрировали статистически значимую пространственную автокорреляцию на уровне значимости не менее 5% по результатам расчета глобального индекса Морана: динамика оборота розничной торговли (X4); индекс потребительских цен (X6); изменение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг (X7); индекс цен на первичном рынке жилья (X8); индекс среднемесячной номинальной заработной платы (X10); индекс уровня зарегистрированной безработицы (X11).

Обусловленные индикаторы образуют репрезентативную выборку. Расчет локальных индексов пространственной автокорреляции (LISA — Local

Indicators of Spatial Association) для каждого из шести отобранных показателей был осуществлен с целью декомпозиции глобальной пространственной зависимости на вклад отдельных регионов и выявления статистически значимых пространственных кластеров и выбросов, визуализируемых в виде карт LISA-классификации, где выделяются четыре типа пространственных ассоциаций: регионы с высокими значениями показателя, окруженные такими же регионами (High-High кластер); регионы с низкими значениями, окруженные регионами с низкими значениями (Low-Low кластер); регион с высоким значением окружен регионами с низкими значениями (High-Low); регион с низким значением окружен регионами с высокими значениями показателя (Low-High)» [13].

Таблица / Table

Глобальные индексы Морана для социально-экономических показателей регионов России /
Global Moran's indices for socioeconomic indicators of Russian regions

Признак / Sign	Индекс Морана / Moran's I	p-value	Z-score	Значимость / Significance
X1	0,108	0,059	1,575	*
X2	0,061	0,134	1,074	незнач.
X3	-0,123	0,076	-1,413	*
X4	0,158	0,019	2,195	**
X5	0,100	0,056	1,551	*
X6	0,191	0,005	2,613	***
X7	0,185	0,009	2,509	***
X8	0,142	0,024	2,025	**
X9	0,083	0,097	1,300	*
X10	0,217	0,003	2,884	***
X11	0,179	0,009	2,483	***

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечания / Notes: * уровень значимости 10% (p-value < 0,1) / significance level 10% (p-value < 0.1); ** уровень значимости 5% (p-value < 0,05) / significance level 5% (p-value < 0.05); *** уровень значимости 1% (p-value < 0,01) / significance level 1% (p-value < 0.01).

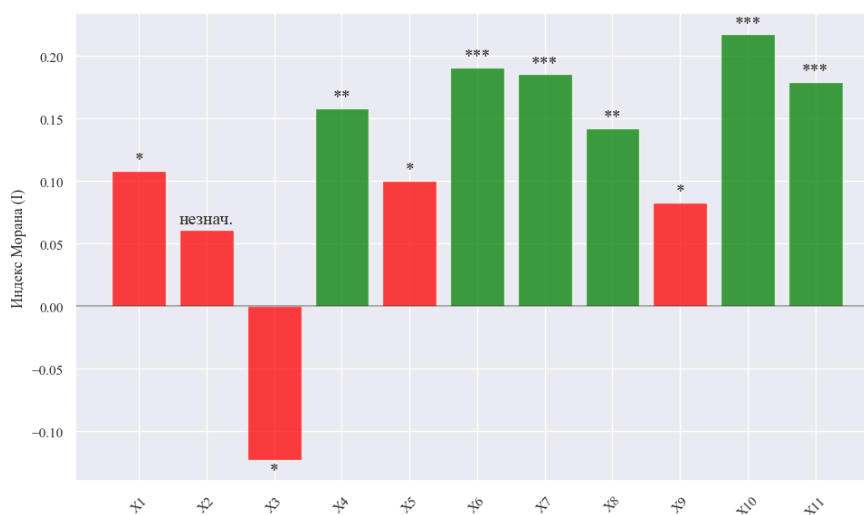

Рис. 2 / Fig. 2. Глобальные индексы Морана для социально-экономических показателей регионов России / Global Moran's indices for socioeconomic indicators of Russian regions

Источник / Source: Трофимова Н.А. Применение глобального индекса Морана для анализа социального капитала в пространственном взаимодействии регионов России. Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXVII Всероссийского симпозиума. Москва, 14–15 апреля 2026 г. под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН, 2026:517–523 / Trofimova N.A. Application of the global Moran index for the analysis of social capital in the spatial interaction of Russian regions. Strategic planning and development of enterprises: Materials of the XXVII All-Russian Symposium. Moscow, April 14–15, 2026, ed. Corr. G.B. Kleiner RAS. M.: CEMI RAS, 2026:517–523

Результаты кластеризации по локальным индексам Морана представлены на рис. 3.

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ

Динамика оборота розничной торговли (X4)

Пространственная автокорреляция динамики оборота розничной торговли выявляет сложную мозаику

пространственных ассоциаций, формирующуюся под влиянием региональных экономических особенностей и механизмов пространственного взаимодействия. Кластер High-High, объединяющий четыре удаленных и ресурсно-ориентированных регионов — Камчатский край, Магаданскую область, Республику Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ — демонстрирует формирование устойчивого ареала с синхронно высокой динамикой потребительского

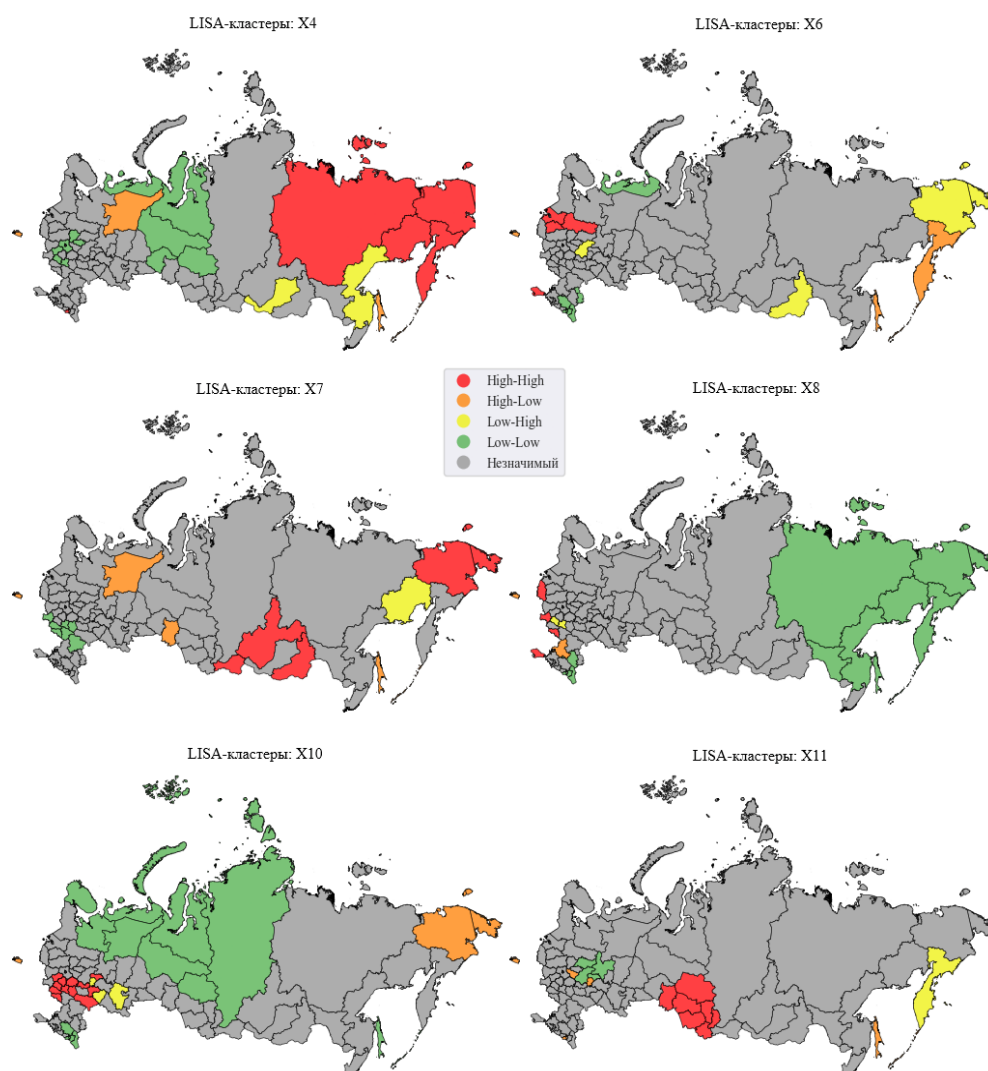

Рис. 3 / Fig. 3. Результаты LISA-кластеризации по отобранным социально-экономическим признакам / Results of LISA clustering based on selected socioeconomic characteristics

Источник / Source: Социально-экономическое положение России. Январь – сентябрь 2025 года. Москва. URL: [http:// https://pravdaosro.ru/wp-content/uploads/2025/11/Rosstat-osn-09-2025.pdf](http://https://pravdaosro.ru/wp-content/uploads/2025/11/Rosstat-osn-09-2025.pdf) (дата обращения: 30.11.2025) / Socioeconomic situation in Russia. January–September 2025. Moscow. URL: [http:// https://pravdaosro.ru/wp-content/uploads/2025/11/Rosstat-osn-09-2025.pdf](http://https://pravdaosro.ru/wp-content/uploads/2025/11/Rosstat-osn-09-2025.pdf) (accessed on 30.11.2025).

спроса, что, вероятно, обусловлено действием сходных экзогенных факторов, таких как повышенная бюджетная поддержка в рамках госпрограмм развития дальневосточных и северных территорий, а также эффектом повышенной потребительской активности в регионах с высокой долей занятых в добывающих отраслях, чьи доходы менее подвержены конъюнктурным колебаниям.

Противоположную картину формирует обширный кластер Low-Low — одиннадцать субъектов федерации и распадающихся на две географически обособленные, но структурно схожие группы: «первую, локализованную в Центральной России (Ивановская,

Калужская, Липецкая, Московская, Орловская, Ярославская области) и вторую, сосредоточенную в Западной Сибири (Ненецкий автономный округ, Томская область, Тюменская область без автономных округов, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ)» [13].

Общим для обеих групп является их позиционирование в орбите мощных экономических центров — Москвы и нефтегазового комплекса Западной Сибири соответственно, что порождает эффект пространственной конкуренции, выражающийся в оттоке потребительских расходов и инвестиций в столичную агломерацию в первом случае и в зависимости

от циклической динамики сырьевого сектора — во втором, где даже традиционно богатые нефтегазовые регионы демонстрируют сдержанную динамику розничного оборота на фоне исчерпания прежних моделей роста. Наличие пространственных выбросов Low-High в лице Республики Бурятия и Хабаровского края, «окруженных территориями с более высокой потребительской активностью, указывает на наличие локальных барьеров развития, возможно, связанных с транспортной изолированностью или структурными диспропорциями, препятствующими распространению позитивных импульсов с соседних территорий, тогда как, по мнению И.В. Середюк, «кластер High-Low», в который входят Калининградская, Сахалинская области, Республика Коми, визуализирует анклавы опережающего роста, с отличающейся динамикой развития от соседних регионов» [14].

Индекс потребительских цен (Х6)

Анализ пространственной кластеризации индекса потребительских цен (Х6) раскрывает иную, но не менее значимую конфигурацию пространственных зависимостей. «Ярко выраженный кластер High-High, сконцентрированный на северо-западе страны (Вологодская, Ленинградская и Новгородская области) и в Республике Крым с городом Севастополем, образует компактный пояс регионов с синхронно высокой инфляционной динамикой, что может объясняться общностью ценовых шоков и сохраняющейся структурной уязвимостью экономики. Кластер Low-Low, локализованный преимущественно на юге Европейской части России (Астраханская область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия, Ставропольский край, Чеченская Республика), формирует обширный ареал сдерживания потребительской инфляции, что, вероятно, связано с действием нескольких компенсирующих механизмов, включая более низкий уровень монетизации экономики, высокую долю натурального хозяйства в ряде республик Северного Кавказа, а также активное государственное регулирование цен на социально значимые товары в рамках программ социально-экономической стабилизации» [14].

Изменение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг (Х7)

«Пространственная кластеризация индекса изменения стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг (Х7) демонстрирует выраженную поляризацию между восточными и центрально-черноземными регионами, фор-

мируя два статистически значимых контрастных кластера, анализ которых раскрывает различные механизмы инфляционного давления в зависимости от географического положения и экономической специализации территорий» [14].

Компактный, но устойчивый кластер High-High, объединяющий Забайкальский край, Иркутскую область, Республику Тыва и Чукотский автономный округ, образует на карте четко очерченный пояс, с высокой динамикой потребительских цен, обусловленной действием общих структурных факторов, среди которых заметную роль играют повышенные логистические издержки, связанные с удаленностью от основных центров производства и распределения товаров, и высокая зависимость от завозных ресурсов³. Противоположную пространственную конфигурацию формирует обширный кластер Low-Low, локализованный в Центрально-Черноземном экономическом районе и охватывающий Белгородскую, Брянскую, Волгоградскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области, образующие обширный ареал сдерживания потребительской инфляции посредством совокупного действия нескольких компенсирующих факторов, включая развитое сельскохозяйственное производство, обеспечивающее высокую долю самообеспеченности продовольственными товарами и создающее конкурентную среду на региональных продуктовых рынках, а также относительно низкие транспортные издержки вследствие близости к логистическим хабам Центральной России и развитой сети дистрибуции.

Индекс цен на первичном рынке жилья (Х8)

Анализ пространственного распределения индекса цен на первичном рынке жилья (Х8) выявляет сложную картину, где географическая кластеризация ценовой динамики отражает не только экономические, но и геополитические факторы, формируя два выраженных полюса — зону активного роста стоимости жилья в западных приграничных регионах и зону стагнации на Дальнем Востоке и в южных республиках. High-High кластер, включающий Белгородскую, Брянскую, Псковскую области и Республику Крым, визуализирует формирование компактного западного пояса регионов с синхронно высокой динамикой цен на первичном рынке жилья, где ускоренный рост стоимости квадратного метра обусловлен комплек-

³ Социально-экономическое положение России. Январь — сентябрь 2025 года. Москва. URL: <https://pravdaosro.ru/wp-content/uploads/2025/11/Rosstat-osn-09-2025.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).

сом взаимосвязанных причин, среди которых для приграничных областей европейской части России ключевыми являются факторы вынужденной миграции и перераспределения инвестиционных потоков на фоне геополитической напряженности, приводящие к увеличению эффективного спроса на жилье при ограниченном предложении, а также активное развитие приграничной инфраструктуры и логистики, стимулирующее интерес к данным территориям со стороны внутренних мигрантов и инвесторов. Контрастную пространственную ассоциацию образует обширный Low-Low кластер, включающий ряд субъектов федерации на Дальнем Востоке (Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Камчатский и Хабаровский края, Республика Саха, Чукотский АО) и несколько южных республик (Дагестан, Калмыкия, Северная Осетия, Чечня), где повсеместно низкие темпы роста цен на первичное жилье свидетельствуют о действии глубоких структурных ограничений, среди которых определяющими являются хронический отток населения, создающий избыточное предложение на рынке жилья при сокращающемся спросе.

Индекс среднемесячной номинальной заработной платы (X10)

Анализ пространственной кластеризации индекса среднемесячной номинальной заработной платы (X10) выявляет выраженную поляризацию, формирующую контрастные ареалы с синхронной динамикой доходов населения. Компактный High-High кластер, объединяющий двенадцать регионов Центральной России от Белгородской до Ульяновской области, образует устойчивый пояс опережающего роста заработных плат, что объясняется кумулятивным эффектом агломерационных преимуществ, включая близость к столичному рынку труда, диверсифицированную структуру экономики с преобладанием обрабатывающих производств и услуг, а также активное внедрение технологических инноваций, создающих условия для устойчивого роста производительности труда и, соответственно, доходов занятого населения. Противоположную пространственную конфигурацию формирует обширный Low-Low кластер, распадающийся на две географически обособленные группы: северные и сибирские регионы с ресурсной специализацией (Архангельская, Мурманская и Томская области, Ненецкий АО, Республика Коми, Красноярский край, ХМАО, ЯНАО), где сдержанная динамика заработных плат связана с исчерпанием экстенсивной модели роста добывающего сектора и высокой капиталоемкостью произ-

водства, и республики Северного Кавказа вместе со Ставропольским краем, демонстрирующие замедленный рост доходов на фоне структурных проблем региональных экономик, включая высокую долю аграрного сектора, ограниченность диверсификации и демографическое давление на рынок труда.

Индекс уровня зарегистрированной безработицы (X11)

Пространственное распределение индекса уровня зарегистрированной безработицы (X11) демонстрирует формирование устойчивых кластеров с противоположной динамикой напряженности на рынке труда. Выраженный High-High кластер в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской и Омской областях, республиках Алтай и Хакасия образует обширный депрессивный пояс Сибири с синхронно растущей безработицей, что отражает сохранение структурных проблем постсоветской индустриальной модели, где доминирование градообразующих предприятий обрабатывающей и добывающей промышленности, столкнувшихся с необходимостью модернизации, сочетается с ограниченными возможностями для создания новых рабочих мест в секторе услуг и высокотехнологичных отраслях. Контрастную картину представляет компактный Low-Low кластер в Кировской, Костромской, Нижегородской областях и Республике Марий Эл, формирующий зону относительной стабильности на рынке труда посредством диверсифицированной промышленной базы, развитой транспортной инфраструктуры и эффектов экономической интеграции в рамках Волго-Вятского экономического района.

ВЫВОДЫ

Проведенный пространственно-эконометрический анализ убедительно подтвердил исходную гипотезу о наличии статистически значимой пространственной автокорреляции в динамике ключевых социально-экономических показателей российских регионов, выявив при этом выраженную неоднородность ее проявлений в зависимости от анализируемого индикатора. Высокая значимость глобальных индексов Морана для таких чувствительных к конъюнктуре показателей, как инфляция, доходы населения и безработица, в совокупности с детальной LISA-кластеризацией, позволила идентифицировать устойчивые пространственные паттерны, формирующие на экономической карте страны контрастные ареалы синхронного роста и спада. Наиболее рельефно проявилась поляризация между центральными регионами, демонстрирующими признаки форми-

рования пояса устойчивого роста доходов, и периферийными территориями, где концентрируются либо депрессивные тенденции на рынке труда, либо высокая инфляционная динамика, что в совокупности указывает на сохранение фундаментальных дисбалансов пространственного развития, воспроизводящихся через механизмы как позитивного перелива, так и пространственной конкуренции.

Результаты анализа выявили формирование устойчивых пространственных кластеров с синхронной динамикой, где особенно выражена поляризация между центральными регионами, демонстрирующими опережающий рост заработных плат и потребительской активности, и периферийными территориями, испытывающими структурные ограничения развития, при этом идентифицированы специфические пространственные паттерны, такие как инфляционный пояс на северо-западе и востоке страны, депрессивный

пояс Сибири с растущей безработицей, а также зоны пространственных выбросов, где локальные барьеры развития препятствуют распространению позитивных экономических импульсов. Полученные результаты имеют существенное практическое значение для разработки дифференцированной региональной политики, поскольку демонстрируют, что эффективность мер государственного регулирования может существенно варьироваться в зависимости от пространственного контекста и типа выявленных кластеров, требуя учета механизмов пространственного перелива и конкуренции между регионами; дальнейшие исследования в данном направлении могут быть сосредоточены на анализе факторов, обуславливающих выявленные пространственные зависимости, и разработке прогнозных моделей, учитывающих пространственные эффекты для более точного планирования социально-экономического развития на субнациональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тухутов Я.Ш. Проблемы социально-экономического развития регионов в современных условиях. Актуальные вопросы современной науки и практики. Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции. Уфа, 20 декабря 2024 г. Уфа: Научно-издательский центр «Вестник науки»; 2024:69-74.
2. Колодняя Г.В. Устойчивое развитие территорий: успешные практики малых российских городов. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(4):28-35. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-28-35
3. Ткаченко А.А. Обеспечение достойного уровня жизни населения: возможности и реальность. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):6-18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18
4. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*. 1991;99(3):483-499. DOI: 10.1086/261763
5. Шкиотов С.В. Анализ спилловер-эффектов в экономической литературе в контексте протекания интеграционных процессов. *Теоретическая экономика*. 2023;10:147-157.
6. Чупин А.Л., Засько В.Н., Морковкин Д.Е., Донцова О.И. Модель роста экономики региона на основе индекса экономической сложности. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(3):52-60. DOI:10.26794/2587-5671-2024-28-3-52-60
7. Abdullayev Ilyos, Zainullin Lenar, Kozachek Artemiy, Petrov Alexander, Borisov Vitaliy, Kapustina Darya. Philosophical and pedagogical principles of christian education in pamfil yurkevich's works. *European Journal of Science and Theology*. 2025;21(2):95-107.
8. Вавилина А.В., Фирсова А.А., Лосева А.В. Исследование эффектов конвергенции экономического развития стран ЭКОВАС. *Азия и Африка сегодня*. 2025;9:28-35. DOI: 10.31857/S0321507525090037
9. Антропов В.В. Параллельный импорт в системе российской внешней торговли в 2025 году. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1): 53-62. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-1-53-62
10. Тютюкина Е.Б., Губернаторов А.М., Егорова Д.А. Развитие научно-практического подхода к выбору модели государственно-частного партнерства при реализации инвестиционного проекта в регионе. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(5):6-20. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-5-6-20
11. Сафонова И.В. Человеческий капитал и социальная ответственность бизнеса в фокусе национальной повестки устойчивого развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):121-131. DOI:10.26794/1999-849X-2025-18-3-121-131
12. Хадисов М.Р.Б. Построение эконометрической модели регионального экономического роста с пространственными эффектами: сравнительный анализ. *Управление риском*. 2024;112(4):16-27.
13. Бенц Д.С. Оценка связанности экономического роста территорий Челябинской области. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2025;497(3):36-48. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-36-48/

14. Середюк И.В. Стратегирование открытых диффузных агломераций в регионе: на примере Кемеровской области — Кузбасса. Дисс. ... канд. экон. наук. URL: <https://dlib.rsl.ru/rsl01013000000/rsl01013964000/rsl01013964881/rsl01013964881.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).

REFERENCES

1. Tukhugov Ya.Sh. Problems of socio-economic development of regions in modern conditions. Actual issues of modern science and practice. Collection of scientific articles based on the materials of the XVI International scientific and practical conference. Ufa, December 20, 2024. Ufa: Scientific Publishing Center "Vestnik Nauki"; 2024:69-74. (In Russ.).
2. Kolodnyaya G.V. Sustainable development of territories: Successful practices of small Russian cities. *Ekonomica. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(4):28-35. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-28-35
3. Tkachenko A.A. Ensuring a decent standard of living for the population: Possibilities and reality. *Ekonomica. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):6-18. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18
4. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*. 1991;99(3):483-499. DOI: 10.1086/261763
5. Shkiotov S.V. Analysis of spillover effects in the economic literature in the context of integration processes. *Teoreticheskaj ekonomika = Theoretical economics*. 2023;10:147-157. (In Russ.).
6. Chupin A.L., Zasko V.N., Morkovkin D.E., Dontsova, O.I. Model of growth of the region's economy based on the index of economic complexity. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(3):52-60. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-3-52-60
7. Abdullayev Ilyos, Zainullin Lenar, Kozachek Artemiy, Petrov Alexander, Borisov Vitaliy, Kapustina Darya. Philosophical and pedagogical principles of christian education in pamfil yurkevich's works. *European Journal of Science and Theology*. 2025;21(2):95-107.
8. Vavilina A.V. Study of ECOWAS countries' economic development Convergence effects. *Azija I Afrika segodnja = Asia and Africa Today*. 2025;9:28-35. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525090037
9. Antropov V.V. Parallel imports in the Russian foreign trade system in 2025. *Ekonomica. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(1):53-62. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-1-53-62
10. Tyutyukina E.B., Gubernatorov A.M., Egorova D.A. The development of a scientific and practical approach to selecting a public-private partnership model for implementation of an investment project in a region. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(5):6-20. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-5-6-20
11. Safonova I.V. Human capital and social responsibility of business in the focus of the national sustainable development agenda. *Ekonomica. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):121-131. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-121-131
12. Khadisov M.R.B. Construction of an econometric model of regional economic growth with spatial effects: A comparative analysis. *Upravlenie riskom = Risk Management*. 2024;112(4):16-27. (In Russ.).
13. Benz D.S. Evaluation of spatial autocorrelation of Chelyabinsk region's territories. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2025;497(3):36-48. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-497-3-36-48
14. Seredyuk I.V. Strategizing open diffuse agglomerations in the region: On the example of the Kemerovo region: Kuzbass. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.). URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01013000000/rsl01013964000/rsl01013964881/rsl01013964881.pdf> (accessed on 30.11.2025). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Владимировна Никифорова — доктор экономических наук, профессор кафедры бизнес-аналитики, главный научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena V. Nikiforova — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Department of Business Analytics, Chief Research Assoc., Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7870-2991>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

evnikiforova@fa.ru

Ольга Владимировна Шнайдер — кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-аналитики, главный научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga V. Schneider — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Business Analytics, Chief Research Assoc., Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5985-0243>
ovshnajder@fa.ru

Виктор Викторович Шнайдер — кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-аналитики факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Victor V. Schneider — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Business Analytics, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-8372-4706>
vvshnajder@fa.ru

Ольга Александровна Петрова — кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-аналитики, главный научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga A. Petrova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Business Analytics, Chief Research Assoc., Center for Scientific Research and Strategic Consulting, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-4614-6972>
oapetrova@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Е.В. Никифорова — научное руководство; проведение критического анализа материалов и формирование выводов.

О.В. Шнайдер — обеспечение содержательного наполнения статьи; сбор данных и доказательств.

В.В. Шнайдер — структурирование статьи; сбор данных и доказательств.

О.А. Петрова — структурирование статьи; сбор данных и доказательств.

Authors Contribution Statement:

E. V. Nikiforova — scientific supervision, critical analysis of materials and drawing conclusions.

O. V. Schneider — ensuring the substantive content of the paper, data and proofs collection.

V. V. Schneider — paper structuring, data and proofs collection.

O. A. Petrova — paper structuring, data and proofs collection.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.12.2025; принята к публикации 28.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.12.2025; accepted for publication 28.07.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-105-115
УДК 336.1(045)
JEL H6

Культурно-институциональные ограничения фискального пространства

С.В. Фрумина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена необходимостью уточнения границ фискального пространства в условиях растущих бюджетных обязательств, санкционных ограничений и повышения требований к доверию граждан и бизнеса к фискальной политике, поскольку предполагаемый потенциал фискального пространства не всегда соответствует ресурсам, которые могут быть фактически мобилизованы и перераспределены. **Научная значимость** исследования состоит в расширении трактовки фискального пространства за счет включения культурно-институционального измерения, позволяющего объяснять различия в реакции территорий и экономических агентов на сопоставимые бюджетно-налоговые решения. **Предмет исследования** — фискальное пространство как экономическая категория, отражающая количественные пределы бюджетного маневра и культурные основания устойчивости бюджетных решений. **Цель работы** — попытка обосновать необходимость культурной оптики фискального пространства и показать, что между расчетной емкостью и фактически доступными объемами финансовых ресурсов существуют институциональные ограничения и культурные ожидания. **Для достижения цели были решены следующие задачи**: раскрыта эволюция понятия фискального пространства, продемонстрирована разнонаправленность её современных интерпретаций; доказано, что понимание пространства не позволяет объяснить наблюдаемые поведенческие реакции на бюджетно-налоговые решения и это приводит к ошибкам в управлении государственными финансами; показано, что сопоставимые бюджетные параметры ХМАО и Республики Саха (Якутия) могут формировать разные режимы воспроизводимости фискального пространства. **Методология исследования** опирается на междисциплинарный подход, где для объяснения масштабов фискального пространства используется культурный дуализм И-России и К-России. Для прикладного отображения многослойности фискального пространства предложена множественная карта, объединяющая территориальный, функциональный и институциональный слои и позволяющая анализировать диапазон фискального маневра и условия его воспроизводимости. **Научная новизна** состоит в рассмотрении фискального пространства через культурную оптику как динамической, многослойной, культурно и институционально обусловленной структуры. **Сделан вывод**: расширение фискального пространства возможно лишь при согласовании финансовых параметров с институциональными условиями управления, уровнем доверия и представлениями о справедливом распределении ресурсов.

Ключевые слова: фискальное пространство; фискальная политика; культурные ядра; институциональные ограничения; налоговая мораль; доверие; межбюджетные трансферты; региональные бюджеты; фискальная устойчивость; множественная карта

Для цитирования: Фрумина С.В. Культурно-институциональные ограничения фискального пространства. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(4):105-115. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-105-115

ORIGINAL PAPER

Cultural and Institutional Constraints on Fiscal Space

S.V. Frumina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The study's **relevance** lies in its effort to outline fiscal space limits. This is crucial given the concurrent rise in budget duties, sanctions' limitations, the replacement of foreign by domestic funding, and heightened expectations for trust in fiscal policy mechanisms from citizens and businesses. Institutional barriers and fairness expectations influence the

© Фрумина С.В., 2026

actual ability to raise and reallocate funds, meaning that the theoretical fiscal space isn't always realistic. This research holds **scientific weight** by going beyond the standard economic understanding of fiscal space. It introduces a cultural-institutional layer, clarifying variations in how territories and economic agents respond to identical fiscal policies. This study examines the **subject** of fiscal space as an economic concept, encompassing both the quantitative boundaries of budgetary actions and the cultural underpinnings of sustainable budget choices. The paper **aims** to substantiate the need for a cultural lens on fiscal space and to demonstrate that, between its estimated capacity and the volumes of financial resources actually available, there are institutional constraints and cultural expectations that determine the admissibility of fiscal measures without undermining trust and financial discipline. **To achieve this aim, the following objectives were addressed:** the evolution of the concept of fiscal space was traced, and the divergence of its contemporary interpretations was showed – interpretations that often reduce the concept to a set of isolated indicators, such as the debt-to-GDP ratio and the scale of budget expenditures; it was shown that such an understanding of fiscal space cannot explain the observed behavioral responses to fiscal decisions, which leads to errors in the management of public finances; and it was demonstrated that comparable budgetary parameters of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and the Republic of Sakha (Yakutia) may give rise to different regimes of the reproducibility of fiscal space. By integrating diverse fields, the research uses a **methodology** on the cultural dichotomy of I-Russia and K-Russia to illuminate the extent of fiscal space. The opposing expectations stemming from this dualism concern the fair allocation of resources, the acceptability of their centralization, and the priorities of fiscal policy. The author suggested a multiple-map to illustrate the complex nature of fiscal space. This map integrates territorial, functional, and institutional aspects, enabling an assessment of fiscal flexibility and the factors ensuring its sustainability. The research's **scientific innovation** lies in its approach to fiscal space, viewing it as a dynamic, complex system shaped by culture and institutions. The author **concludes** that fiscal expansion hinges on aligning financial factors with governance structures, trust levels, and fair resource distribution ideas.

Keywords: fiscal space; fiscal policy; cultural cores; institutional constraints; tax morale; trust; inter-budget transfers; regional budgets; fiscal sustainability; multiple-map

For citation: Frumina S.V. Cultural and institutional constraints on fiscal space. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):105-115. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-105-115

ВВЕДЕНИЕ

Последствия санкционного давления, замещение внешних источников финансирования дефицита бюджета внутренними, обеспечение финансового и технологического суверенитета, увеличение расходов бюджета на оборону, старение населения и низкая рождаемость — эти и многие другие задачи одновременно решаются в Российской Федерации в условиях ограниченности ресурсов. Встроенные стабилизаторы не справляются с таким масштабом преобразований, поэтому важно скоординировать действия для мобилизации финансовых ресурсов, способных обеспечить исполнение стоящих перед государством и обществом задач. Возможности такой координации задаются фискальным пространством, описывающим пределы и условия одновременного управления налоговыми доходами, бюджетными расходами и бюджетным дефицитом.

Однако расхождение между расчетными оценками возможного маневра и фактически доступными ресурсами в рамках фискального пространства определяется не только динамикой доходов и долговыми ограничениями, но и качеством институтов, уровнем доверия и культурными ожиданиями справедливости. В этой связи в статье фискальное пространство рассматривается в культурном кон-

тексте, исходя из предпосылки, что его пределы задаются соответствующими поведенческими моделями. Такой ракурс позволяет трактовать различия фискальной политики и ее результатов как проявление особой топологии фискального пространства, то есть устойчивой конфигурации связей между доходными источниками, расходными обязательствами и степенью их общественного признания.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ФИСКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевым импульсом формирования концепции фискального пространства (далее — ФП) стало принятие 08.09.2000 г. «Декларации тысячелетия Организации Объединённых Наций», реализация которой требовала привлечения значительных ресурсов, в том числе для финансирования социальных, инфраструктурных и экологических инициатив.

В этот период международное сообщество осознало недостаточность традиционных механизмов привлечения финансирования за счет налоговых поступлений и внешних заимствований. Это обусловило потребность в формировании целостной концепции, позволяющей оценить возможности маневра денежными средствами государства как с точки зрения их привлечения, так и распреде-

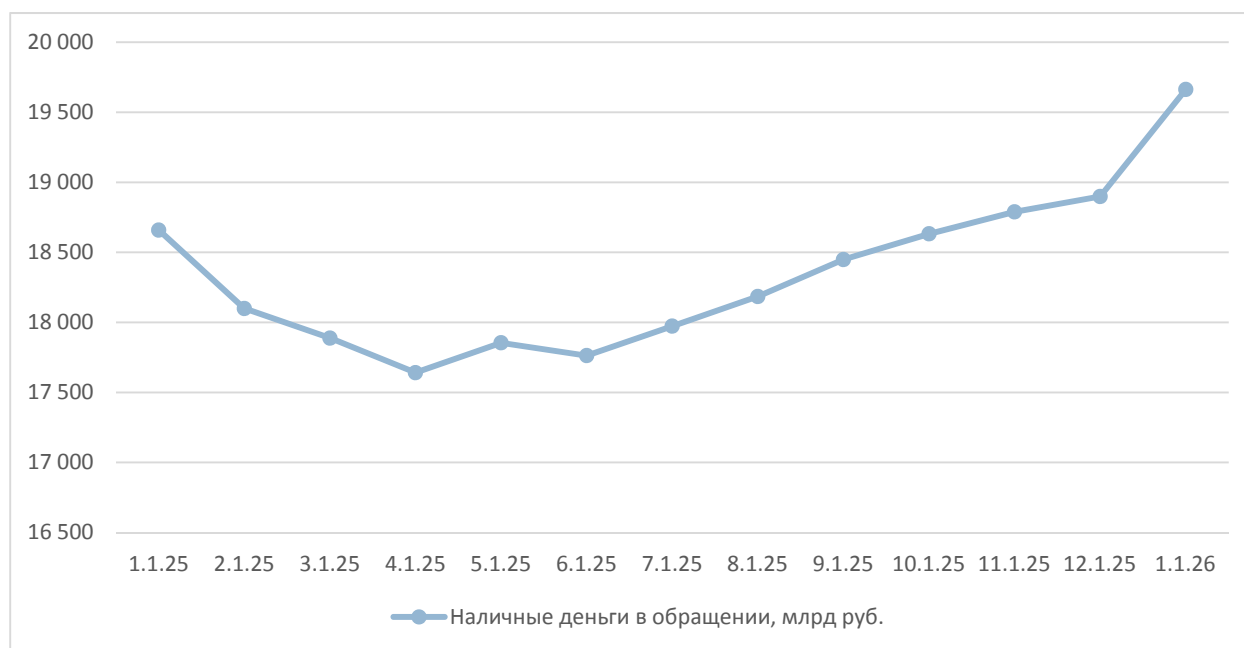

Рис. 1 / Fig. 1. Изменение количества наличных денег в обращении, млрд руб. /
Changing the amount of cash in circulation, billion rubles

Источник / Sources: данные Банка России / data from the Bank of Russia URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/20260101/ (дата обращения / accessed on 05.04.2026).

ления без нарушения макроэкономической стабильности [1]. Именно эти предпосылки заложили основы концепции фискального пространства как инструмента, объединяющего измерение доходов, расходов и заемных средств.

В ранних работах и дискуссиях международных организаций ФП понималось как способность правительств увеличивать расходы [2]. Такой подход предполагал одновременную оценку доходной базы и расходных обязательств. В классической интерпретации P.S. Heller ФП определяется как возможность государства обеспечить дополнительные расходы без подрыва устойчивости финансовой системы [2]. В дальнейшем долговая трактовка получила развитие в работах J.D. Ostry и соавторов [3], где границы фискального пространства связывались с долговой устойчивостью, реакцией первичного баланса на рост долга и эффектом фискальной усталости.

Однако по мере роста популярности концепции и её использования для межстранового сопоставления, ФП стало интерпретироваться через набор упрощенных индикаторов, фиксируемых в ромбе фискального пространства как помощь наднациональных институтов, изменение приоритетов расходов, дефицита бюджета и мобилизации внутренних доходов [4]. Такая редукция

понятия функционально удобна: индикаторы доступны, стандартизированы и позволяют классифицировать страны по масштабам пространства. Вместе с тем именно в этот период проявляется разноплановость трактовок. В одних работах ФП сохраняет статус комплексной категории, описывающей пределы маневра, в других употребляется как универсальный термин, обозначающий любые рассуждения о государственном долге, дефиците и официальной помощи [5; 6]. В прикладных работах оно нередко трактуется как инструментальный набор, из которого извлекается ограниченное число показателей — например, уровень долга к ВВП или бюджетный баланс [7].

Однако, как уже было отмечено, между расчетной емкостью и объемом ресурсов, которые способны привлечь государство, существует разрыв. Поэтому попытка управлять фискальным пространством исключительно через расчетные параметры — повышать налоговые ставки и количество собираемых налогов [8], увеличивать долю неналоговых доходов [9], оценивать расходы консолидированного бюджета в ВВП и т.д. [10; 11] — нередко приводит к противоположному результату. Вместо расширения ФП такие решения приводят к его сужению, сопровождающемуся подрывом доверия к принимающим решения институтам.

Российская практика наглядно демонстрирует несовпадение объемов фискального пространства, выраженного в показателях долга, дефицита и т.д., с его управляемостью. Так, в условиях 2026 г. рост наличного денежного обращения на фоне формального расширения доходной базы через повышение налоговых ставок может интерпретироваться как один из косвенных признаков адаптационной реакции экономических агентов (рис. 1).

Наблюдаемый в декабре 2025 г. резкий скачок объема наличности не выглядит разовым эпизодом. По мнению автора, по мере накопления более поздних наблюдений статистическая картина, с высокой вероятностью, окажется еще менее утешительной, поскольку поведенческие практики перехода к наличной адаптации обладают инерцией и закрепляются как устойчивый тренд, если воспринимаются экономическими агентами как рациональная защита от растущих фискальных и регуляторных издержек. Вместе с тем их интерпретация требует учета инфляционных ожиданий, процентных ставок и иных факторов.

Отсюда вытекает принципиальный вывод: фискальное пространство нельзя рассматривать исключительно как сумму финансовых показателей и ограничений. Анализ пространства требует учета социальных и культурных характеристик, которые формируют доверие к правилам, влияют на границы мобилизации ресурсов, ограничивая или стимулируя поведенческие реакции.

КУЛЬТУРНЫЙ ДУАЛИЗМ ФИСКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Включение культурной оптики в анализ фискального пространства согласуется с исследованиями налоговой морали, поведение в рамках которой объясняется не только вероятностью контроля и санкциями, но и доверием к институтам, восприятием справедливости налоговой системы и характером взаимодействия налогоплательщика с государством. В этом отношении концепция *tax morale* позволяет связать культурные ожидания с фактической реализуемостью фискального пространства.

Ключом к объяснению фискального поведения, представлениях о справедливости и допустимости государственного вмешательства могут послужить культурные ядра А. Аузана [12]. Как убедительно показано в работе автора, российское общество структурировано вокруг двух устойчивых культурных контуров — индивидуалистского (И-Россия)

и коллективистского (К-Россия). Приверженность разным культурным моделям создает определенные проблемы для институционального строительства. И-Россия создает спрос на институты демократии и свободного предпринимательства, тогда как К-Россия ориентирована на институты социальной защиты и государственной поддержки [12].

Через призму культурных ядер собираемость налогов можно рассматривать не как механическую функцию, а как производную разных моделей фискального поведения. В К-России налоговая дисциплина будет в большей степени опираться на представление о вкладе в общее дело и поддержание порядка. При таком подходе важны справедливость распределения и понятность целей будущих расходов. Поэтому собираемость налогов может быть выше там, где сохраняется доверие к государству и социальные нормы поддерживаются солидарностью.

В И-России фискальное поведение формируется через предсказуемость правил, равенство их применения и уверенность в том, что платежи не превращаются в одностороннее изъятие. Собираемость налогов в этом случае намного сильнее зависит от качества институтов, прозрачности администрирования [13] и возможности защитить свои права. При слабой предсказуемости правил и их частом изменении уклонение от налогов становится рациональным способом адаптации, благодаря чему часть операций переводится в менее контролируемую наличную форму.

Проявление коллективистского и индивидуалистского культурных ядер четко прослеживается в региональном разрезе. Коллективистская установка усиливает ожидание активной роли государства в перераспределении. Это означает, что налоговые и неналоговые доходы регионов рассматриваются как часть общего национального достояния, из которого осуществляется бюджетное выравнивание через систему межбюджетных трансфертов. Примеры бюджетов субъектов РФ с диаметрально различающимся масштабом доходов при идентичной структуре их распределения по основным источникам представлены на рис. 2.

ХМАО и Республика Саха (Якутия) выбраны для сравнения как контрастные регионы, формально сопоставимые по статусу (северные территории с низкой плотностью населения и значимой ролью добывающих отраслей), но демонстрирующие принципиально разные способы сборки фискального пространства. Такое сопоставление позволит

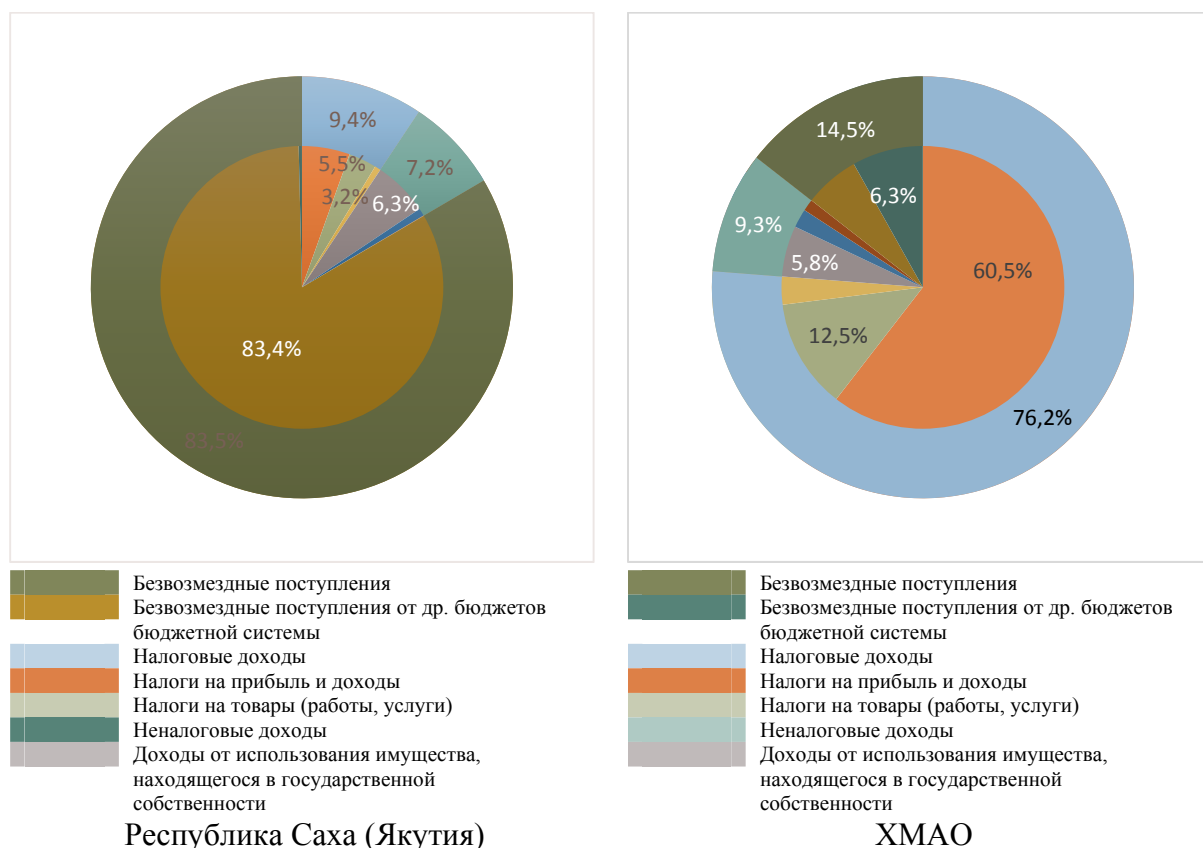

Рис. 2 / Fig. 2. Виды доходов бюджетов субъектов РФ /
Types of budget revenues of the subjects of the Russian Federation

Источник / Sources: Электронный бюджет / Electronic budget. URL: <https://budget.gov.ru> (дата обращения / accessed on 05.04.2026).

наглядно показать различия по масштабу пространства, архитектуре доходов и расходов, бюджетные приоритеты и ограничения фискального маневра.

Данные рис. 2 подтверждают, что в Республике Саха (Якутия) доминируют безвозмездные поступления, а налоговые и неналоговые доходы занимают сравнительно небольшую долю. В логике культурного ядра А. Аузана такая конфигурация ближе к К-России, где фискальное пространство воспроизводится через вертикальную солидарность и перераспределение, то есть через представление государства как гаранта взаимной поддержки и межбюджетного выравнивания.

Однако распределение и масштаб доходов, включая высокую долю безвозмездных поступлений, само по себе не является прямым свидетельством того, что регион относится к К-России. Такая структура может объясняться экономико-географическими факторами, пространственной рассредоточенностью населения, высокой стоимостью инфраструктуры и т.д. Поэтому для присоеди-

нения региона к коллективистскому культурному ядру необходимы дополнительные обоснования, которые будут представлены ниже.

В ХМАО — иллюстрация обратного толка. Значительную часть доходов занимают налоговые поступления, а доля межбюджетных трансфертов заметно меньше. Такой профиль больше согласуется с И-Россией, где фискальное пространство опирается на собственную доходную базу. При сложившейся в регионе структуре фискального пространства зависимость от межбюджетного выравнивания слабее, соответственно, границы маневра определяются прежде всего устойчивостью собственной налоговой базы и качеством управления.

Сопоставление субъектов РФ через призму культурного дуализма будет более убедительным, если дополнить анализ доходной базы изучением бюджетных расходов. На примере ХМАО и Республики Саха (Якутия) можно показать, что при разной структуре доходов складываются отличающиеся конфигурации расходов, выступающие выражением преобладающего культурного ядра.

Описание различий проведем через топологию пространства, демонстрирующую не объем ресурсов, доступный конкретному субъекту РФ, а особенности организации фискального пространства. Если объем ФП обычно связывают с показателями долга, дефицита, доходов и т.д., то топологический взгляд фокусируется на структуре связей внутри субъекта и позволяет ответить на следующие вопросы: благодаря чему поддерживается устойчивость бюджета? Какие расходы создают «центр тяжести»? Какие из них образуют давление на бюджет? Где возникают узкие места, ограничивающие свободу решений? и т.д. В этой логике топология позволяет сравнивать регионы с сопоставимым уровнем расходов или долга, но с различными каналами поддержки устойчивости, разными рисками, возникающими при внешних шоках или изменении правил.

Сопоставление ХМАО и Республики Саха (Якутия) в топологическом ключе показывает, что различаются не просто доли расходов, а сама конфигурация фискального пространства, определяющая пределы маневра. Фискальное пространство в ХМАО сконцентрировано вокруг социального ядра, составляющего около 64,4% всех расходов (образование — 25,62% расходов, социальная политика — 22,87% и здравоохранение — 16,09%) (см. таблицу).

Расходы сконцентрированы вокруг непрерывных обязательств с высокой инерцией, которые трудно сокращать без немедленных социальных и политических последствий. Такая структура делает устойчивость региона зависимой от воспроизводимости стандартов социальных услуг (поддержка заданного уровня доступности и качества образования и здравоохранения) и от предсказуемости доходной базы.

В свою очередь, национальная экономика занимает 14,78% расходов, причем дорожное хозяйство (10,2%) и транспорт (1,56%) образуют инфраструктурный каркас, но не смещают центр тяжести.

Низкая доля обслуживания государственного долга (0,23%) и сравнительно небольшой блок межбюджетных трансфертов общего характера (3,33%) усиливают аргументы о самодостаточности бюджета и дополнительно расширяют диапазон маневра, поскольку в топологии почти отсутствует уязвимость бюджета в виде процентной нагрузки. Такая структура расходов ближе к И-России и проявляется в качестве и доступности услуг, наличии обеспечивающей среды, не вытесняющей социальный блок.

В Республике Саха (Якутия) фискальное пространство устроено иначе. Здесь социальный блок не исчезает, но и не формирует единственного центра тяжести. В итоге в республике образуются два сопоставимо значимых блока — национальная экономика (21,86%) с выраженным транспортно-дорожным направлением расходов, а также социальная политика (13,8%), образование (22,63%) и здравоохранение (5,58%). Существенная доля межбюджетных трансфертов общего характера, достигающая 14,07%, свидетельствует о вертикальном перераспределении и поддержке нижестоящих бюджетов. В свою очередь, обслуживание государственного долга субъекта РФ (2,33%) фиксирует более высокую цену фискального маневра. Такая структура означает, что ФП региона воспроизводится не только через прямые социальные расходы, но и через поддержку связанности территории и распределение расходов по вертикали.

Для ФП Республики Саха (Якутия) более характерно культурное ядро К-России, что проявляется не только в социальных расходах, но и значимых межбюджетных трансфертах. Указанные особенности не являются результатом исключительно экономических условий, а опираются на устоявшиеся траектории фискального поведения и институциональные практики, объединяющиеся в национальную идентичность современной России [14].

Эмпирическое подтверждение наличия устойчивых культурных различий дает исследование, проведенное Институтом национальных проектов и Российской венчурной компанией в четырнадцати российских регионах. В работе приводятся аргументы, подтверждающие, что к И-России относятся все мегаполисы, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Столицей российского индивидуализма выступает Сахалин. В свою очередь, корни коллективистских институтов остались в национальных республиках и во многих дотационных регионах [12].

МНОЖЕСТВЕННАЯ КАРТА ФИСКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Культурный дуализм позволяет углубить понимание фискального пространства и рассматривать его не как сумму финансовых показателей, а как форму организации финансовых отношений, проявляющуюся в конкретных механизмах распределения и перераспределения финансовых ресурсов, зависящих от культурных ожиданий справедливости, исторически сложившейся формы доверия и недоверия, а также чувства принадлежности к порядку распределения.

Таблица / Table

Структура расходов ХМАО и Республики Саха (Якутия), 2025 г. /
Expenditure structure of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and the Republic of Sakha (Yakutia), 2025

№	Наименование расходов / Name of expenses	ХМАО /КМАО		Республика Саха (Якутия)/ Republic of Sakha (Yakutia)	
		тыс. руб./ thousand rubles	%	тыс. руб./ thousand rubles	%
	Расходы всего	480 690 626,5	100	332 017 293,30	100
1	Общегосударственные вопросы	26 244 092,4	5,459 663 857	31 222 499,40	9,403 87
2	Национальная оборона	85 404,5	0,017 767 041	183 657,10	0,055 31
3	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	5 729 772,5	1,191 987 566	4 202 732,80	1,265 81
4	Национальная экономика	71 065 116,7	14,783 961 41	72 578 082,6	21,859 7
	– транспорт	7 519 950,2	1,564 405 17	22 507 189,8	6,778 92
	– дорожное хозяйство	48 164 248,5	10,019 801 89	8 792 452,2	2,621 08
	...	...	...	...	...
5	ЖКХ	29 789 532,9	6,197 236 072	17 745 641,4	5,344 79
6	Охрана окружающей среды	2 171 083,3	0,451 659 171	1 083 876,7	0,326 45
7	Образование	123 143 212,2	25,617 976 6	75 121 204,2	22,625 6
8	Культура и кинематография	3 828 185,7	0,796 392 833	6 061 323	1,825 60
9	Здравоохранение	77 359 066,7	16,093 317 08	18 518 741,6	5,577 64
10	Социальная политика	109 922 989,1	22,867 720 53	45 849 521,6	13,809 3
11	Физическая культура и спорт	12 795 291,7	2,661 855 879	3 662 679	1,103 15
12	Средства массовой информации	1 431 362,2	0,297 772 022	1 507 279,1	0,453 97
13	Обслуживание государственного долга	1 108 011,1	0,230 503 995	7 745 641,4	2,332 90
14	Межбюджетные трансферты общего характера	16 008 600	3,330 333 299	46 704 023,9	14,066 7

Источник / Source: составлено на основании данных, приведенных в законах: Республики Саха (Якутия) «О государственном бюджете Республики Саха (Якутия) на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» и ХМАО «О бюджете Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» / based on the Law of the Republic of Sakha (Yakutia) On the State Budget of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2025 and the planning period of 2026 and 2027, and the Law of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug on the State Budget of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug for 2025 and the planning period of 2026 and 2027 URL: <https://docs.cntd.ru/document/407528505>, URL: https://www.dumahmao.ru/povest/0748_4/08/9.pdf (дата обращения / accessed on 05.04.2026).

И, если в классических трактовках экономического толка фискальное пространство, как было сказано выше, измеряется через показатели долга, дефицита, доходов и расходов, образуя ромб фискального пространства, то его культурно-ориентированная интерпретация требует иного подхода к аналитическому отображению. Количественные индикаторы фиксируют прежде всего расчетную емкость пространства, однако они недостаточно чувствительны к процессу трансформации культурных ожиданий и моделей фискального поведения.

На уровне прикладного анализа возникает потребность в инструменте, который позволил бы отразить сложность измерения ФП и определить ключевые участки, через которые культура влияет на его реализуемость. Таким инструментом может послужить множественная карта ФП. В качестве уровней или слоев множественной карты предлагаем использовать территориальный, институциональный и функциональный (рис. 3).

Территориальный слой множественной карты отражает конфигурацию фискального пространства на уровне конкретных регионов и позволяет

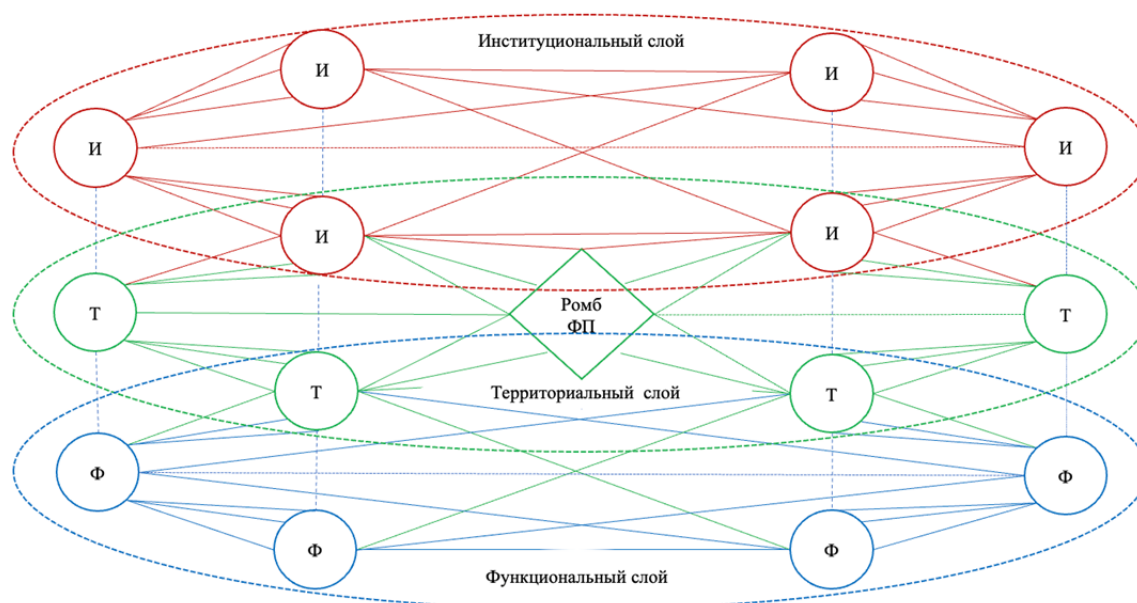

Рис. 3 / Fig. 3. Множественная карта фискального пространства / Multiple fiscal space map

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: И – институты / institutions; Ф – функции / functions; Т – территории / territories.

анализировать централизацию и децентрализацию, горизонтальное и вертикальное распределение, а также сопоставлять масштабы и структуру бюджетного маневра. В этом срезе культурная оптика проявляется через различия в практиках налогового поведения, в отношении к обязательствам.

Институциональный слой фиксирует условия реализуемости фискальной политики, включая качество администрирования, предсказуемость правил, уровень доверия, а также распространенность практик соблюдения или обхода установленных ограничений [15; 16]. Институциональная конфигурация должна быть построена с учетом дуализма культурных ядер [12] и исторической культуры [17]. В этом измерении культура выступает предиктором моделей поведения, которые закрепляются в институтах и определяют эффективность фискальных решений.

Функциональный слой создает условия для анализа структуры расходов по программам и приоритетам, например в сфере обороны, экологии или образования. На этом срезе множественной карты ФП определяется предпочтениями конкретной бюджетной конфигурации, то есть тем, какие направления расходов признаются первоочередными.

Культурный контекст позволяет объяснить, почему при сходных ограничениях регионы выбирают различные сочетания приоритетов и по-разному соотносят цели развития, социальные обязательства и требования к устойчивости. Культурная

оптика задает сквозной принцип интерпретации всех слоев карты, поскольку именно культурные установки, нормы доверия и представления о справедливости влияют на перераспределение, налоговую дисциплину, готовность к принятию дефицита, выбор приоритетов расходов и др.

Перечисленные слои не просто сосуществуют, а взаимно накладываются и усиливают друг друга, формируя прочную и вместе с тем весьма пластичную структуру, в которой перекося в структуре доходов и расходов, дефиците собственных доходных источников или институциональной реализуемости бюджетных решений на одном уровне может частично компенсироваться на другом за счет межбюджетного выравнивания, изменения приоритетов расходов либо корректировки правил и механизмов администрирования. Поэтому фискальное пространство следует понимать как динамическую многослойную систему.

В отличие от редуccionистских подходов, стремящихся свести фискальное пространство к агрегированным макроэкономическим параметрам, множественная карта исходит из предположения о его многослойной архитектуре. Она предполагает, что показатели уровня долга, дефицита, налоговых доходов и т.д. могут по-разному интерпретироваться в отраслевом или региональном разрезе. Например, долг может быть устойчивым на федеральном уровне, но не безопасным на региональ-

ном; наблюдаемая устойчивость в пределах одной карты может нарушаться в другой. Поэтому каждому из уровней или слоев должна соответствовать своя логика устойчивости и система индикаторов, встраиваемых в системы финансового планирования и прогнозирования. С этой точки зрения множественная карта может рассматриваться как метод аналитической декомпозиции, позволяющий проследить взаимосвязи между денежными потоками на территориальном уровне, приоритетами расходов, функционированием институтов и т.д.

Устойчивость фискального пространства будет складываться как подвижный баланс между противоречивыми логиками: централизацией и децентрализацией, стабильностью и адаптацией и т.д. В этом смысле ФП ближе к динамичной, институционально обусловленной системе, чем к механической модели, и его устойчивость зависит от способности государства удерживать равновесие между слоями, интересами и масштабами распределения в условиях постоянно меняющихся экономических, культурных и технологических приоритетов. Подобный подход сближает исследование фискального пространства с современными теориями динамического равновесия, в которых сложные системы функционируют благодаря договороспособности и гибкости принятия решений.

ВЫВОДЫ

В результате исследования фискального пространства ХМАО и Республики Саха (Якутия) и сопостав-

ления их бюджетов предложено расширить привычное экономическое понимание ФП как запаса финансового маневра за счет включения культурной оптики, влияющей на воспроизводимость бюджетных решений. По мнению автора, фискальное пространство — это не только количественный предел наращивания финансовых показателей, но и граница допустимого фискального вмешательства, зависящая от устойчивых представлений о справедливости и приоритетах распределения.

Автор полагает, что различия между субъектами РФ целесообразно описывать через устойчивые конфигурации источников доходов, структуры расходов и административных практик. Такой подход позволит сравнивать регионы и по отдельным показателям, и по несущим контурам фискальной политики, а также ограничениям, формирующим коридор принимаемых решений. Методологически обоснована идея множественной карты ФП как совокупности институционального, территориального и функционального слоев. Именно в многослойной картографии становится возможным различить объем маневра и его воспроизводимость. В результате культурная оптика объективно объясняет суть возникающих проблем и отвечает на многие вопросы: почему, например, одни и те же фискальные меры приводят к различным эффектам в разных социальных средах, а попытки управлять фискальным пространством исключительно через инструменты фискальной политики — к компенсаторным практикам ухода от легитимизации доходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lorenzo P., Lacey E. A. A primer on restoring fiscal space and sustainability. Washington (DS): World Bank; 2025. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062724151525291/pdf/P1778861af1af80681916110829a341e1c1.pdf> (дата обращения: 25.02.2026).
2. Heller P.S. Understanding fiscal space. IMF Policy Discussion Paper. Washington, DC: International Monetary Fund; 2005.
3. Ostry J.D., Ghosh A.R., Kim J.I., Qureshi M.S. Fiscal Space. IMF Staff Position Note. Washington, DC: International Monetary Fund; 2010. DOI: 10.5089/9781455228010.004
4. Tandon A., Cashin C. Assessing public expenditure on health from a fiscal space perspective. Washington (DS): World Bank; 2010. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/daaca2b2-a6d1-5ab9-82e0-e5be7c5ebbb7/content> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Abu-Ismaï K., Roy R., Almeida R.R. Is there fiscal space for financing an arab development transformation? Working Paper number 88. Brasilia (DF): International Policy Centre for Inclusive Growth, UNDP. URL: <https://repositorio.ipea.gov.br/server/api/core/bitstreams/4f287282-dd82-4115-a021-ba61164f85ad/content> (дата обращения: 20.02.2026).
6. Oppel A., McNabb K., Gupta S., Brown H., Plant M., Camps Adroque B. Global financial architecture reform and the fiscal space of developing countries. Brussels: European Parliament, Directorate-General for External Policies, Policy Department for External Relations. 2024; URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/287253/Fiscal%20space%20developing%20countries.pdf> (дата обращения: 25.02.2026).

7. Какаулина М. О., Демидова С. Е. Сравнение моделей цикличности фискальной политики в зарубежных странах. *Финансы: теория и практика*. 2025;(2):228-238. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-228-237
8. Дорофеев М. Л. Фискальные мультипликаторы и уровень доходного неравенства (на примере стран ОЭСР, России и Китая). *Вопросы экономики*. 2024;(4):111-126. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-4-111-126
9. Магницкий Н. Д., Тюрина Ю. Г. Концептуальные вопросы управления неналоговыми доходами бюджетов публично-правовых образований. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(3):35-44. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-35-44
10. Киреева Е. Ф., Караев А. К. Оценка фискальной конвергенции стран Евразийского экономического союза методом многомерного эллипсоида. *Journal of Applied Economic Research*. 2025;24(1):34-58. DOI: 10.15826/vestnik.2025.24.1.002
11. Караев А. К., Пинская М. Р., Мельничук М. В. Краткосрочное прогнозирование налоговых доходов бюджетов: применяемые методы и их релевантность для России. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2025;60(2):3-19. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-1
12. Аузан А. А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России. *Философские науки*. 2024;67(4):11-27. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26
13. Тимофеева О. И. О понятии бюджетной открытости (прозрачности). *Вестник института экономики Российской академии наук*. 2025;(2):71-92. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_71_92
14. Храпов С. А., Крючкова С. Е. Национальная идентичность современной России: поиск модели и риски конструктивного формирования. *Вопросы философии*. 2025;(2):5-15. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-2-5-15
15. Киреева Е. Ф. Институциональный характер фискального пространства. *Банковские услуги*. 2025;(1):12-21. DOI: 10.36992/2075-1915_2025_1_12
16. Камышова А. Б., Миэринь Л. А., Мышкина Н. В. Подходы к государственному регулированию структуры регионального сектора экономики РФ в новых геополитических условиях. *Финансы, деньги, инвестиции*. 2024;(2):3-9.
17. Матвейчев О. А. Кант и «Новая мозговая линия» Акима Волынского. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2024;40(2):201-210. DOI: 10.21638/spbu17.2024.202

REFERENCES

1. Lorenzo P., Lacey E. A. A Primer on restoring fiscal space and sustainability. Washington (DS): World Bank; 2025. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099062724151525291/pdf/P1778861af1af80681916110829a341e1c1.pdf> (accessed on 26.02.2026).
2. Heller P. S. Understanding fiscal space. IMF Policy Discussion Paper. Washington, DC: International Monetary Fund; 2005.
3. Ostry J. D., Ghosh A. R., Kim J. I., Qureshi M. S. Fiscal Space. IMF Staff Position Note. Washington, DC: International Monetary Fund; 2010. DOI: 10.5089/9781455228010.004.
4. Tandon A., Cashin C. Assessing public expenditure on health from a fiscal space perspective. Washington (DS): World Bank; 2010. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/daaca2b2-a6d1-5ab9-82e0-e5be7c5ebbb7/content> (accessed on 20.02.2026).
5. Abu-Ismaï K., Roy R. and Almeida R. R. Is there fiscal space for financing an arab development transformation? Working Paper number 88. Brasilia (DF): International Policy Centre for Inclusive Growth, UNDP. URL: <https://repositorio.ipea.gov.br/server/api/core/bitstreams/4f287282-dd82-4115-a021-ba61164f85ad/content> (accessed on 20.02.2026).
6. Oppel A., McNabb K., Gupta S., Brown H., Plant M., Camps Adroque B. Global financial architecture reform and the fiscal space of developing countries. Brussels: European Parliament, Directorate-General for External Policies, Policy Department for External Relations; 2024. URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/287253/Fiscal%20space%20developing%20countries.pdf> (accessed on 25.02.2026).
7. Kakaulina M. O., Demidova S. E. (2025) Comparison of fiscal policy cyclicity models in foreign countries. *Finance: Theory and Practice*. 2025;(2):228-238. (In Russ.).
8. Dorofeev M. L. (2024) Fiscal multipliers and the level of income inequality (based on the OECD Countries, Russia, and China). *Voprosy Ekonomiki = Questions of economics*. 2024;(4):111-126. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2024-4-111-126

9. Magnitsky N.D., Tyurina Yu. G. Conceptual issues of managing non-tax revenues of budgets of public-law entities. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(3):35-44. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-35-44
10. Kireeva E.F., Karaev A.K. Estimating fiscal convergence of the Eurasian Economic Union countries using the multivariate ellipsoid method. *Journal of Applied Economic Research*. 2025;24(1):34-58. (In Russ.). DOI: 10.15826/vestnik.2025.24.1.002
11. Karaev A.K., Pinskaya M.R., Melnichuk M.V. Short-term forecasting of budget tax revenues: Applied methods and their relevance for Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*. 2025;60(2):3-19. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-1
12. Auzan A.A. Individualism and collectivism: two cultural cores of Russia. *Filosofskie nauki = Philosophical sciences*. 2024;67(4):11-27. (In Russ.). DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26
13. Timofeeva O.I. On the concept of budget openness (Transparency). *Vestnik instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;(2):71-92. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_71_92
14. Khrapov S.A., Kryuchkova S.E. National identity of modern Russia: Search for a model and risks of constructive formation. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2025;(2):5-15. (In Russ.). DOI: 10.21146/0042-8744-2025-2-5-15
15. Kireeva E.F. Institutional character of fiscal space. *Bankovskie uslugi = Banking Services*. 2025;(1):12-21. (In Russ.). DOI: 10.36992/2075-1915_2025_1_12
16. Kamyshova A.B., Mierin' L.A., Myshkina N.V. Approaches to state regulation of the structure of the regional sector of the Russian economy in the new geopolitical conditions. *Finansy, den'gi, investicii = Finance, Money, Investments*. 2024;(2):3-9. (In Russ.).
17. Matveychev O.A. Kant and Akim Volynsky's "New Brain Line". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*. 2024;40(2):201-210. (In Russ.). DOI:10.21638/spbu17.2024.202

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Светлана Викторовна Фрумина — кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; доцент кафедры мировых финансовых рынков и финтех, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Svetlana V. Frumina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Assoc. Prof., Department of Global Financial Markets and Fintech, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5143-9417>
frumina@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2026; принята к публикации 21.07.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.04.2026; accepted for publication 21.07.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-116-126
УДК 330.8;339.96(045)
JEL F50, F55

Политико-экономические аспекты глобального регулирования / управления в условиях полицентризма

В.В. Перская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — система политико-экономических отношений в мировом сообществе в части модернизации системы глобального регулирования / управления. **Актуальность** работы предопределена неспособностью сложившейся системы регулирования международных отношений (МО), включая экономическую составляющую, обеспечить безопасность в мировом сообществе, справедливое международное сотрудничество и динамику поступательного экономического развития. **Цель** исследования — попытка проанализировать и всесторонне оценить предложения, в том числе на уровне ООН, по реформированию системы регулирования МО, включая экономическую сферу, в условиях формирующейся полицентричной модели мироустройства, где основным трендом выступает формирование не только субстантивных акторов МО, но и суверенных центров экономического развития, способных выступить драйверами развития на региональном уровне. Особое внимание уделено анализу китайской идеи глобального регулирования, поскольку КНР, будучи страной-цивилизацией, разработала концепцию глобального регулирования, спецификой которой является множество вложенных в нее смыслов. Автор, учитывая специфику государственного управления внутри КНР, жесткость организации и ведения бизнеса, идеологизацию внешнеполитического курса, предпринял попытку выявить скрытые смыслы китайской модели, предлагаемой для реформирования МО и международных экономических отношений. **Методология** исследования базируется на использовании общенаучных и специальных методов познания, включающих исторический анализ, критический обзор и анализ доминирующей концепции, а также эволюционный метод анализа. Сделан **вывод**: устойчивость и открытость китайской социально-экономической модели не является положительным примером для её продвижения в мировом сообществе или создания платформ для реформирования социально-экономических моделей стран мира. Обоснована авторская точка зрения в части реформирования современной системы глобального регулирования, в том числе реформирования СБ ООН, а также в отношении позиционирования себя в мировой экономике рядом ведущих стран в условиях полицентризма и формирования международных отношений нового типа*.

Ключевые слова: глобализация; регулирование; полицентризм; государство; суверенитет; многосторонность; международные отношения; социально-экономическая модель; китайская концепция глобального регулирования / управления; предложения отдельных стран по изменению системы регулирования международных отношений

Для цитирования: Перская В.В. Политико-экономические аспекты глобального регулирования / управления в условиях полицентризма. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):116-126. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-116-126

ORIGINAL PAPER

Political and Economic Facets of Global Regulation / Governance in a Polycentric World

V.V. Perskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The study examining the **subject** of political and economic interactions within the global community, with an emphasis on updating the worldwide regulatory and governance framework. The **importance** of this study stems from the current international relations (IR) regulatory system's failure, even in its economic aspects, to guarantee global security, equitable international cooperation, and dynamic economic progress. The research **aims** to conduct a detailed analysis

* Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа. 20 мая 2026 года. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/6486> (дата обращения: 22.05.2026).

and evaluation of reform proposals for the IR regulatory system, including economic elements, with consideration given to UN-level initiatives. As a polycentric world order emerges, major trends include the rise of significant international relations actors and sovereign economic development centers that can drive regional growth. The analysis of China's concept of global regulation is particularly emphasized, as the PRC, a unique civilization-state, has formulated a theory of global governance with inherently multiple interpretations. Regarding public administration in the PRC, the strictness of business operations, and the ideological stance of foreign policy, the author aimed to uncover the underlying significance of the Chinese model for altering international and international economic relations. The research **methodology** employs general scientific and specialized cognitive approaches, such as historical analysis, a critical review and analysis of the prevailing concept, and an evolutionary method of analysis. In **conclusion**, China's socio-economic model's sustainability and openness do not render it a positive example for global promotion or for reshaping international socio-economic models. The author advocates for reforms to the global regulatory system, including the UN Security Council, and addresses the economic positioning of major powers in a polycentric world, aiming to shape new international relations*.

Keywords: globalization; regulation; polycentrism; state; sovereignty; multilateralism; international relations; socio-economic model; Chinese concept of global regulation/governance; proposals of individual countries to change the system of regulation of international relations

For citation: Perskaya V.V. Political and economic facets of global regulation / governance in a polycentric world. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):116-126. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-116-126

ВВЕДЕНИЕ

На ВЭФ в Давосе в 2026 г. фактически было признано, «что глобализация больше не гарантирует стабильность, правила больше не сдерживают власть, а экономика стала новым полем битвы геополитики»¹. «Либеральный международный порядок», доминировавший в глобальном мире после 1989 г., ослабевает, позиции и значимость таких регуляторов, как ООН (и ее институтов), ВТО, МВФ, резко политизируются и снижаются [1], а формирующийся сегодня ландшафт отражает в большей степени эпоху конкуренции [2; 3] продвижения политически ориентированных двойных стандартов² и способности государств отстаивать свой суверенитет.

Вопросы регулирования мировой экономики и международных отношений — это, фактически, базовая составляющая нереволуционного перехода мирового сообщества к новому мировому порядку в целом и, собственно, модели экономиче-

ского развития. Глобализация сама по себе не может гарантировать стабильное развитие, а переход к многополярности в международных отношениях обуславливает формирование адекватной экономической базы для полицентричной конфигурации мирового сообщества. В этой связи в современных условиях развитие полицентризма должно быть экономически дополнено мировой экономикой на основе её эволюционирования и глобального управления.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Вопросам регулирования мировой экономики [4] в связи с эскалацией геополитической напряженности и необходимостью создания предсказуемых условий для её поступательного развития посвящено немало научно-практических исследований³. В работе [5] указывается, что современные глобальные вызовы относятся к категории рисков, которые могут привести к катастрофическим последствиям для мирового сообщества. Говоря о регулировании мировой экономики, нельзя игнорировать тот факт, что в современных условиях она тесно сопряжена с мировым порядком

¹ Tamim Muntasir, Afsana Rahman Antora. World Economic Forum 2026: Future of Global Governance/. January 28, 2026 / 28 января 2026 г. URL: <https://dairabd.org/analysis/22> (дата обращения: 29.01.2026).

² После очень внимательного изучения нашим юридическим департаментом мы сформировали позицию, согласно которой принцип самоопределения неприменим в ситуациях с Крымом и Донбассом (Антониу Гутерриш). Источник: Генсек ООН отказал народам Крыма и Донбасса в праве на самоопределение. Как на это ответили в России? URL: <https://lenta.ru/news/2026/01/30/gensek-oon-otkazal-narodam-kryma-i-donbassa-v-prave-na-samoopredelenie-kak-na-eto-otvetili-v-rossii/> (дата обращения: 29.01.2026).

³ URL: <https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/2025-10/ESMA22-50751485-1604/> (дата обращения: 22.1.2026); Annual Work Programme 2026.pdf\$ Global Focus — Economic Outlook 2026. URL: <https://www.sc.com/en/uploads/sites/66/content/docs/SC-cib-Global-Focus-Economic-Outlook-2026-Executive-summary.pdf> (дата обращения: 28.01.2026).

* Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Establishment of a Multipolar World and a New Type of International Relations. May 20, 2026. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6486> (accessed on 22.05.2026).

в целом. Формирование полицентричной конфигурации мирового сообщества фактически определяет трансформирование мировой экономики в направлении развития нескольких центров экономической мощи, а следовательно, процесс так называемой фрагментации глобальной экономики продвигается в направлении регионализации. Вопрос регулирования или управления мировым развитием, создания условий предсказуемости для международных отношений и мировой экономики — это одно из важнейших направлений полицентричного мирового сообщества. В этой связи вновь возрастает значение роли и места в современном мировом хозяйстве собственно государства как института [6] регулирования и обеспечения важнейших функций [7] в интересах социума страны. В этой связи обращает на себя внимание повышенная активность китайских исследователей в части продвижения своей концепции глобального управления⁴, базирующейся на принципах суверенного равенства, предотвращающего использование «закона сильнейшего»; верховенства международного права как основополагающей гарантии глобального порядка, исключающего двойные стандарты; многосторонности, основанной на сотрудничестве и диалоге; человекоориентированности, когда управление должно в конечном итоге служить благополучию человека, а не абстрактной геополитической оценке; скоординированных действиях всех участников мирового сообщества. Инициатива китайского руководства рассматривается китайскими экспертами исключительно в ключе не просто дипломатического предложения, а как «спасательный круг для реформы глобального управления»⁵.

РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА: ПОИСК ФОРМ И ИНСТРУМЕНТОВ

Современное неблагополучие в мировом сообществе можно охарактеризовать комплексностью

возникших в разных регионах дисбалансов. Продолжается спад мировой торговли и инвестиций, повышается волатильность финансовых и сырьевых рынков, растут число и масштабы международных конфликтов и гражданского противостояния, обостряются проблемы климата и дефицита ресурсов, наблюдается резкое падение эффективности применения многих норм международного права. Другими словами, существующий мировой порядок изрядно зашатался, то и дело нарушается и, безусловно, нуждается в новых, более результативных формах и инструментах регулирования. При этом достижение целей устойчивого развития (ЦУР ООН до 2030 г.) все более отдалается от первоначально установленных сроков. Мир требует усилий, ответственности и осознанного выбора. В настоящее время ситуация на международной арене все больше и больше деградирует, а «десятки стран» страдают от неуважения их прав, а также хаоса и беззакония. Многие страны «не обладают необходимой силой и ресурсами, чтобы постоять за себя»⁶.

Теоретически последовательной и концептуально оформленной в настоящее время в области глобального управления является предлагаемая КНР целостная концепция, которая не только отражает специфику китайского мировосприятия, но и оставляет незывлемыми основы мирового порядка, сформированные после Второй мировой войны, сохраняет ООНцентричность и значимость ветоирования в рамках СБ ООН. На заседании стран ШОС в 2025 г. руководство России поддержало китайскую инициативу⁷.

На Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2026 г. Китай вновь обозначил свое видение векторов развития мирового сообщества, которые фокусируются на инициативе глобального управления (далее — ИГУ, 全球治理倡议), являющейся продолжением и развитием трёх предыдущих глобальных инициатив: «Инициативы глобального развития» (далее — ИГР, 全球发展倡议), «Инициативы глобальной безопасности» (далее — ИГБ, 全球安全倡议) и «Глобальной цивилизационной инициативы» (далее — ГЦИ, 全球文明倡议).

⁴ The elevated significance of the global governance initiative. CGTN | 2026-01-08. URL: https://en.chinadiplomacy.org.cn/2026-01/08/content_118269201.shtml; 姜锋：德国看待中国崛起的三种观点 (Цзян Фэн: Три немецких взгляда на подъем Китая, секретарь парторганизации Шанхайского международного университета). URL: https://ciiss.tsinghua.edu.cn/info/china_wzft/33371 (дата обращения: 29.01.2026).

⁵ The elevated significance of the global governance initiative. CGTN | 2026-01-08 URL: https://en.chinadiplomacy.org.cn/2026-01/08/content_118269201.shtml (дата обращения: 29.01.2026).

⁶ Путин пожаловался на деградацию современного мира. URL: <https://lenta.ru/news/2026/01/15/putin-pozhalovalsya-na-degradatsiyu-sovremennogo-mira/> (дата обращения: 19.01.2026).

⁷ Путин поддержал идею КНР по созданию системы глобального управления. 01.08.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8006612> (дата обращения: 01.04.2026).

Эти идеи выдвигались руководством КНР на значимых международных мероприятиях, а в дальнейшем были инкорпорированы в китайский план трансформации и построения глобального управления⁸. Фактически Китай предлагает мировому сообществу переформатирование правил на мировой арене не путем конфронтации или радикального преобразования, а через институциональное наращивание многосторонних платформ. Китайская инициатива — это сложный бюрократизированный путь, сопряженный с длительными двусторонними и многосторонними переговорами.

Китай, исходя из целесообразности эволюционного трансформирования мирового порядка, рассчитывает на сохранение своих бонусов от процесса экономической глобализации, предполагая создание условий для постепенного планомерного перестраивания внутренней экономики КНР в ключе «двойного цикла» при сохранении значимости внешней торговли, купируя возможные негативные факторы развития национального хозяйства. Китай, предлагая провести преобразование мирового порядка, нацелен на формирование «новых норм и площадок», создавая тем самым для себя устойчивое пространство манёвра⁹ в условиях усиления конкуренции со странами Европы и США.

Де-факто предлагается **замена лидера** мирового сообщества, который, как подразумевается, должен быть поддержан глобальным большинством, и одновременно декларируется идея преимуществ китайской модели развития для всех стран мира. В качестве основного доказательства того, что Китай созрел для выполнения роли «мирового начальника», являются «два чуда быстрого экономического развития Китая и долгосрочной социальной стабильности»¹⁰. Руководство КНР убеждено в том, что Китай показывает «лучшие практики» высокоуровневой открытости посредством стабильного экономического роста, оптимизируя деловую среду и проводя институциональные инновации. Все это способствует многосторонней, региональной и двусторонней торговле и инвести-

циям, а также ускоряет торговые инновации и двусторонние инвестиции, так как «мир сформировал Китай, а Китай формирует мир»¹¹, а «открытый Китай» может стать «стабилизирующим якорем» для мировой экономики¹².

В области экономики Китай, наравне с США, является бенефициаром экономической глобализации и хотел бы реформировать ее, сохраняя основные преимущества и расширяя ареал действия для своей экономической политики. Реальные действия Пекина доказывают, что КНР нацелена, в первую очередь, на утверждение своего авторитета в глобальном экономическом порядке, не разрушая его¹³. Например, доля Китая в общемировом объеме зарегистрированных патентов выросла с 34,6% в 2014 г. до 49,1% в 2024 г.¹⁴ Китай значительно превосходит остальные страны по общему количеству действующих патентных семейств, занимая 41% от общего числа, в то время как Япония — 27%, а США — всего 14%¹⁵. Среди Топ-2000 Форбс в 2025 г. китайские банки вошли в десятку крупнейших компаний, в том числе ICBC (АйСиБиСи Банк (АО) — международная торговля), Китайский строительный банк и Сельскохозяйственный банк Китая, а Банк Китая занял 12-ю позицию¹⁶.

Вполне логичными представляются цели руководства КНР на 15-ю пятилетку в части построения сильной финансовой державы на основе более со-

⁸ Что принесёт миру инициатива глобального управления, предложенная Си Цзиньпином? URL: <https://iwmes.hse.ru/news/1091881204.html> (дата обращения: 13.01.2026).

⁹ Там же.

¹⁰ 学术圆桌 | 以开放的确定性为世界经济提供“稳定锚” (Круглый стол академических кругов | Обеспечение «опорного звена» для мировой экономики посредством открытой определенности). URL: <https://www.shobserver.com/statics/res/html/web/newsDetail.html?id=1016238&sid=300> (дата обращения: 17.01.2026).

¹¹ Реформы и открытость сформировали новый образ крупной державы. Economic Daily. URL: https://www.qstheory.cn/2018-12/26/c_1123908402.htm (дата обращения: 01.02.2026); 改革开放塑造大国新形象 中央党校 (国家行政学院) 习近平新时代中国特色社会主义思想研究中心 来源: 经济日报. Economic Daily. URL: https://www.qstheory.cn/2018-12/26/c_1123908402.htm (дата обращения: 01.02.2026).

¹² 学术圆桌 | 以开放的确定性为世界经济提供“稳定锚” (Круглый стол академических кругов | Обеспечение «опорного звена» для мировой экономики посредством открытой определенности) URL: <https://www.shobserver.com/statics/res/html/web/newsDetail.html?id=1016238&sid=300> (дата обращения: 17.01.2026).

¹³ Neil Shearing. China is one of globalisation's winners. It won't throw that away for Russia. URL: <https://www.capitaleconomics.com/blog/china-is-one-of-globalisations-winners-it-wont-throw-that-away-for-russia> (дата обращения: 17.01.2026).

¹⁴ Patents highlights. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/world-intellectual-property-indicators-2025-highlights/en/patents-highlights.html> (дата обращения: 27.01.2026).

¹⁵ 2025 Global Trends & Insights. URL: <https://www.ifclclaims.com/rankings/2025-global-trends-insights/> (дата обращения: 18.1.2026).

¹⁶ Forbes Global 2000. URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000/> (дата обращения: 18.01.2026).

вершенной системы центрального банка, научно обоснованной денежно-кредитной политики (далее — ДКП), комплексной системы макропруденциального управления, бесперебойной работы механизмов реализации ДКП в реальной экономике. При этом приоритеты финансирования в Китае остаются прежними: наука и технологии, «зеленая», цифровая и инклюзивная экономика, деятельность пенсионных фондов¹⁷.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО-КИТАЙСКИ

Китай заинтересован в устойчивых поставках и стабильности сложившихся глобальных цепей. Однако нарративы, определяющие экономическую глобализацию западных транснациональных компаний (далее — ТНК) [8], в Китае оцениваются иначе, чем деятельность собственных многонациональных предприятий (МНП) за рубежом и в стране. При этом нельзя забывать, что Коммунистическая партия Китая (КПК) и председатель КНР играют в стране направляющую и определяющую роль в формировании этих нарративов, что не свойственно культуре и общественному пространству других социумов. Китай неоднократно подчеркивал свою решимость поддерживать глобализацию и выдвигал новые идеи, политику и инициативы для ее продвижения. «Китай выступает за равноправную и упорядоченную многополярность мира и всеобщее выгодную экономическую глобализацию, решительно противостоит антиглобализационным и антисекьюритизационным мерам, выступает против всех форм одностороннего подхода и протекционизма, твердо продвигает либерализацию и упрощение торговли и инвестиций, решает структурные проблемы, препятствующие здоровому развитию мировой экономики, и продвигает экономическую глобализацию в более открытом, инклюзивном, универсальном и сбалансированном направлении. Открытость, инклюзивность, сбалансированность

и выгода для всех являются важными идеями, когда речь идет о продвижении этого этапа глобализации» [9].

В этой связи Китай вводит понятие «китайская глобализация», суть которой сводится к глобальному поиску и глобальному просвещению человечества посредством альтернативного образа жизни, отказываясь от евроцентрической или англо-американоцентричной моделей. Симптоматично, что китайские идеологи, подчёркивая стойкость и преимущества китайского стиля жизни, идей, политики, инициатив, безусловно, осознают [9], что и у других стран (например, в Индии, Бразилии, США) есть свои традиции, культура, идеи и опыт, наконец, собственное видение глобализации и национальная политика её регулирования. Китайские мыслители предлагают признать это видение за данными странами, что позволяет сформировать глобализацию как инклюзивную и плюралистическую, обеспечивая динамику ее развития¹⁸. Страны же, не обладающие ни высокой численностью населения, ни поступательной динамикой развития ВВП, а тем более инновационно-технологическим потенциалом, по мнению китайских идеологов, должны вписываться по образу платформы «ОПОП» в систему интересов КНР, поскольку это несет благо народам этих стран и демонстрирует преимущества китайской социально-экономической модели перед другими. Предлагаемая китайская модель ГУ базируется на убежденности, что китайский образ жизни и народного хозяйствования — это единственно правильный подход [8] для будущего человечества единой судьбы¹⁹.

В китайском политическом дискурсе факт того, что экономическая глобализация, движимая китайскими МНП/ТНК, является неокOLONIALНЫМ нарративом²⁰ или формой эксплуатации экономик

¹⁷ Предложение Центрального комитета КПК по разработке 15-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития (Принято на четвертом пленарном заседании 20-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая 23 октября 2025 года. URL: <https://www.12371.cn/2025/10/28/ARTI1761640401107119.shtml> (дата обращения: 18.01.2026); 中共中央关于制定国民经济和社会发展第十五个五年规划的建议 (2025年10月23日中国共产党第二十届中央委员会第四次全体会议通过) 2025–10–28. URL: <https://www.12371.cn/2025/10/28/ARTI1761640401107119.shtml> (дата обращения: 18.01.2026).

¹⁸ Nicholas Eberstadt. With Great Demographics Comes Great Power. 17 June 2019. URL: <https://globalcoalitiononaging.com/2019/06/17/with-great-demographics-comes-great-power/> (дата обращения: 03.02.2026).

¹⁹ 从中国式现代化理论领悟为什么中国一定能成功 (Понимание причин, по которым Китаю суждено преуспеть, через призму теории модернизации в китайском стиле). 30.03.2026. URL: <https://www.locpg.gov.cn/20260330/f20329d816a94b37b4539b133a03220c/c.html>. (дата обращения: 01.04.2026).

²⁰ Собкова Е. Путин раскритиковал вульгарную глобализацию и культурную экспансию Запада. 17.11. 2023. URL: <https://readovka.news/news/170830/#:-:text>; Путин назвал западную модель глобализации неокOLONIALНОЙ. URL: <https://ria.ru/20221027/globalizatsiya-1827290657.html>. (дата обращения: 18.01.2026).

стран Глобального Юга, даже не рассматривается. Китайской трактовке свойственно утверждение: «то, что хорошо для Китая, хорошо и для всего мира — это поистине беспроигрышный сценарий. Развитие Китая — это возможность для всего мира... Китай не только является двигателем глобального роста, но и его опыт может послужить моделью для других стран, стремящихся следовать траектории развития Китая» [10].

Однако взаимозависимость, продвигаемая КНР, одновременно может быть источником не только экономических выгод, но и уязвимости. Чрезмерная зависимость от внешнего рынка (ресурсная, информационная или сбытовая) при усилении роли корпоративного сектора обуславливает более жесткие комплексные регуляторные меры выравнивания диспропорций и деятельности, собственно, корпораций, так как только внутреннее регулирование со стороны государства может обеспечить справедливое распределение преимуществ глобализации в масштабах всего социума.

Китай нацелен сохранить свою собственную модель развития, продвигая экономическую глобализацию и выводя свои компании за пределы страны, но в современных условиях, в связи с ростом геополитической напряженности, компании КНР пытаются сбалансировать свои экономические интересы с помощью сохранения определенных рынков и диверсификации других, опасаясь возможного ухода с них [10].

В условиях повышенной неопределенности в 2025 г. Китай поставил диалог на первое место, позиционируя себя в качестве стабилизирующего якоря для всего мира. «Партнерство с Китаем означает использование открывающихся возможностей, а вера в Китай означает оптимизм в отношении завтрашнего дня, инвестиции в Китай — это инвестиции в будущее»²¹.

В рамках «Инициативы глобального управления» Китаем сформулированы пять базовых принципов: соблюдение суверенного равенства; приверженность международному праву; подлинный многосторонний подход; ориентация на человека; акцент на практическую реализуемость. Они полностью соответствуют принципам полицентризма, реализуемым Россией на внешнеполитическом контуре: «Россия всегда будет

проводить взвешенный курс и привержена многополярному миру»²².

В логике КНР эти принципы позволяют сформировать устойчивую базу поступательного развития в условиях глубоких изменений и региональных потрясений на пути устойчивого экономического развития, когда деградируют правовое поле и верховенство закона²³.

Глобальная инициатива по мировому управлению отражает традиции китайской дипломатии, обозначая по факту прорыв в теориях традиционных международных отношений, который Китай представляет в виде глобального общественного блага, созданного Китаем²⁴. Основываясь на этом, Китай предлагает свое видение реформы системы ООН, обосновывая тем, что глобальное управление будет более справедливым, равноправным и представительным для стран Глобального Юга, а центральная роль КНР как архитектора и модератора в организации обусловит отказ от практики «двойных стандартов» в оценке как Устава ООН, так и внешнеполитической стратегии стран в регионах мира²⁵.

Продвижение идеологии глобального управления как инструмента, позволяющего устранить последствия кризиса глобализации²⁶, обосновывается необходимостью отказа от протекционизма и введения односторонних санкций, не одобренных СБ ООН, восстановления мировой торговли и ликвидации «сворачивания» эффектов глобализации, уходящей на региональный уровень.

²² Церемония вручения верительных грамот. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/79011> (дата обращения: 19.01.2026).

²³ Инициатива глобального управления своевременна, указывает направление и демонстрирует ответственность. 2025–09–01 //МИД КНР URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202509/t20250903_11701686.html; Implementing the Global Governance Initiative for a Community with a Shared Future for Humanity. Updated: October 27, 2025 URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/202510/t20251027_11741537.html (дата обращения: 13.01.2026).

²⁴ Implementing the Global Governance Initiative for a Community with a Shared Future for Humanity. Updated: October 27, 2025 URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/202510/t20251027_11741537.html (дата обращения: 13.01.2026).

²⁵ The elevated significance of the global governance initiative. CGTN | 2026–01–08. URL: https://en.chinadiplomacy.org.cn/2026-01/08/content_118269201.shtml (дата обращения: 29.01.2026).

²⁶ Инициатива глобального управления своевременна, указывает направление и демонстрирует ответственность. 2025–09–01 //МИД КНР URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202509/t20250903_11701686.html (дата обращения: 13.01.2026).

²¹ Wang Qi .2025 Yearend: China as a visionary power in a turbulent world. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202512/1351170.shtml> (дата обращения: 15.01.2026).

При этом и китайская сторона, и американские политики признают, что сложившаяся после Второй мировой войны модель регулирования мирового сообщества, базирующаяся на международном праве и Уставе ООН, стала фактически не работоспособной и чрезвычайно забюрократизированной. Но китайское руководство пытается переориентировать существующую международную систему и нормы таким образом, чтобы они лучше соответствовали его собственной философии управления и интересам, предлагая альтернативное видение мировому порядку, возглавляемому Западом, и «завоеывая для КНР все большее доверие мира»²⁷.

Однако на пути реализации китайской модели существует немало не столько внешних, сколько внутренних препятствий. Нельзя забывать, что руководящая роль в КНР принадлежит Коммунистической партии Китая, насчитывающей около 100 млн человек. Теория КПК официально считается руководящей идеей китайского общества. Модернизация по-китайски — это путь к созданию могущественной страны и возрождению нации. Китайское руководство ориентировано на использование теоретического оружия, чтобы способствовать единству и росту партийного аппарата, так как только сильная теория даёт чёткое направление, единодушие и уверенность в себе, показывая человечеству новый путь к модернизации и создавая новую форму человеческой цивилизации. Основная масса китайского общества убеждена: «история выбрала КПК, а народ избрал КПК, и без компартии не было бы Нового Китая. Роль компартии направлена на воспитание масс, и интересы партии — это не интересы отдельных членов партии и не сумма всех индивидуальных интересов, это коллективно выработанная позиция, озвученная руководством Китая, лидером партии и страны»²⁸. Китай использует социалистическую идеологию с китайской спецификой, чтобы «по-настоящему овладеть навыками марксизма, обеспечить политическое единство и слаженность действий, сохраняя при этом высокий уровень единомыслия» внутри пар-

тии²⁹. Наглядным примером является отставка г-на Чжана в НОАК в 2026 г., которая в официальном сообщении (газета «Цзефанцзюнь жибао») была охарактеризована как отстранение за разжигание «политических и коррупционных проблем, которые угрожают абсолютному партийному руководству вооружёнными силами и подрывают основы партийного управления»³⁰. Таким образом, партийный контроль над вооружёнными силами — это не просто оперативный, а экзистенциальный вопрос политической системы КНР.

Вышеприведенный пример свидетельствует о том, что в современных условиях все сферы жизнедеятельности в КНР являются регулируемыми и контролируемыми партией. И то, что в порядке единоначалия может быть принято в Китае и предложено на международных площадках, не может быть в той же степени беспрепятственно принято и реализовано в других странах, приводя в конечном итоге к появлению двойных стандартов.

Многосторонний подход — важнейший элемент эффективного глобального управления, отвергающий односторонние санкции и протекционизм, предлагающий принятие решений посредством широких консультаций, совместного вклада и общей выгоды³¹. Полагаем, что многосторонность не только не противоречит многополярности, но и является неотъемлемой частью формирования полицентричной мировой конфигурации³². Суверенное равенство выступает краеугольным принципом глобального управления, где все государства, обладающие полноценным суверенитетом, должны

²⁷ Wang Qi .2025 Yearender: China as a visionary power in a turbulent world. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202512/1351170.shtml> (дата обращения: 15.01.2026).

²⁸ 学术圆桌 | 以开放的确定性为世界经济提供“稳定锚” (Круглый стол академических кругов | Обеспечение «опорного звена» для мировой экономики посредством открытой определенности). URL: <https://www.shobserver.com/staicsg/res/html/web/newsDetail.html?id=1016238&sid=300> (дата обращения: 17.01.2026).

²⁹ China creating new form of human civilization, Xi Jinping says. URL: <https://tass.com/world/1753293#:~:text=China%20creating%20new%20form%20of%20human%20civilization%2C%20Xi%20Jinping%20says> (дата обращения: 29.01.2026).

³⁰ Jonathan A. Czin and John Culver. Xi the Destroyer. The Latest Military Purge Signals China's Leader Is Entering a New Era. February 2, 2026. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/xi-destroy-er?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Xi%20the%20Destroyer&utm_content=20260202&utm_term=N (дата обращения: 3.2.2026).

³¹ Haris Bilal Malik. GLOBAL GOVERNANCE INITIATIVE (GGI): STRENGTHENING THE GLOBAL GOVERNANCE. URL: https://issi.org.pk/wp-content/uploads/2025/10/IB_Haris_Oct_21_2025.pdf (дата обращения: 13.01.2026).

³² Реформы и открытость сформировали новый образ крупной державы. Economic Daily. URL: https://www.qstheory.cn/2018-12/26/c_1123908402.htm (дата обращения: 01.02.2026); 改革开放塑造大国新形象 中央党校 (国家行政学院) 习近平新时代中国特色社会主义思想研究中心 来源: 经济日报. Economic Daily. URL: https://www.qstheory.cn/2018-12/26/c_1123908402.htm (дата обращения: 01.02.2026).

участвовать в глобальном управлении на равных правах и в равной степени пользоваться его результатами [11].

Видение китайскими идеологами продвижения принципа демократизации международных отношений и усиления роли развивающихся стран в ООН как центра международной системы базируется на китайской концепции «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного пользования» (共商共建共享), где коллективное участие государств в принятии решений гарантирует глобальную устойчивость и открытость, мотивируя тем, что развитие и модернизация должны быть доступны всем странам, а процветание невозможно, если бедные становятся ещё беднее. В риторике Китая идея о том, что «модернизация — не привилегия отдельных государств», призвана в теории укрепить привлекательность китайских концепций и модели мироустройства в странах Глобального Юга. Однако реалии далеки от пожеланий: китайский бизнес в странах — реципиентах средств, в частности, инициативы ОПОП, довольно жесткий: «Деятельность Китая в развивающихся странах основана на национальных интересах, а не на дружбе и солидарности. Следовательно, стремление к получению природных ресурсов в значительной степени подтолкнуло Китай к реализации своих интересов в развивающихся регионах для поддержания своей экономики»³³. Де-факто, в рамках добычи природных ресурсов, со стороны МНП КНР идет самая настоящая эксплуатация бедных стран, так как работа МНП осуществляется на тех же принципах, применяемых другими ТНК³⁴. Китайские компании также нарушают права трудящихся, создавая рынок для своей дешевой продукции. При этом КНР стремится на основе продвижения своего бизнеса и демонстрации идей превосходства китайской системы экономики над рыночным хозяйством Запада сформировать и поддержать в этих странах соответствующую политику в отношении региональных и глобаль-

ных вопросов, особенно в вопросах суверенитета, глобальной политической интеграции, принципов негосударственного вмешательства и политической гегемонии США³⁵.

Китайский подход увязывает инфраструктурные и иные проекты развития в рамках инициативы «Один пояс — один путь» с глобальным управлением³⁶. Инициатива глобального управления, по мнению китайских аналитиков, базируется на том, что крупные державы должны играть ведущую роль в отстаивании и защите международного права. Им необходимы два основных элемента — доверие и правила, поскольку только крупные державы обладают способностью либо их укреплять, либо разрушать. Поэтому они должны проявлять добросовестность и сдержанность, а также подавать пример в соблюдении правил³⁷.

На фоне растущего применения двойных стандартов в рамках ООН и гегемонии западных стран многосторонность представляет собой важнейший противовес запугиванию и закону джунглей. Механизм принятия решений на основе консенсуса в современной ООН базируется на том, что нет реального лидерства, и Китай, став ключевым игроком и движущей силой в переходе к многополярному миру, предлагает себя на эту роль³⁸. КНР подчеркивает, что процесс глобального поиска и глобального просвещения человечества обусловливает отказ от евроцентрической или англо-американоцентричной моделей, приняв приоритет китайского пути за основу. Китайские идеи, политика, инициативы и практики, естественно, будут отражать китайский стиль, но модели Индии или Бразилии могут сохранять свою идентичность [9].

Ряд экспертов КНР высказывают идею, что Китай будет «доброжелательным гегемоном», который не переймет гегемонистский подход США, поскольку в Китае играют существенную роль культурные традиции, базирующиеся на инклюзив-

³³ Там же.

³⁶ Реформы и открытость сформировали новый образ крупной державы. *Economic Daily*. URL: https://www.qstheory.cn/2018-12/26/c_1123908402.htm (дата обращения: 01.02.2026); 改革开放塑造大国新形象 中央党校 (国家行政学院) 习近平新时代中国特色社会主义思想研究中心 来源: 经济日报. *Economic Daily*. URL: https://www.qstheory.cn/2018-12/26/c_1123908402.htm (дата обращения: 01.02.2026).

³⁷ Gu Bin. The Global Governance Initiative and New Multilateralism. Oct 09, 2025. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/the-global-governance-initiative-and-new-multilateralism> (дата обращения: 13.01.2026).

³⁸ Там же.

³³ Neil Shearing. China is one of globalisation's winners. It won't throw that away for Russia. URL: <https://www.capitaleconomics.com/blog/china-is-one-of-globalisations-winners-it-wont-throw-that-away-for-russia> (дата обращения: 17.01.2026).

³⁴ Patents highlights. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/world-intellectual-property-indicators-2025-highlights/en/patents-highlights.html>. 2025 Global Trends & Insights. URL: <https://www.ificlaims.com/rankings/2025-global-trends-insights/> (дата обращения: 18.01.2026).

ности и гуманизме, что контрастирует с миссионерской культурой Запада и является отличием от авторитарных государств³⁹.

По словам проф. Чжун Фэйтэн, «в мире, где растет «пан-безопасность» и распространено поведение, основанное на игре с отрицательной суммой, странам Глобального Юга необходимо пересмотреть свои стратегические решения, а именно: переосмыслить роль «средней страны» (т.е. КНР) в структуре «центр — периферия», перестроить систему знаний и путь развития в направлении модернизации, перестроить модель «сотрудничества Юг — Юг» и перестроить каждое звено глобальной цепочки создания стоимости, чтобы получить больше пространства для развития в международной системе» [12]. Китай определяет исторически свое место как мост между Востоком и Западом, как связующее звено между крупными державами и странами Глобального Юга [12].

Безусловно, ООН и система международных организаций, сформированная после Второй мировой войны, устарела и нуждается в реформировании, но радикальный слом системы — это путь к хаосу, а предложение создать ряд новых платформ и организаций — это бюрократизация при отсутствии эффективности и реального результата. В этой связи необходимо поддерживать status quo ООН и СБ при безусловности сохранения права вето у постоянных членов, обладающих полноценным суверенитетом и способных его отстаивать, изучая при этом идеи наших партнеров и их предложения.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы:

- Управление / регулирование мировой экономики и международного сообщества в целом важны на любом этапе развития. Но в современных условиях инициатива КНР по глобальному управлению преследует цель сохранить трансконтинентальную экономическую глобализацию, заменив глобального лидера в лице США на Китай, так как ментальность и культура США не позволяют Аме-

рике стать доброжелательным гегемоном. Одновременно Китаем предлагается начать процесс формирования новых площадок и платформ для реализации инициативы, опираясь на разработанные форматы в рамках инициативы ОПОП и сохраняя национальную идентичность крупных держав в мировом сообществе.

- Предлагаемый китайской стороной путь эволюционирования регулирования международных отношений, включая экономику, — это единственная концепция, которая предложена мировому сообществу для анализа. Это предложение достаточно забюрократизировано, отражает китайскую практику коллегиального обсуждения на разноуровневых совещаниях институтов и органов власти, предполагая, что это обеспечит плюрализм и инклюзивность принимаемых решений. При этом Китай игнорирует тот факт, что коллегиальность в КНР обеспечивается руководящей и направляющей ролью КПК, также как и результативность и единоначалие. И если в остальных странах мира эффективность принятия решений во многом определяется межпартийными дискуссиями, межфракционным формированием коалиций в правительствах, то устойчивость и открытость китайской социально-экономической модели не является положительным примером для её продвижения в мировом сообществе или создания платформ для переформатирования социально-экономических моделей стран мира.

- Китай позиционирует себя в качестве потенциального лидера мирового сообщества и «архитектора», который явится спасательным якорем в экономическом развитии в условиях турбулентности. По убеждению китайских идеологов, формационная устойчивость КНР и культурно-ментальная толерантность общества обеспечат последователей в мировом сообществе, что будет способствовать совместному планированию и регулированию мировых процессов. Китай полагает, что в условиях его лидерства «двойные стандарты» де-факто будут упразднены.

- В китайском представлении только страны, обладающие экономическим, кадровым и инновационным потенциалом, включая темпы экономического развития, могут сохранить свою специфику и идентичность в мировом сообществе (Бразилия, Индия, США и др.), все остальные развивающиеся страны будут встроены в систему ценностных ориентиров Китая, поскольку то, что хорошо социуму Китая, хорошо всем развивающимся странам.

³⁹ 为什么中国似乎不像俄罗斯和沙特阿拉伯那样·做出如此明目张胆的暗杀或大规模谋杀？(Почему Китай, похоже, не совершает таких вопиющих убийств или массовых расправ, как Россия и Саудовская Аравия?) URL: https://www.reddit.com/r/geopolitics/comments/1asqtp5/why_china_doesnt_seem_to_commit_the_same_blatant/?tl=zh-hans (дата обращения: 22.01.2026).

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации на 2026 г. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2026. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сухарев О.С. Трансформация институтов в современной экономике. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(4):6-16. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-4-6-16
2. Сухарев О.С. Адаптация мировой экономики к процессу ее деглобализации. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):6-18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-6-18
3. Сергеева Н.В. Россия и БРИКС в новых геополитических реалиях. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):119-131. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-119-131
4. Schulz D., Coenen J., Lima M.B., Berning L., et al. Not an easy ride: Economic research priorities for pro-environmental trade regulation. *Forest Policy and Economics*. 2026;182. DOI: 10.1016/j.forpol.2025.103682
5. Abdulrahman S.A. Global Catastrophic Risks 2026. Rockström J., Denton F., Obura D., Milkoreit M., et al., eds. *Natural Built Social Environment Health*. 2026;2(1):99-103 DOI: 10.63095/NBSEH.26.864066
6. Сухарев О.С. Государство в экономической науке: полярность взглядов и современная повестка. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):6-19. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-6-19
7. Чернов В.А. Роль государственного регулирования в достижении экономического роста и укреплении производственного суверенитета. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):32-50. DOI:10.26794/1999-849X-2025-18-5-32-50
8. Сазанова С.Л., Карманов Н.Н. Транснациональные компании и институты глобального управления в экономике метамодерна. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):90-97. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-90-97
9. Sun Jisheng. The challenges facing globalization (and the Chinese way to promote it). Horizons Summer 2024; 27. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-summer-2024-issue-no-27/the-challenges-facing-globalization-and-the-chinese-way-to-promote-it> (дата обращения: 17.01.2026).
10. Чжу Юй. Единственный верный путь к построению сильной нации и достижению национального возрождения. 2025. *Qiushi Magazine*. 朱豫. 强国建设、民族复兴的唯一正确道路. *Qiushi Magazine*. URL: <https://goo.su/wXNRTp> (дата обращения: 01.04.2026). (In Chin.).
11. Перская В.В. Эскиндаров М.А. Полицентризм. Москва: Издательство ООО «Курс»; 2023. 281 с. (Серия Наука).
12. Zhong Feiteng. The emergence of a “Pan-Security” world and the strategic choice of the Global South. *Foreign Affairs Review*. 2025;2. 外交评论 2025年第2期“泛安全化”世界的生成与“全球南方”的战略选择钟飞腾. DOI: 10.13569/j.cnki.far.2025.02.092

REFERENCES

1. Sukharev O.S. Transformation of institutions in the modern economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(4):6-16. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-4-6-16
2. Sukharev O.S. Adaptation of the global economy to the process of its deglobalization. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):6-18. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-6-18
3. Sergeeva N.V. Russia and the BRICS in the new geopolitical realities. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):119-131. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-119-131
4. Schulz D., Coenen J., Lima M.B., Berning L., et al. Not an easy ride: Economic research priorities for pro-environmental trade regulation. *Forest Policy and Economics*. 2026;182. DOI: 10.1016/j.forpol.2025.103682

5. Abdulrahman S.A. Global Catastrophic Risks 2026. Rockström J., Denton F., Obura D., Milkoreit M., et al., eds. *Natural Built Social Environment Health*. 2026;2(1):99-103. DOI: 10.63095/NBSEH.26.864066
6. Sukharev O.S. The state in economics: The polarity of views and the modern agenda. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-6-19
7. Chernov V.A. The role of government regulation in achieving economic growth and strengthening industrial sovereignty. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):32-50. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-32-50
8. Sazanova S.L., Karmanov N.N. Multinational companies and global governance institutions in the metamodern economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):90-97. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-90-97
9. Sun Jisheng. The challenges facing globalization (and the Chinese way to promote it). Horizons Summer 2024; 27. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-summer-2024-issue-no-27/the-challenges-facing-globalization-and-the-chinese-way-to-promote-it> (accessed on 17.01.2026).
10. Zhu Yu. The only true path to building a strong nation and achieving national rejuvenation. 2025. *Qiushi Magazine*. 朱豫. 强国建设、民族复兴的唯一正确道路. *Qiushi Magazine*. URL: <https://goo.su/wXNRTP> (accessed on 01.04.2026). (In Chin.).
11. Perskaya V.V., Eskindarov M.A. Polycentrism. Moscow: Kurs Publishing House; 2023. 281 p. (Science Series). (In Russ.).
12. Zhong Feiteng. The Emergence of a “Pan-Security” world and the strategic choice of the Global South. *Foreign Affairs Review*. 2025;2. 外交评论2025年第2期“泛安全化”世界的生成与“全球南方”的战略选择钟飞腾. (In Chin.). DOI: 10.13569/j.cnki.far.2025.02.092

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Виктория Вадимовна Перская — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист России, директор института исследований МЭО, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Victoria V. Perskaya — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Honored Economist of Russia, Director, Institute for International Economic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1988-4374>

vperskaya@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.01.2026; принята к публикации 27.05.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.01.2026; accepted for publication 27.05.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-127-136
УДК 338.23(045)
JEL F64, O14, O44

Экологическая ответственность промышленности в Японии: правовые и технологические аспекты

Л.С. Ревенко^а, Н.С. Ревенко^б

^а МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация;

^б Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — политика Японии в сфере стимулирования национальной промышленности к соблюдению экологических норм и правил. **Цель** работы — выявить подходы правительства Японии к декарбонизации промышленного производства и основные направления работы в отдельных отраслях промышленности для снижения выбросов парниковых газов. **Актуальность** обусловлена вниманием, уделяемым во всех странах мира, к реализации Парижского соглашения по климату. **Методология** исследования включает использование общенаучных методов, в том числе анализ нормативной базы, статистических данных и экспертных оценок, классификацию, систематизацию и структурирование объектов. Авторами классифицирован и прокомментирован перечень японских законов и подзаконных актов, стимулирующих промышленность к внедрению низкоуглеродных технологий. Установлено, что основным нормативным актом в данной сфере является Закон Японии о продвижении зеленой трансформации (GX) 2023 г., поставивший цель достижения к 2050 г. углеродной нейтральности при одновременном обеспечении экономического роста. Документом предусмотрена реализация следующих ключевых мер: снижение зависимости от ископаемого топлива, использование системы торговли квотами на выбросы, введение надбавки к ископаемому топливу, инвестиции в возобновляемые источники энергии, водород и технологии улавливания и хранения углерода. Выявлены основные направления работы по повышению экологической ответственности и достижению углеродной нейтральности в отдельных отраслях японской промышленности. По **результатам** исследования сделан **вывод** о том, что меры, принимаемые правительством Японии и отдельными компаниями по декарбонизации производства, дают определенный эффект, о чем, в частности, свидетельствует сокращение выбросов предприятиями углекислого и других парниковых газов.

Ключевые слова: декарбонизация; выбросы парниковых газов; углеродная нейтральность; ископаемое топливо; улавливание и хранение углерода; принцип S+3E; торговля квотами на выбросы; возобновляемые источники энергии; углеродный сбор; GX 2040 Vision

Для цитирования: Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Экологическая ответственность промышленности в Японии: правовые и технологические аспекты. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):127-136. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-127-136

ORIGINAL PAPER

Japan's Industrial Eco-Accountability: Legal and Technological Dimensions

L.S. Revenko^а, N.S. Revenko^б

^а MGIMO University, Moscow, Russian Federation;

^б Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This study's **subject** focuses on Japan's strategy for getting its industries to meet environmental regulations. This research aims to pinpoint the Japanese government's strategies for decarbonizing industrial manufacturing and highlights key initiatives within specific sectors to lower greenhouse gas output. The paper's relevance is because of the attention paid in all countries of the world implementing the Paris Climate Agreement. General scientific **methodology** forms the basis of this research, involving a review of the regulatory landscape, statistical analysis, expert evaluations, and the categorization, systematization, and arrangement of relevant elements. The authors categorized and discussed a compilation of Japanese laws and regulations aimed at motivating industry adoption of low-carbon technologies. The

© Ревенко Л.С., Ревенко Н.С., 2026

key statutory act in this area is the Green Transition Japan's GX Promotion Act of 2023, which sets the goal of achieving carbon neutrality by 2050 while simultaneously ensuring economic growth. Major measures being taken include reducing dependence on fossil fuels, using emissions trading systems, introducing a fossil fuel surcharge, investing in renewable energy, hydrogen, and carbon capture and storage technologies. The authors outline key strategies for enhancing environmental stewardship and reaching carbon neutrality within specific Japanese industrial sectors. The study **concludes** that the Japanese government and corporate decarbonization efforts are yielding some results, with businesses showing reduced greenhouse gas emissions.

Keywords: decarbonization; greenhouse gas emissions; carbon neutrality; fossil fuel; carbon capture and storage; S+3E principle; emission trading; renewable energy; carbon tax; GX 2040 Vision

For citation: Revenko L.S., Revenko N.S. Japan's industrial eco-accountability: Legal and technological dimensions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):127-136. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-127-136

ВВЕДЕНИЕ

Экологическая проблематика в наборе ограничительных аспектов промышленного развития и индустриальной политики не нова. Однако основные ее современные направления в практическом контексте рассматриваются в русле Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., принятой ООН в 2015 г. Комплексный и неделимый характер Повестки означает необходимость обеспечения сбалансированности трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. В практическом плане это означает, что промышленная политика государств должна быть направлена не только на рост производственного и технологического потенциалов, но и на сокращение использования не возобновляемых источников энергии, являющихся главным источником выбросов вредных веществ [1, с. 26].

В контексте представлений о допустимом балансе между интенсивностью промышленного развития и защитой окружающей среды в Японии сложился свой набор нормативно-правовых актов достижения такого баланса. В его основе лежит уровень промышленного развития, отраслевая структура и отношение общества к данной проблематике, что в совокупности отражается в определении уровня экологической ответственности, которая превратилась в одну из составляющих социальной ответственности бизнеса, а также механизмов и инструментов её обеспечения. Хозяйствующие субъекты в современных условиях не могут достичь искомого уровня конкурентоспособности, игнорируя экологические компоненты своей производственной деятельности.

Характерной чертой для всех государств, включая Японию, является акцент на декарбонизацию отечественной индустрии, под которой понимается процесс снижения выбросов диоксида углерода (CO₂) и других парниковых газов, связанных с промышленным производством.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЯПОНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Япония — одна из наиболее экономически развитых стран. По величине ВВП, который в 2024 г. составил 4,03 трлн долл.,¹ она является четвертой экономикой мира после США, Китая и Германии. На долю промышленности в 2023 г. приходилось 28,60% ВВП, в том числе на производственный сектор — 20,58%². Этот результат был достигнут во многом благодаря существенным инвестициям в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, объем которых постоянно рос, увеличившись с 2,86% ВВП в 2000 г. до 3,44% в 2023 г.³

По объему продаж продукции промпроизводства ведущие позиции в 2023 г. занимали транспортное машиностроение (607,3 млрд долл.), пищевая промышленность (322,1 млрд долл.), химическая промышленность (306,0 млрд долл.), электронная и IT отрасли (219,4 млрд долл.), электротехническая промышленность (204,0 млрд долл.), секторы производства промышленного оборудования (183,9 млрд долл.) и готовых металлических изделий (139,6 млрд долл.), черная металлургия (137,1 млрд долл.)⁴.

Вместе с тем, обладая развитой индустрией, Япония в 2024 г. занимала седьмую после Китая, США, Индии, России, Индонезии и Бразилии по-

¹ GDP (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 02.04.2026).

² Industry (including construction), value added (% of GDP) URL: <https://databank.worldbank.org/gdp-composition/id/fced70c>. (дата обращения: 03.04.2026).

³ Research and development expenditure (% of GDP) — Japan. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?locations=JP> (дата обращения: 08.04.2026).

⁴ Digitalization and Decarbonization Will Be the Driving Trends of Japan's Manufacturing Industry. URL: https://www.jetro.go.jp/en/invest/attractive_sectors/manufacturing/overview.html (дата обращения: 08.04.2026).

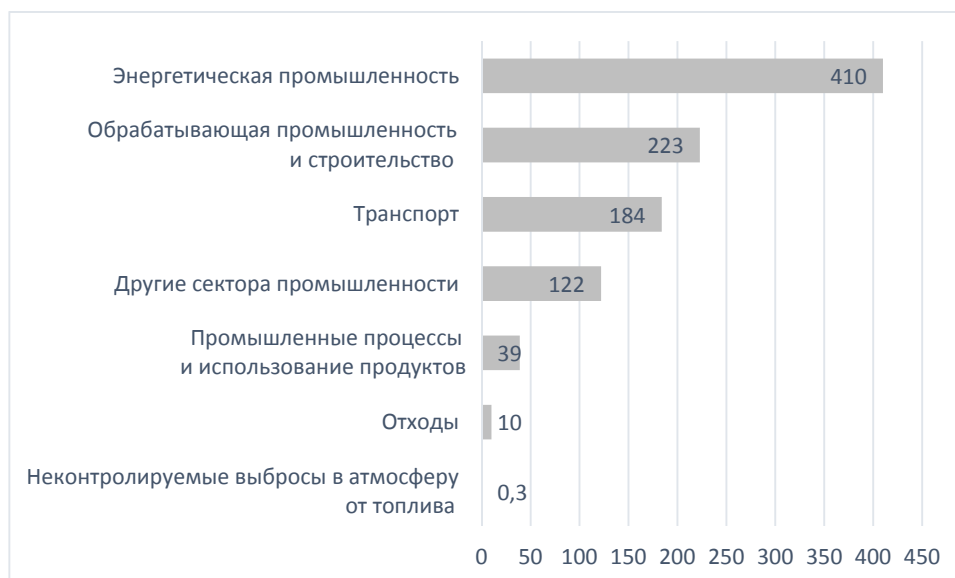

Рис. / Fig. **Выбросы углекислого газа промышленностью Японии в 2023 г., млн т / CO₂ emissions in industry sectors of Japan in 2023, M tons**

Источник / Source: National Greenhouse Gas Inventory Document of Japan 2025. Tokyo: Ministry of Environment, 2025:2–4. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/NID-JPN-2025-v3.0.pdf>

зицию в списке стран — загрязнителей атмосферы: 2,0% мировых выбросов парниковых газов. И это при том, что целенаправленная линия правительства Японии на декарбонизацию позволила снизить их объем с 1990 по 2024 г. на 17,9%⁵.

Из общего объема выбросов парниковых газов в Японии в 2023 г. на долю углекислого газа (CO₂) приходилось 91,4%, метана — 4,8%, фторированных газов — 2,2%, оксида азота — 1,6% [2, с. 167]. Наибольший объем выбросов CO₂ дали энергетическая и обрабатывающая промышленность и транспорт (см. рисунок). 95,0% выбросов CO₂ стали результатом сжигания топлива, 3,9% — промышленных процессов и использования продукции, 1,0% дал сектор отходов⁶.

Следует отметить, что выбросы CO₂ от сжигания топлива энергетическими компаниями увеличились по сравнению с 1990 г. на 11,3% вследствие их роста от использования для производства электроэнергии угля и газа, а обрабатывающими предприятиями и строительным сектором снизились на 36,1% в результате снижения выбросов от использования твердого топлива в металлургии.

Снижение этого показателя транспортом на 9,2% объясняется прежде всего увеличением количества автомобилей с дизельными двигателями.

В обрабатывающей промышленности и строительстве наибольший объем выбросов CO₂ дают черная металлургия и химическая промышленность (см. таблицу).

НОРМАТИВНАЯ БАЗА ЯПОНИИ ПО ДЕКАРБОНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Формирование экологической политики Японии началось в 90-е гг. XX в. принятием в 1993 г. Основного закона об охране окружающей среды⁷, заменившего Основной закон о контроле за загрязнением окружающей среды 1967 г. Новый документ содержит основные принципы и инструменты экологической политики, определяет обязанности каждого участника общества.

Одним из первых нормативных актов, поставивших задачу борьбы с выбросами парниковых газов, стал принятый правительством в 2014 г. обновленный стратегический энергетический план⁸,

⁵ Emissions by Country. URL: https://edgar.jrc.ec.europa.eu/report_2025#emissions_table (дата обращения: 07.04.2026).

⁶ National Greenhouse Gas Inventory Document of Japan 2025. Tokyo: Ministry of Environment; 2025:2–4. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/NID-JPN-2025-v3.0.pdf> (дата обращения: 10.04.2026).

⁷ The Basic Environment Law. 13.11.1993. URL: <https://www.env.go.jp/en/laws/policy/basic/index.html> (дата обращения: 12.04.2026).

⁸ Strategic Energy Plan. April 2014. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/4th_strategic_energy_plan.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

в основе которого — принцип S+3E⁹. Этим документом предусматриваются существенные изменения в структуре производства электроэнергии за счёт перезапуска существующих атомных электростанций и строительства новых. Поставлена задача диверсифицировать источники энергии путем повышения энергоэффективности систем и развития возобновляемой энергетики, а также провести оценку общих и отраслевых затрат. Кроме того, Законом установлены требования к общему объему выбросов парниковых газов и их интенсивности при производстве электроэнергии¹⁰.

Выполняя обязательства, взятые Японией в рамках Парижского соглашения по климату, правительство страны объявило в октябре 2020 г. о намерении достичь к 2050 г. углеродной нейтральности. В 2021 г. была принята Стратегия «зеленого» роста¹¹, в которой определены 14 перспективных направлений, реализация которых имеет решающее значение для достижения цели по сокращению выбросов парниковых газов¹². Для каждого из них были разработаны конкретные планы действий, призванные продемонстрировать реалистичные пути достижения поставленных целей, намечен комплекс мер государственной политики — от бюджетных и налоговых инструментов до реформирования нормативно-правовой базы.

Ключевым нормативным актом современной политики декарбонизации промышленности Японии является Закон о продвижении зеленой транс-

формации (GX) 2023 г.,¹³ сформировавший правовую основу перехода экономики и промышленности к низкоуглеродной модели и давший старт системному процессу стимулирования инвестиций и углеродного ценообразования. Этим документом поставлена цель достижения к 2050 г. углеродной нейтральности при одновременном обеспечении экономического роста посредством перехода от угля к возобновляемым источникам энергии, атомной энергетике и новым видам топлива (водород и аммиак). Одновременно была утверждена дорожная карта действий сроком на 10 лет¹⁴.

Основные направления работы включают проведение модернизации производства для снижения зависимости от ископаемого топлива и укрепления роли Японии как экспортера экологически чистых технологий, использование системы торговли квотами на выбросы (GX-ETS), введение надбавки к ископаемому топливу и значительные инвестиции в возобновляемые источники энергии, водород, технологии улавливания и хранения углерода с использованием GX-облигаций (GX Transition Bonds).

В том же году была опубликована Стратегия содействия переходу к безуглеродной хозяйственной структуре, ориентированной на экономический рост¹⁵, в которой подтверждены основные подходы в рамках инициативы GX, базирующиеся на фундаментальном принципе обеспечения стабильного энергоснабжения и энергетической самодостаточности, включая использование возобновляемых источников энергии и атомной энергетики. Кроме того, уделено внимание реализации Концепции ценообразования на углерод, центральный элемент которой — углеродное ценообразование, стимулирующее экономический рост (*Pro-Growth Carbon Pricing*), сочетающее регулирование и инвестиционные стимулы.

⁹ Safety (надежность), Energy Security (энергобезопасность), Economic Efficiency (экономическая эффективность) и Environment (окружающая среда).

¹⁰ Japan's "3E+S" Energy Policy Objectives. URL: <https://www.en-2050-low-carbon-navi.jp/assets/onepage/3epluss.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).

¹¹ Overview of Japan's Green Growth Strategy Through Achieving Carbon Neutrality in 2050. March 2021. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100153688.pdf> (дата обращения: 18.04.2026).

¹² Ветровая, солнечная и геотермальная энергетика; водород, аммиак; тепловая энергия нового поколения; ядерная энергетика; электромобили, аккумуляторы нового поколения; продовольствие, сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство; энергосберегающие полупроводники, информационно-коммуникационные технологии; суда на топливных элементах, с электродвигателем и на газовом топливе; логистика, людские потоки и гражданская инженерная инфраструктура; самолеты с гибридными электрическими и водородными двигателями; переработка углеродов, бетон, биотопливо, пластмассы; системы управления энергопотреблением нового поколения в жилых помещениях и зданиях; циркуляция ресурсов (биоматериалы, вторичные материалы, выработка электроэнергии из отходов); индустрия, связанная с образом жизни.

¹³ GX Promotion Act (Act Concerning the Promotion of a Smooth Transition to a Decarbonized Economic Structure) (Law No. 32 of 2023). 10.02.2023. URL: https://climate-laws.org/documents/gx-promotion-act-act-concerning-the-promotion-of-a-smooth-transition-to-a-decarbonized-economic-structure_3f18 (дата обращения: 20.04.2026).

¹⁴ The Basic Policy for the Realization of GX. A roadmap for the next 10 years. February 2023. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/gx_jikkou_kaigi/pdf/kihon_en.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

¹⁵ GX Promotion Strategy (Strategy to Promote the Transition to a Decarbonized Growth-Oriented Economic Structure). July 2023. URL: https://climate-laws.org/document/gx-promotion-strategy-strategy-to-promote-the-transition-to-a-decarbonized-growth-oriented-economic-structure_20d4 (дата обращения: 19.04.2026).

Одним из основных инструментов сокращения выбросов парниковых газов в рамках GX является налог на выбросы углерода. На первом этапе в 2024–2025 гг. он был добровольным, а с 2026 финансового года становится обязательным. В дополнение к нему в 2028 г. планируется ввести углеродный сбор (*GX-Surcharge*) для импортеров ископаемого топлива и добывающих его отечественных предприятий¹⁶.

Важный нормативный документ — Седьмой стратегический план развития энергетики 2025 г.,¹⁷ наметивший направления энергетической политики до 2040 г. Его ключевая особенность состоит в том, что впервые в истории Японии возобновляемые источники энергии позиционируются как основной и доминирующий ресурс. В соответствии с планом доля тепловой энергии, вырабатываемой на основе ископаемого топлива, должна сократиться к 2040 г. с нынешних 70 до 30–40%, а доля возобновляемых источников энергии, напротив — возрасти до 40–50%¹⁸.

В утвержденной кабинетом министров в феврале 2025 г. концепции «GX 2040 Vision»¹⁹, содержащей практические конкретные меры по реализации направлений, изложенных в 7-м Стратегическом плане развития энергетики, и определяющей направления развития GX на ближайшие 10–15 лет, сделан акцент на усиление инвестиционной и промышленной политики. Её цель — одновременное обеспечение стабильного энергоснабжения, экономического роста и декарбонизации, в том числе с учетом прогноза на развитие цифровой трансформации и роста спроса на электроэнергию вследствие электрификации. Основные положения концепции — сокращение выбросов на 60% к 2035 финансовому году и на 73% к 2040 г., модернизация структуры промышленности и формирование устойчивого спроса на низкоуглеродную продукцию.

Наконец, следует упомянуть закон о деятельности по улавливанию и хранению углекислого газа

2024 г.,²⁰ устанавливающий права на его хранение и разведочное бурение в качестве исключительных прав на использование лицензированной зоны хранения или разведочного бурения. Реализация закона осуществляется в три этапа: в отношении разведочного бурения он вступил в силу в августе и ноябре 2024 г., хранения и транспортировки по трубопроводам — в мае 2026 г. [3].

Нормативные документы по повышению экологической ответственности отдельных отраслей японской промышленности отсутствуют. В то же время в 2020 г. были опубликованы и в 2024 г. актуализированы так называемые отраслевые инвестиционные стратегии, устанавливающие требования к компаниям, инвестиционные стимулы и правила реализации проектов декарбонизации, в том числе с учетом опыта других стран. Кроме того, отраслевые ассоциации, институты и группы экспертов выпускают свои аналитические документы и рекомендации.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ПО ДЕКАРБОНИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЯПОНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Безусловно, все японские компании и предприятия обязаны выполнять установленные правительством страны нормативные требования, однако применяемые ими меры в разных отраслях промышленности существенно различаются.

Наибольшее количество выбросов углекислого газа в атмосферу (почти половину общего объема промышленных выбросов) дают черная металлургическая и химическая промышленность Японии, поэтому декарбонизации этих отраслей в рамках достижения к 2050 г. углеродной нейтральности уделяется особое внимание.

В черной металлургии Японии более 80% потребления энергии приходится на ископаемое топливо, при этом 32% общего объема промышленных выбросов CO₂ являются следствием не только производственных процессов, но и собственной выработки электроэнергии²¹. На это в значительной

¹⁶ Japan GX-ETS. URL: https://icapcarbonaction.com/system/files/ets_pdfs/icap-etsmap-factsheet-69.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

¹⁷ The 7th Strategic Energy Plan. February 2025. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/7th_outline.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

¹⁸ Japan's FY2024 Climate Actions: Corporate and Government Moves as well as Urgent Priorities. Transition Asia. 2025. April. P. 4. URL: https://transitionasia.org/wp-content/uploads/2025/04/TA_JAPAN_FY2024_CLIMATE_ACTION_EN_250422.pdf (дата обращения: 18.04.2026).

¹⁹ GX 2040 Vision. December 2025. URL: <https://japan.influencemap.org/policy/GX-2040-Vision-5563> (дата обращения: 28.04.2026).

²⁰ An Overview of the New Carbon Dioxide Capture and Storage Business Act. 27.09.2024. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fe1c3338-ac90-48f9-a137-d704a57de2a4> (дата обращения: 25.04.2026).

²¹ Industrial Decarbonization in Japan. 2023 Edition. World Economic Forum, June 2023. P. 16. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Industrial_Decarbonization_in_Japan_2023.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

степени влияют ассортимент продукции и доступность энергии и материалов. Например, производство стали в стране сильно зависит от устаревшего доменного метода, который к тому же является более энергоемким, чем те же электродуговые печи или прямое восстановление железа.

Для масштабного внедрения низкоэмиссионных технологий производства чугуна и стали требуются масштабные инвестиции в производство, широкое использование экологически чистого водорода и электроэнергии, а также улавливание и хранение CO₂. По оценкам, для внедрения технологий производства стали с низким уровнем выбросов парниковых газов в низкоэмиссионную энергетику, чистый водород и инфраструктуру для переработки CO₂ потребуется инвестировать 20 трлн иен (более 150 млрд долл.), а чтобы к 2050 г. обеспечить отрасль до 20 млн т водорода в год потребуются изыскать средства в размере 17–30 трлн иен (130–230 млрд долл.).

Одним из инструментов стимулирования производителей добиваться реализации заявленной цели является пересмотренный закон об энергосбережении 2022 г., в соответствии с которым крупные потребители энергии обязаны представлять свои среднесрочные и долгосрочные планы перехода на альтернативные ископаемым виды топлива и регулярно отчитываться о достигнутом прогрессе.

Седьмым стратегическим планом развития энергетики поставлена задача провести реструктуризацию металлургической промышленности, результатом которой должно стать увеличение производства стали в электродуговых печах. В этих целях правительство планирует содействовать переносу производственных мощностей, требующих больших объемов электроэнергии, в регионы, богатые возобновляемыми источниками энергии.

Однако сегодня в электродуговых печах производится лишь около 28% стали, и даже, в случае реализации новых проектов, эта доля может вырасти незначительно — до 33% [4, с. 18]. Кроме того, использование таких печей, в которых в качестве сырья используется железный лом, имеет свои ограничения, поскольку удаление примесей затруднено, что серьезно усложняет производство высококачественной стальной продукции. Кроме того, одного железного лома для удовлетворения спроса на сталь недостаточно. В этой связи в настоящее время рассматриваются несколько технологических вариантов, включая переход от доменных печей к электродуговым, прямое восстановление

водородом и восстановление железа водородом в доменном процессе²².

Группа экспертов, изучившая перспективы развития «зеленой» металлургии, сформулировала свои рекомендации²³. По их мнению, основным направлением политики достижения декарбонизации промышленности является сокращение выбросов парниковых газов от доменного процесса, что потребует существенных инвестиций в технологии глобального преобразования энергии, а также максимальное использование стального лома для производства разнообразной стальной продукции.

Кроме того, все доменные печи должны быть модернизированы для производства чугуна с использованием водорода либо преобразованы в инновационные крупные электропечи, использующие восстановленное железо. При этом стоимость сырья и энергии в процессе производства будет выше, чем при использовании современных доменных печей, а произведенный металл не будет закупаться в достаточном количестве или продаваться по цене, отражающей себестоимость его производства.

В этой связи одна из предложенных экспертами мер — установление цены на металл, произведенный традиционными доменными печами, пропорционально выбросам CO₂, образующимся в процессе производства. Однако это не остановило бы потребителей: они всё равно будут вынуждены закупать его по новым, более высоким ценам, что, в свою очередь, привело бы к увеличению стоимости строительных материалов, автомобилей и другой продукции, снизив их конкурентоспособность на мировом рынке. Несколько смягчить эти последствия должно помочь введение систем торговли квотами на выбросы и надбавок за использование ископаемого топлива.

Другая предложенная мера — поддержка со стороны правительства проектов, направленных на сокращение выбросов парниковых газов и повышение конкурентоспособности промышленности в рамках программы поддержки преобразования энергетических и производственных процессов на предприятиях, испытывающих трудности с сокра-

²² Reference to the Sector-Specific Investment Strategies (Steel). URL: <https://www.meti.go.jp/press/2024/12/20241227006/20241227006-2.pdf> (Дата обращения: 30.04.2026).

²³ Green Steel for GX. Consolidated Summary of the Study Group on Green Steel for Green Transformation. Tokyo: METI; January 2025. 60 p. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/mono_info_service/green_steel/pdf/20250125_3.pdf (Дата обращения: 22.04.2026).

щением выбросов. Также предложено стимулировать спрос на экологически чистую сталь посредством внедрения системы, связанной с выбросами CO₂ на протяжении всего жизненного цикла продукции и зданий, в которых используется сталь.

Хотя химическая промышленность Японии на протяжении последних нескольких десятилетий неуклонно повышала эффективность использования энергии в технологических процессах, её «вклад» в загрязнение атмосферы остается высоким. Примерно 40% потребности в электроэнергии обеспечивается собственными электростанциями сектора. При этом доля ископаемого топлива для её производства — около 70%, в том числе угля — около 30%²⁴.

Доля выбросов, связанных с потреблением энергии в нефтехимическом производстве²⁵, составляет 50,2% от общих выбросов химической промышленности. Значительно загрязняют воздушное пространство Японии и другие секторы химической промышленности: производство соды, аммиака, химических веществ для фармацевтических препаратов и полупроводниковых материалов [5, с. 7].

Большое количество CO₂ выбрасывается в атмосферу по причине использования отходящих газов в качестве источника тепла на установках крекинга нефти и собственных электростанциях, работающих на ископаемом топливе. Для сокращения выбросов отрасль стремится перейти на низкоэмиссионные варианты топлива, такие как водород и аммиак. Однако использующие их процессы в большинстве случаев более дорогостоящие, чем альтернативные варианты, что сдерживает спрос на них [6, с. 16].

Водород предполагается использовать в качестве не только топлива, но и сырья для многих процессов. В химическом секторе потенциальный спрос на водород к 2050 г. составит 6,3–7,3 млн т в год, что потребует инвестиций в размере 5–11 трлн иен (40–84 млрд долл.). Также разрабатываются технологии, не требующие водорода, и методы искусственного фотосинтеза для производства водорода, которые могут сыграть страте-

гическую роль. Общий объем инвестиций, необходимых для преобразования ресурсной базы химической промышленности Японии к 2050 г., в том числе для проведения научно-исследовательских работ, оценивается в 7,4–9,7 трлн иен (57–75 млрд долл.)²⁶.

Одно из направлений работы по достижению углеродной нейтральности в химической промышленности — замена источников тепла для печей крекинга нефти на декарбонизированное топливо, например, аммиак. Другое направление — замена сырья, получаемого из нефти, например, биоэтанола и отходами пластмасс²⁷. Однако разрабатываемые технологии в основном находятся на стадии концепции или раннего прототипа.

Кроме того, в настоящее время 70% пластиковых отходов в Японии сжигаются, что приводит к значительным косвенным выбросам CO₂. Повторное использование пластиковой упаковки позволило бы снизить спрос на нее к 2050 г. на 2,3 млн т в год [7, с. 6].

Цементное производство является третьим по величине источником загрязнения окружающей среды после металлургической и химической промышленности: около 40% выбросов CO₂ приходится на процессы, связанные с энергопотреблением — сжиганием топлива для высокотемпературного обжига и измельчения сырья. Остальные 60% связаны с технологическими выбросами, главным образом, от термического разложения известняка²⁸.

В энергии, используемой для производства цемента, доля угля, 98,4% которого импортируется, составляет 75%, что значительно выше, чем 18% в Европейском союзе [8, с. 10]. Однако, если бы даже вся потребляемая энергия была заменена декарбонизированным топливом и возобновляемой электроэнергией, технологические выбросы оставались бы неизбежными, что сильно затрудняет процесс радикальной модернизации или сокращения производства цементной отрасли.

²⁴ Industrial Decarbonization in Japan. 2023 Edition. World Economic Forum, June 2023. P. 29, 33. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Industrial_Decarbonization_in_Japan_2023.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

²⁵ В отличие от химической промышленности, перерабатывающей любое сырье, нефтехимия производит материалы исключительно из углеводородного сырья (нефть, попутный газ).

²⁶ Industrial Decarbonization in Japan. 2023 Edition. World Economic Forum, June 2023. P. 28. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Industrial_Decarbonization_in_Japan_2023.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

²⁷ Reference to the Sector-Specific Investment Strategies (Chemicals). URL: <https://www.meti.go.jp/press/2024/12/20241227006/20241227006-3.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).

²⁸ На этапе обжига подготовленная сырьевая смесь нагревается до 1450 °C во вращающейся печи, в результате чего образуется клинкер. При этом сжигание топлива и обжиг известняка приводят к выбросам большого количества CO₂.

Для достижения углеродной нейтральности здесь, как и в случае химической промышленности, усилия направлены на переход на новое топливо и сырье. Первое направление включает замену ископаемого топлива в процессе обжига и выработки электроэнергии на биомассу и отходы, второе — переработку отходов бетона, гипса и других материалов, улавливание и повторное использование CO₂, а также и увеличение производства углеродно-нейтрального цемента.

В соответствии с Законом о переработке строительных отходов²⁹ бетонные отходы подлежат обязательной переработке. Однако затраты на извлечение из них кальция и обработку остатков после его извлечения значительно выше по сравнению с использованием отходов в качестве материала для дорожного полотна. Компенсировать их могло бы перекладывание затрат на извлечение кальция из отходов бетона на цену продукта.

Достижение углеродной нейтральности к 2050 г. планируется осуществить посредством конверсии топлива, используемого в угольных котлах, изменения физико-химических свойств угля перед сжиганием и преобразования продуктов сжигания для повышения эффективности и экологичности. Также предполагается увеличить производство цемента с использованием переработанного углерода за счет внедрения технологии улавливания CO₂, образующегося в процессе производства цемента, которая позволяет улавливать более 85% углекислого газа, образующегося в подогревателе.

План действий Японской ассоциации производителей цемента по достижению углеродной нейтральности направлен на сокращение к 2030 финансовому году общих выбросов CO₂ на 15% по сравнению с уровнем 2013 г., при этом меры по их снижению ограничиваются расширением использования топлива, получаемого из отходов, и повышением энергоэффективности. Однако выполнить эту задачу с помощью существующих энергосберегающих технологий проблематично³⁰.

Главными проблемами цементной промышленности Японии в настоящее время являются мед-

ленные темпы внедрения смешанного цемента³¹, сохраняющаяся зависимость от угля и медленное внедрение использования возобновляемых источников энергии³².

Повышение экологической ответственности в японском машиностроении — это многогранный процесс, обусловленный национальной целью достижения углеродной нейтральности к 2050 г. Он включает в себя переход от традиционного производства и зависимости от ископаемого топлива к водороду, аммиаку, а также внедрение высокоэффективных технологий выработки электроэнергии.

Одно из направлений сокращения выбросов электростанциями и тяжелой техникой — разработка двигателей, работающих на топливных смесях с добавлением водорода. Для достижения нулевых выбросов тепловой энергии крупные электростанции тестируют 20%-е преобразование аммиака. Ключевую роль в процессе декарбонизации низкотемпературного промышленного теплоснабжения и строительного сектора играют тепловые насосы. Также разрабатываются технологии для улавливания и хранения выбросов от производства, особенно в тяжелой промышленности.

Еще одно направление — разработка экологически чистых материалов, таких как композиты из целлюлозного волокна, сохраняющих прочность после многократных циклов переработки, заменяющих стекловолокно в автомобильных деталях. Повышать энергоэффективность производственных процессов помогает также интеграция цифровых технологий, искусственного интеллекта и интеллектуальных систем.

Нефтегазовая отрасль, которая входит в число ведущих промышленных секторов мира по объему выбросов парниковых газов, оказывает относительно небольшое влияние в Японии, поскольку большинство процессов с высоким уровнем выбросов, таких как подача нефти и газа из скважин, в Японии не осуществляются. Однако нефтеперерабатывающие предприятия недостаточно активно используют водород и аммиак в производственном процессе, по-прежнему полагаясь на нефть и газ.

²⁹ Construction Material Recycling Law. Ministry of the Environment. URL: <https://www.env.go.jp/content/900452889.pdf> (дата обращения: 05.05.2026).

³⁰ Reference to the Sector-Specific Investment Strategies (Cement). URL: <https://www.meti.go.jp/press/2024/12/20241227006/20241227006-5.pdf> (дата обращения: 06.05.2026).

³¹ Смешанный цемент — это портландцемент, содержащий добавки, улучшающие пластичность и долговечность.

³² The Decarbonization Pathway for Japan's Cement Industry: Take Urgent Actions to Align with the 1.5°C Target. Summary. 16.10.2025. URL: <https://www.renewable-ei.org/en/activities/reports/20251016.php> (дата обращения: 08.05.1026).

Причина: высокая стоимость низкоуглеродных решений [9; 10].

Повышение экологической ответственности в авиационном секторе достигается в основном посредством увеличения производства и использования устойчивого авиационного топлива (SAF)³³. Стратегия «зеленого» роста определяет SAF как ключевое низкоуглеродное решение для авиации, но не устанавливает какие-либо обязательные целевые показатели. Объявлено лишь о введении японскими авиакомпаниями к 2030 г. 10%-й смеси SAF в авиакеросине [11, с. 4].

Меры по декарбонизации принимаются на уровне авиакомпаний. Так, «JAL» обещает к 2030 финансовому году сократить общие выбросы CO₂ до 90% от уровня 2019 г. и к 2050 г. достичь нулевой отметки за счет модернизации оборудования, совершенствования производственных технологий и использования вторичного авиационного топлива. Авиакомпания «ANA» планирует к 2030 г. обеспечить объем выбросов углекислого газа по крайней мере на уровне 2019 г., а к 2050 г. добиться нулевых выбросов благодаря использованию устойчивого авиационного топлива и новых технологий³⁴.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показали, что, провозгласив цель достижения углеродной нейтральности к 2050 г., Япония целенаправленно движется по пути декарбонизации своей промышленности. Это проявляется в том, что в стране создана нор-

³³ Устойчивое авиационное топливо (Sustainable aviation fuel, SAF) — это экологически чистое топливо, производимое из экологически чистого сырья возобновляемых источников.

³⁴ Reference to the Sector-Specific Investment Strategies (Aircraft). URL: <https://www.meti.go.jp/press/2024/12/20241227006/20241227006-8.pdf>. (дата обращения: 08.05.2026).

мативная база, обязательная к исполнению всеми юридическими лицами, в основу которой положен принцип S+3E. Закон о продвижении зеленой трансформации (GX) и другие документы являются надёжной правовой основой для достижения поставленной цели.

Японская отраслевая система инструментов и мер экологической ответственности интересна для стран с развитой энергетикой, обрабатывающей промышленностью и транспортом, поскольку из-за их высокой доли в загрязнении окружающей среды именно на эти отрасли нацелена политика декарбонизации и достижения углеродной нейтральности. Законодательно закреплённая политика зеленой трансформации Японии предусматривает прежде всего структурные изменения в энергетике и «зеленую» модернизацию промышленных отраслей по намеченной дорожной карте. Безусловно, такой подход к использованию японского опыта возможен для стран с соизмеримым уровнем технологического развития. Стимулирует процесс экологизации промышленных отраслей нацеленность на экспорт экологически чистых технологий и использование системы торговли квотами на выбросы (GX-ETS), а также формирование устойчивого спроса на низкоуглеродную продукцию.

Безусловным достоинством японской политики формирования экологической ответственности можно считать ее комплексность и высокую степень научного обеспечения, поддерживаемую институционально. При специфичности инструментов и мер, принимаемых в различных секторах промышленности, они формируются в русле налоговой, инвестиционной и торговой политик в условиях цифровизации и интеллектуализации экономики, что в совокупности дает положительный эффект: выбросы углекислых газов в атмосферу постепенно снижаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Перская В.В. Экологизация индустриализации как новый этап развития мировой экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):19-30. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-19-30
Perskaya V. V. Greening of Industrialization as a New Stage in the Development of the Global Economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):19-30. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-19-30
2. Crippa M., Guizzardi D., Pagani F., Banja M., Muntean M. et al. GHG emissions of all world countries. 2025 Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2025. 289 p. DOI: 10.2760/9816914
3. Matsudaira S., Minatogawa T. Energy Laws and Regulations 2026. Japan. 22.12.2025. URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/energy-laws-and-regulations/japan/>.
4. Cavaliere P. Barriers to Steel Decarbonization. *Steel Research International*. 2026;1-23. DOI: 10.1002/srin.202511317

5. Furusawa Y. Pathway to decarbonization of petrochemicals in Japan. Tokyo: Renewable Energy Institute; February 2024. 39 p.
6. Osaki Y., Hughes L. Japan: Putting hydrogen at the core of its decarbonization strategy. Potsdam: Research Institute for Sustainability, June 2024. 20 p.
7. Kanazawa D., et al. Scope 1, 2, and 3 Net Zero Pathways for the Chemical Industry in Japan. *Journal of Chemical Engineering of Japan*. 2024;57(1):2360900. DOI: 10.1080/00219592.2024.2360900
8. Bai Y., Hasegawa M., Shirakawa H., Yamasue E., Tanikawa H. “Resource-carbon” redistribution caused by Japan’s cement production and consumption: A life-cycle based multilayer perspective. *Environmental Impact Assessment Review*. 2025;115:108051. DOI: 10.1016/j.eiar.2025.108051
9. Obayashi Y. Japan’s oil refiners scale back decarbonisation efforts, refocus on fossil fuels. 15.05.2025. URL: <https://www.reuters.com/sustainability/climate-energy/japans-oil-refiners-scale-back-decarbonisation-efforts-refocus-fossil-fuels-2025-05-15/>.
10. Kennedy C. Top Japanese refiners step back from low-carbon investments. 15.05.2025. URL: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Top-Japanese-Refiners-Step-Back-From-Low-Carbon-Investments.html>
11. Fantini M., Wesche J.P., Skjølsvold T.M., Chapman A.J. Low-carbon value chain building strategies across industrial and political contexts: A comparative analysis of decarbonization efforts in Norwegian and Japanese aviation. *Energy Research & Social Science*. 2026;131(104472):1-16. DOI: 10.1016/j.erss.2025.104472

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Лилия Сергеевна Ревенко — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Lilia S. Revenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of Liventsev Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1519-1183>

l.revenko@inno.mgimo.ru

Николай Сергеевич Ревенко — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Nikolay S. Revenko — Cand. Sci. (Pol.), Leader Research Assoc., Institute for Research of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-0359-5201>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

reni100@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.05.2026; принята к публикации 30.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 14.05.2026; accepted for publication 30.06.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-137-145
УДК 336.24.339.5(045)
JEL H83

Администрирование таможенных доходов: зарубежная практика цифровизации и перспективы развития «цифровой» таможни в России

И.В. Никулкина^{а, б}, Е.А. Федченко^а, А.В. Иванущенко^б

^аФинансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

^бРоссийская таможенная академия, Люберцы, Московская область, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — цифровизация администрирования таможенных доходов в зарубежных странах. Особую **актуальность** в новой российской реальности приобретает повышение эффективности администрирования таможенных доходов для достижения национальных целей развития и обеспечения экономической безопасности страны. **Цель** работы — оценка возможностей адаптации в РФ зарубежного опыта применения цифровых технологий таможенными администрациями, выявление рисков цифровизации при сборе таможенных доходов, а также разработка предложений по цифровизации таможенного оформления и администрирования таможенных доходов. Задачи — выявить технологии с наибольшим «потенциалом развития» для администрирования доходов, выделить ограничения, проблемы внедрения технологий в таможенном администрировании и обосновать подход к формированию цифровой таможенной экосистемы для инновационного развития Федеральной таможенной службы (ФТС) России. Используются методы логического, сравнительного, структурного и статистического анализа. Определены и систематизированы лучшие зарубежные практики использования цифровизации в таможенном администрировании, сформирован комплекс передовых технологий, возможных к использованию в деятельности таможни по сбору доходов. В **результате** исследования выявлены проблемы внедрения зарубежного опыта и разработаны рекомендации по развитию российской «цифровой таможни». Сделан **вывод**: администрирование таможенных доходов, учитывая национальные цели развития, «цифровые» приоритеты, межведомственное и международное взаимодействие, нуждается в серьёзной модернизации с использованием передовых технологий и зарубежного опыта.

Ключевые слова: цифровые технологии; цифровая таможня; цифровизация; администрирование таможенных доходов; таможенное администрирование; таможенные администрации; таможенные органы; опыт ВТамО

Для цитирования: Никулкина И.В., Федченко Е.А., Иванущенко А.В. Администрирование таможенных доходов: зарубежная практика цифровизации и перспективы развития «цифровой» таможни в России. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):137-145. DOI: 10.26794/1999-849X2026-19-4-137-145

ORIGINAL PAPER

Customs Revenue Administration: International Digitalization Practices and Prospects for the Digital Customs Development in Russia

I.V. Nikulkina^{а, б}, E.A. Fedchenko^а, A.V. Ivanushchenko^б

^а Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^б Russian Customs Academy, Lyubertsy, Moscow Region, Russian Federation

ABSTRACT

The paper's **subject** focuses on how other nations are digitizing their customs revenue administration. Enhancing customs revenue administration efficiency is especially **relevant** for Russia's new reality, aiding national development and economic security. This study's **goal** is the feasibility of Russian customs administrations implementing global digital technology practices, to pinpoint the dangers of digitalization in customs revenue collection and offer recommendations for the digital transformation of customs clearance and revenue administration. The objectives are to determine which

technologies offer the most «development potential» for revenue administration and to outline the challenges and limitations of integrating technologies into customs. The research supports a method for creating a digital customs system to foster innovation within Russia's Federal Customs Service. The authors used methods of logical, comparative, structural, and statistical analysis. International best practices for customs digitalization are identified and organized, alongside a developed set of advanced technologies for customs revenue collection. The **results** found obstacles in applying global practices and proposed solutions for advancing Russia's digital customs system. The **conclusion** was that customs revenue administration needs substantial modernization, using advanced technologies and international expertise, considering national development aims, digital priorities, and international collaboration.

Keywords: digital technologies; digital customs; digitalization; customs revenue administration; customs management; customs administrations; customs authorities; WCO experience

For citation: Nikulkina I.V., Fedchenko E.A., Ivanushchenko A.V. Customs revenue administration: International digitalization practices and prospects for the digital customs development in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):137-145. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-137-145

ВВЕДЕНИЕ

Инновационное развитие таможенных органов требует нового подхода, способного эффективно администрировать доходы посредством цифровых инструментов для достижения национальных целей развития и обеспечения экономической безопасности страны.

В последние годы зарубежный тренд в администрировании таможенных доходов — это переход от простой автоматизации к глубокой цифровой трансформации на базе интеллектуальных систем. В результате цифровизации многие инструменты администрирования доходов: контроль таможенной стоимости, классификация товаров, определение происхождения и контроль после выпуска — претерпевают существенные изменения. В контексте международной повестки Всемирная таможенная организация (ВТамО) разработала пакет рекомендаций (WCO Revenue Package) по таможенному администрированию, включающий оценку, классификацию и происхождение товаров¹. Эти направления усиливаются работой системы управления рисками и контролем после выпуска товаров, в которых используются передовые цифровые технологии, обладающие высоким потенциалом повышения эффективности в этих сферах.

Цифровая трансформация ведомства и его основных функций — стратегическая цель Федеральной таможенной службы (далее — ФТС России) до 2030 г.² Она включает цифровизацию таможенного

оформления и контроля, внедрение ИИ, обработку больших данных, передовые методы аудита, аналитику и управление информацией. Целевой ориентир: гармонизация процессов с мировыми практиками.

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕДОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТАМОЖЕННОМ АДМИНИСТРИРОВАНИИ

В настоящем исследовании технологии рассматриваются с позиции ключевых инструментов реализации фискальной функции «цифровой» таможни. Анализ зарубежных практик выявил ключевые возможности и риски цифровых технологий для сбора таможенных доходов и администрирования, что позволило авторам:

1. Классифицировать ключевые технологии и их возможности для администрирования таможенных доходов.
2. Выделить основные риски и проблемы внедрения передовых технологий.

На рисунке представлен сгруппированный комплекс основных / действующих (востребованных), передовых технологий как ключевых инструментов реализации фискальной функции «цифровой» таможни.

Анализ зарубежных исследований подтверждает роль цифровых технологий в обеспечении качественно нового уровня администрирования таможенных доходов:

Большие данные и предиктивная аналитика. Полученные таможнями данные становятся стратегическим активом, их аналитическая обработка повышает качество риск-ориентированного контроля, переходя от выборочного контроля к прогнозированию высокорискованных поставок и снижая нагрузку на добросовестный бизнес [1]. Предлагается международная экосистема таможенных данных на

¹ WCO. The KPIs for the PMM V.1. The WCO's Revenue Package (RP). URL: <https://www.wcoomd.org/en/topics/key-issues/revenue-package/latest-updates-policy.aspx> (дата обращения: 27.01.2026).

² Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. URL: <https://customs.gov.ru/activity/programmy-razvitiya/strategiya-razvitiya-fts-rossii-do-2030-goda> (дата обращения: 27.01.2026).

Рис. / Fig. Комплекс действующих технологий таможенных администраций — ключевых инструментов реализации фискальной функции «цифровой» таможни и подходы их использования / The set of active technologies in customs administrations — key tools for implementing the fiscal function of “digital” customs and approaches to their use

Источник / Source: составлено авторами по / compiled by the authors according to: WCO/WTO Study Report on Disruptive Technologies. JUNE 2022. URL: <https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/instruments-and-tools/tools/wco-wto-joint-report/wco-wto-study-report-on-disruptive-technologies-en.pdf?db=web> (дата обращения / accessed on 27.01.2026).

основе: развития обмена данными, формирования сообществ практиков и технической помощи членам организации.

Блокчейн-технологии обеспечивает прозрачность и ускорение процедур, поддерживает безбумажную торговлю и исключает дублирование данных. Главная уязвимость — качество исходных данных: ложные сведения сохраняются в неизменном виде, создавая риски мошенничества (в классификации, происхождении, таможенной стоимости, налогообложении). Рекомендуются усиленная верификация исходных данных и механизмы аудита при внедрении блокчейна [2].

Интеграция **роботизированной** автоматизации и **ИИ** переопределяет парадигму таможенного контроля: интеллектуальные системы улучшают управление рисками и поддерживают принятие решений. Технология роботизированной автоматизации процессов при анализе данных для тамо-

женного пост-аудита (контроля после выпуска товаров) позволяет обрабатывать рутинные операции (проверку данных, расчет платежей), высвобождая сотрудников для сложных задач, что подтверждается опытом Китая³ [3].

ИИ и машинное обучение (machine learning) автоматизируют классификацию товаров по кодам товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее — ТН ВЭД), анализ изображений (рентген, фото) для выявления контрабанды, проверку подлинности документов, автоматическую валидацию кодов и таможенной стоимости, минимизируя ошибки и человеческий фактор.

Исследования обращают особое внимание на качество, стандартизацию и правовое регулирование данных, необходимость технических и управленческих компетенций у персонала, вопросы безопасности при использовании технологий, новых подходов к формированию культуры работы с данными [4].

Основные риски и проблемы внедрения цифровых технологий: централизация кибербезопасности и защиты данных повышает уязвимость к атакам и утечкам; значительные капиталовложения и трудности интеграции новых технологий; сопротивление персонала из-за страха увольнений и масштабная потребность в переподготовке; проблемы в регулировании ИИ и блокчейна, ведущие к правовой неопределённости и цифровому неравенству [1; 2].

С данными выводами и опасениями согласна ВТамО, которая связывает с использованием ИИ следующие вызовы: объяснимость алгоритмов, «галлюцинации», необходимость обучения. Особо отмечается, что искусственный интеллект на текущем этапе может выполнять функцию вспомогательного инструмента при строгом контроле человека⁴.

Научный интерес также вызывает представленная в исследовании ВТамО комплексная кон-

³ Роботизированная автоматизация процессов (RPA, Robotic Process Automation) — технология автоматизации, которая позволяет программным «роботам» выполнять рутинные, повторяющиеся задачи без участия человека. Эти роботы имитируют действия сотрудников: ввод данных, копирование информации, заполнение форм, обработку писем и многое другое.

⁴ WCO. Research & Policy Note on Generative Artificial Intelligence for Customs. 2023. URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/research/papers/researchpolicy_note_genai_en_06122023.pdf?la=fi (дата обращения: 27.01.2026).

цептуальная модель интеграции ИИ в таможенные процессы с учетом национальных регуляторных особенностей и международных стандартов, а также экономическая оценка внедрения (окупаемость проектов и подготовку кадров). Обращается внимание на практические методы, модели и различия между генеративным ИИ и специализированными алгоритмами (например, BACUDA)⁵.

Российские исследования также посвящены цифровизации фискальных органов, налоговому контролю в новых условиях, инструментам четвертой промышленной революции, диверсификации налоговой системы, трансформации налоговой политики и развитию сервисной функции налоговых органов [5–10].

Проведенный анализ зарубежного опыта позволил выделить лучшие практики использования передовых технологий в таможенном администрировании (табл. 1).

Кроме того, страны Европейского Союза активно применяют блокчейн для сбора НДС, обеспечивая обмен информацией между налоговыми и таможенными органами в рамках проекта SEED-on-Blockchain, координируемого Европейской комиссией (DG TAXUD)⁶.

По мере внедрения технологий в практику таможенных органов и ускорения выпуска товаров основная административная нагрузка сместится на контроль после выпуска товаров. Модель зрелости таможенных администраций эволюционирует в зависимости от степени цифровизации⁷. На начальном этапе, характеризующемся бумажным документооборотом и наличными платежами, контроль таможенной стоимости остается главным драйвером администрирования доходов. С развитием технологий формируется институт предваритель-

ных решений и аудит после выпуска, хотя готовых решений для этого этапа пока не представлено ни одной страной.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

Анализ возможностей применения технологий выявил ряд ограничений: отсутствие экспертизы, высокие затраты, асинхронное внедрение технологий другими стейкхолдерами и прочие факторы. Статус цифровизации существенно различается по регионам. Предлагаемые ВТамО модели сбора доходов реализуемы лишь при глобальном внедрении технологий. Например, блокчейн как основа расширенного обмена данными полностью принят только в четырех странах — членах ВТО. Наибольший уровень внедрения демонстрируют только «большие данные» (23 участника) и ИИ (12 участников)⁸. Однако, по результатам анализа ИИ / машинное обучение, большие данные и цифровая аналитика, за которыми следует блокчейн, обладают наибольшим потенциалом роста (эти технологии не полностью приняты большинством стран, но находятся в стадии разработки или рассмотрения). Блокчейн и ИИ отличаются высокой сложностью внедрения, что обещает значительный эффект. Большие данные проще интегрировать, но их эффективность ниже, чем у блокчейна и ИИ, без комбинации с другими инструментами. Практический интерес вызывает преодоление этих различий и барьеров, а также оптимальная стратегия внедрения технологий в таможенные органы. Основным препятствием обычно выступает отсутствие опыта и практики⁹.

Следует подчеркнуть, что проблема заключается не только в различных ограничениях, связанных с применением цифровых инструментов. Ключевым фактором является решение проблемы международного партнерства, скоординированного «электронного управления границами», что превращает задачу сбора доходов из национальной

⁵ WCO, WTO. The Role of Advanced Technologies in Cross-Border Trade: A Customs Perspective. 2022. 55 p. URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/instruments-and-tools/tools/wco-wto-paper/role-of-advanced-tech_en.pdf?la=en (дата обращения: 27.01.2026); URL: https://bacuda.wcoomd.org/wp-content/uploads/2023/04/bacuda_english.pdf (дата обращения: 25.01.2026).

⁶ OECD. The Impact of the Growth of the Sharing and Gig Economy on VAT/GST Policy and Administration. 2021. URL: https://www.oecd.org/en/publications/the-impact-of-the-growth-of-the-sharing-and-gig-economy-on-vat-gst-policy-and-administration_51825505-en.html (дата обращения: 27.01.2026).

⁷ World Bank. Digital Transformation of Tax and Customs Administrations. 2022. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/0fd42538-8b3a-5c49-b2e5-5c6f62d94a31/content> (дата обращения: 27.01.2026).

⁸ Официальный сайт Всемирной Таможенной Организации. WCO Results of the WCO Smart Customs Survey (July 2024). Retrieved from the WTO website https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/activities-and-programmes/smart-customs/smart-customs_public_report_en.pdf?db=web (дата обращения: 27.01.2026).

⁹ Официальный сайт Всемирной Таможенной Организации. The role of advanced technologies in cross-border trade: A customs perspective. WTO/WCO. 2022. URL: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/instruments-and-tools/tools/wco-wto-paper/role-of-advanced-tech_en.pdf?la=en (дата обращения: 27.01.2026).

Таблица 1 / Table 1

**Зарубежный опыт использования передовых технологий в таможенном администрировании /
International experience in using advanced technologies in customs administration**

Страна / Country	Технология / Наименование программы / Technology / Program Name	Описание сферы применения / Description of Application
Повышение уровня соблюдения правил классификации		
ОАО Абу Даб	Блокчейн «Smart HS Classification Tool»	Поиск товаров осуществляется по коммерческим описаниям, глобальному номеру торговой единицы (GTIN). Эта функция оптимизирует таможенные процедуры, позволяя пользователям точно подбирать классификационный код, а также выявлять соответствующие запреты, ограничения или пояснительные записки. В результате минимизируются ошибки классификации и обеспечивается точное исчисление таможенных платежей
Повышение уровня соблюдения правил классификации. Повышение уровня правильного применения правил происхождения		
Бразилия	Искусственный интеллект «SISAM»	Система SISAM сопоставляет коды классификации с описанием товара, обучаясь на типичных ошибках и неточностях в декларациях. Она учитывает ранее выявленные несоответствия в кодах и описаниях, их авторов, а также временные периоды. Анализ таких закономерностей повышает точность прогнозирования несоответствий, выявления аномалий и маркировки подозрительных операций. Для каждого товара в декларации SISAM оценивает вероятность около 30 типов ошибок, включая ложное описание товара, ошибки в кодах ГС, неверное указание страны происхождения, отсутствие импортных лицензий, ошибки в преференциальных тарифах, неверное применение ставок для расчета импортных пошлин, налогов и особых видов пошлин
	Искусственный интеллект «CLASSIF»	Система CLASSIF создана для анализа классификации товаров с использованием кодов NCM, основанных на ГС с добавлением двух цифр. Импортёры и экспортёры могут ввести описание товара в систему, которая отображает соответствующие коды NCM, юридические заметки по этим кодам, разъяснительные пояснения ВТамО, предварительные решения и рекомендации классификации, формируемые SISAM
Бельгия	Искусственный интеллект BCTC «Behavioural consequences of tariff changes»	Проект анализирует влияние таможенных тарифных мер ЕС на товарные торговые потоки. Выявление мошеннического поведения экономических операторов после введения или повышения тарифных мер. На базе данных исследуются две вероятные схемы мошенничества: указание ложной страны происхождения товара, неверного товарного кода и их комбинации. Проект выявляет резкие изменения в импортной деятельности оператора, существенно отклоняющиеся от обычных трендов, наблюдавшихся до введения тарифных мер. ИИ-агенты Digicust автоматизируют сложные таможенные процессы, включая основные функции автоматизации: генерацию и проверку сложной таможенной документации
Более справедливый сбор доходов		
Сингапур	Блокчейн «TradeTrust»	Цифровизация и взаимная совместимость торговой документации. Проверки подлинности и источника торговых документов. Возможность верификации и обмена электронными торговыми документами, включая передаваемые, между разными цифровыми торговыми платформами и экосистемами. Решает проблему несовместимости информационных систем, рисков мошенничества, медленной обработки документов. Проведены пилотные прокаты с участием Сингапура, Китая и Индии, с полностью цифровыми цепочками поставок

Источник / Source: составлено авторами по источникам* / compiled by the authors according to reference*.

* Официальный сайт Всемирной Таможенной Организации. How Brazil transformed Customs control through artificial intelligence and other technologies. WCO News 105 – issues 3/2024. 2024. URL: <https://mag.wcoomd.org/magazine/wco-news-105-issue-3-2024/brazil-ai-and-other-technologies/> (дата обращения: 27.01.2026); официальный сайт Всемирной Таможенной Организации. TradeTrust's journey since 2021. WCO Magazine. 2025. URL: <https://mag.wcoomd.org/magazine/wco-news-107-issue-2-2025/tradetrusts-journey-since-2021/> (дата обращения: 27.01.2026); Abu Dhabi Launches Smart Customs Classification System Powered by Artificial Intelligence at GITEX. 2025. URL: <https://www.adcustoms.gov.ae/Media-Centre/News/Abu-Dhabi-Launches-Smart-Customs-Classification-System-Powered-by-Artificial-Intelligence-at-GITEX> (дата обращения: 27.01.2026); Project description BCTC 'Behavioural consequences of tariff changes' (AI). 2025. URL: <https://finances.belgium.be/sites/default/files/Customs/Nieuws/2025-cta.pdf> (дата обращения: 27.01.2026).

в глобальную сферу интересов, поскольку только взаимосвязанные решения (особенно в блокчейне) могут создавать глобально масштабируемые системы, способствующие достижению национальных целей.

АДАПТАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ДЛЯ РОССИИ

К 2030 г. ФТС России планирует создать единую автоматизированную систему таможенных органов нового поколения. В результате цифровой трансформации таможенное администрирование будет быстрым, высокотехнологичным процессом с применением инновационных технологий и новых подходов к организации работы¹⁰. Для достижения этих целей целесообразно максимально эффективно использовать лучшие зарубежные практики, успешному внедрению которых должны способствовать разработанные авторами рекомендации по применению передовых технологий в практической деятельности ФТС России (табл. 2).

Проведенный анализ позволил предложить комплекс цифровых инструментов на основе лучших практик Бразилии (SISAM, CLASSIF), Сингапура (Trade Trust), ОАЭ (Smart HS), Бельгии (BCTC) в целях формирования цифровой таможенной экосистемы. Для практической деятельности ФТС России предлагается комплексно применять (адаптировать под приоритеты) / создать систему цифровых инструментов: ИИ (классификация товаров) — разработать API для автоматической проверки ТНВЭД (интеграция с ЕАИС; пилот в ЦЭД); Блокчейн (документооборот) — внедрить «Одно окно», аудит данных (синхронизация с ЕАЭС и БРИКС, тестовые испытания с Китаем и Индией); Большие данные (управление рисками) — создать Data Lake; регулярный риск-скроллинг участников ВЭД (межведомственный обмен ФТС — ФНС России).

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Результаты исследования показали следующее:

1. Передовые цифровые технологии трансформируют управление в таможенной сфере и требуют нового подхода к формированию цифровой таможенной экосистемы как драйвера иннова-

ционного развития ФТС России. Их преимущества для сбора доходов: повышение собираемости, прозрачности и обмена информацией в реальном времени, улучшение риск-менеджмента, быстрое обнаружение мошенничества и выявление аномалий в данных, упрощение проверок и т.д.

2. Требуется национальная стратегия цифровой трансформации таможенных органов, проактивное управление таможенной политикой и гибкие методы повышения эффективности системы таможенного администрирования [11].

3. Необходимы углубленные оценки результативности внедряемых технологий: соотношение затрат и эффекта (корреляционный и регрессионный анализ взаимосвязей между внедрением технологий и динамикой доходов; анализ временных рядов; моделирование рисков алгоритмами машинного обучения; разработка индексов и KPI для измерения отдачи цифровых решений.

Внутренний мобилизационный потенциал ресурсов выходит на передний план стратегии устойчивого развития таможенных и налоговых органов. Информационные системы обеспечивают мобилизацию доходов, формируя фискальное пространство для маневра и роста расходов на экономические стимулы в среднесрочной перспективе.

Однако достижение устойчивого эффекта требует комплекса нормативных, институциональных и операционных мер, а также подготовки кадров.

ФТС России во многом движется в этом направлении — российская «цифровая таможня» развивается через электронные декларации, личный кабинет участника ВЭД, категорирование и удаленный выпуск, сосредоточившись на внутренней автоматизации. Цифровизация и автоматизация таможенных процессов намечены на 2026–2028 гг.¹¹

В условиях нарастающих вызовов и непрекращающихся шоков целесообразно формирование полноценной стратегии цифровой трансформации таможенных органов России. Проведенный анализ позволил выделить приоритетные направления такой трансформации, требуемой современной практикой ВЭД:

- реализация сервисной функции (клиентоцентричные сервисы / супер-сервисы, например, по аналогии ФНС России);

¹⁰ Официальный сайт Правительства Российской Федерации. Встреча Михаила Мишустина с руководителем Федеральной таможенной службы Валерием Пикалёвым. 14.01.2026. URL: <https://government.ru/news/57513/> (дата обращения: 27.01.2026).

¹¹ Официальный сайт ФТС России. Состоялось заседание коллегии ФТС России. 26.12.2025. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/672050> (дата обращения: 16.02.2026).

Таблица 2 / Table 2

Рекомендации по адаптации зарубежного опыта использования передовых технологий в таможенном администрировании России / Recommendations for adapting foreign experience in using advanced technologies in customs administration of Russia

Технология (сфера применения) / Technology (Sphere of Application)	Зарубежный пример инструментов / International Experience of Tools	Условия, способы имплементации в России / Conditions, Measures to Implement in Russia	Ожидаемый эффект (KPI PMM) / Anticipated KPI PMM	Рекомендации для ФТС России / Recommendations for the FCS of Russia
ИИ (классификация товаров)	Бразилия (SISAM, CLASSIF)	Интеграция с ЕАИС; пилот в ЦЭД; обучение на данных 2023–2025 гг.	Повышение уровня соответствия правилам классификации до 90%	Разработать API для автоматической проверки ТНВЭД; партнерство с ВТамО
Блокчейн (документооборот)	Сингапур (Trade Trust), ОАЭ (Smart HS)	Синхронизация с ЕАЭС и БРИКС; тестовые испытания с Китаем и Индией	Справедливый сбор доходов (+20% от контроля после выпуска)	Внедрить «Одно окно»; аудит данных
Большие данные (управление рисками)	Бельгия (BCTC)	Межведомственный обмен (ФТС – ФНС России)	Добровольное соблюдение требований (+15% операций без штрафов)	Создать Data Lake; регулярный риск-скроллинг участников ВЭД

Источник / Source: составлено авторами по источникам* / compiled by the authors according to references*.

* Официальный сайт Всемирной Таможенной Организации. How Brazil transformed Customs control through artificial intelligence and other technologies. WCO News 105 — issues 3/2024. 2024. URL: <https://mag.wcoomd.org/magazine/wco-news-105-issue-3-2024/brazil-ai-and-other-technologies/> (дата обращения: 27.01.2026); Официальный сайт Всемирной Таможенной Организации. TradeTrust's journey since 2021. WCO Magazine. 2025. URL: <https://mag.wcoomd.org/magazine/wco-news-107-issue-2-2025/tradetrusts-journey-since-2021/> (дата обращения: 27.01.2026); Abu Dhabi Launches Smart Customs Classification System Powered by Artificial Intelligence at GITEX. 2025. URL: <https://www.adcustoms.gov.ae/Media-Centre/News/Abu-Dhabi-Launches-Smart-Customs-Classification-System-Powered-by-Artificial-Intelligence-at-GITEX> (дата обращения: 27.01.2026); Project description BCTC 'Behavioural consequences of tariff changes' (AI). 2025. URL: <https://finances.belgium.be/sites/default/files/Customs/Nieuws/2025-cta.pdf> (дата обращения: 27.01.2026).

• цифровая интеграция (межведомственная, с бизнесом и зарубежными партнерами, с администрациями других стран) — создание единого пространства (например, с ФНС для доступа к отчетности, транзакциям, маркировке и прослеживаемости; интеграция данных с перевозчиками всех видов¹²; международный обмен в рамках ЕАЭС

и БРИКС — противодействие занижению таможенной стоимости);

- кибербезопасность как приоритет защиты данных;
- устранение цифрового разрыва в ЕАЭС;
- трансформация образования (постоянное повышение квалификации (новые профстандарты, подготовка аналитиков-технологов / «Data-инспекторов», непрерывное обучение в области больших данных и ИИ).

Успех цифровизации таможни зависит от партнерства государства (регулирование, инвестиции) и бизнеса (обмен данными, технологии) для создания единой экосистемы ВЭД, интегрирующей ФТС, ФНС, Казначейство, фитосанитарные, ветеринарные ведомства, порты и т.д. Цифровизация усиливает фискально-контрольную роль ФТС России — для государства это рост доходов, прозрачность торговли, безопасность без барьеров, антикоррупция через минимизацию контактов;

¹² Например, при ввозе товаров транспортным средством в пункте пропуска на границе требуется пройти порядка пяти видов контроля (транспортный, радиационный, санитарно-карантинный, пограничный, таможенный), который осуществляют 4 госоргана, и их информационные системы не интегрированы между собой. Для прохождения всех этапов такого контроля потребуются (в идеале) почти целый час. В пункте пропуска таможенником используется порядка 12 программных средств. В этой связи «президент поставил задачу — сократить время нахождения транспортного средства в пункте пропуска на границе до 10 минут». Официальный сайт ФТС России. Валерий Пикалёв — РБК: «Права на ошибку практически нет» URL: https://www.alta.ru/external_news/120787/?ysclid=mm3en2f25a914723375 (дата обращения: 27.01.2026).

для бизнеса — ускорение оформления, снижение издержек, предсказуемость и меньшая административная нагрузка.

Перспективы развития «цифровой» таможни будут зависеть от проактивной государственной политики по приоритетным направлениям — циф-

ровизации таможенного оформления и повышению эффективности администрирования таможенных доходов. В условиях нарастающих вызовов и шоков требуется новый подход к формированию цифровой таможенной экосистемы как драйвера инновационного развития ФТС России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Mikuriya K, Cantens T. If algorithms dream of customs, do customs officials dream of algorithms? A Manifesto for data mobilisation in customs. *World Customs Journal = World Customs Journal*. 2020;14(2):3-22. DOI: 10.55596/001C.116414
2. Yaren H. Is Blockchain technology a silver bullet for a customs environment? *World Customs Journal = World Customs Journal*. 2022;16(1):101-112. DOI: 10.55596/001C.116463
3. Gao Q., Kuang Z. Can robotic process automation technology enable risk data analysis for customs' post-clearance audit: A China customs case study. *World Customs Journal = World Customs Journal*. 2023;17(2):93-104. DOI: 10.55596/001C.88821
4. Vijayakumar S. Technology-centric and data-driven customs risk management for supply chain security. *World Customs Journal = World Customs Journal*. 2025;19(1):38-63. DOI: 10.55596/001C.131745
5. Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С. Синергия цифровых технологий и сервисной модели деятельности налоговых органов как драйвер развития налогового администрирования. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2024;10(2(38)):131-145. DOI: 10.21684/2411-7897-2024-10-2-131-145
Goncharenko L.I., Advokatova A.S. Synergy of digital technologies and service model of tax authorities as a driver for tax administration development. *Tyumen State University Herald. Social, economic and legal research*. 2024;10(2(38)):131-145. (In Russ.). DOI: 10.21684/2411-7897-2024-10-2-131-145
6. Адвокатова А.С. Налоговый контроль в условиях модификации отношений налоговых органов и налогоплательщиков: монография. Москва: Русайнс; 2020. 190 с.
Advokatova A.S. Tax control in the context of modification of relations between tax authorities and taxpayers: Monograph. M.: Rusajns; 2020. 190 p. (In Russ.).
7. Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С., Заворыкин А.А. О формировании специфических налоговых инструментов в эпоху четвертой промышленной революции и их влиянии на экономический рост. *Инновационное развитие экономики*. 2023;(1):46-54. DOI: 10.51832/222379842023146
Goncharenko L.I., Advokatova A.S., Zavorykin A.A. About formation of specific tax instruments in the epoch of the Fourth Industrial Revolution and their impact on economic growth. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki = Innovative Development of Economy*. 2023;(1):46-54. (In Russ.). DOI: 10.51832/222379842023146
8. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144-154. DOI: 10.26794/1999-849X2024-18-3-144-154
Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144-154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X2024-18-3-144-154
9. Гончаренко Л.И., Князева А.В. Направления трансформации налоговой политики в целях обеспечения поддержки и стимулирования инновационного развития экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(6):108-119. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-6-108-119
Goncharenko L.I., Knyazeva A.V. Directions of transformation of tax policy in order to support and stimulate innovative development of the economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(6):108-119. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-6-108-119
10. Гончаренко Л.И., Краюшкин К.Д. Эволюция содержательного наполнения сервисной функции налоговых органов. *Управленческие науки*. 2024;14(2):51-63. DOI: 10.26794/2304-022X-2024-14-2-51-63
Goncharenko L.I., Krayushkin K.D. Evolution of the content of the service function of the tax authorities. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences*. 2024;14(2):51-63. (In Russ.). DOI: 10.26794/2304-022X-2024-14-2-51-63

11. Никулкина И.В., Иванущенко А.В. Повышение гибкости системы администрирования таможенных доходов на основе agility-подхода: методологический аспект. *Креативная экономика*. 2025;19(9). DOI: 10.18334/CE.19.9.123756

Nikulkina I. V., Ivanushchenko A. V. Increasing flexibility of the customs revenue administration system based on the agility approach: methodological aspect. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2025;19(9). (In Russ.). DOI: 10.18334/CE.19.9.123756

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Инга Владимировна Никулкина — доктор экономических наук, профессор кафедры «Финансовый контроль и казначейское дело», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; профессор кафедры таможенных доходов и тарифного регулирования, Российская таможенная академия, Люберцы, Московская область, Российская Федерация

Inga V. Nikulkina — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Department of Financial Control and Treasury, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Prof. of the Department of Customs Revenues and Tariff Regulation, Russian Customs Academy, Lyubertsy, Moscow Region, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-2889-1197>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
ivnikulkina@fa.ru

Елена Алексеевна Федченко — доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Финансовый контроль и казначейское дело», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena A. Fedchenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Deputy Head of the Department of Financial Control and Treasury, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4844-0991>

EAFedchenko@fa.ru

Алевтина Викторовна Иванущенко — кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенных доходов и тарифного регулирования, Российская таможенная академия, Люберцы, Московская область, Российская Федерация

Alevtina V. Ivanushchenko — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Customs Revenues and Tariff Regulation, Russian Customs Academy, Lyubertsy, Moscow Region, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0006-1899-4316>

av.ivanushenko@customs-academy.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.02.2026; принята к публикации 08.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.02.2026; accepted for publication 08.07.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Налогообложение имущества на новых территориях РФ: проблемы и решения

С.В. Богачев^а, В.П. Вишневский^б, О.В. Мандрощенко^с, Н.Н. Пономаренко^д

^{а, б, с} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

^д Министерство финансов Донецкой Народной Республики, Донецк, Донецкая Народная Республика

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена тем, что формирование эффективной системы имущественного налогообложения новых субъектов РФ сталкивается с рядом вызовов, обусловленных процессами постконфликтного восстановления экономики. В этих условиях стандартные фискальные механизмы требуют адаптации для соблюдения баланса между наполнением бюджета и требованиями социальной справедливости. **Предмет** исследования — процессы имущественного налогообложения в специфических условиях постконфликтного восстановления экономики новых регионов Российской Федерации. **Цель** — разработка научно-методических подходов к налогообложению недвижимого имущества в новых регионах РФ с учетом динамики восстановления их налогового потенциала. Анализ фактического состояния и перспектив развития имущественного налогообложения на новых территориях выявил ряд проблем, связанных с нарушенной инфраструктурой, защитой прав собственности, дефицитом данных для объективной оценки стоимости имущества, что позволило определить основные направления дальнейшей интеграции имущественного налогообложения в единое налоговое поле страны. В части развития научно-методических подходов к кадастровой оценке имущества предлагается использовать адаптивные методики, апробированные в мировой практике постконфликтного регулирования, основанные на стоимости замещения объекта с учетом его физического износа; в части легитимизации прав собственности и улучшения регистрационного учета — дистанционную подачу заявок на восстановление прав собственности, временное разделение права собственности и права пользования, введение статуса «временного плательщика» для фактических пользователей; в части учета реальных условий эксплуатации имущества — сопряжение налоговой нагрузки на имущество с фактическим доступом к общественным благам посредством применения механизмов налоговых каникул и льгот; в части территориальной дифференциации налогообложения недвижимого имущества — зонирование постконфликтных территорий по принципу налогового «светофора» с нормативно-правовым закреплением трех режимов — А (зона критических разрушений), Б (зона восстановления) и В (нормальная зона).

Ключевые слова: новые территории РФ; постконфликтное восстановление; имущественное налогообложение; права собственности; оценка имущества; налоговый потенциал; налоговая нагрузка; налоговый «светофор»

Для цитирования: Богачев С.В., Вишневский В.П., Мандрощенко О.В., Пономаренко Н.Н. Налогообложение имущества на новых территориях РФ: проблемы и решения. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):146-155. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-146-155

ORIGINAL PAPER

Property Tax in the Russian Federation's New Territories: Obstacles and Resolutions

S.V. Bogachev^a, V.P. Vishnevsky^b, O.V. Mandroshchenko^c, N.N. Ponomarenko^d

^{a, b, c} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

^d Ministry of Finance of the Donetsk People's Republic, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

ABSTRACT

The **importance** of this research lies in the challenges that hinder the creation of an effective property tax system in the new Russian federal subjects, stemming from post-crisis economic rebuilding. Under these circumstances, conventional financial tools need modification to balance budget income and social equity. The study's **subject** is focused on how property taxes are handled during the economic rebuilding of new Russian regions after a conflict. The **aim** is to create scientific and methodological frameworks for real estate taxation in the Russian Federation's new regions, while accounting for the restoration of their tax potential. An examination of the current situation and future possibilities for property taxation in the New Territories uncovered issues with damaged infrastructure, property rights protection, and insufficient data for

© Богачев С.В., Вишневский В.П., Мандрощенко О.В., Пономаренко Н.Н., 2026

objective property valuation. This allowed for the identification of key strategies to further incorporate property taxation into the nation's unified tax system. Regarding the evolution of scientific and methodological strategies for cadastral property valuation, the proposal is to implement adaptive methods. These methods, proven in international post-crisis regulation, are rooted in the replacement cost of an asset, factoring in its physical deterioration. Regarding to legitimizing of property rights and the improvement of registration records, remote filing of applications for the restoration of property rights, temporary separation of ownership and use rights, introduction of the status of "temporary taxpayer" for actual users. Considering actual property operation conditions, we can link property tax burdens to public goods access using tax holidays and incentives. In terms of territorial differentiation of real estate taxation: zoning of post-crisis territories according to the principle of fiscal "traffic light" with the legal consolidation of three regimes — A (critical destruction zone), B (recon zone) and C (normal zone). **Keywords:** New Territories of the Russian Federation; post-crisis reconstruction; property taxation; property rights; property valuation; tax potential; tax burden; fiscal "traffic light" system

For citation: Bogachev S.V., Vishnevsky V.P., Mandroshchenko O.V., Ponomarenko N.N. Property tax in the Russian Federation's New Territories: Obstacles and resolutions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):146-155. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-146-155

ВВЕДЕНИЕ

Налогообложение имущества остается одним из наиболее актуальных вопросов функционирования и дальнейшего развития современных налоговых систем. Несмотря на относительно скромный вклад в совокупные бюджетные поступления, имущественные налоги играют центральную роль в региональных и местных финансах и муниципальном управлении многих стран мира [1]. Интерес современных ученых и практиков к налогообложению имущества обусловлен также возможностями его использования для уменьшения неравенства в распределении богатства и обеспечения доступности жилья, децентрализации общественных финансов и др.¹

Вместе с тем формирование эффективной системы имущественного налогообложения на новых территориях Российской Федерации представляет собой одну из наиболее сложных задач постконфликтного восстановления экономики, для которой характерны нарушенная инфраструктура, неурегулированные вопросы прав собственности, дефицит достоверных данных для оценки объектов недвижимости, высокий уровень социальной напряженности.

В научной среде вопросам формирования налоговой политики новых субъектов РФ посвящен ряд публикаций, в том числе по развитию налоговой системы новых регионов страны в целом [2–4], налоговому стимулированию их экономики [5], выбору фискальных инструментов интеграции новых регионов в экономику России [6]. Это важно по той причине, что эти вопросы являются важной составной частью новых вызовов и проблем, стоящих перед налоговой системой [7; 8] и политикой России [9–12] в современных условиях.

В то же время вопросы имущественного налогообложения, администрирования и взимания налогов на имущество в новых регионах требуют повышенного внимания ввиду их особого значения для систем региональных и местных финансов, а также необходимости решения специфических задач, связанных с проблемами поддержания социальной справедливости и постконфликтным восстановлением экономического и налогового потенциала.

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИМУЩЕСТВЕННОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РФ

Для новых регионов законодательно был установлен переходный период для интеграции в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации до 01.01.2026 г. (ст. 36 Федеральных конституционных законов № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ от 04.10.2022).

Начиная с 2024 г. в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях начали взимать налог на имущество организаций и транспортный налог (с организаций). Отсрочка по уплате земельного налога и налога на имущество физических лиц в 2024 г. была вызвана рядом объективных факторов. Среди них — незавершенный процесс кадастровой оценки недвижимости, без утвержденных результатов которой невозможно полноценно рассчитать налоговый потенциал территорий, и разная скорость принятия региональных законов и местных нормативных актов новыми субъектами РФ.

Согласно информации Казначейства России об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2025 г. от налогообложения имущества в бюджеты новых регионов поступило более 2,7 млрд руб. Однако в общей сумме налоговых доходов это пока относительно небольшие величины (табл. 1).

¹ OECD. Housing Taxation in OECD Countries. OECD Tax Policy Studies, 29. OECD Publishing, Paris, 2022. <https://doi.org/10.1787/03dfe007-en> (дата обращения: 20.04.2026).

Таблица 1 / Table 1

Налоги на имущество в доходах бюджетов новых субъектов РФ, тыс. руб. / Property taxes in budget revenues of new constituent entities of the Russian Federation, thousand rubles

Показатель / Indicator	2023	2024	2025
Донецкая Народная Республика / Donetsk People's Republic			
Доходы бюджета, всего / Budget revenues, total	304 107 836, 6	280 370 330,8	292 605 751,20
Налоговые доходы / Tax revenues	49 232 316,5	86 621 535,8	102 373 190,45
Налоги на имущество, всего / Property taxes, total	24,1	199 290,7	575 248,37
в % к налоговым доходам/as a percentage of tax revenues	0,000 049	0,23	0,56
в том числе/including:			
налог на имущество организаций / Corporate Property Tax	7,4	194 960,7	562 070,31
транспортный налог / Vehicle Tax	8,9	4 330,9	11 889,20
земельный налог / Land Tax	7,7	–0,9	1 163,86
налог на имущество физических лиц / Property Tax for Individuals	–	–	–
Луганская Народная Республика / Luhansk People's Republic			
Доходы бюджета, всего / Budget revenues, total	202 048 987,7	186 634 537,2	212 261 068,70
Налоговые доходы / Tax revenues	33 238 212,2	59 492 119,4	71 292 733,29
Налоги на имущество, всего / Property taxes, total	2,2	143 439,9	189 181,31
в % к налоговым доходам / as a percentage of tax revenues	0,000007	0,24	0,27
в том числе / including:			
налог на имущество организаций / Corporate Property Tax	1,5	137 318,1	177 887,10
транспортный налог / Vehicle Tax	0,7	6 121,9	11 294,21
земельный налог / Land Tax	–	–	–
налог на имущество физических лиц / Property Tax for Individuals	–	–	–
Запорожская область / Zaporozhye region			
Доходы бюджета, всего / Budget revenues, total	84 408 845,2	77 014 619,3	85 903 154,70
Налоговые доходы / Tax revenues	8 904 846,2	23 474 917,0	29 939 292,78
Налоги на имущество, всего / Property taxes, total	–	17 928,4	1 936 115,95
в % к налоговым доходам / as a percentage of tax revenues	0,0	0,08	6,47
в том числе / including:			
налог на имущество организаций / Corporate Property Tax	–	15 750,0	1 922 411,03
транспортный налог / Vehicle Tax	–	2 178,4	13 635,17
земельный налог / Land Tax	–	–	69,76
налог на имущество физических лиц / Property Tax for Individuals	–	–	–
Херсонская область / Kherson region			
Доходы бюджета, всего / Budget revenues, total	62 787 351,5	15 005 816,0	57 109 049,70
Налоговые доходы / Tax revenues	5 134 823,6	13 469 798,7	15 052 214,17
Налоги на имущество, всего / Property taxes, total	–	1 720,3	10 752,94
в % к налоговым доходам / as a percentage of tax revenues	0,0	0,01	0,07
в том числе / including:			
налог на имущество организаций / Corporate Property Tax	–	1 166,4	2 787,05
транспортный налог / Vehicle Tax	–	553,9	7 965,88
земельный налог / Land Tax	–	–	–
налог на имущество физических лиц / Property Tax for Individuals	–	–	–

Источник / Source: Казначейство России. Исполнение бюджетов. Консолидированные бюджеты субъектов РФ и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov> (дата обращения: 28.04.2026) / Treasury of the Russian Federation. Budget Execution. Consolidated Budgets of the Subjects of the Russian Federation and Budgets of Territorial State Extra-Budgetary Funds. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov> (accessed on 28.04.2026).

В целом, удельный вес имущественных налогов в налоговых доходах консолидированных бюджетов новых субъектов РФ в 2025 г. по сравнению с 2023–2024 гг. увеличился в разы. Но при этом он еще, по понятным причинам, существенно отстает от уровня других регионов России. Например, в ДНР в 2024 г. налог на имущество организаций составил 0,25 тыс. руб./чел., а в соседней Ростовской области — 4,7 тыс. руб./чел.

В 2025 г. в некоторых муниципальных образованиях ДНР и Запорожской области начал взиматься земельный налог, удельный вес которого в имущественных налогах пока небольшой. Однако по мере внесения данных в Единый государственный реестр недвижимости и снятия моратория на имущество, пострадавшее в ходе боевых действий или находящееся в зоне ограниченного доступа, поступления будут увеличиваться. Постепенная отмена льгот (например, сужение перечня льготных категорий плательщиков в связи с переходом на налогообложение по кадастровой стоимости) будет способствовать увеличению доходов новых регионов.

2027 г., по-видимому, станет первым годом, в котором в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях будут начислены и уплачены все имущественные налоги, установленные Налоговым Кодексом Российской Федерации.

Сейчас можно констатировать, что подготовительный этап установления имущественных налогов, необходимый для снижения социальной нагрузки и легализации прав собственности, в основном завершен. Продолжается этап применения налоговых преференций, являющийся крайне важным для стимулирования инвестиций и восстановления инфраструктуры регионов. Завершающим этапом интеграции и стабилизации имущественного налогообложения новых регионов станет постепенное выравнивание налоговых ставок до общероссийского уровня, переход на кадастровую систему учета недвижимости и повышение бюджетной обеспеченности местных бюджетов.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ С УЧЕТОМ ДИНАМИКИ НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ РФ

Выполненный краткий обзор состояния имущественного налогообложения и динамики налоговых поступлений показывает процесс глубокой, но при этом «аккуратной» интеграции новых регионов

в правовое и экономическое поле Российской Федерации. Тем не менее остаётся ряд актуальных проблем, которые требуют повышенного внимания ученых и практиков.

Кадастровая оценка стоимости имущества

Существенной проблемой при налогообложении имущества являются сложности кадастровой оценки, без которой невозможно корректно рассчитать базу по налогообложению недвижимости организаций. В новых регионах оценка затруднена тем, что из-за дефицита информации зачастую сложно определить состояние местного рынка недвижимости, а также учесть все факторы, характеризующие ту или иную группу объектов. Отсюда — риск завышения сумм налога для объектов недвижимости в местах низкого рыночного спроса.

Решением вопроса может стать пересмотр стандартных «мирных» методик массовой оценки недвижимости. Зарубежный опыт постконфликтного восстановления в странах бывшей Югославии (Босния и Герцеговина, Хорватия) показывает, что в условиях отсутствия активного рынка недвижимости наряду со сравнительным подходом могут быть использованы затратный метод² (исходя из расходов на замещение объекта за вычетом физического и специфического износа), доходный метод³ (на основе анализа средних цен соседних зон, где совершено не менее трёх сделок купли-продажи недвижимости), индексация (использование фиксированных базовых ставок с ежегодной индексацией вместо переоценки)⁴.

Следует также обратить внимание на потенциал внедрения современных инструментов дистанционного мониторинга — использование спутниковых снимков и данных БПЛА, что позволит оперативно верифицировать состояние объектов без проведения трудоемких наземных работ.

² Žujo V., Car-Pušić D. Zileska Pancovska V. Cost and Experience Based Real Estate Estimation Model. Conference: 27th IPMA World Congress. 2014. URL: https://www.researchgate.net/publication/273314119_Cost_and_Experience_Based_Real_Estate_Estimation_Model (дата обращения: 20.04.2026).

³ Paragraf Lex d.o.o. Zakon o Porezima na Imovinu. 2001. URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_porezima_na_imovinu.html (дата обращения: 20.04.2026).

⁴ Mitrović D., Smodiš M. Implementation of Mass Valuation System in Slovenia and its impact to the Land Administration System. FIG Working Week 2017. Surveying the world of tomorrow — From digitalisation to augmented reality. Helsinki, Finland, May 29–June 2. URL: https://fig.net/resources/proceedings/fig_proceedings/fig2017/papers/p04g/P04G_mitrovic_smodis_8597.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

Регистрация имущества и подтверждение прав собственности

Остаются проблемными регистрация имущества и подтверждение прав собственности — зачастую их приходится переоформлять или подтверждать через суд, поскольку архивы утеряны или находятся на неподконтрольной территории.

В новых регионах РФ остается бесхозным и брошенным огромное количество недвижимого имущества. Это связано не только с ограничением доступа к объектам недвижимости вследствие разрушений и минирования территорий, но и с отсутствием возможности регистрации имущества владельцами, покинувшими эти регионы до их вхождения в состав Российской Федерации.

Опыт зарубежных стран показывает, что вариантами решения этих проблем могут стать:

- создание механизма дистанционной подачи заявок на восстановление прав собственности (через Госуслуги, без привлечения наднациональных или третьих инстанций);
- временное управление имуществом без права передачи собственности (в пределах строго определенных временных рамок), как, например, в Хорватии, Боснии и Герцеговине⁵;
- представление интересов отсутствующих владельцев третьими лицами (временными представителями) во избежание одностороннего аннулирования прав собственности⁶. Для налогообложения имущества в переходный период критически важно разделить право собственности и право пользования [13; 14]⁷. Установление статуса «временный плательщик» для фактического пользователя (например, арендатора) может помочь в решении проблемы временного отсутствия собственника недвижимости.

Учет реальных возможностей эксплуатации имущества

В настоящее время нормативно-правовые акты (решения) представительных органов муниципальных

образований о налогообложении имущества физических лиц не учитывают условия владения и пользования недвижимостью на территориях с ограниченными возможностями эксплуатации (например, временные трудности с подачей воды в некоторые районы новых регионов РФ). Недостаточное обеспечение правительством общественного блага должно повлечь за собой пересмотр налоговой нагрузки в соответствии с реально потребляемыми услугами. Для решения этого вопроса могут быть применены временные налоговые льготы, понижающие коэффициенты (мультипликаторы к кадастровой стоимости), налоговые каникулы или налоговые вычеты на благоустройство (самостоятельный подвод воды, бурение скважин и очистка).

Так, например, в Великобритании при отсутствии в доме базовых удобств — воды, канализации или отопления — объект недвижимости получает статус «Uninhabitable» (непригоден для проживания) и полностью освобождается от налогообложения сроком до 6–12 месяцев⁸. В США отсутствие воды рассматривается как критический дефект (функциональный износ, functional obsolescence) и веская причина для снижения оценочной стоимости до 30–50%⁹.

Выявление и решение этих вопросов является уникальным правовым и экономическим кейсом, когда фискальная политика напрямую зависит от процессов инвентаризации и постконфликтного восстановления, и поэтому введение имущественных налогов должно быть синхронизировано с поэтапным восстановлением налогового потенциала и экономики в целом.

Дифференциация налоговых режимов в зависимости от степени повреждения имущества и статуса его восстановления

Важной проблемой имущественного налогообложения является то, что постконфликтные территории в пределах одного и того же нового субъекта Российской Федерации очень неоднородны: отдельные районы сильно не пострадали или активно восстанавливаются, другие остаются разрушенными, обезлюдившими и небезопасными, третьи находятся на

⁵ Organization for Security and Co-operation in Europe OSCE Mission to Croatia. Access to housing for refugees. 2005. URL: <https://cdn.osce.org/sites/default/files/f/documents/3/f/46907.pdf> (дата обращения: 21.04.2026).

⁶ Organization for Security and Co-operation in Europe. OSCE Mission to Croatia. Access to housing for refugees. 2005. URL: <https://cdn.osce.org/sites/default/files/f/documents/3/f/46907.pdf> (дата обращения: 21.04.2026).

⁷ Van Houtte H. Commission for Real Property Claims of Displaced Persons and Refugees. Max Planck Encyclopedias of International Law. 2019. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law-mpeipro/e1320.013.1320/law-mpeipro-e1320> (дата обращения: 28.03.2026).

⁸ GOV.UK. How Council Tax works. URL: <https://www.gov.uk/council-tax/second-homes-and-empty-properties> (дата обращения: 31.03.2026). При этом если недвижимость не эксплуатируется более 2 лет, налог может быть увеличен на 100–300% для побуждения владельца к действиям.

⁹ NJ.GOV. Real Property Appraisal Manual For New Jersey Assessors. URL: <https://www.nj.gov/treasury/taxation/pdf/1pt/realpropertyappraisal.pdf> (дата обращения: 25.04.2026).

Таблица 2 / Table 2

Краткая характеристика рекомендуемых специальных налоговых режимов для недвижимого имущества / Brief description of recommended special tax regimes for real estate

Критерии / Criteria	РЕЖИМ А Зона разрушения / MODE A Destruction Zone	РЕЖИМ Б Зона восстановления / MODE B Recovery Zone	РЕЖИМ В Нормальная зона / MODE C Normal Zone
Статус безопасности и управления / Security and Management Status	Недавние военные действия или неустойчивая стабилизация; частичное восстановленные общественные услуги	Стабильная безопасность; восстановлены основные общественные услуги; в основном функционирует региональная (местная) администрация	Нормально функционирующее правовое государство; полная функциональность региональных (местных) органов власти
Физическое состояние активов / Physical condition of assets	Высокая доля разрушенных или непригодных зданий; нарушена работа инфраструктуры	Смешанное состояние: частично восстановленные объекты недвижимости; идут активные процессы восстановления	Большинство активов восстановлено; функционирует рынок недвижимости
Состояние имущественных прав / Status of property rights	Неполные кадастры объектов; активные судебные споры; инвентаризация в начальном состоянии	Существенный охват государственным реестром недвижимости; сокращение количества неразрешенных споров	Полный кадастр и реестр; регулярные обновления и небольшое количество неразрешенных споров
Методы оценки / Assessment methods	Отсутствие оценки или классификация на основе инвентаризации	Упрощенные прокси-показатели массовой оценки	Полная массовая оценка; периодическая переоценка (например, каждые 3–5 лет)
Земельный налог / Land Tax	Нулевой или символический, основанный на площади; широкие льготы (для загрязненных и небезопасных участков)	Дифференцированный по местоположению/использованию; надбавка за неиспользуемые земли; льготы на восстановление	Полный земельный налог; периодическая переоценка; налоговые положения против спекуляции
Налог на имущество / Property tax	Полное освобождение от налогообложения; исключение из кадастров уничтоженного/поврежденного имущества	Частичное налогообложение с использованием простых методов оценки; льготы для основного места жительства	Стандартное налогообложение (по кадастровой/рыночной стоимости); использование элементов прогрессивного налогообложения
Ориентировочные критерии перехода между режимами / Indicative criteria for the transition between regimes	Переход на режим Б: нет боевых действий в течение более 6 месяцев; >50% оцененного ущерба; восстановлены базовые общественные услуги	Переход на режим В: >70–80% восстановленной недвижимости; >85–90% земельных участков зарегистрировано	Устойчивые показатели налоговой эффективности (например, <10–15% налогового разрыва)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

промежуточных этапах. В таких условиях единый однородный налоговый режим для недвижимого имущества может оказаться социально неприемлемым, «наказывающим» отстающие территории или искажающим инвестиционные стимулы в приграничных районах.

Для решения этой проблемы может быть использован подход, предусматривающий установление дифференцированных режимов налогообложения недвижимого имущества посредством выделения в рамках территорий новых субъектов РФ трех специальных налоговых режимов для недвижимого имущества: режим А — зона критических разрушений; режим Б — зона восстановления; режим В — нормальная зона (табл. 2).

Режим А предназначен для серьезно поврежденных или недавно освобожденных территорий. Здесь основной целью политики является не мобилизация

налоговых поступлений в бюджет, а восстановление правового контроля над землей и недвижимостью. Налогообложение функционирует как институциональный инструмент регистрации и регулирования, а не как инструмент обычной фискальной политики.

Режим Б применяется в случае стабилизации в сфере безопасности и осуществления активных восстановительных работ. Налоговая система играет здесь смешанную роль — она начинает приносить определенные доходы, одновременно формируя стимулы для формализации прав собственности и эффективного использования активов.

Режим В представляет собой этап нормализации фискальной политики в сфере налогообложения недвижимости. После достижения пороговых значений показателей восстановления экономики налог на имущество может функционировать как обычный адвалантный инструмент с регулярными циклами пе-

Таблица 3 / Table 3

Рекомендуемая последовательность налогообложения недвижимости в разрезе специальных налоговых режимов / Recommended sequence of real estate taxation in the context of special tax regimes

Режим / Mode	Объекты / Objects		Субъекты / Subjects	
	Земля / Land	Здания и сооружения / Buildings and structures	Физические лица / Individuals	Юридические лица / Legal entities
А / А	Символическое обложение	Освобождение от налогов	Освобождение от налогов	Обложение по декларациям
Б / В	Дифференцированное обложение	Частичное обложение	Льготное обложение	Умеренное обложение
В / С	Полное обложение	Полное обложение	Прогрессивное обложение	Стандартное обложение

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

реоценки и стандартным обеспечением соблюдения налоговых норм.

При этом юридические лица должны входить в налоговую систему раньше, чем домохозяйства, отражая их явно больший административный потенциал и относительно быстрое восстановление доходов (что сейчас и наблюдается на практике) (табл. 3).

Для практического внедрения территориально дифференцированных режимов налогообложения недвижимости в постконфликтной экономике требуется выполнить несколько предварительных условий.

Во-первых, необходимо разработать надежную и прозрачную систему оценки ущерба имуществу, чтобы классифицировать землю и строения в соответствии с их функциональным статусом. Такая классификация должна основываться на стандартизированных технических критериях и независимой экспертизе, чтобы свести к минимуму произвол и риски судебных разбирательств. Полученные данные можно будет интегрировать в географически ориентированные реестры, которые свяжут в единую систему статус ущерба, записи о правах собственности и систему налогового администрирования, тем самым обеспечивая соответствие налоговых обязательств объективно проверенным условиям на местах.

Во-вторых, ход восстановления должен контролироваться с помощью формализованной системы отчетности, включающей количественные критерии перехода к новому режиму. Это требует координации между органами управления, ответственными за финансы и налоги, управление земельными ресурсами, региональное развитие и инфраструктуру, а также публикации показателей территориального восстановления.

В-третьих, дифференцированные режимы должны опираться на четкую законодательную основу. Рамочное законодательство должно предусматри-

вать классификацию территорий в соответствии со статусом восстановления, определять правовые последствия для методов налоговой оценки и оценки в рамках каждого из установленных режимов, а также устанавливать объективные критерии для перехода между ними.

Предложенная территориальная дифференциация может осуществляться путем присвоения налоговых статусов А, Б, В целым административно-территориальным единицам (районам) субъекта РФ, что будет обеспечивать стабильность фискальных границ и минимизировать издержки государственного администрирования.

Таким образом, повышение эффективности налогообложения недвижимости в постконфликтных условиях требует дальнейшего развития нормативно-правового обеспечения, создания надежных систем территориальных данных и прозрачных институциональных механизмов координации, которые будут согласовывать фискальную политику с динамикой восстановления налогового потенциала новых регионов.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования состояния и перспектив развития имущественного налогообложения на новых территориях Российской Федерации позволяют сформулировать ряд выводов, определяющих стратегию его интеграции в единое экономическое и правовое поле страны, и предполагают постепенное наращивание фискальной нагрузки по мере восстановления налогового потенциала территорий. Для решения этой задачи авторы разработали следующие рекомендации:

- В части развития методологических подходов к кадастровой оценке имущества предлагается использовать адаптивные методики, апробированные

в мировой практике постконфликтного регулирования (например, в странах бывшей Югославии). К ним, в частности, относятся методы затрат и индексации фиксированных базовых ставок. Следует также обратить внимание на потенциал внедрения инструментов дистанционного мониторинга, позволяющих оперативно верифицировать состояние объектов недвижимости без проведения трудоемких наземных работ.

- В части легитимизации прав собственности и улучшения регистрационного учета рекомендуется внедрять гибкие правовые механизмы в форме дистанционной подачи заявок на восстановление прав, а также временное разделение прав собственности и пользования, что позволит вовлечь имущество в экономический оборот и будет способствовать обеспечению налоговых поступлений в бюджет.

- В части учета реальных условий эксплуатации имущества целесообразно применение механизмов налоговых каникул, льгот или признания объекта «непригодным для проживания». Это позволит не только восстановить социальную справедливость, но и будет формировать стимулы для самостоятельного восстановления объектов соб-

ственниками через систему налоговых вычетов на благоустройство.

- В части введения территориально дифференцированных налоговых режимов следует применять зонирование налогообложения недвижимости по принципу налогового «светофора». Такой подход направлен на соблюдение принципа социальной справедливости в налогообложении недвижимости и обеспечение плавности процесса восстановления территорий внутри одного субъекта РФ.

Успешная имплементация предложенных мер требует соблюдения очередности вовлечения субъектов в налоговый оборот: юридические лица, обладающие более высоким административным ресурсом, должны адаптироваться к системе раньше, чем домохозяйства. Реализация данных рекомендаций позволит ускорить процесс трансформации имущественного налогообложения в постконфликтный период из обычного фискального инструмента в гибкий механизм государственного регулирования, направленный на синхронизацию темпов экономического возрождения и правовой интеграции новых территорий.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bird R.M., Slack E., eds. International handbook of land and property taxation. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2004. 320 p.
2. Егорова Е.В., Лошкарев М.И. Актуальные вопросы развития налоговой системы новых регионов Российской Федерации. *Криминологический журнал*. 2024;(3):252-255. DOI: 10.24412/2687-0185-2024-3-252-255
3. Киреева Е.Ф., Поздняев А.С. Налогообложение в постконфликтных регионах: практика обеспечения стабильности. *Известия БГУ*. 2024;34(3):418-425. DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(3).418-425
4. Вишнеvский В.П., Матюшин А.В., Стельмахова Н.В. Налоговое регулирование экономического роста в условиях послекризисного восстановления: проблемы и перспективы. *Проблемы прогнозирования*. 2025;1(208):109-123. DOI: 10.47711/0868-6351-208-109-123
5. Виндижева Б.Ч. К вопросу о налоговом стимулировании экономики новых регионов Российской Федерации. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2024;8(114):37-43. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-8-37-43
6. Хузина А.Ф., Рубанов И.О. Фискальные инструменты интеграции новых регионов в экономику России: проблемы и перспективы. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024;12:253-260. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-12-23
7. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144-154. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154

8. Гончаренко Л.И., Вишневский В.П., Гурнак А.В., ред. Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России: монография. Москва: КноРус; 2023. 486 с.
9. Адвокатова А.С. Налоговый контроль в условиях модификации отношений налоговых органов и налогоплательщиков: монография. Москва: Русайнс; 2020. 190 с.
10. Гончаренко Л.И., Гончаренко М.А. Налоговое стимулирование инноваций как инструмент обеспечения технологического суверенитета России. *Инновации и инвестиции*. 2025;10:336-340.
11. Гончаренко Л.И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(4):108-121. DOI:10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121
12. Гончаренко Л.И., Тихонова А.В., Адвокатова А.С. и др. Налоговые риски государства в современных экономических условиях: монография. Гончаренко Л.И., Тихонова А.В., ред. Москва: КноРус; 2022. 219 с.
13. Garlick M. Protection for property rights: A partial solution? The Commission for Real Property Claims of Displaced Persons and Refugees (CRPC) in Bosnia and Herzegovina. *Refugee Survey Quarterly*. 2000;19(3):64-85. DOI: 10.1093/rsq/19.3.64
14. Zodrow G.R. The Property tax as a capital tax: A room with three views. *National Tax Journal*. 2001;54(1):139-156. DOI: 10.17310/ntj.2001.1.07

REFERENCES

1. Bird R.M., Slack E., eds. International handbook of land and property taxation. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2004. 320 p.
2. Egorova E.V., Loshkarev M.I. Current issues of tax system development in new regions of the Russian Federation. *Kriminologicheskii zhurnal = Criminological Journal*. 2024;(3):252-255. (In Russ.). DOI: 10.24412/2687-0185-2024-3-252-255
3. Kireeva E.F., Pozdnyayev A.S. Taxation in post-conflict regions: Practices for ensuring stability. *Izvestiya BGU = Bulletin of BSU*. 2024;34(3):418-425. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-2759.2024.34(3).418-425
4. Vishnevsky V.P., Matyushin A.V., Stel'makhova N.V. Tax regulation of economic growth in the context of post-crisis recovery: Problems and prospects. *Studies on Russian Economic Development*. 2025;36(1):66-76. (In Russ.). DOI: 10.47711/0868-6351-208-109-123
5. Vindizheva B. Ch. On the issue of tax incentives for the economy of new regions of the Russian Federation. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*. 2024;8(114):37-43. (In Russ.). DOI: 10.24412/2411-0450-2024-8-37-43
6. Huzina A.F., Rubanov I.O. Fiscal instruments for integrating new regions into the Russian economy: Problems and prospects. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-economic and Social Sciences*. 2024;12;253-260. (In Russ.). DOI: 10.24412/2220-2404-2024-12-23
7. Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144-154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154
8. Goncharenko L.I., Vishnevsky V.P., Gurnak A.V., eds. Study of alternative concepts of tax regulation as a factor in ensuring the new industrial revolution in Russia: Monograph. Moscow: KnoRus; 2023. 486 p. (In Russ.).
9. Advokatova A.S. Tax control in the context of modification of relations between tax authorities and taxpayers: Monograph. Moscow: Rusajns; 2020. 190 p. (In Russ.).
10. Goncharenko L.I., Goncharenko M.A. Tax incentives for innovation as a tool for ensuring Russia's technological sovereignty. *Innovations and Investments = Innovatsii i investitsii*. 2025; 10: 336-340. (In Russ.).
11. Goncharenko L.I. Tax preferences in the spatial development of the country: The terminological aspect of the study. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: theory and practice*. 2024; 28 (4):108-121. (In Russ.). DOI:10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121
12. Goncharenko L.I., Tikhonova A.V., Advokatova A.S. etc. Tax risks of the state in modern economic conditions: Monograph. Moscow: KnoRus; 2022. 219 p. (In Russ.).
13. Garlick M. Protection for property rights: A partial solution? The Commission for Real Property Claims of Displaced Persons and Refugees (CRPC) in Bosnia and Herzegovina. *Refugee Survey Quarterly*. 2000;19(3):64-85. DOI: 10.1093/rsq/19.3.64
14. Zodrow G.R. The property tax as a capital tax: A room with three views. *National Tax Journal*. 2001;54(1):139-156. DOI: 10.17310/ntj.2001.1.07

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Валентинович Богачев — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономико-правовых исследований и экспертиз, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Sergey V. Bogachev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Leader Research Assoc., Research Center for Economic and Legal Research and Expertise, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-8938-0315>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
svbogachev@fa.ru

Валентин Павлович Вишнеvский — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономико-правовых исследований и экспертиз, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Valentin P. Vishnevsky — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Leader Research Assoc., Research Center for Economic and Legal Research and Expertise, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-8539-0444>
vvishn@mail.ru

Ольга Валентиновна Мандрощенко — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga V. Mandroshchenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1385-5417>
OVMandroshchenko@fa.ru

Наталья Николаевна Пономаренко — первый заместитель министра финансов Донецкой Народной Республики, Министерство финансов Донецкой Народной Республики, Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

Natalya N. Ponomarenko — First Deputy Minister of Finance of the Donetsk People's Republic, Ministry of Finance of the Donetsk People's Republic, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0007-7758-0145>
n.ponomarenko@minfindnr.ru

Заявленный вклад авторов:

С.В. Богачев — научное руководство, обеспечение содержательного наполнения статьи.

В.П. Вишнеvский — структурирование статьи, анализ отечественной и зарубежной практики.

О.В. Мандрощенко — подбор литературы, обобщение информации.

Н.Н. Пономаренко — проведение критического анализа материалов, сбор данных и доказательств, формирование выводов.

Authors Contribution Statement:

S.V. Bogachev — scientific supervision, providing meaningful paper's content.

V.P. Vishnevsky — the paper's structuring, analysis of domestic and foreign practice.

O.V. Mandroshchenko — choosing of literature, generalization of information.

N.N. Ponomarenko — conducting a critical analysis of materials, collection of data and evidence, formation of conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 04.05.2026; принята к публикации 30.06.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 04.05.2026; accepted for publication 30.06.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-156-164
УДК 336.64(045)
JEL H2, H3

Политика налогового стимулирования территорий с особым экономическим статусом Дальнего Востока и Арктики: развитие территорий или ускорение пространственной поляризации?

О.А. Синенко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли налоговых инструментов развития территорий с особым экономическим статусом (ТОЭС) Дальнего Востока и Арктики. **Цель** работы — критический анализ итогов функционирования ТОЭС на Дальнем Востоке, оценка системных рисков перехода к единому преференциальному режиму и обоснование подхода к налоговому стимулированию, ориентированного на развитие макрорегиона с учетом его институциональной, демографической и экологической специфики. Установлено, что инициатива введения единого преференциального режима на территории Дальнего Востока и Арктики, несмотря на внешнюю привлекательность унификации, несет в себе системные риски: нивелирование различий в стартовых условиях, обострение межрегиональной конкуренции. Представлен сравнительный анализ двух стратегий: «широких льгот для всех» и «точечных льгот» («концентрированных стимулов»). С помощью верифицированной гибридной модели в среде имитационного моделирования AnyLogic 7.0 были проведены два вычислительных эксперимента, сравнивающих эффективность различных стратегий налогового стимулирования на горизонте до 2050 г. В **результате** исследования установлено, что в условиях негативной демографической динамики и специфики институциональной среды точечные стимулы, предусматривающие предоставление налогового вычета в размере 50% от суммы инвестиций резидентам ТОЭС при условии участия в программах ГЧП и выполнения целевых показателей, демонстрируют большую результативность. Сделан **вывод** о необходимости отказа от универсального применения налоговых инструментов в пользу контекстуально-зависимого проектирования, увязывающего предоставление льгот не только с объемом инвестиций, но и ключевыми показателями социально-экономического развития территории. **Ключевые слова:** налоговое стимулирование; Дальний Восток; Арктика; территории с особым экономическим статусом; имитационное моделирование; налоговые расходы; единый преференциальный режим; ТОЭС

Для цитирования: Синенко О.А. Политика налогового стимулирования территорий с особым экономическим статусом Дальнего Востока и Арктики: развитие территорий или ускорение пространственной поляризации? *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):156-164. DOI: 10.26794/1999-849X 2026–19–4-156-164

ORIGINAL PAPER

Tax Incentive Policy for Territories with Special Economic Status in the Far East and the Arctic: Territorial Growth or Spatial Polarization?

O.A. Sinenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The study's **relevance** stems from it examines how tax mechanisms should be re-evaluated to support the growth of territories with special economic status (TSES) in the Far East and Arctic. This paper **aims** to thoroughly investigate the TSES system's outcomes in the Far East. It will also evaluate the inherent risks involved in adopting a single preferential system and propose a strategy for tax incentives tailored to the macro-region's growth, considering its unique institutional, demographic, and environmental factors. The author pointed out that unifying the preferential

regime in the Far East and Arctic, while seemingly attractive, poses systemic risks such as equalizing initial conditions and increasing competition between regions. The research presented a comparative analysis of two strategies: "broad benefits for all" and "targeted benefits" (concentrated incentives). The research performed two computational experiments using a verified hybrid model in AnyLogic 7.0 simulation environment, comparing the effectiveness of various tax incentive strategies through 2050. Considering negative demographic trends and the current institutional landscape, the study's **results** determined that specific incentives, like a 50% tax deduction on investment for TSES residents in public-private partnership programs who achieve set goals, are more successful. Instead of a one-size-fits-all approach to tax instruments, the study's **conclusion** favored a context-specific design, connecting incentive provision to investment volume and vital regional socioeconomic development indicators.

Keywords: tax incentives; Far East; Arctic; territories with special economic status; simulation modeling; tax expenditures; single preferential regime; TSES

For citation: Sinenko O.A. Tax incentive policy for territories with special economic status in the Far East and the Arctic: Territorial growth or spatial polarization? *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):156-164. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-156-164

ВВЕДЕНИЕ

Современная парадигма регионального развития РФ характеризуется активным использованием института территорий с особым экономическим статусом (далее — ТОЭС) в качестве драйвера ускоренного социально-экономического роста. Наибольшая концентрация таких зон наблюдается в Дальневосточном федеральном округе (далее — ДФО) и Арктической зоне, где с 2015 года созданы и функционируют территории опережающего развития (далее — ТОР), Свободный порт Владивосток (далее — СПВ), специальные административные районы (далее — САР) на о. Русский, Особая экономическая зона в Магаданской области и преференциальный режим на Курильских островах (далее — КОРФ), Международные территории опережающего развития (далее — МТОР). Логика создания данных территорий предполагала, что беспрецедентный пакет налоговых льгот и административных преференций станет катализатором притока инвестиций, модернизации экономики и, как следствие, улучшения качества жизни населения. Тем не менее спустя десятилетие с момента начала функционирования данных механизмов регулирования, в научном дискурсе и аналитических материалах накапливаются факты, указывающие на несоответствие достигнутых результатов первоначально заявленным целям. Рост количества резидентов и задекларированных инвестиций зачастую не конвертируется в сопоставимый прирост рабочих мест, налоговых доходов бюджетной системы и мультипликативных эффектов в смежных отраслях. Более того, предлагаемая институциональная эволюция — от создания разрозненных режимов к проекту единого преференциального режима (далее — ЕПР) с 2027 г. — вызывает вопросы о глубине проработки последствий такой

унификации для макрорегиона, занимающего более 65% площади страны.

Данное исследование нацелено на комплексную оценку результатов функционирования ТОЭС на Дальнем Востоке, идентификацию системных угроз при внедрении унифицированного преференциального режима и обоснование альтернативного подхода к налоговому стимулированию, ориентированного на развитие макрорегиона с учетом его институциональной, демографической и экологической специфики. Гипотеза исследования заключается в том, что переход на траекторию устойчивого развития требует не масштабирования унифицированных льгот, а применения концентрированных налоговых стимулов, способных генерировать инновационную среду и преодолевать негативные макроэкономические тренды.

ТЕРРИТОРИИ С ОСОБЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ДЕКЛАРАЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

ДФО выступает абсолютным лидером в России по числу и разнообразию преференциальных режимов. По состоянию на начало 2025 г. здесь функционируют 18 территорий опережающего развития (включая две в Арктической зоне РФ), режим СПВ распространяется на 22 муниципальных образования, действуют САР, ОЭЗ «Магадан» и особый режим на Курильских островах, которые предоставляют инвесторам значительные налоговые преференции: пониженные тарифы страховых взносов (7,6%), нулевые ставки по налогу на прибыль (на первые 5 лет) и налогу на имущество организаций, льготы по земельному налогу и понижающие коэффициенты по НДС [1]. Однако, как показывают результаты анализа, данный

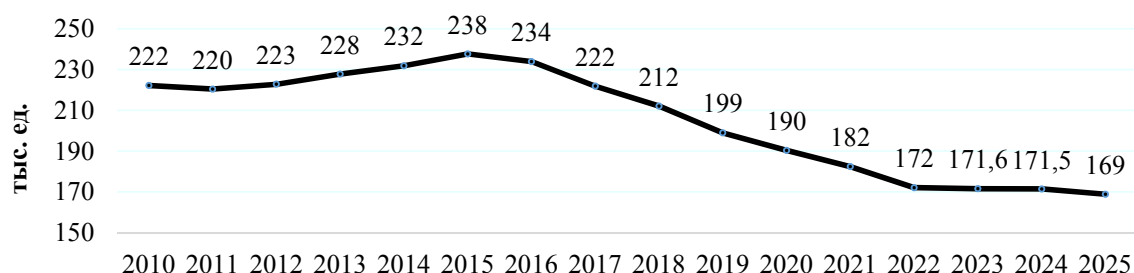

Рис. 1 / Fig. 1. Количество организаций, зарегистрированных в субъектах ДФО за период 2010–2025 гг. / Number of organizations registered in the Far Eastern Federal District (FEFD) for the period 2010–2025

Источник / Source: составлено автором по данным ФНС РФ / compiled by the author based on data from the Federal Tax Service of the Russian Federation.

набор инструментов во многом явился «импортом» институциональных форм (СПВ, ОЭЗ, САР) без должной адаптации к уникальным условиям территории. Формальное копирование успешных мировых практик без учета низкой плотности населения, суровых климатических условий, неразвитости инфраструктуры и специфики расселения привело к слабой результативности.

Анализ динамики количества зарегистрированных организаций в субъектах ДФО за 2010–2025 гг. демонстрирует тревожную тенденцию. Если в 2015 г., на старте активной фазы создания ТОЭС, в округе насчитывалось около 415 тыс. организаций, то к началу 2025 г. их число сократилось до 409 тыс., достигнув минимума в 2023 г. (404,5 тыс.). При этом количество резидентов ТОЭС составило всего 2986 ед., или менее 1,7% от общего числа организаций ДФО (рис. 1). Из них 1986 приходятся на СПВ, 829 — на ТОР и лишь 30 — на Курилы, что ставит под сомнение тезис о массовом характере применения преференциальных режимов и их доступности для малого и среднего предпринимательства.

Дополнительную доказательную базу формирует статистика осуществления проектов. В пределах территорий опережающего развития отмечается неблагоприятная динамика: разрыв между количеством подписанных инвестиционных договоров и числом проектов, доведенных до стадии промышленной эксплуатации, демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. На 1 января 2025 г. количество резидентов ТОР ДФО достигло 829, при этом число проектов, выведенных на стадию практической реализации, составило на 1 января 2024 г. 240 единиц. По Свободному порту Владивосток введено в действие лишь около 18% проектов от числа заключенных соглашений. При этом с 2024 г. институты развития перешли на отчетность по задеклариро-

ванным целям (заключенным соглашениям), а не по фактическому исполнению, что дополнительно маскирует реальную ситуацию¹.

Ключевыми индикаторами, по которым принято оценивать эффективность функционирования ТОЭС, являются создание рабочих мест и привлечение инвестиций. Анализ данных за 2015–2024 гг. позволяет сделать вывод о системных дисбалансах в достижении этих показателей. Согласно данным Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики (далее — КРДВ), по состоянию на начало 2025 г. в соглашениях с резидентами ТОЭС запланировано создание 294,4 тыс. рабочих мест по ДФО (115 042 — СПВ, 178 077 — ТОР, 486 — КОФ, 805 — САР) и 28,75 тыс. рабочих мест в Арктической зоне РФ (далее — АЗРФ). Однако фактически создано менее 2% мест от общей численности занятых в экономике ДФО.

Более того, по данным Счетной Палаты РФ, выявлена высокая степень концентрации: 89% всех фактически созданных рабочих мест приходится на 50 крупнейших резидентов (5% от их общего числа), причем значительная часть из них (более 20%) функционирует вахтовым методом, что не способствует закреплению населения на территории и формированию устойчивых локальных сообществ и противоречит стратегической цели освоения Дальнего Востока². Выявленная диффе-

¹ Отчёты о деятельности АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики», 2026. URL: <https://erdc.ru/about/reports/> (дата обращения: 01.02.2026).

² Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка результативности деятельности акционерного общества «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики», результатов реализации федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 годы» и применения преференциального режима на Куриль-

ренциация в количестве созданных рабочих мест одним резидентом по СПВ: в Камчатском крае — 10, Приморском крае — 22, Сахалинской области — 50 свидетельствует об отсутствии единообразной модели создания рабочих мест в рамках преференциальных режимов и указывает на необходимость учета региональной специфики и отраслевой структуры реализуемых проектов при формировании подходов к налоговому стимулированию.

Общий объем запланированных инвестиций в ТОЭС ДФО и АЗРФ оценивается в 10 108,2 млрд руб. (на 01.01.2025), в том числе 9105,2 млрд руб. — ДФО (из них 7 228 млрд руб. приходится на СПВ, 1 866 млрд руб. — на ТОР, 5,5 млрд руб. — КОРФ, 5,7 млрд руб. — САР), 1003 млрд руб. — АЗРФ. Однако анализ выполнения инвестиционных планов резидентами выявляет критическое отставание. По Свободному порту Владивосток накопленный объем инвестиций за 2015–2023 гг. составил лишь 333 млрд руб. против 2134 млрд руб. заявленных (менее 16%). Анализ функционирования территорий опережающего развития (ТОР) в ДФО демонстрирует относительно более благоприятную динамику по сравнению с общими показателями, однако фактические результаты также обнаруживают расхождение с плановыми параметрами. Степень выполнения программных индикаторов варьируется в диапазоне 30–40% в зависимости от конкретного субъекта РФ. Существенной особенностью является крайне высокая межрегиональная дифференциация: средний объем фактических инвестиций в расчете на одного резидента колеблется от 0,23 млрд руб. в Республике Бурятия до 29,25 млрд руб. в Амурской области, что объясняется реализацией на территории последней крупномасштабных инфраструктурных проектов. В целом, по данным Счетной Палаты РФ, около 80% всех инвестиций в ТОР приходится на единичные мегапроекты стоимостью более 100 млрд руб., что не создает диверсифицированной инвестиционной среды.

Налоговые льготы и преференции, будучи инструментом стимулирования экономической активности, по своей экономической природе представляют собой так называемые «налоговые

расходы» бюджетной системы, имманентным требованием к их применению выступает последующая окупаемость за счет прироста бюджетных доходов. По результатам проведенного анализа за 2015–2025 гг. сумма налоговых расходов в ТОЭС ДФО и Арктики превысила 500 млрд руб. Структура выпадающих доходов включает более 140 млрд руб. по страховым взносам, 212 млрд руб., образовавшихся вследствие освобождения от уплаты таможенных пошлин, и 85 млрд руб., недополученных в части налога на прибыль организаций.

Главный дисбаланс заключается во временном лаге: эффект «налоговых каникул» для резидентов не компенсируется адекватным приростом доходов от вторичных мультипликативных эффектов. Более того, преференции провоцируют налоговую миграцию и дробление бизнеса [2] для входа в льготный режим, что искажает конкурентную среду и не создает добавленной стоимости. Таким образом, фискальная эффективность преференциальных режимов остается отложенной и носит гипотетический характер [3].

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ «ЕДИНОГО ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО РЕЖИМА»: АРХИТЕКТУРА И СИСТЕМНЫЕ РИСКИ

В целях институциональной унификации преференциальных механизмов Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики инициирует введение с января 2027 г. единого преференциального режима (ЕПР), объединяющего территории опережающего развития, Свободный порт Владивосток и Курильские острова³. Предполагается, что поддержка будет адресована новым инвестиционным проектам с минимальным порогом капиталовложений 10 млн руб. Льготный период установлен в 10 лет. Ключевые новации — экстерриториальность (привязка преференций к проекту, а не участку) и ускоренная амортизация для проектов технологического суверенитета.

На первый взгляд, внедрение единого преференциального режима представляется оптимальным институциональным решением, так как направлено на унификацию регуляторной среды и снижение административного бремени. Однако системные риски способны нивелировать ожидаемый эффект.

ских островах в 2021–2023 годах (с учетом информации Контрольно-счетной палаты Сахалинской области)». Утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 26 декабря 2024 года. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/be0/jo81wakez5n90hsir0wrobq7tftp0umu.pdf> (дата обращения: 08.02.2026).

³ Чекунков: единый префрежим на Дальнем Востоке будет действовать до 2100 года. Министр РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексей Чекунков. ТАСС. Экономика и бизнес. 05.03.2026. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26657053> (дата обращения: 15.03.2026).

Во-первых, объединение территорий с полярно различающимися природно-климатическими и инфраструктурными условиями (от экстремальной Чукотки до Владивостока) создает «иллюзию равенства»: стандартный набор льгот при асимметрии стартовых потенциалов приведет к концентрации инвестиций в сложившихся центрах, усугубляя периферийность депрессивных регионов. Во-вторых, распространение ЕПР на почти 70% площади страны повышает бюджетную нагрузку и провоцирует «гонку уступок» между субъектами за инвесторов — через субсидии, инфраструктурное обеспечение и административный ресурс снижая совокупную общественную эффективность распределения капитала.

Аналогичный механизм межтерриториальной конкуренции наблюдался в КНР более 25 лет назад. В ответ на переориентацию инвестиционных потоков в пользу Шанхая группа прилегающих городов в 2000 г. реализовала стратегию «X+1», предусматривавшую предоставление дополнительной преференции сверх базового пакета Шанхая (X). Шанхай, в свою очередь, расширил периметр зон экономического и технологического развития (ETDZ) с 67 до 173 км², что иллюстрирует раскручивание «спирали уступок» в условиях горизонтальной конкуренции юрисдикций⁴.

В работе О. Parcerо обосновывается, что межрегиональная конкуренция за ТНК создает дисбаланс, смещая выгоды в пользу инвестора в ущерб национальным интересам. Стремясь минимизировать данные потери, правительство вынуждено прибегать к инструментам, создающим асимметрию условий даже в однородной среде [4]. Согласно выводам М. Троянской, доминирующей стратегией налоговой конкуренции российских регионов выступает повышение инвестиционной привлекательности. Наиболее востребованными инструментами при этом служат дополнительные льготы по региональным налогам и дифференциация ставок НДФЛ [5].

Кроме того, ряд учёных подтверждает высокую эффективность специализации в рамках территорий с особым экономическим статусом. Например, Chen и другие исследователи установили прямую

зависимость между созданием специализированных промышленных зон и ростом национальной добавленной стоимости. Агломерация производств стимулирует импортозамещение, усиливая связанность региональных производственных циклов и повышая устойчивость цепочек поставок [6]. Hsu и его коллеги эмпирически доказали, что кластеризация производств в особых экономических зонах Тайваня выступает критическим фактором привлечения квалифицированных кадров, служит драйвером повышения общей конкурентоспособности [7].

Таким образом, в отличие от многоотраслевых особых экономических зон, территории, ориентированные на развитие конкретных промышленных кластеров или высокотехнологичных секторов, в полной мере реализуют потенциал агломерационных эффектов. Подобная отраслевая концентрация способствует трансферу знаний и привлечению профильных высококвалифицированных кадров, а также укрепляет локальные производственно-сбытовые цепочки, что в совокупности обеспечивает ускорение темпов внутреннего экономического роста [8; 9].

МЕТОДОЛОГИЯ ОБОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ: ГИБРИДНЫЙ ПОДХОД

Осознание ограниченности существующих подходов и рисков унификации потребовало разработки принципиально иной методологической базы для обоснования политики налогового стимулирования. Предлагаемый автором методический подход базируется на синтезе двух ключевых методов: агент-ориентированного моделирования (AB) и системной динамики (SD) [10].

Необходимость применения гибридного подхода продиктована природой исследуемого объекта: решения экономических агентов на микроуровне (резидентов ТОЭС) под влиянием налоговых стимулов формируют макроэкономические, демографические и экологические тренды, которые, в свою очередь, через обратные связи влияют на поведение агентов.

Предложенная макрорегиональная модель включает две подсистемы: агент-ориентированную (экономика и технологии) и системно-динамическую (социо-эколого-демографические процессы). Типология агентов (инноваторы/имитаторы в ТОЭС и вне их) обеспечивает тонкую настройку поведенческих реакций на налоговое стимулиро-

⁴ Asian Development Bank. Asian economic integration report 2015: How can special economic zones catalyze economic development? Manila: Asian Development Bank; 2015. Available from: URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/177205/asian-economic-integration-report-2015.pdf> (дата обращения: 05.02.2026).

Рис. 2 / Fig. 2. Схема методического подхода налогового стимулирования устойчивого развития макрорегиона, включающего территории с особым экономическим статусом / Scheme of a methodological approach to tax incentives for a macroregion's sustainable development, including territories with special economic status

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

вание. Ключевая особенность — учет демографической динамики и экологического состояния, определяющих рынок труда и устойчивость развития ДФО через механизмы рождаемости, смертности, миграции и загрязнения среды (рис. 2).

Параметризация модели осуществлена на основе обширного массива статистических данных Росстата и ФНС по ДФО за 2010–2021 гг. (в сопоставимых ценах), включая демографические показатели, характеристики предприятий, инвестиции, бюджетные доходы и экологические параметры. Модель реализована в среде имитационного моделирования AnyLogic 7.0 [11]. С помощью верифицированной гибридной модели были проведены два вычислительных эксперимента, сравнивающих эффективность различных стратегий налогового стимулирования на горизонте до 2050 г.

Сценарий А: «Широкие стимулы» (далее — ШНС). Предусматривает равномерное снижение эффективных ставок основных налогов (налог на прибыль организаций, налог на имущество, страховые взносы) на 25% для всех экономических агентов ДФО вне зависимости от их статуса и отраслевой принадлежности.

Сценарий Б: «Точечные стимулы» (далее — ТНС). Предусматривает предоставление концентриро-

ванного налогового вычета в размере 50% от суммы инвестиций исключительно резидентам ТОЭС при условии участия в программах государственно-частного партнерства и выполнения целевых показателей.

Результаты моделирования (см. таблицу) демонстрируют принципиальные различия результатов применения стратегий налогового стимулирования.

Стратегия широких стимулов демонстрирует крайне слабое и неустойчивое положительное влияние на экономику в среднесрочном периоде (2031–2040 гг.), сменяющееся отрицательной динамикой в долгосрочном. При этом она не оказывает практически никакого влияния на численность населения, но существенно ухудшает бюджетный баланс, увеличивая дефицит. Напротив, точечные стимулы обеспечивают более стабильный, хотя и умеренный, прирост выпуска продукции и заработной платы. Однако и данная стратегия не способна переломить негативные демографические тренды. К 2050 г. прирост выпуска в сценарии точечных стимулов нивелируется практически до нуля на фоне продолжающегося сокращения и старения населения.

Проведенное моделирование позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых,

Сравнительная эффективность стратегий налогового стимулирования (прирост к базовому сценарию, процентных пунктов) / Comparative effectiveness of tax incentive strategies (increase to the baseline scenario, percentage points)

Прирост по сравнению с базовым сценарием, п.п. / Increase compared to the baseline scenario, percentage points	В среднем / In average					
	2021–2030		2031–2040		2041–2050	
	THC / Point stimuli	ШНС / Broad incentives	THC / Point stimuli	ШНС / Broad incentives	THC / Point stimuli	ШНС / Broad incentives
численности населения	0,00	0,00	–0,01	0,00	–0,04	0,00
объёмов выпуска продукции	+0,21	–0,15	+0,33	+0,25	+0,02	–0,11
средней заработной платы	+0,19	–0,07	+0,20	+0,05	+0,06	0,00
выбросов в атмосферу	+0,05	+0,01	+0,13	0,00	+0,11	–0,01
бюджетного дефицита*	+0,60	+0,39	+0,75	+1,05	+0,62	+1,18

Источник / Source: Составлено автором по результатам расчетов в среде имитационного моделирования AnyLogic 7.0 / compiled by the author based on the results of calculations in the AnyLogic 7.0 simulation environment.

Примечание / Note: * по отношению к выпуску / * to the release.

универсальные («широкие») налоговые преференции не являются эффективным инструментом в условиях российского Дальнего Востока, так как не создают устойчивых стимулов для инноваций, не решают проблему занятости и лишь увеличивают нагрузку на бюджетную систему.

Во-вторых, точечные, концентрированные стимулы, увязанные с конкретными проектами и целевыми показателями, демонстрируют большую результативность и способны инициировать инновационную активность, а также поддерживать экономический рост в среднесрочной перспективе [12].

В-третьих, налоговых стимулов — даже самых точных и выверенных — может оказаться недостаточно для кардинального изменения траектории развития макрорегиона. Исследование наглядно показало, что первоначальный импульс от налоговых льгот со временем затухает под влиянием экзогенного фактора — неблагоприятной демографической динамики. Сокращение численности населения трудоспособного возраста, его старение и отток наиболее активной части неизбежно ограничивают потенциал экономического роста, какие бы условия не обеспечивала налоговая политика. Таким образом, политика налогового стимулирования должна быть интегрирована в более широкую стратегию пространственного развития.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования позволяют утверждать, что институт территорий с особым экономическим статусом в России исчерпал потенциал экстенсивного развития, основанного на простом предоставлении налоговых льгот. Эмпирические данные по Дальнему Востоку фиксируют разрыв между целевыми установками и результатами функционирования преференциальных режимов. Проект перехода к единому преференциальному режиму, при всей его направленности на упрощение правил, несет в себе значительные риски усугубления существующих дисбалансов. Переход к новой парадигме требует отказа от универсального применения инструментов налогового стимулирования в пользу контекстуально-зависимого проектирования. Налоговые преференции должны быть не просто территориально привязаны, а жестко увязаны с ключевыми показателями социально-экономического развития территории: созданием качественных рабочих мест, развитием смежных производств, решением инфраструктурных проблем, внедрением природосберегающих технологий и др. Представленный подход позволяет оценивать долгосрочные социально-экономические и экологические последствия,

учитывая сложные обратные связи в системе «население — экономика — окружающая среда». Таким образом, ключевым условием повышения результативности функционирования ТОЭС выступает глубокая индивидуализация инструментов поддержки, адаптированных под специфические характеристики дальневосточных и арктических территорий.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киреева Е.Ф., Бычков А.А., Гончаренко М.А и др. Фискальная эффективность использования преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации. Москва: Русайнс; 2025. 272 с.
2. Синенко О.А. Выявление признаков «дробления бизнеса» на территориях с особым экономическим статусом Дальнего Востока. *Финансовый журнал*. 2021;13(3):88-103. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-3-88-103
3. Гончаренко Л.И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):156-166. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166
4. Parcerro O. Inter-jurisdiction subsidy competition for a new production plant: What is the central government optimal policy? *Reg Sci Urban Econ*. 2007;37(6):688-702. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2007.08.002
5. Troyanskaya M.A. Competition in taxation and the forms of its implementation among the subjects of the Russian Federation. *Journal Tax Reform*. 2017;3(3):182-198. DOI: 10.15826/jtr.2017.3.3.039
6. Chen Y., He C., Liang Z., Xu Y. Capturing value at home? Special economic zones and domestic value added. *World Econ*. 2026. DOI:10.1111/twec.70075
7. Hsu M., Lai Y., Lin F. The impact of industrial clusters on human resource and firms performance. *Journal Model Manag*. 2014;9(2):141-159. DOI: 10.1108/JM2-11-2012-0038
8. Понкратов В.В., Кузнецов Н.В. Налоговое стимулирование инвестиционной активности в России. *Вестник университета*. 2017;(11):134-140. DOI: 10.26425/1816-4277-2017-11-134-140
9. Киреева Е.Ф., Понкратов В.В. Налоговые льготы в стимулировании инноваций: мировой опыт и актуальные тренды. *Финансы*. 2025;(5):22-29.
10. Синенко О.А. Моделирование налогового стимулирования устойчивого развития территорий. *Известия Байкальского государственного университета*. 2023;33(3):466-474. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(3).466-474
11. Sinenko O.A. Modeling the policy of tax incentives for sustainable development of the region: The case of the Far Eastern Federal District of Russia. *Journal Tax Reform*. 2024;10(2):312-333. DOI: 10.15826/jtr.2024.10.2.171
12. Засько В.Н., Грундел Л.П., Гончаренко Л.И и др. Трансформация налоговой политики в условиях технологического суверенитета промышленности. Москва: Издательско-торговая корпорация Дашков и К; 2024; 213 с.

REFERENCES

1. Kireeva E.F., Bychkov A.A., Goncharenko M.A., et al. Fiscal efficiency of using preferential regimes operating in the Russian Federation. M.: 2025. 272 p. (In Russ.).
2. Sinenko O.A., Mitrofanov T.P. Identification of signs of “business fragmentation” in Russian Far Eastern territories with special economic status. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*. 2021;13(3):88-103. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2021-3-88-103

3. Goncharenko L. I. The constructive nature of preferential tax regimes as a determinant of attracting investment in Russia's innovative development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):156-166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166
4. Parcerio O. Inter-jurisdiction subsidy competition for a new production plant: What is the central government optimal policy? *Reg Sci Urban Econ*. 2007;37(6):688-702. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2007.08.002
5. Troyanskaya M. A. Competition in taxation and the forms of its implementation among the subjects of the Russian Federation. *Journal Tax Reform*. 2017;3(3):182-198. DOI: 10.15826/jtr.2017.3.3.039
6. Chen Y., He C., Liang Z., Xu Y. Capturing value at home? Special economic zones and domestic value added. *World Econ*. 2026. DOI: 10.1111/twec.70075
7. Hsu M., Lai Y., Lin F. The impact of industrial clusters on human resource and firms performance. *Journal Model Manag*. 2014;9(2):141-159. DOI: 10.1108/JM2-11-2012-0038
8. Ponkratov V. V., Kuznetsov N. V. Tax stimulation of investment activity in Russia. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2017;(11):134-140. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2017-11-134-140
9. Kireeva E. F., Ponkratov V. V. Tax incentives for innovation: Global experience and current trends. *Finansy = Finance*. 2025;(5):22-29. (In Russ.).
10. Sinenko O. A. Modeling tax incentives for sustainable development of territories. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2023;33(3):466-474. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(3).466-474
11. Sinenko O. A. Modeling the policy of tax incentives for sustainable development of the region: The case of the Far Eastern Federal District of Russia. *Journal Tax Reform*. 2024;10(2):312-333. DOI: 10.15826/jtr.2024.10.2.171
12. Zasko V. N., Grundel L. P., Goncharenko L. I., et al. Transformation of tax policy in the context of technological sovereignty of industry. M.: Dashkov & Co. Publishing and Trading Corporation; 2024. 213 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ольга Андреевна Сinenko — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga A. Sinenko — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Chief Research Assoc., Institute for Research of Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7497-9475>

oasinenko@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.12.2025; принята к публикации 08.07.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 01.12.2025; accepted for publication 08.07.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-165-172
336.225.3(045)
JEL H23, H25, H30

Налоговый мониторинг и транзакционное налогообложение как две архитектуры цифровой трансформации налогового администрирования

Д.А. Смирнов, А.М. Садыков

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — цифровизация налогового администрирования в контексте концепции «Налоговое администрирование 3.0», а также налоговый мониторинг и транзакционное налогообложение как две модели развития цифровой налоговой среды. **Цель** работы — проанализировать сходства и различия двух основных моделей развития цифровой налоговой среды, определить функциональное назначение и перспективы этих моделей в условиях перехода от декларационного формата налогового администрирования к встроенным, проактивным и автоматизированным механизмам исполнения налоговой обязанности. Рассмотрены подходы OECD к цифровой трансформации налогового администрирования, основанные на переносе налоговых процессов в «естественные системы» налогоплательщика; проанализирован налоговый мониторинг как модель кооперативного контроля; исследовано транзакционное налогообложение как модель встроенного и автоматизированного налогового администрирования. На основании научно-практических аргументов предложено рассматривать налоговый мониторинг и транзакционное налогообложение не как конкурирующие, а как функционально различные направления цифровизации: первая модель ориентирована на сложные корпоративные структуры и правовую интерпретацию хозяйственных операций, вторая — на массовые типизированные операции, предполагающие стандартизацию первичных цифровых данных и разработку алгоритмов налогового расчета. Сделан **вывод**: развитие цифрового налогового администрирования будет происходить не через вытеснение одной модели другой, а путём перераспределения сфер их применения и поэтапного расширения обеих моделей.

Ключевые слова: цифровизация налогового администрирования; налоговое администрирование 3.0; налоговый мониторинг; транзакционное налогообложение; кооперативный налоговый контроль; автоматизированное налогообложение; АУСН; налог на профессиональный доход; цифровая трансформация налогового контроля

Для цитирования: Смирнов Д.А., Садыков А.М. Налоговый мониторинг и транзакционное налогообложение как две архитектуры цифровой трансформации налогового администрирования. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(4):165-172. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-165-172

ORIGINAL PAPER

Tax Monitoring and Transactional Taxation: Two Approaches to Digital Transformation of Tax Administration

D.A. Smirnov, A.M. Sadykov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This research focuses on the **subject** of the digitalization of tax administration through the lens of the “Tax Administration 3.0” framework, exploring tax monitoring and transactional taxation as models for a digital tax environment. This project **aims** to examine the commonalities and divergences between the two leading frameworks for creating a digital tax system. The models’ functional role and future potential were established, marking the shift from declarative tax administration to integrated, proactive, and automated systems for tax compliance. This paper looks into the OECD’s methods for digitally transforming tax administration by integrating tax processes into taxpayers’ natural systems. The research looked at tax monitoring as a way to achieve cooperative control. It also explored transactional taxation as a method for integrated and

© Смирнов Д.А., Садыков А.М., 2026

automated tax administration. Considering both scientific and practical reasoning, the research suggests that tax monitoring and transactional taxation should be viewed as distinct digital functions rather than opposing concepts: With a focus on complex corporate setups, the first model delves into the legal analysis of business transactions; the second option concentrates on large, uniform transactions needing standardized primary digital data and algorithms for tax computation. The study's authors **concluded** that the progression of digital tax administration will result from a reshaping of their domains and a steady increase in the scope of both models, not a mutual exclusion.

Keywords: digitalization of tax administration; tax administration 3.0; tax monitoring; transactional taxation; cooperative tax control; automated taxation; automated system of simplified taxation; tax on professional income; tax control digital transformation

For citation: Smirnov D.A., Sadykov A.M. Tax monitoring and transactional taxation: Two approaches to digital transformation of tax administration. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):165-172. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-165-172

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы цифровые инструменты, новые каналы коммуникации и рост объема данных изменили налоговое администрирование. Контроль постепенно смещается от декларационной модели к более проактивному и основанному на данных взаимодействию. Меняются не только способы коммуникации налоговых органов и налогоплательщиков, но и объекты контроля, методы выявления налоговых рисков, а также распределение функций между государством, налогоплательщиком и цифровыми посредниками.

В докладах OECD эта логика раскрыта в концепции «Налоговое администрирование 3.0». Она предполагает не простое расширение электронного документооборота, а постепенное встраивание налоговых процессов в «естественные системы» налогоплательщиков, в которых совершаются операции и формируются данные о них¹.

При этом речь идет не о полной автоматизации налогового администрирования, а о долгосрочном изменении его архитектуры, в которой цифровые процессы требуют доверия к данным, их качеству и безопасности.

В отечественной практике цифровое налоговое администрирование рассматривается через развитие сервисной модели налоговых органов, расширение информационного взаимодействия, снижение влияния субъективного фактора и использование цифровых платформ для повышения прозрачности налоговых правоотношений. При этом цифровизация не отменяет налоговый контроль, а меняет его форму.

В качестве значимых достижений в части разработок по такому проактивному налоговому контролю

можно выделить две модели цифрового налогового администрирования.

Первая — налоговый мониторинг, который основан на информационном взаимодействии налогового органа и налогоплательщика, раскрытии данных, управлении налоговыми рисками и кооперативном характере контроля.

Вторая модель связана с транзакционным налогообложением в широком смысле, то есть с таким способом администрирования, при котором фиксация налогового значимого события, определение параметров налоговой базы и расчет налога опираются на поток первичных цифровых данных. Теоретические предпосылки этого подхода идут от работ о налогообложении платежных и банковских транзакций, а в российской практике проявляются в развитии специальных цифровых режимов, включая налог на профессиональный доход и автоматизированную упрощенную систему налогообложения.

В связи с этим возникает ключевой исследовательский вопрос: являются ли налоговый мониторинг и транзакционное налогообложение конкурирующими направлениями цифровой трансформации налогового администрирования либо они выполняют различные функции в рамках одной общей архитектуры?

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ И КОНЦЕПЦИЯ «НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ 3.0»

В материалах OECD² концепцию «Налоговое администрирование 3.0» отличает изменение самой логики данного процесса. Речь идет о модели, при которой налоговые действия все чаще происходят не внутри

¹ OECD. Tax Administration 3.0: The Digital Transformation of Tax Administration. Paris: OECD Publishing; 2020. 73 p. DOI: 10.1787/ca274cc5-en; OECD. Tax Administration 3.0 and Connecting with Natural Systems: Initial Findings. Paris: OECD Publishing; 2022. 38 p. DOI: 10.1787/53b8dade-en

² OECD. Tax Administration 3.0: The Digital Transformation of Tax Administration. Paris: OECD Publishing; 2020. 73 p. DOI: 10.1787/ca274cc5-en

налоговой администрации как единственного центра обработки и контроля, а в цифровой среде налогоплательщика, где уже совершается экономическая деятельность, фиксируются операции и формируются данные о них. Для обозначения таких цифровых сред (систем расчетов, кассовой инфраструктуры, учетных платформ, бухгалтерских сервисов, банковских приложений и иных цифровых решений) OECD использует понятие «естественные системы».

При таком подходе налоговая администрация перестает быть единственной точкой обработки данных и расчета налогов. Налоговое администрирование осуществляется в сети взаимосвязанных доверенных участников, а государство обеспечивает её устойчивость и надежность. Преимущество подобного сдвига OECD видит в более точном соотношении налога с облагаемыми событиями, а также в снижении числа ошибок, случаев занижения базы или суммы налога и сокращении административных издержек.

Важно отметить, что концепция «Налоговое администрирование 3.0» не предлагает единого сценария цифровизации. Она допускает ситуации, когда в одних случаях налоговые процессы встраиваются в программные решения и платежные контуры, а в других — акцент делается на обычном обмене данными, совместном управлении рисками и постоянной координации между фискальными органами и налогоплательщиком, но в цифровом формате. Уже на уровне общей методологии можно увидеть возможность сосуществования как минимум двух направлений развития цифрового налогового администрирования.

Соответственно, одна линия цифровизации строится вокруг доверенного доступа и правовой координации, другая — вокруг первичных данных, их автоматизированной обработки и надежного хранения для последующего налогового расчета. Именно по этим параметрам и различаются налоговый мониторинг и транзакционное налогообложение, которые выражают две архитектуры цифровой трансформации налогового администрирования в современной России.

НАЛОГОВЫЙ МОНИТОРИНГ КАК МОДЕЛЬ КООПЕРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

Налоговый мониторинг следует рассматривать не просто как отдельную процедуру налогового контроля, а как особую систему цифрового администрирования, при которой контроль переносится в среду постоянного информационного взаимодей-

ствия между налоговым органом и налогоплательщиком. Его сущность состоит в том, что последующий спор по итогам проверки в значительной степени замещается более ранней юридической оценкой операций, предоставляемых налоговому органу в полуавтоматическом порядке. Поэтому налоговый мониторинг корректнее воспринимать в качестве разновидности кооперативного контроля, а не электронного варианта традиционной проверки.

Такое понимание соответствует позиции ФНС России, согласно которой налоговый мониторинг представляет собой новую форму налогового контроля, основанную на онлайн-взаимодействии и удаленном доступе к информационным системам налогоплательщика и его бухгалтерской и налоговой отчетности. Такой способ организации работы, где основным инструментом является мотивированное мнение налогового органа, то есть официальная позиция по вопросам правильности исчисления, удержания и уплаты налогов, сборов и страховых взносов, позволяет оперативно согласовывать позицию по налогообложению планируемых и совершенных операций и тем самым смещать контроль к текущему периоду, предупреждению возникновения налоговых рисков и спорных ситуаций, превращая его в форму сопровождения³.

Э.Р. Гибадуллина и Ф.С. Растегаева рассматривают налоговый мониторинг как современный инструмент предупреждения налоговых правонарушений в условиях цифровизации и подчеркивают значение новых форм информационного взаимодействия, мотивированного мнения и доступа к витрине данных как ключевых элементов этой модели [1]. С.Ю. Левандовский связывает налоговый мониторинг с информационной поддержкой решений по обеспечению налоговой безопасности государства, повышением оперативности контроля и снижением налоговых рисков [2].

Последовательное развитие режима подтверждает, что налоговый мониторинг является устойчиво расширяющимся институтом. По данным ФНС России, в 2025 г. в системе участвовали 737 компаний из 20 отраслей экономики, а с 1 января 2026 г. мониторинг проводился уже в отношении 870 компаний, то есть число участников выросло примерно на 20%. Одновременно были снижены суммовые критерии входа: для общего порядка перехода сумма уплаченных налогов должна превышать 80 млн руб., а годовой доход

³ ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/taxmonit/ (дата обращения: 09.07.2026).

и совокупная стоимость активов — 800 млн руб.; для ряда групп компаний закон предусматривает специальные правила⁴.

Налоговый мониторинг, к которому налогоплательщик должен организационно и технологически подготовиться, представляет собой весьма дорогостоящий инфраструктурный продукт, включающий приобретение и адаптацию программного обеспечения, настройку защищенного информационного обмена, формирование витрины данных, согласование состава раскрываемой информации, выстраивание и оптимизацию внутрикорпоративных процедур. Поэтому налоговый мониторинг объективно ориентирован прежде всего на компании со значительным масштабом деятельности, развитой учетной инфраструктурой и ресурсами для подключения и постоянного цифрового взаимодействия с налоговым органом.

По данным рынка, на начало 2026 г. стартовая стоимость решения за проект подключения к налоговому мониторингу начиналась, например, у IBS Consulting от 20 млн руб. Вместе с тем у компании 1С и ее партнеров, в том числе у франчайзи «Первый БИТ», публично раскрыта стоимость отдельных программных компонентов, которые могут использоваться при подключении к системе налогового мониторинга в связке с продуктами 1С. В частности, стоимость базового продукта «1С: Налоговый мониторинг» составляет 1 600 100 руб., тогда как решение, предусматривающее информационное взаимодействие с АИС «Налог-3», достигает 2 660 000 руб. Большинство сопоставимых участников рынка стоимость полного проекта в открытом доступе не публикуют — она, как правило, определяется по результатам индивидуальной оценки⁵, однако, как показывает практика, уровень первых затрат при подключении не может быть менее 10–12 млн руб.

⁴ ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16130160/ (дата обращения: 09.07.2026).; ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16595630/ (дата обращения: 09.07.2026); ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn34/news/activities_fts/16508378/ (дата обращения: 09.07.2026).

⁵ Сведения о стоимости и составе решений см.: IBS Consulting. Налоговый мониторинг. URL: <https://ibs-consulting.ru/services/uchetiotchetnost/> (дата обращения: 09.07.2026).; Первый БИТ. Налоговый мониторинг. URL: <https://www.1cbit.ru/nalogovyy-monitoring/> (дата обращения: 09.07.2026); 1С. Цена «1С: Налоговый мониторинг». URL: <https://v8.1c.ru/1c-nalogovyy-monitoring-bukhgalteriya-korp-msfo/tsena-1s-nalogovyy-monitoring/> (дата обращения: 09.07.2026); ГНИВЦ. Налоговый мониторинг. URL: <https://1c.gnivc.ru/novosti/anons-vyipuska-gnivcz-nalogovyy-monitoring/> (дата обращения: 09.07.2026).

Вместе с тем налоговый мониторинг требует не только доступа к данным, но и доверия к способу их формирования. Однако именно в механизме подключения проявляется и основная уязвимость модели. Данные, на основании которых формируется налоговая оценка, хотя и становятся доступными налоговому органу, в значительной мере продолжают формироваться, храниться и структурироваться в корпоративной среде налогоплательщика. Отсюда вытекают риски неполноты или искажения витрины данных и, в более широком смысле, риск доверия к среде, которую государство не создает самостоятельно, а использует как внешний источник информации.

ТРАНЗАКЦИОННОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КАК МОДЕЛЬ ВСТРОЕННОГО И АВТОМАТИЗИРОВАННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Термин «транзакционное налогообложение» в российском праве не закреплен как официальная категория. В действующем законодательстве отсутствует его нормативное определение, поэтому данное понятие приходится реконструировать по совокупности признаков. Смысл такого подхода состоит в смещении внимания от итоговой декларации к самому событию, из которого формируется налоговая база, и к тем данным, которые фиксируют это событие в цифровой среде.

Одна из теоретических линий, лежащих в основе такой модели, восходит к работам Э. Файга. Он рассматривал систему автоматического налогообложения платежных транзакций, при которой налог начисляется в момент прохождения платежа через расчетную инфраструктуру [3].

В этой модели определение налоговой базы встроено в сам механизм расчетов, а налогообложение происходит в рамках технического фиксирования движения стоимости и потому может быть автоматически обработано.

Аналогичную мысль развивает М. Синтра, который обосновывает налог на банковские транзакции как современную налоговую технологию, противопоставляемую бумажно-декларационным налогам с высокими издержками соблюдения и контроля [4].

Другая теоретическая линия связана уже не столько с налогом на платежную транзакцию как таковую, сколько с развитием встроенных цифровых режимов, при которых данные о хозяйственной операции поступают в налоговую систему непосредственно

из сервисов, приложений и программных сред, используемых налогоплательщиком. В этом случае транзакционное налогообложение понимается шире — не только как автоматическое удержание налога в момент расчета, но и как модель, при которой фиксация налогооблагаемого события, определение его параметров и последующее исчисление налога осуществляются внутри цифровой инфраструктуры.

О.И. Лютова и И.Д. Фиалковская пишут о создании системы «транзакционного (автоматического) налогообложения» с «умными» налогами, взимание которых осуществляется автоматически в момент налогооблагаемой операции, то есть в режиме реального времени [5].

Исходя из этих подходов, **транзакционное налогообложение — это система налогового администрирования, при которой фиксация значимого налогового события, определение параметров налоговой базы, расчет, а в ряде случаев и перечисление налога смещаются от итоговой декларации налогоплательщика к потоку транзакционных данных и/или первичных документов, обрабатываемых в реальном времени или в близком к нему режиме внутри платежной, учетной, платформенной либо иной цифровой инфраструктуры.**

В России ближе всего к транзакционному подходу стоят два специальных режима — налог на профессиональный доход (далее — НПД) и автоматизированная упрощенная система налогообложения (далее — АУСН). Оба режима по-разному реализуют одну и ту же общую идею: перенос налогового исполнения из пространства последующей учетно-налоговой отчетности в пространство текущей фиксации всех операций. Однако степень интегрирования налоговой функции в инфраструктуру хозяйственного события в них различна.

Режим НПД представляет собой наиболее простую и в определенном смысле начальную форму системы, содержащей элементы транзакционного налогообложения. Его значение состоит в существенном снижении административной нагрузки: декларация не представляется, сумма налога определяется налоговым органом, а цифровое приложение становится основным интерфейсом взаимодействия. Вместе с тем эта модель не полностью встроена в цифровую систему. Налогоплательщик по-прежнему обязан самостоятельно сформировать чек в приложении «Мой налог» либо через уполномоченного оператора электронной площадки, и лишь после этого налоговый орган получает сведения о расчете и исчисляет сумму налога. Следовательно, НПД сохраняет элемент активного

действия со стороны самого налогоплательщика и потому может рассматриваться скорее как переходная форма транзакционного администрирования.

Гораздо ближе к встроенной модели находится АУСН. В рамках этого режима налоговый орган рассчитывает налог автоматически на основе данных контрольно-кассовой техники, сведений уполномоченных банков и данных личного кабинета налогоплательщика. Тем самым расчет налога в большей степени выводится за пределы повседневной деятельности самого налогоплательщика и переносится в инфраструктуру цифрового обмена данными. В работах О.И. Лютовой, а также Е.В. Вылегжаниной и В.А. Гребенниковой АУСН характеризуется как инновационно-экспериментальный специальный режим, который «может рассматриваться как «этап «посубъектного» расширения перечня исключений из принципа самостоятельности исполнения налогоплательщиком налоговой обязанности», так как исчисление налоговой базы и размера налогового платежа осуществляется налоговым органом» [6; 7].

Исходной точкой здесь становятся уже не бухгалтерские регистры, а события, возникающие в инфраструктуре расчетов и фиксации операций. Соответственно, возрастает роль посредников — банков, операторов фискальных данных, цифровых платформ, разработчиков прикладных решений и интерфейсов вроде приложения «Мой налог» и личного кабинета налогоплательщика.

Главное достоинство транзакционной модели — снижение издержек на исчисление и отчетность. Однако она не лишена и ограничений, особенно заметных по мере ее практического расширения в 2026 г. на примере АУСН. Для целей налогообложения недостаточно зафиксировать сам факт платежа. Необходимо определить его правовую и экономическую природу: является ли он налогооблагаемым доходом, возвратом, агентским удержанием, комиссией, транзитным поступлением либо иным видом платежа. Поэтому по мере расширения транзакционных режимов на первый план неизбежно выходят вопросы разметки данных, настройки алгоритмов и точности квалификации первичных документов.

Помимо этого, не снимается с повестки вопрос достоверности и сохранения данных, возможности их верификации. В этом смысле автоматизация не устраняет полностью необходимость контроля со стороны самого налогоплательщика. Из официальных разъяснений ФНС следует, что при обнаружении ошибок в информации, переданной уполномоченным банком, исправление возможно в пределах

**Сравнение налогового мониторинга и транзакционного налогообложения /
Comparison of tax monitoring and transactional taxation**

Критерий / Criteria	Налоговый мониторинг / Tax monitoring	Транзакционное налогообложение / Transactional taxation
Объект и адресат применения	Крупный бизнес; по мере снижения критериев — отдельные сегменты среднего бизнеса	Самозанятые, микробизнес, платформенная занятость
Источник данных	Корпоративные системы, витрины данных, первичные документы, процедуры внутреннего контроля	ККТ, банковские записи, платформенные данные, внешние учетные системы, размеченные транзакции
Порог входа	Высокий. Требуются существенные затраты для подключения и поддержания	Низкий. Требуется наличие ККТ, интернет-соединения и счета в уполномоченном банке
Момент вмешательства государства	Превентивный контроль до или в ходе отчетного цикла с сохранением правовой оценки	Максимальное приближение к событию; формирование налоговой базы сразу после операции
Роль налогоплательщика	Активный участник диалога и раскрытия данных	Источник исходных данных; часть функций смещается к алгоритмам и посредникам
Роль посредников	Вспомогательная, в основном подключение к системе мониторинга	Системообразующая: банки, платформы, операторы фискальных данных становятся носителями налоговой информации
Характер контроля	Основан на прозрачности и согласовании	Контроль смещается на качество данных, алгоритмов и правовой квалификации событий
Основные риски	Неполное раскрытие, искажение представления данных, уязвимость корпоративной среды, различия интерпретации	Задвоение операций, ошибки разметки, технические сбои при агентских схемах, возвратах и при формировании первичных документов

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

установленного срока. Сам факт существования такой процедуры показывает, что за налогоплательщиком сохраняется обязанность по верификации цифрового следа операции. Следовательно, транзакционное налогообложение не отменяет участие налогоплательщика в налоговом процессе, а меняет его характер: вместо самостоятельного расчета и последующего декларирования на первый план выходит контроль за корректностью исходных данных, на основании которых налог определяется налоговой администрацией.

СРАВНЕНИЕ ДВУХ ПОДХОДОВ ПО КЛЮЧЕВЫМ КРИТЕРИЯМ

Сопоставление налогового мониторинга и транзакционного налогообложения показывает, что обе модели отвечают на одну и ту же потребность цифровой экономики, но делают это в различных сегментах и на разных уровнях сложности.

Налоговый мониторинг применяется там, где хозяйственная деятельность сложна, а налоговые последствия не могут быть сведены к простому алгоритму. Он переносит контроль на более раннюю стадию. Транзакционное же налогообложение стре-

мится максимально приблизить налоговую функцию к самому событию и встроить ее в инфраструктуру типизированных операций, где возможны стандартизация данных и алгоритмизация расчета (см. таблицу).

Сравнение показывает, что речь идет не о двух частных цифровых инструментах, а о разных подходах решения одной задачи. Налоговый мониторинг усиливает прозрачность и управляемость уже существующей сложной учетной среды, тогда как транзакционное налогообложение перестраивает саму логику исполнения обязанности, делая исходной точкой первичные документы. Поэтому их соотношение правильнее описывать не через жесткую альтернативу, а через распределение сфер применения и возможное постепенное сближение обеих систем [8–11].

ВЫВОДЫ

Результаты исследования позволяют сделать следующий вывод: налоговый мониторинг и транзакционное налогообложение не следует рассматривать как взаимоисключающие модели. Цифровизация и автоматизация не устраняют контроль полностью, а смещают его вектор: от последующей проверки от-

четности — к превентивной оценке и проактивному режиму. В этом смысле обе модели, решая одну и ту же поставленную цифровой экономикой задачу, реализуют эту работу в различных секторах и на разных уровнях сложности.

Налоговый мониторинг в такой конструкции может выполнять функцию правового и надзорного слоя в тех частях системы, где одной лишь автоматизации недостаточно. Он сохраняет значение там, где налоговый результат зависит от интерпретации сложных корпоративных операций, от оценки рисков, согласования позиции по будущим сделкам и доверия к внутренним системам компании. Транзакционный подход, напротив, имеет наибольшие перспективы расширения там, где операции стандартизированы, цифровой след относительно однороден, а налоговую квалификацию операций можно описать в виде устойчивых правил обработки данных.

Поэтому говорить об их полной взаимозаменяемости, слиянии или прямой конкуренции в настоящий момент преждевременно. Более обоснованной представляется идея постепенного изменения границ применения каждой из систем. По мере разви-

тия цифровых платформ, платежной инфраструктуры, банковских сервисов и алгоритмов обработки данных транзакционная логика действительно будет расширяться и в отдельных сегментах частично замещать традиционные формы декларирования. Одновременно механизмы налогового мониторинга, по мере снижения порогов входа и развития типовых цифровых решений, могут становиться доступнее для более широкого круга компаний и все больше затрагивать средний бизнес.

Следовательно, возможное сближение этих систем следует понимать не как механическое объединение режимов, а как перераспределение сфер их применения. Там, где данные становятся более однородными и пригодными для алгоритмической обработки, будет усиливаться транзакционный подход и расширяться число ситуаций, в которых налоговая обязанность исполняется автоматически. Там же, где сохраняется высокая доля правовой оценки и корпоративной специфики, налоговый мониторинг будет сохранять самостоятельное значение. В обозримой перспективе основания для полного вытеснения одной модели другой, на наш взгляд, отсутствуют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Гибадуллина Э.Р., Растегаева Ф.С. Налоговый мониторинг: современный инструмент предупреждения налоговых правонарушений в эпоху цифровизации. *Креативная экономика*. 2025;19(10):2735-2756. DOI: 10.18334/ce.19.10.124018
Gibadullina E.R., Rastegaeva F.S. Tax monitoring: A modern tool for preventing tax violations in the era of digitalization. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2025;19(10):2735-2756. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.19.10.124018
2. Левандовский С.Ю. Налоговый мониторинг в информационной поддержке решений по обеспечению налоговой безопасности государства. *Учет и статистика*. 2025;22(3):119-130. DOI: 10.54220/1994-0874.2025.44.69.010
Levandovsky S. Yu. Tax monitoring in information support of decisions on ensuring the tax security of the state. *Uchet i statistika = Accounting and Statistics*. 2025;22(3):119-130. (In Russ.). DOI: 10.54220/1994-0874.2025.44.69.010
3. Feige E.L. Taxation for the 21st century: The automated payment transaction (APT) tax. *Economic Policy*. 2000;15(31):474-511. DOI: 10.1111/1468-0327.00067
4. Cintra M. Bank transactions: Pathway to the single tax ideal. A modern tax technology; the Brazilian experience with a bank transactions tax (1993-2007). MPRA Paper No. 16710. Munich: University Library of Munich; 2009.
5. Лютова О.И., Фиалковская И.Д. Применение технологии блокчейн в налоговом администрировании. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2021;25(3):693-710. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-693-710
Lyutova O.I., Fialkovskaya I.D. Blockchain technology in tax law theory and tax administration. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov = RUDN Journal of Law*. 2021;25(3):693-710. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-693-710
6. Вылегжанина Е.В., Гребенникова В.А. Результаты и перспективы развития эксперимента по введению АУСН. *Экономика: теория и практика*. 2025;1(77):60-66. DOI: 10.31429/2224042X_2025_77_60
Vylegzhanina E.V., Grebennikova V.A. Results and prospects of development of the experiment on introduction of AUSN. *Ekonomika: teoriya i praktika = Economics: Theory and Practice*. 2025;1(77):60-66. (In Russ.). DOI: 10.31429/2224042X_2025_77_60

7. Лютова О.И. Принцип самостоятельности исполнения налоговой обязанности в условиях цифровизации экономики. *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2023;1(15):99-105. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-1-99-105
Lyutova O.I. The principle of independence in the fulfillment of tax obligations in the context of digitalization of the economy. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Law*. 2023;1(15):99-105. (In Russ.). DOI: 10.22394/2686-7834-2023-1-99-105
8. Митин Д.А. Развитие налогового администрирования в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации. *Налоги и налогообложение*. 2024;(3):66-96. DOI: 10.7256/2454-065X.2024.3.70812
Mitin D.A. Development of tax administration in the Russian Federation in the context of digital transformation. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*. 2024;(3):66-96. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-065X.2024.3.70812
9. Eberhartinger E., Zieser M. The effects of cooperative compliance on firms' tax risk, tax risk management and compliance costs. *Schmalenbach Journal of Business Research*. 2021;73(1):125-178. DOI: 10.1007/s41471-021-00108-6
10. Адвокатова А.С. Развитие моделей налогового контроля как фактора снижения уровня теневых экономических процессов в условиях цифровизации. *Экономика. Налоги. Право*. 2018;11(5):136-145. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-5-136-145
Advokatova A.S. Development of tax control models as a factor reducing shadow economic processes under digitalization conditions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2018;11(5):136-145. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-5-136-145
11. Смирнов Д.А., Садыков А.М. Возможности транзакционного налогообложения в контексте развития налогообложения субъектов малого предпринимательства. *Экономическое развитие России*. 2025;32(4):168-171. Smirnov D.A., Sadykov A.M. Transactional taxation opportunities in the context of developing of taxation of small businesses. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Developments*. 2025;32(4):168-171. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Денис Александрович Смирнов — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Denis A. Smirnov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-3112-0585>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

DASmirnov@fa.ru

Александр Маратович Садыков — кандидат экономических наук, консультант Управления оперативного контроля Федеральной налоговой службы России; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Alexander M. Sadykov — Cand. Sci. (Econ.), Consultant, Department of Operational Control of the Federal Tax Service of Russia; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0002-5791-1801>

Cadco_S@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.06.2026; принята к публикации 29.07.2026

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.06.2026; accepted for publication 29.07.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-173-182
УДК 336.22(045)
JEL H21, H24

«Налоговый кешбэк» и налоговые вычеты по НДФЛ: потенциал сглаживания неравенства и снижения бедности

А.А. Пугачёв

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена рисками снижения положительного и роста негативного воздействия на неравенство и бедность со стороны существующей системы налоговых вычетов по НДФЛ. **Предмет** изучения – социальные и стандартные налоговые вычеты по НДФЛ, «налоговый кешбэк» (социальная семейная выплата). **Цель** работы – обоснование перспектив развития «налогового кешбэка», социальных и стандартных вычетов по НДФЛ в целях сглаживания неравенства и преодоления бедности в России. В **результате** исследования установлено: в структуре налоговых вычетов по НДФЛ преобладают недоступные для бедных граждан имущественные и инвестиционные вычеты (≈60%), что означает их нулевое (с риском последующего превращения в негативное) влияние на неравенство и бедность. Дана научная оценка «налоговому кешбэку», призванному нивелировать недостатки налоговых вычетов по НДФЛ, рассмотрены перспективы его совершенствования в целях снижения неравенства и бедности. Отмечено, что преимуществами «налогового кешбэка» являются адресный характер (предназначен для бедных семей с двумя и более детьми), отсутствие дестимулирования труда, содействие обелению доходов. К недостаткам относятся резкий рост ставки НДФЛ с 6 до 13% при переходе через границу доходов; риски фиктивных разводов и регистрации в регионах с более высоким прожиточным минимумом; заявительный, а не проактивный режим предоставления. Сделан **вывод**: минимизация этих рисков будет максимально способствовать реализации потенциала «налогового кешбэка» в снижении уровня бедности и неравенства в России.

Ключевые слова: налоговый вычет; «налоговый кешбэк», НДФЛ; неравенство; бедность; проактивное предоставление налоговых вычетов; востребованность налоговых вычетов

Для цитирования: Пугачёв А.А. «Налоговый кешбэк» и налоговые вычеты по НДФЛ: потенциал сглаживания неравенства и снижения бедности. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):173-182. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-173-182

ORIGINAL PAPER

Tax Cashback and Personal Income Tax Deductions: Potential for Alleviating Inequality and Decreasing Poverty

A.A. Pugachev

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

ABSTRACT

The **relevance** of this research arises from the current Personal Income Tax (NDFL) deduction system's potential to decrease its positive effects and increase its negative effects on inequality and poverty. This study's **subject** is the social and standard NDFL deductions and tax cashback (social family payments). The research **aims** to provide evidence supporting the potential of tax cashback, social, and standard NDFL deductions to gap inequality and poverty in Russia. The research **results** revealed that deductions for property and investments, unavailable to the poor, constitute the majority (around 60%) of personal income tax deductions. This shows they have no effect (with a potential to become negative) on inequality and poverty. This paper scientifically evaluates the tax cashback program, intended to compensate for the limitations of NDFL deductions. It also explores ways to enhance the program to lessen inequality and poverty. The author points out that the tax cashback program's benefits are its specific focus (aimed at low-income families with multiple children), its lack of disincentive for work, and its encouragement of declared income. One downside is that the NDFL rate jumps from 6% to 13% at certain income levels. Fraudulent divorces and registrations are a concern in areas

© Пугачёв А.А., 2026

with higher subsistence minimums, and the process is reactive rather than proactive. The **conclusion** is that a reduction in these risks will lead to the greatest potential impact of the tax cashback program on decreasing poverty and inequality in Russia.

Keywords: tax deduction; tax cashback; personal income tax; inequality; poverty; proactive provision of tax deductions; demand for tax deductions

For citation: Pugachev A.A. Tax cashback and personal income tax deductions: Potential for alleviating inequality and decreasing poverty. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):173-182. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-173-182

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время коэффициент Джини по неравенству доходов в РФ с 2010 г. по н.в. находится в диапазоне от 0,4 до 0,42, а уровень бедности составил в 2025 г. 6,7%. Всего же за чертой бедности в нашей стране находятся 9,7 млн человек. В этой связи сокращение неравенства и снижение бедности в России поставлены в ранг государственных приоритетов и задач в рамках достижения национальной цели развития «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи». Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309, в частности, предусмотрено:

- снижение уровня бедности ниже 7% к 2030 г. и ниже 5% к 2036 г., в т.ч. уровня бедности многодетных семей до 12% к 2030 г. и до 8% к 2036 г.;
- уменьшение коэффициента Джини до 0,37 к 2030 г. и до 0,33 к 2036 г.

В Послании Федеральному Собранию 29.02.2024 г. Президент РФ В.В. Путин поставил задачу по обеспечению сокращения неравенства с помощью налоговой системы¹. В результате справедливость распределения налогового бремени стала одним из ключевых принципов донастройки налоговой системы 2025 г. наряду со стабильностью и сбалансированностью². В рамках основных изменений по НДФЛ введена пятиступенчатая прогрессия, а также увеличены стандартные налоговые вычеты на второго и последующих детей: на второго ребенка — 2,8 тыс. руб. / мес., на третьего и каждого следующего — 6 тыс. руб. / мес. при увеличении границы дохода, до которой предоставляются вычеты, до 450 тыс. руб. / мес. В этом плане налоговая реформа лишь «частично решает задачу Президента [России — прим. авт.]

о совершенствовании налогообложения индивидуальных доходов: налоговая нагрузка на богатую часть населения увеличится, но при этом она не снизится для бедной части населения» [1, с. 2426]. Кроме того, с 2025 г. введена ежегодная семейная налоговая выплата для семей с двумя и более детьми, так называемый «налоговый кешбэк»³. Впервые его можно получить в 2026 г. через Социальный фонд. Выплата предназначена для семей, где среднедушевой доход не превышает 1,5-кратный региональный прожиточный минимум. Для таких семей НДФЛ за 2025 г. пересчитывается по ставке 6% вместо 13%, а оставшаяся сумма возвращается налогоплательщику. Если региональный прожиточный минимум составляет 17 733 руб., то, например, для семьи с двумя детьми, общая сумма дохода для получения налогового кешбэка не должна превышать 106 тыс. руб. / мес.

ЗНАЧЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ ПО НДФЛ В СГЛАЖИВАНИИ НЕРАВЕНСТВА И СНИЖЕНИИ УРОВНЯ БЕДНОСТИ

Общий объем налоговых вычетов по НДФЛ с 2015 по 2023 г. увеличился в 7,64 раза (табл. 1). Основными драйверами роста стали вычеты в виде расходов (убытков) по операциям с ценными бумагами — рост в 30,44 раза, и инвестиционные налоговые вычеты — рост в 22,64 раза. Такая опережающая динамика обусловлена ростом привлекательности инвестиций на фондовом рынке, активным вниманием государства к привлечению долгосрочных сбережений посредством индивидуальных инвестиционных счетов. Так, в 2024 г. на Московской бирже сделки заключали 10,2 млн частных инвесторов, а число инвесторов с открытыми брокерскими счетами достигало 35,1 млн

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 15.02.2026).

² Рекомендации парламентских слушаний по вопросу совершенствования налогового законодательства Российской Федерации 23.05.2024. URL: <https://duma.gov.ru/news/59369/> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Федеральный закон «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» от 13.07.2024 № 179-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480719/ (дата обращения: 15.02.2026).

Таблица 1 / Table 1

**Динамика налоговых вычетов по НДФЛ в 2015–2023 гг., млрд руб. /
The dynamics of the tax deductions of personal income tax in 2015–2023, bln RUB**

Налоговые вычеты / Tax deductions	2015	2020	2021	2022	2023	Отношение 2023 / 2015 Ratio 2023 to 2015
В виде расходов (убытков), связанных с получением дохода от операций с ценными бумагами	1 076,4	24 169,7	36 073,1	23 973,2	32 770,5	30,44
Инвестиционные	6,9	105,8	177,4	123,4	156,2	22,64
Социальные	78,0	151,7	218,7	258,6	306,1	3,92
Имущественные	2 753,8	3 726,5	5 345,6	8 178,6	6 349,8	2,31
Стандартные	326,7	347,6	329,9	306,8	282,4	0,86
Профессиональные	1 481,7	1 955,9	2 857,6	3 272,6	3 835,0	2,59
Сумма	5 723,4	30 457,2	45 002,3	36 159,7	43 700,1	7,64

Источник / Source: составлено автором по данным ФНС России (отчеты 1-ДДК и 5-НДФЛ) / compiled by the author according to the Federal Tax Service of the Russian Federation (reports 1-DDK and 5-NDFL). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms

человек. По сравнению с 2015 г., когда на Московской бирже был всего 1,0 млн активных частных инвесторов⁴, их количество за 10 лет увеличилось в 10 раз. Что касается численности налогоплательщиков, получивших налоговый вычет по НДФЛ по ИИС по пп. 2 п. 1 ст. 219.1 НК РФ, в 2015 (19,9 тыс.) и в 2023 гг. (117,3 тыс.), то она выросла в 5,9 раза⁵.

Социальные, имущественные и профессиональные вычеты росли существенно меньшими темпами: социальные — в 3,92 раза, имущественные — в 2,31 раза, профессиональные — в 2,59 раза, что в целом соответствует экономической динамике России в анализируемом периоде. Так, по данным Росстата, номинальные среднедушевые денежные доходы населения России с 2015 по 2024 г. выросли в 2,12 раза⁶. На этом фоне сократилась сумма стандартных вычетов на 14%, что обусловлено стабильностью числа детей (с 2015 по 2022 г. их количество увеличилось на 6%, соответственно, в 2015 г. — 28,5 млн, а в 2022 г. — 30,3 млн⁷) и отсутствием индексации стандартных вычетов на детей при росте номинальных доходов, вследствие чего

быстрее достигалась максимальная сумма накопленного дохода с начала года для предоставления вычета. Предыдущая индексация стандартных вычетов на детей по пп. 4 п. 1 ст. 218 НК РФ, в рамках которой они установлены в размере 1,4 тыс. руб. на первого и второго ребенка и 3 тыс. руб. на третьего и каждого последующего ребенка, проведена с 01.01.2012 г. На первого ребенка вычет не был индексирован. Таким образом, индексация стандартных налоговых вычетов на детей не проводилась 13 лет. С 01.01.2012 г. рост номинальных среднедушевых денежных доходов, по данным Росстата, составил 2,92 раза⁸.

Структура налоговых вычетов по НДФЛ в 2023 г. представлена на рис. 1. Из общей структуры исключены налоговые вычеты в виде расходов (убытков) по операциям с ценными бумагами, формирующие 32,77 из 43,70 трлн руб. в общем объеме вычетов. Исключение обусловлено особой природой этих вычетов, которые фактически представляют собой стоимость приобретения ценных бумаг для расчета налоговой базы по НДФЛ.

Наибольший удельный вес в структуре налоговых вычетов по НДФЛ у имущественных вычетов (58,1% в 2023 г.), связанных с расходами и доходами в основном обеспеченных налогоплательщиков, представителей среднего класса по сделкам купли-продажи жилой недвижимости, расходами на новое строительство, процентами по ипотечным

⁴ Число частных инвесторов на Московской бирже превысило 35 миллионов. URL: <https://www.moex.com/n76900> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ Данные по формам статистической налоговой отчетности. ФНС РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms (дата обращения: 15.02.2026).

⁶ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.02.2026).

⁷ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 15.02.2026).

⁸ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.02.2026).

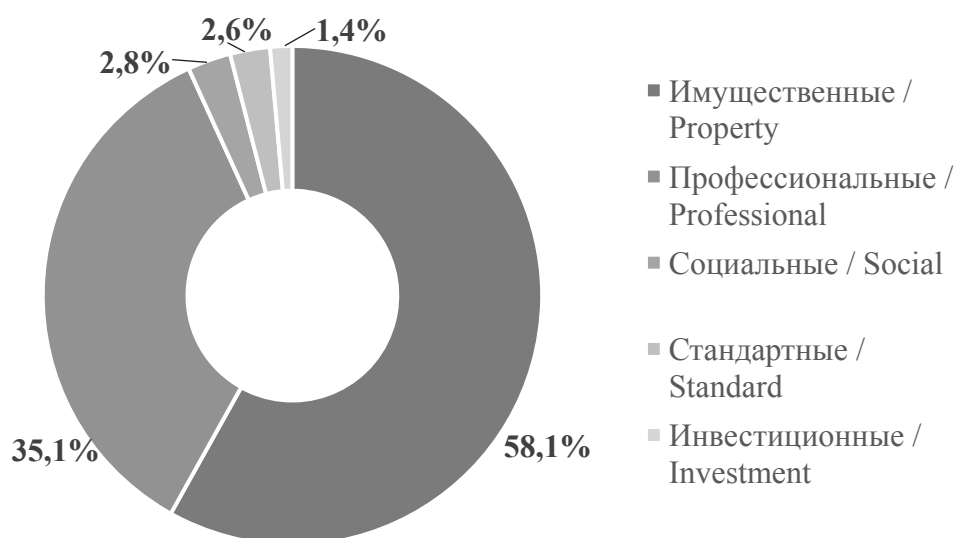

Рис. 1 / Fig. 1. Структура налоговых вычетов по НДФЛ в России, 2023 г. /
Structure of Personal Income Tax Deductions in Russia in 2023

Источник / Source: составлено авторами по данным ФНС России (отчеты 1-ДДК и 5-НДФЛ) / compiled by the authors according to the Federal Tax Service of the Russian Federation (reports 1-DDK and 5-NDFL). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms

кредитам. Для низкодходных слоев населения всё вышеперечисленное — скорее исключительный случай, чем правило. Это означает следующее: поскольку имущественные вычеты практически не доступны налогоплательщикам, нуждающимся в поддержке, они не выполняют свою основную функцию, связанную с преодолением бедности и смягчиванием неравенства.

Профессиональные налоговые вычеты сформировали 5,1% в структуре вычетов по НДФЛ в 2023 г. Специфика профессиональных вычетов — их связь с профессиональными расходами, в основном, частнопрактикующих специалистов — обуславливает их нейтральное влияние на неравенство и бедность.

2,8% — доля социальных налоговых вычетов в 2023 г. в структуре налоговых вычетов по НДФЛ. Связанные, прежде всего, с расходами на образовательные и медицинские услуги, со взносами на добровольное страхование жизни, накопительную часть пенсии и негосударственное пенсионное обеспечение, они могут быть достаточно равномерно распределены между доходными группами налогоплательщиков, способствуя повышению благосостояния бедных. Вместе с тем установлено, что «налоговый вычет по НДФЛ на обучение является единственным [социальным — прим. авт.] вычетом, чья востребованность снижается с ростом дохода респондентов» [2, с. 138].

Стандартные налоговые вычеты, направленные на повышение социальной справедливости налогообложения и способствующие преодолению бедности и неравенства, составили в 2023 г. 2,6%.

Что касается инвестиционных налоговых вычетов — 1,4% от их общего объема по НДФЛ в 2023 г., то и они, как и имущественные, не способствовали снижению неравенства в обществе, скорее — наоборот, поскольку были малодоступны для бедных налогоплательщиков, инвестиционная активность которых ограничена их уровнем дохода.

Таким образом, среди налоговых вычетов по НДФЛ, нацеленных на смягчивание неравенства и снижение бедности, основными являются социальные и стандартные вычеты, однако в силу их незначительных 5,4% в общем объеме вычетов в 2023 г. они не смогли оказать сколь значимого результативного воздействия на снижение уровня неравенства и бедности. Инвестиционные же и имущественные вычеты, составляющие до 60–70% от общего объема налоговых вычетов, по-прежнему доступны только для состоятельных слоев населения, что только углубляет ров неравенства.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТРЕБОВАННОСТИ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ ПО НДФЛ

Опрос, проведенный в 2022 г. с привлечением 1,06 тыс. респондентов из 45 регионов России,

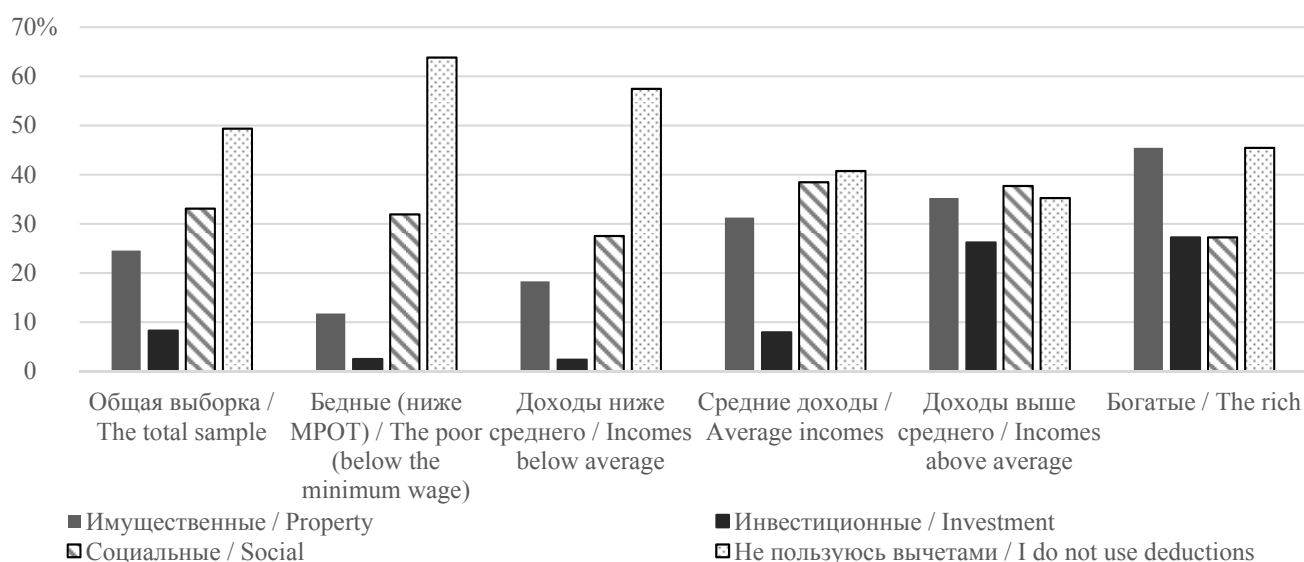

Рис. 2 / Fig. 2. Востребованность налоговых вычетов по НДФЛ в зависимости от дохода респондента / Demand for Personal Income Tax Deductions Depending on the Respondent's Income

Источник / Source: составлено автором по результатам социологического исследования [3, с. 96] / compiled by the author based on the sociological study results [3, с. 96].

позволил определить уровень востребованности налоговых вычетов по НДФЛ в разрезе доходных групп респондентов (рис. 2).

Востребованность имущественных и инвестиционных вычетов возрастает с ростом дохода в разрезе доходных групп. Так, если в группе бедных граждан со среднедушевыми доходами ниже МРОТ (ниже 15 тыс. руб. / мес. в 2022 г.) имущественным вычетом воспользовались 12% респондентов, а инвестиционным — 2,5%, то в группе наиболее обеспеченных респондентов — 45,5% и 27% соответственно. В среднем по выборке имущественным вычетом воспользовались 25% респондентов, а инвестиционным — 8%.

С социальными вычетами ситуация иная. Уровень их востребованности выше, чем имущественных и инвестиционных, и они более равномерно распределены в разрезе доходных групп респондентов. В среднем по выборке ими воспользовались 44% опрошенных: в группе бедных респондентов — 32%, в группе наиболее состоятельных — 27%.

Интерес представляет и распределение респондентов, не пользующихся налоговыми вычетами по НДФЛ. В целом по выборке таких — половина, из них 64 и 47,5% из групп с доходами ниже МРОТ и среднего уровня соответственно. Более низкая востребованность налоговых вычетов по НДФЛ среди низкодоходных групп населения обуслов-

лена тем, что в них сосредоточены респонденты, которые не имеют облагаемых НДФЛ доходов — студенты и пенсионеры. Без их учета распределение по доходным группам респондентов, не пользующихся налоговыми вычетами по НДФЛ, становится более равномерным.

Результаты социологического исследования подтверждают рост востребованности имущественных и инвестиционных налоговых вычетов по НДФЛ с увеличением доходов. Поскольку эти вычеты формируют основную часть в общей структуре налоговых вычетов по НДФЛ (~60%), то в целом система налоговых вычетов по НДФЛ имеет регрессивный характер. Востребованность социальных налоговых вычетов по НДФЛ является нейтральной относительно доходов респондентов. Однако их низкий удельный вес в структуре налоговых вычетов (2,8%) не обеспечивает сглаживание неравенства граждан.

Перспективными направлениями совершенствования предоставления социальных налоговых вычетов являются дифференциация категорий получателей, индексация лимитов и упрощение порядка их получения.

Дифференциация категорий налогоплательщиков подразумевает внедрение их адресного характера с учетом критериев нуждаемости или с учетом уровня дохода налогоплательщика. Например, по аналогии с тем, как это реализовано

для единого пособия на детей до 17 лет, когда выплата предоставляется не для всех детей, а с учетом дохода и имущественного положения семьи в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16.12.2022 № 2330. Такая дифференциация позволит обеспечить результативность воздействия социальных налоговых вычетов на неравенство.

Индексация социальных и стандартных налоговых вычетов по НДФЛ должна проводиться на регулярной основе с учетом инфляции. Отсутствие индексации приводит к обесценению вычетов, к снижению их востребованности и сокращению потенциала, сглаживающего неравенство воздействия.

Упрощение порядка предоставления налоговых вычетов по НДФЛ является сегодня одним из приоритетных направлений работы ФНС России. Вычеты с 2021 г. начали предоставлять в упрощенном порядке, в проактивном режиме, то есть без сбора налогоплательщиком подтверждающих документов и заполнения налоговой декларации через личный кабинет налогоплательщика на основе имеющейся в распоряжении налоговых органов информации. На сегодня в проактивном режиме можно получить социальные, имущественные и инвестиционные вычеты по НДФЛ. Проактивное предоставление вычетов «стало возможным благодаря включению в экосистему налогового администрирования банков как участников отношений со своей экосистемой. Развитие этого направления будет способствовать достижению баланса интересов государства и налогоплательщиков посредством внедрения модели омникальности, которая подразумевает всестороннюю, глубокую и тесную интеграцию каналов коммуникаций путем их объединения в единую общую систему» [4, с. 139]. Относительно предоставления социальных налоговых вычетов по НДФЛ в части образовательных и медицинских услуг руководитель ФНС России Д.В. Егоров отметил, что пока не все компании передают данные налоговым органам автоматически, но «в итоге они будут неконкурентными. Одни их коллеги «под ключ» услугу делают с вычетом через нас [ФНС России — прим. авт.], другие нет. Фактически это получается кешбэк. Еще года два, и это будет полноценный рабочий пакет»⁹.

⁹ В этом году ФНС вернет в автоматическом режиме социальных налоговых вычетов на 6 млрд рублей. ФНС РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16405141/ (дата обращения: 15.02.2026).

Поскольку отчет 1-ДДК «Отчет о декларировании доходов физическими лицами» предоставляется с отсрочкой в 2 года, сегодня имеются данные только по 2023 г., когда объем имущественных и инвестиционных налоговых вычетов по НДФЛ, предоставленных в упрощенном порядке, составил 441,9 млрд руб. (6,8% в объеме этих вычетов)¹⁰. Соответственно, проактивное предоставление налоговых вычетов по НДФЛ имеет существенный потенциал.

ПЕРСПЕКТИВЫ «НАЛОГОВОГО КЕШБЭКА» В СГЛАЖИВАНИИ НЕРАВЕНСТВА И СНИЖЕНИИ УРОВНЯ БЕДНОСТИ

С учетом недостатков социальных и стандартных налоговых вычетов по НДФЛ с точки зрения их воздействия на сглаживание неравенства в России, рациональной и результативной представляется новация 2025 г. — социальная семейная налоговая выплата, или так называемый «налоговый кешбэк».

Выплата введена Федеральным законом «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» от 13.07.2024 № 179-ФЗ, и предназначена для налогоплательщиков, в чьих семьях среднедушевой доход не превысит 1,5-кратный региональный прожиточный минимум. Для них НДФЛ за 2025 г. пересчитан по ставке 6% вместо 13%, а оставшая сумма НДФЛ возвращается налогоплательщику. «Налоговый кешбэк» предоставляется через Социальный фонд России впервые в 2026 г. по результатам 2025 г. По предварительным оценкам, объем необходимых дополнительных расходов на предоставление «налогового кешбэка» составит в 2026 г. 101,1 млрд руб.¹¹

Главное преимущество новой выплаты по сравнению с социальными пособиями, призванными обеспечивать сокращение неравенства и бедности, — адресный характер для семей с детьми, а также отсутствие дестимулирования труда низкодоходных граждан. Выплата нацелена на сни-

¹⁰ Данные по формам статистической налоговой отчетности. ФНС РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms (дата обращения: 15.02.2026).

¹¹ О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/638814-8#bh_histras (дата обращения: 15.02.2026).

жение бедности, поскольку рассчитана на налогоплательщика с небольшим доходом и не будет предоставляться более обеспеченным гражданам, имеющим двух и более детей. Как отмечают В.В. Елизаров и А.Л. Сеница: «Число детей в домохозяйстве прямо влияет на уровень бедности: в домохозяйствах с большим числом детей разрыв между долей домохозяйств во всём населении и их долей среди малоимущих домохозяйств, больше... Растет доля детей, проживающих в малоимущих домохозяйствах» [5, с. 66]. Согласно данным Росстата о распределении малоимущего населения в 2023 г., среди малоимущих 72,8% домохозяйств имеют детей, в том числе 19,4% — одного ребенка, 25,9% — двух и 27,5% — трёх детей. В то же время доля всех домохозяйств с детьми, представленных в выборке, — 27,6%, то есть в 2,64 раза меньше, чем среди малоимущего населения¹². «Преодоление семейной бедности является важнейшим условием роста уровня жизни и благосостояния населения» [6, с. 46]. Адресность «налогового кешбэка» для семей с детьми призвана обеспечить повышение их уровня жизни и снижение бедности таких домохозяйств.

Важно, что семейная выплата, в отличие от других социальных пособий, не приводит к демотивированию труда. Для ее получения у налогоплательщика должны быть задекларированные доходы, сумме которых будет пропорционален соответствующий размер выплаты. Это может быть дополнительным стимулом для обеления доходов, тем более что ряд действующих мер социальной поддержки «формирует тенденцию занижения гражданами официального дохода» [7]. Рассмотрим это положение на конкретном примере. Если региональный прожиточный минимум в 2025 г. составляет 17 733 руб., то для семьи с двумя детьми общая сумма дохода для получения «налогового кешбэка» не должна превышать 106 тыс. руб. / мес. Налогоплательщик будет стремиться к полноте декларирования дохода в таком пределе. Для семьи с доходами родителей (обоих в сумме или одного из них) в таком пределе сумма выплаты за 2025 г. может достигнуть 89 374 руб. ($7\% \cdot 17\,733 \text{ руб.} \cdot 1,5 \cdot 4 \cdot 12$), что составит значительный объем поддержки для такой семьи.

В этом плане «налоговый кешбэк» может быть успешным вариантом альтернативы необлагаемо-

му НДФЛ минимуму, отсутствующему в настоящее время в России [8, с. 26]. Недостатком необлагаемого минимума является риск сокрытия части доходов в рамках уклонения от налогообложения, а «налоговый кешбэк», как представляется на данном этапе, минимизирует этот риск.

Необходимо подчеркнуть, что важным моментом в рассматриваемой налоговой новации является оценка доходов в отношении семьи в целом, а не одного отдельного налогоплательщика. Это первый опыт для российской налоговой системы, который может рассматриваться как шаг в направлении внедрения элементов семейного налогообложения [9], применяемого во многих развитых странах. В.Г. Пансков отмечает, что вопрос перехода на консолидированное налогообложение доходов семей или посемейное налогообложение является сложным, но «ставить на повестку дня указанную проблему необходимо, так как без ее решения налоговая реформа в стране не может считаться завершённой» [10, с. 24]. Вместе с тем введение «налогового кешбэка» сопряжено с рядом рисков и недостатков, среди которых рост налоговой нагрузки налогоплательщиков при переходе через границы критерия нуждаемости: ставка НДФЛ возрастает с 6 до 13%; риски проведения фиктивных разводов для обеспечения соответствия критерию доходов, фиктивной регистрации в регионах с более высоким установленным прожиточным минимумом.

Тезис о росте налоговой нагрузки целесообразно проиллюстрировать на примере. Так, в семье из 4 человек с двумя детьми при региональном прожиточном минимуме 17 733 руб. и доходе 106 тыс. руб. / мес. налоговая ставка с учетом «кешбэка», при прочих равных условиях, составит 6%, а сумма НДФЛ — 76,32 тыс. руб. / год. При аналогичных условиях, но с доходом 120 тыс. руб. / мес. налоговая ставка составит уже 13%, а сумма НДФЛ — 187 тыс. руб. / год., т.е. в 2,5 раза выше.

Такой рост налоговой нагрузки при переходе через границу критерия нуждаемости приводит к рискам злоупотреблений — проведения фиктивных разводов для обеспечения соответствия критерию доходов и фиктивной регистрации в регионах с более высоким установленным прожиточным минимумом. Фиктивный развод позволяет сократить уровень дохода матери-одиночки с детьми для соответствия уровню среднедушевого дохода для получения «налогового кешбэка». Фиктивная регистрация позволяет повысить для семьи грани-

¹² URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 26.01.2026).

Таблица 2 / Table 2

Преимущества, возможности, риски и угрозы «налогового кешбэка» в сглаживании неравенства и преодолении бедности / Strengths, weaknesses, opportunities and threats of a tax cashback in smoothing inequality and reducing poverty

Преимущества / Strengths	Недостатки / Weaknesses
1. Адресный характер — для семей с детьми при низком уровне дохода. 2. Не приводит к дестимулированию труда. 3. Способствует обелению доходов	1. Рост налоговой ставки НДФЛ сразу с 6 до 13% при переходе через границу критерия нуждаемости. 2. Заявительный, а не проактивный режим предоставления выплаты. 3. Администрирование выплаты Социальным фондом России, а не ФНС России
Возможности / Opportunities	Риски / Threats
1. Результативное воздействие на фактор неравенства и бедности в России — наличие детей в семье. 2. Вывод доходов «из тени», сокращение теневого сектора экономики	1. Соккрытие части доходов для обеспечения соответствия критерию доходов. 2. Фиктивные разводы для обеспечения соответствия критерию доходов. 3. Фиктивная регистрация в регионах с более высоким установленным прожиточным минимумом. 4. Администрирование выплаты, неполнота охвата выплатой всех соответствующих условиям налогоплательщиков

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

цу уровня дохода, которая устанавливается исходя из уровня регионального прожиточного минимума. В России разрыв в региональном прожиточном минимуме в 2025 г. составил 3,14 раза: от 14 718 руб. в Липецкой и Тамбовской областях до 46 283 руб. в Чукотском автономном округе. Следовательно, в Липецкой и Тамбовской областях уровень дохода для получения «налогового кешбэка» для семьи из четырёх человек с двумя детьми не должен превысить 88,3 тыс. руб. / мес., а сама выплата составит максимально 74,2 тыс. руб., а в Чукотском АО — 277,7 тыс. руб. / мес. и 233,3 тыс. руб. соответственно. Аналогичные схемы для получения других социальных пособий и выплат уже использовались в нашей стране, они могут применяться и для получения «налогового кешбэка».

Кроме того, известные риски могут возникнуть в связи администрированием выплат Социальным фондом России, а не ФНС РФ, имеющей все необходимые данные для предоставления выплаты в проактивном режиме, имеющей опыт администрирования социальных выплат в период коронакризиса, а также являющейся лидирующим по цифровой трансформации ведомством в государственном управлении. Выплата носит заявительный характер, заявление должно быть подано налогоплательщиками через портал Госуслуги, МФЦ или клиентскую службу Социального фонда с 1 июня по 1 октября года, следующего за годом, в котором исчислен НДФЛ.

В табл. 2 обобщены преимущества, возможности и уязвимости «налогового кешбэка» с позиций сглаживания неравенства и преодоления бедности с использованием SWOT-анализа.

Для повышения результативности «налогового кешбэка» в деле сокращения неравенства и бедности целесообразно проработать возможность его предоставления в проактивном режиме и введения ступеней объема предоставляемой выплаты для исключения резкого роста налоговой нагрузки при переходе дохода налогоплательщика через границу критерия нуждаемости. Кроме того, Общественная палата РФ, в том числе в рамках митигации рисков фиктивных разводов и регистрации (уменьшения тяжести его последствий), предлагает, в частности, применение «понижающих коэффициентов к ставке НДФЛ 6% с учетом брачного статуса, числа детей в семье, наличия иждивенцев и числа работающих в семье», а также для поддержки работающей молодежи установление «семейной налоговой выплаты молодым семьям в первые три года брака в размере не менее 3% от уплаченного НДФЛ»¹⁵.

Общественная палата РФ в Заключении от 03.07.2024 № 8 ОП-2/1271 к соответствующему Федеральному закону отмечает, что введение семейной налоговой выплаты «является закономерным

¹⁵ О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/638814-8#bh_histras (дата обращения: 15.02.2026).

этапом системного совершенствования налоговой системы, востребованной законодательной инициативой и даст положительный социальный и демографический эффект»¹⁴.

ВЫВОДЫ

По результатам исследования сформулированы следующие выводы:

- Социальные и стандартные налоговые вычеты по НДФЛ способствуют сглаживанию неравенства и снижению бедности, однако, в силу низкой доли в общем объеме вычетов (5–6%), они не оказывают значимого результативного воздействия на неравенство и бедность. Инвестиционные и имущественные вычеты, составляющие до 60–70% от общего объема налоговых вычетов, недоступны для нуждающихся налогоплательщиков и направлены на более состоятельные слои населения, что приводит к рискам усугубления неравенства.
- Востребованность имущественных и инвестиционных налоговых вычетов по НДФЛ растет с ростом доходов. Поскольку эти вычеты формируют основную часть в общей структуре налоговых вычетов по НДФЛ (≈60%), то в целом система налоговых вычетов по НДФЛ имеет регрессивный характер. Востребованность социальных налоговых вычетов по НДФЛ является нейтральной относительно доходов респондентов. Однако их низкий удельный вес в структуре налоговых вычетов (2,8%) не позволяет обеспечить сглаживание неравенства граждан.
- Перспективными направлениями совершенствования предоставления социальных налоговых

вычетов являются дифференциация категорий получателей с учетом целесообразности повышения их адресного характера, индексация лимитов и упрощение порядка их получения и развитие их предоставления в проактивном режиме.

- Ежегодная семейная выплата, или «налоговый кешбэк», в определенной степени призвана нивелировать недостатки системы налоговых вычетов по НДФЛ в части рисков их негативного влияния на неравенство и бедность. «Налоговый кешбэк» носит адресный характер — он предназначен для бедных семей с двумя и более детьми, он не приводит к дестимулированию труда, в отличие от других социальных выплат, и способствует обелению доходов, поскольку размер выплаты пропорционально зависит от величины дохода налогоплательщика, что выгодно отличает «налоговый кешбэк» от необлагаемого НДФЛ минимума.

- Внедрение «налогового кешбэка» сопровождается следующими потенциальными рисками: ростом ставки НДФЛ с 6 до 13% при переходе через границу доходов; применением «практики» фиктивных разводов для обеспечения соответствия критерию доходов; использованием «опыта» фиктивной регистрации в регионах с более высоким установленным прожиточным минимумом; заявительным, а не проактивным режимом предоставления выплаты через Социальный фонд, а не ФНС России.

Минимизация этих рисков и нивелирование недостатков «налогового кешбэка» позволит усилить и в полной мере реализовать его потенциал в рамках большой общенациональной работы по снижению уровня бедности и преодолению социального неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотов Д. Ю. Подходы к сокращению социального неравенства в России посредством реформирования налога на доходы физических лиц. *Финансы и кредит*. 2024;30(11):2423–2449.
2. Адвокатова А. С., Пугачёв А. А. Налоговый вычет на обучение как фактор стимулирования спроса на платные образовательные услуги. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(4):134–144.
3. Майбуrows И. А., ред. Теория и прагматика преференциального налогообложения физических лиц: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2024. 231 с.
4. Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Синергия цифровых технологий и сервисной модели деятельности налоговых органов как драйвер развития налогового администрирования. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2024;38(2):131–145.
5. Елизаров В. В., Сеница А. Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения. *Уровень жизни населения регионов России*. 2019;15(2):63–75.
6. Дорофеев М. Л. Финансовые методы и инструменты обеспечения роста рождаемости и благополучия населения России: проблемы и решения. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):43–51.
7. Куркина Н. В. Регулирующая функция налогов как механизм развития демографической политики. *Финансовое право*. 2025;4:27–32.

¹⁴ Там же.

8. Зарипов В.М. Время новых налоговых решений. *Закон*. 2024;11:23-28.
9. Пугачёв А.А. Налоговые инструменты в системе факторов воздействия государства на неравенство. *Налоги и налогообложение*. 2022;3:16-28.
10. Пансков В.Г. Налоговая реформа — 2025: продолжение следует... *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):18-31.

REFERENCES

1. Fedotov D. Yu. Approaches to reducing social inequality in Russia through the Personal Income Tax reform. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2024;30(11):2423-2449. (In Russ.).
2. Advokatova A. S., Pugachev A. A. The tax deduction for tuition as a factor in stimulating demand for paid educational services. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(4):134-144. (In Russ.).
3. Maiburov I. A., ed. Theory and pragmatics of preferential taxation of individuals: A monograph. M.: UNITY-DANA; 2024. 231 p. (In Russ.).
4. Goncharenko L. I., Advokatova A. S. Synergy of digital technologies and service model of tax authorities as a driver of tax administration development. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovie issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2024;38(2):131-145. (In Russ.).
5. Yelizarov V. V., Sinitsa A. L. Factors of poverty of families with children and prospects of its reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019;15(2):63-75. (In Russ.).
6. Dorofeev M. L. Financial methods and tools to ensure the growth of the birth rate and well-being of the Russian population: Problems and solutions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):43-51. (In Russ.).
7. Kurkina N. V. The regulatory function of taxes as a mechanism for the development of demographic policy. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2025;4:27-32. (In Russ.).
8. Zaripov V. M. The time of new tax decisions. *Zakon = Law*. 2024;11:23-28. (In Russ.).
9. Pugachev A. A. Tax instruments in the system of government impact factors on inequality. *Nalogi i nalogoblozhenie = Taxes & taxation*. 2022;3:16-28. (In Russ.).
10. Panskov V. G. Tax reform — 2025: To be continued... *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(1):18-31. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Андрей Александрович Пугачёв — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

Andrey A. Pugachev — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Finance and Credit, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7989-6353>

andrxim@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.02.2026; принята к публикации 30.06.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 25.02.2026; accepted for publication 30.06.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-183-192
УДК 347.44:004.8(045)
JEL K12, K24, O33

ИИ-технологии в системе договорных обязательств: проблемы правовой идентификации и распределения рисков

М.В. Демченко, Ю.И. Фроловская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена стремительной цифровизацией экономики и отсутствием в российском праве легального определения ИИ-договора, что создает риски для участников договорных отношений. **Предмет** исследования — правовые аспекты использования искусственного интеллекта в договорных отношениях, включая заключение сделок с помощью смарт-контрактов, доказывание алгоритмических решений и распределение ответственности между участниками оборота. **Цель** — попытка выявить системные пробелы в законодательстве и правоприменительной практике, а также предложить способы их преодоления. **Методологическую** основу исследования составили формально-юридический анализ судебных актов арбитражных судов за 2022–2026 гг., сравнительно-правовой метод (анализ подходов ЕС и США), системный анализ доктринальных подходов, метод юридического прогнозирования, контент-анализ научных публикаций, а также метод интерпретации правовых норм применительно к новым технологическим явлениям. **Научная новизна** заключается, во-первых, в предложенной авторами классификации договоров с участием ИИ по степени автономности алгоритма (пассивный инструмент, ассистент, автономный исполнитель); во-вторых, в оригинальной системе распределенной ответственности между разработчиком, оператором, владельцем и пользователем и, наконец, в-третьих, — конкретных проектах изменений в Гражданский кодекс РФ (статьи 153.1, 1079.1). Установлено, что российские суды, как правило, не признают смарт-контракты самостоятельными юридическими фактами, требуя письменной фиксации воли сторон, что создает сложности при использовании автономных ИИ-систем. Выявлены различные подходы к допустимости доказательств из распределенных реестров. На основе анализа зарубежного опыта (Регламент ЕС об ИИ 2024 г., подходы США) предложены пути гармонизации российского законодательства с международными стандартами. По **результатам** исследования сделан **вывод** о необходимости введения обязательного алгоритмического аудита для систем высокого риска и расширения экспериментальных правовых режимов («песочницы») для ИИ-договоров.

Ключевые слова: искусственный интеллект; смарт-контракт; договор; ответственность; судебная практика; криптовалюта; оферта; акцепт; алгоритмическая подотчетность

Для цитирования: Демченко М.В., Фроловская Ю.И. ИИ-технологии в системе договорных обязательств: проблемы правовой идентификации и распределения рисков. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):183-192. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-183-192

ORIGINAL PAPER

AI Technologies and Contractual Obligations: Challenges in Legal Identification and Risk Sharing

M.V. Demchenko, Yu.I. Frolovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **significance** of this research lies in the fast-paced digitalization of the economy and the absence of a legal definition for AI contracts in Russian legislation, leading to risks for those involved in contractual agreements. This research examines the **subject** of legal considerations surrounding AI in contractual settings, covering

© Демченко М.В., Фроловская Ю.И., 2026

automated transactions, evidence of algorithmic choices, and liability distribution. The study **aims** to pinpoint systemic flaws in laws and enforcement, then suggest solutions. The **methodological** basis of the study includes a formal legal analysis of arbitration court rulings from 2022 to 2026, a comparative legal method (analysis of EU and US approaches), a systemic analysis of doctrinal approaches, a legal forecasting method, a content analysis of scientific publications, and a method for interpreting legal norms as they relate to new technological phenomena. First, the scientific novelty comes from the authors' classification of AI-involved contracts, which is based on the algorithm's autonomy (passive tool, assistant, autonomous executor); second, in the original system of distributed liability between the developer, operator, owner, and user; and, thirdly, in specific proposed amendments to the Civil Code of the Russian Federation (Articles 153.1, 1079.1). Russian courts generally don't consider smart contracts as standalone legal facts. They usually require written proof of the parties' intentions, which poses challenges for autonomous AI systems. The authors identified various approaches to the admissibility of evidence from distributed ledgers. The paper suggests methods for aligning Russian laws with global AI regulations, drawing on international examples like the 2024 EU AI Regulation and US strategies. As an **outcome**, the study **concluded** that high-risk systems require mandatory algorithmic audits and that AI contract "sandboxes" need to be more widely available.

Keywords: artificial intelligence; smart contract; agreement; liability; judicial practice; cryptocurrency; offer; acceptance; algorithmic accountability

For citation: Demchenko M.V., Frolovskaya Yu.I. AI technologies and contractual obligations: Challenges in legal identification and risk sharing. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):183-192. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-183-192

ВВЕДЕНИЕ

Стремительное распространение систем искусственного интеллекта (ИИ) и смарт-контрактов в коммерческой деятельности ставит перед правовой системой принципиально новые вопросы. Может ли алгоритм, действующий без участия человека, считаться стороной договора? Как распределить ответственность, когда решение, повлекшее убытки, принято нейросетью? Является ли программный код, записанный в блокчейне, надлежащей формой сделки? Эти вопросы остаются открытыми как в России, так и в большинстве юрисдикций мира [1].

Особую актуальность эти проблемы приобретают в финансовой сфере [2], где смарт-контракты и ИИ-алгоритмы активно используются для автоматизации расчетов, кредитования и управления цифровыми активами, что требует адекватного правового обеспечения, включая экспериментальные правовые режимы и адаптацию договорного регулирования.

В российской цивилистике проблематике ИИ и смарт-контрактов посвящены работы Е. Б. Подузовой [3], О. В. Танимова [4], С. А. Сеницына и др. [5], В. Н. Лисицы и Е. В. Зайнудиновой [6], А. И. Савельева [7], а также труды, посвященные правосубъектности электронного лица [8] и ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта [9]. Однако комплексного исследования, основанного на обобщении судебной практики именно договор-

ных споров с участием ИИ и смарт-контрактов, до сих пор нет¹.

В 2021 г. была утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права. Она предполагает постепенный переход к изложению правовых норм на формальных языках. Это создает технологическую основу для автоматизации договорных отношений².

В марте 2026 г. Минцифры России представило законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта». Он вводит понятие ИИ, маркировку ИИ-контента и распределение ответственности между разработчиком, оператором, владельцем и пользователем. Однако договорные аспекты остаются не урегулированными³.

Цель настоящей работы — выявить правовые пробелы, возникающие при использовании ИИ и смарт-контрактов в договорной сфере. Анализ основывается на судебной практике 2022–2026 гг.

¹ Наумов В. Б., Чеховская С. А., Брагинцев А. Ю., Майоров А. В. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения. Доклад НИУ ВШЭ. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2021. 42 с.

² Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15.09.2021 № 31). М., 2021.

³ Министерство цифрового развития РФ. Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». М., 2026.

Предлагаются также способы преодоления выявленных пробелов

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА И ДОГОВОРОВ С УЧАСТИЕМ ИИ В ДОКТРИНЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Правовая природа смарт-контракта остается дискуссионной. Как отмечает А. И. Савельев, программный код может как заменять собой договор (если содержит все существенные условия), так и служить лишь техническим средством его автоматического исполнения [7]. С. А. Синицын и др. последовательно отстаивают инструментальный подход, согласно которому смарт-контракт не образует самостоятельного договорного типа, а представляет собой технологический способ исполнения обязательств, функционально встроенный в систему исполнения [5].

С этим подходом коррелирует и позиция Банка России, в аналитическом обзоре которого (2018 г.) смарт-контракт определяется как «программный код, реализующий функции автоматизированного исполнения сделки», тем самым акцентируя его технологическую, а не юридическую природу⁴. В документе отмечается: смарт-контракт не является самостоятельной сделкой или договором, а представляет собой лишь технический механизм, обеспечивающий автоматическое исполнение обязательств, условия которых зафиксированы в традиционной письменной форме⁵.

Попытки систематизировать договоры с участием ИИ предпринимаются постоянно. Так, Е. Б. Подузова выделяет четыре их вида: услуги, оказываемые с применением ИИ; договоры удаленного доступа через SaaS; договоры внедрения ИИ; рекламные договоры [3]. Однако предложенная классификация не учитывает степень автономности алгоритма, имеющую принципиальное значение для распределения ответственности. Именно от того, насколько самостоятельно действует ИИ-система (пассивный инструмент, ассистент или автономный исполнитель), зависит, кто и в каком объеме должен нести юридические последствия принимаемых ею решений.

Разграничение степеней автономности напрямую связано с проблемой ответственности.

⁴ Центральный банк Российской Федерации. Смарт-контракты: умное будущее договорных отношений: аналитический обзор. М.: Банк России; 2018.

⁵ Там же. С. 5.

О. В. Танимов предлагает ввести по аналогии с юридическим лицом фикцию «электронного лица». Однако он предостерегает от поспешного наделения ИИ полноценной правосубъектностью [4]. И. Г. Лаврова справедливо отмечает, что «до сих пор не определен правовой статус искусственного интеллекта, а также ответственность за ошибки и вред, которые возникают в процессе эксплуатации роботизированного механизма» [10].

Наиболее сбалансированным представляется подход Д. А. Казанцева, который, в отличие от линейных моделей, предлагает многомерную матрицу субсидиарной ответственности. Ее отличие — в учете не только ролей субъектов, но и риск-категории самой системы ИИ, что позволяет гибко перераспределять очередность привлечения к ответственности в зависимости от конкретной ситуации. При этом Казанцев, как и другие авторы, отвергает правосубъектность ИИ, однако бремя доказывания возлагает не на одного «профессионального участника», а на всех потенциальных субъектов через систему презумпций, исследуя виновность каждого по нисходящей. [9].

Таким образом, доктринальное обсуждение постепенно смещается от вопроса о признании ИИ субъектом права к поиску эффективных механизмов перераспределения рисков между участниками оборота.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИИ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Значительный интерес для российского законодателя представляет зарубежный опыт регулирования ИИ. Наиболее разработанной является европейская модель. Регламент ЕС об искусственном интеллекте 2024 г. (AI Act) вводит риск-ориентированный подход⁶. Системы ИИ классифицируются по уровню риска: неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный. Для систем высокого риска установлены обязательные требования: оценка соответствия, техническая документация, человеческий надзор. Применительно к договорным отношениям это означает, что автономные ИИ-агенты, используемые в кредитовании, страховании или динамическом ценообразовании, подпадают под режим

⁶ European Parliament and Council of the EU. Regulation (EU) 2024/1689 on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union. 2024.

высокого риска. Это требует обязательного алгоритмического аудита и прозрачности принимаемых решений.

Американский подход принципиально иной. В США отсутствует единый федеральный закон об ИИ. Регулирование осуществляется на отраслевом уровне (FTC, CPSC) и через «мягкое право». В 2022 г. был представлен «Билль о правах в эпоху ИИ» (Blueprint for an AI Bill of Rights). В 2023 г. вышел Исполнительный указ о безопасном и надежном развитии ИИ. Американская модель делает акцент на стимулировании инноваций и саморегулировании. Однако критики отмечают недостаточную защиту прав граждан при использовании ИИ в договорной сфере.

Для России представляется оптимальным гибридный подход. Целесообразно воспринять европейскую риск-ориентированную классификацию для систем высокого риска. Одновременно следует сохранить гибкость для инновационных разработок по американской модели, используя экспериментальные правовые режимы («песочницы»). Такой подход позволит обеспечить баланс между защитой прав участников оборота и технологическим развитием.

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Анализ судебной практики показывает, что российские суды занимают крайне осторожную позицию.

В деле № А55–7445/2022 (Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, постановление от 02.02.2023) истец пытался доказать заключение договора купли-продажи автомобиля с использованием технологии смарт-контракт. Суд отказал в признании блокчейн-транзакции акцептом оферты, затребовав документ в классической письменной форме⁷.

В деле № А45–4379/2025 (Седьмой арбитражный апелляционный суд, постановление от 30.09.2025) стороны заключили «договор агентирования и сотрудничества». Ответчик утверждал, что он работал по принципу смарт-контракта с использованием блокчейна и вексельных расчетов. Суд фактически проигнорировал ссылки ответчика на смарт-контракт и технологию блокчейн, квалифицировав договор как возмездное оказание услуг. При этом суд особо отметил: «ис-

полнитель имеет право без согласования с заказчиком привлекать к исполнению обязательств по договору третьих лиц, однако за действия этих третьих лиц он несет ответственность как за свои собственные»⁸. Этот подход может быть экстраполирован на ИИ-агентов: владелец автономного алгоритма должен отвечать за его «действия» как за свои собственные.

Кассационное постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.02.2026 по тому же делу подтвердило эту логику. Суд указал, что «исполнитель несет ответственность за действия привлеченных третьих лиц как за свои собственные». Отклонив доводы о необходимости исследования «отлагательных условий» смарт-контракта⁹, суд фактически отказался признавать юридическое значение программного кода как источника условий сделки.

В уголовном деле № 10–4614/2026 (Московский городской суд, апелляционное определение от 18.03.2026) гражданин К. был осужден за мошенничество и легализацию денежных средств, полученных преступным путем¹⁰. Ключевая проблема здесь в том, что крипто-кошельки потерпевших не были надежно идентифицированы. Ущерб исчислялся специалистом на основе движения цифровых активов с использованием кошельков, не привязанных к личности. Суд, однако, принял эти доказательства, что создает прецедент, связанный с признанием судом допустимых доказательств, основанных на анализе блокчейн-транзакций без установления личности владельца кошелька. Одновременно в гражданском деле о смарт-контракте суд отказал в признании аналогичных данных. Представляется необходимым законодательно закрепить презумпцию допустимости данных из неизменяемого распределенного реестра при условии обеспечения верифицируемости времени записи и неизменности блока. Это соответствует подходам, развиваемым в рамках Концепции машиночитаемого права¹¹.

⁸ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2025 по делу № А45–4379/2025..

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.02.2026 по делу № А45–4379/2025.

¹⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2026 по делу № 10–4614/2026.

¹¹ Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15.09.2021 № 31). М.; 2021.

⁷ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 по делу № А55–7445/2022.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОГОВОРОВ С УЧАСТИЕМ ИИ ПО СТЕПЕНИ АВТОНОМНОСТИ

На основе обобщения доктринальных подходов и анализа судебной практики предлагается следующая классификация договоров с участием ИИ по степени автономности:

- *Первый тип — ИИ как пассивный инструмент (человек полностью контролирует алгоритм).* Алгоритм не принимает самостоятельных решений, а лишь выполняет заранее заданные команды. Ответственность — по общим правилам ст. 1064 ГК РФ. Воля стороны выражена через формирование алгоритма и его запуск. Примеры: программное обеспечение для документооборота, автоматическая рассылка счетов.

- *Второй тип — ИИ как ассистент (алгоритм выдает рекомендации, окончательное решение за человеком).* Система анализирует данные, предлагает варианты, но юридически значимое действие совершает человек. Ответственность распределяется следующим образом: оператор отвечает за неисполнение рекомендации, если она была разумной; разработчик — за алгоритмическую ошибку, если она не была очевидной; пользователь — за отклонение от разумной рекомендации, если это повлекло убытки. Примеры: системы поддержки врачебных решений, кредитные скоринговые системы с финальным решением кредитного инспектора.

- *Третий тип — ИИ как автономный исполнитель (алгоритм совершает юридически значимые действия без участия человека).* Для этого типа отсутствует необходимость наделения ИИ правосубъектностью. Ответственность за действия автономного ИИ возлагается на его владельца по правилам ст. 1079 ГК РФ об источнике повышенной опасности, поскольку высокоавтономная ИИ-система создает повышенную вероятность причинения вреда и неподконтрольна в каждый конкретный момент. Владелец вправе предъявить регрессное требование к разработчику при доказанности программной ошибки, не выявленной на этапе тестирования, а также к оператору оракула при доказанности недостоверности поставляемых данных. Для ИИ-систем третьего типа необходимо обязательное страхование рисков гражданской ответственности. Примеры: автономные торговые алгоритмы (HFT), беспилотные транспортные средства при заключении договоров перевозки, чат-боты, самостоятельно акцептующие оферту.

- *Четвертый тип — ИИ-агенты, взаимодействующие с оракулами.* Оракулы — программные агенты, поставляющие внешние данные для сравнения смарт-контракта. Как справедливо отмечают В.Н. Лисица и Е.В. Зайнутдинова, отсутствие должного правового регулирования смарт-контрактов и производных от них механизмов (включая оракулов) создает системные риски для участников оборота, поскольку при причинении убытков вследствие ошибок в автоматизированном исполнении потерпевшая сторона зачастую лишена возможности определить четкого субъекта ответственности [6]. Предлагается включить в закон об ИИ норму, согласно которой оператор оракула несет ответственность за достоверность данных наравне с разработчиком ИИ-системы.

Применительно к смарт-контрактам с использованием оракулов необходимо различать:

- ошибку в самом коде смарт-контракта (ответственность разработчика);
- недостоверность данных от оракула (ответственность оператора оракула);
- неправомерное вмешательство в работу оракула (ответственность третьего лица).

В последнем случае следует применять общие нормы о деликтной ответственности.

СУДЕБНАЯ АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Особого внимания заслуживает проблема судебной экспертизы алгоритмов. В условиях, когда бизнес-экосистемы используют высокотехнологичные платформы для персонализированного взаимодействия с контрагентами [11], проверка обоснованности и недискриминационности решений, принятых ИИ-алгоритмами, становится критически важной для справедливого разрешения споров. В делах, связанных с оспариванием решений, принятых ИИ, возникает необходимость в назначении экспертизы, которая могла бы подтвердить или опровергнуть наличие алгоритмической ошибки, дискриминации или необъективности. Однако действующее процессуальное законодательство не содержит специальных норм о порядке проведения такой экспертизы.

По аналогии с экспертизой программного обеспечения (ст. 79 АПК РФ) можно предложить введение в АПК РФ и ГПК РФ нормы о «судебной алгоритмической экспертизе», предметами исследования которой являлись бы:

- соответствие алгоритма заявленным параметрам;
- наличие в обучающей выборке признаков необъективности;
- обоснованность принятых решений.

Экспертиза должна проводиться аккредитованными организациями, а ее результаты должны иметь силу письменного доказательства. Это предложение коррелирует с положениями Концепции машиночитаемого права о необходимости верификации онтологий и алгоритмов¹².

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ

Важным аспектом являются экспериментальные правовые режимы (далее — ЭПР). Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» позволяет устанавливать специальное регулирование для апробации ИИ-технологий. В настоящее время в рамках ЭПР уже тестируются беспилотный транспорт, телемедицина, удаленная идентификация.

Как отмечает Д. В. Шахов, ЭПР подтвердили свою эффективность в снижении бюрократических барьеров и стимулировании инноваций, однако их применение сопряжено с правовой неопределенностью при завершении режимов и отсутствием гарантий для участников [12].

Однако договорные аспекты использования ИИ (автоматическое заключение договоров, ответственность ИИ-агентов) не стали предметом ЭПР. В контексте формирования в России экономики предложения, о чем пишут И. Н. Молчанов и Н. П. Молчанова [13], экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций приобретают особую значимость как инструмент, позволяющий оперативно апробировать новые правовые конструкции (включая автоматизированные сделки и ИИ-договоры) без риска для всей правовой системы. ЭПР выступают своеобразными «точками роста» в правовом пространстве, аналогично тому, как в экономическом пространстве такими точками являются опорные населенные пункты и инновационные кластеры [13].

¹² Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15.09.2021 № 31). М.; 2021.

Предлагается в рамках ЭПР расширить перечень разрешенных видов деятельности в рамках ЭПР, включив в него:

- заключение смарт-контрактов с юридической силой;
- использование ИИ-агентов для совершения сделок от имени предпринимателя без дополнительного одобрения;
- применение алгоритмического аудита вместо нотариального удостоверения для определенных видов договоров.

По аналогии со ст. 57 EU AI Act целесообразно создать специализированную «песочницу» для ИИ-договоров с упрощенным доступом для малых технологических компаний¹³.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Действующий Гражданский кодекс РФ не содержит норм, прямо регулирующих автоматизированные сделки. Статья 153 ГК РФ определяет сделку как действие граждан и юридических лиц. Это исключает возможность признания сделкой результата взаимодействия ИИ-систем без участия человека. Статья 420 ГК РФ определяет договор как соглашение двух или нескольких лиц. Эти формулировки требуют адаптации.

Предлагается дополнить ГК РФ статьей 153.1 «Автоматизированные сделки»: «Сделкой, совершенной с использованием систем искусственного интеллекта, признаются действия программы или алгоритма, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, если они совершены в пределах заранее заданных параметров и воля стороны на совершение таких действий была явно выражена путем активации системы. Автоматизированная сделка может быть совершена путем взаимодействия информационных систем без участия человека, если возможность такого взаимодействия предусмотрена договором или законом».

Также необходимо ввести статью 1079.1 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный при использовании высокоавтономного искусственного интеллекта»: «Владелец системы искусственного интеллекта, обладающей высокой степенью ав-

¹³ European Parliament and Council of the EU. Regulation (EU) 2024/1689 on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union. 2024.

тономности (способной принимать юридически значимые решения без участия человека), обязан возместить вред, причиненный такой системой, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец вправе предъявить регрессное требование к разработчику системы при доказанности программной ошибки, не выявленной на этапе тестирования, а также к оператору оракула при доказанности недостоверности поставляемых данных».

При определении размера такой ответственности судам следует учитывать не только технические параметры системы, но и баланс публичного и частного интереса, с тем чтобы выплата компенсации не приводила к неосновательному обогащению потерпевшего или несоразмерному обременению ответственного лица [14].

В проекте Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» предусмотрено распределение ответственности между разработчиком, оператором, владельцем и пользователем пропорционально степени вины¹⁴. Однако договорные аспекты в законопроекте не урегулированы. При его доработке необходимо включить отдельный раздел об ИИ-договорах. Также следует урегулировать правовой статус оракулов и закрепить, что крипто-кошелек, используемый ИИ-агентом, принадлежит оператору.

Для целей доказывания в спорах об ИИ-договорах предлагается ввести презумпцию того, что данные из неизменяемого распределенного реестра (блокчейна) являются допустимым доказательством в случае обеспечения верификации времени и неизменности записи¹⁵. Также необходимо установить обязанность использующей ИИ-систему стороны предоставлять доступ к логам решений системы при условии сохранения коммерческой тайны путем передачи нотариусу или суду. Кроме того, следует предусмотреть возможность назначения экспертизы алгоритма, включая исследование его решений на наличие дискриминации и необъективности, по аналогии с экспертизой программного обеспечения.

¹⁴ Министерство цифрового развития РФ. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». М.; 2026.

¹⁵ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 по делу № А55-7445/2022.

Важным направлением является развитие технологий машиночитаемого права. Концепция, утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию в 2021 г., предусматривает постепенный перевод нормативных правовых актов на формальные языки — разметки и онтологии¹⁶. В сфере договорного права это позволит создавать «машиночитаемые договоры», положения которых могут автоматически выполняться информационными системами.

Проблема трансграничного использования ИИ-агентов также требует внимания. ИИ-агент, зарегистрированный в одной юрисдикции, может совершать сделки с контрагентами из других стран. Возникает вопрос: право какой страны подлежит применению к таким сделкам? По общему правилу ст. 1211 ГК РФ, к договору применяется право страны, где находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. Однако для автономных ИИ-агентов определение такой стороны затруднительно. Предлагается дополнить раздел VI ГК РФ (Международное частное право) нормой о том, что к автоматизированным сделкам, совершенным с использованием ИИ-агента, применяется право страны места нахождения оператора ИИ-агента, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

В целях стимулирования развития ИИ-договоров и устранения правовых барьеров необходимо расширить доступ к данным для обучения алгоритмов, создать консультационные центры для малых технологических компаний, назначить единый ответственный орган (возможно, Минцифры) за координацию нормотворческой деятельности в этой сфере.

ВЫВОДЫ

По результатам проведенного исследования сделаны следующие выводы:

- российское право не содержит легального определения ИИ-договора;
- судебная практика демонстрирует разнотой в подходах к признанию смарт-контрактов и блокчейн-транзакций в качестве надлежащей формы сделки;

¹⁶ Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15.09.2021 № 31). М.; 2021.

- суды фактически отказываются признавать юридическое значение программного кода, требуя письменной фиксации воли сторон, что противоречит природе автономных ИИ-систем.

Предлагается дополнить Гражданский кодекс РФ статьей 153.1 «Автоматизированные сделки» и статьей 1079.1 «Ответственность за вред, причиненный высокоавтономным ИИ»¹⁷. В целях доказывания необходимо ввести обязательный алгоритмический аудит для ИИ-систем высокого риска (кредитование, страхование, динамическое ценообразование) и презумпцию допустимости доказательств из неизменяемого распределенного реестра. Следует расширить диапазон применения экспериментальных правовых режимов и создать специализированную «песочницу» для ИИ-договоров по аналогии со ст. 57 EU AI Act.

¹⁷ Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машинного права (протокол от 15.09.2021 № 31). М.; 2021.

При доработке законопроекта «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» необходимо включить в него раздел о договорной ответственности, урегулировать правовой статус оракулов, закрепить принадлежность крипто-кошелька, используемого ИИ-агентом, за оператором и определить правила трансграничного применения ИИ-агентов в международном частном праве.

Как обоснованно указывает Л. Д. Капранова, цифровая трансформация объективно требует изменения подходов к правовому регулированию, а государство должно взять на себя активную роль в этом процессе, особенно в части защиты наиболее уязвимых участников цифровых рынков [15]. Предложенные выше меры направлены на реализацию этой государственной функции в сфере договорного регулирования ИИ.

Реализация этих предложений позволит создать сбалансированный механизм правового регулирования цифровой экономики при сохранении гарантий прав участников оборота.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):165-177. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-5-165-177
Revenko L. S., Revenko N. S. Artificial intelligence: Modern approaches to multilateral regulation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):165-177. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-165-177
2. Ручкина Г. Ф. Правовое обеспечение развития финансовых технологий в Российской Федерации. *Банковское право*. 2025;(1):7-16. DOI: 10.18572/1812-3945-2025-1-7-16
Ruchkina G. F. Legal support for the development of financial technologies in the Russian Federation. *Bankovskoe pravo = Banking Law*. 2025;(1):7-16. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3945-2025-1-7-16
3. Подузова Е. Б. Договоры об оказании услуг в сфере использования «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта»: проблемы теории и практики. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(8):59-67. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.059-067
Poduzova E. B. Service contracts in the field of the use of “Artificial Intelligence” and “Artificial Intelligence” technologies: Problems of theory and practice. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(8):59-67. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.059-067

4. Танимов О.В. Юридические фикции как средство обеспечения прогресса в праве. *Актуальные проблемы российского права*. 2026;21(3):21-31. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.021-031
Tanimov O.V. Legal fictions as a mechanism for advancing legal development. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2026;21(3):21-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.021-031
5. Синицын С.А., Дьяконова М.О., Чурсина Т.И. Смарт-контракты в цифровой экономике: договорное регулирование и разрешение споров. *Цифровое право*. 2021;2(4):40-50. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-4-40-50
Sinitsyn S.A., Diakonova M.O., Chursina T.I. Smart-contracts in the digital economy: Contractual regulation and dispute resolution. *Tsifrovoye parvo = Digital Law Journal*. 2021;2(4):40-50. (In Russ.). DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-4-40-50
6. Лисица В.Н., Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и их использование в смарт-контракте. *Юридическая наука и практика*. 2022;18(1):29-38. DOI: 10.25205/2542-0410-2022-18-1-29-38
Lisitsa V.N., Zainutdinova E.V. Digital rights and their use in a smart contract. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Juridical Science and Practice*. 2022;18(1):29-38. (In Russ.). DOI: 10.25205/2542-0410-2022-18-1-29-38
7. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права. *Вестник гражданского права*. 2016;16(3):32-60.
Savelyev A.I. Contract law 2.0: "Smart contracts" and the beginning of the end of the classical contract law. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Bulletin*. 2016;16(3):32-60. (In Russ.).
8. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы. *Труды Института государства и права РАН*. 2018;13(2):36-55.
Yastrebov O.A. The legal capacity of electronic person: Theoretical and methodological approaches. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2018;13(2):36-55. (In Russ.).
9. Казанцев Д.А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2025;3(3):446-471. DOI: 10.21202/jdtl.2025.18
Kazantsev D.A. Legal mechanisms for distributing the responsibility for the harm caused by artificial intelligence systems. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2025;3(3):446-471. (In Russ.). DOI: 10.21202/jdtl.2025.18
10. Лаврова И.Г. Проблемы ответственности роботов и искусственного интеллекта. *Вопросы российского и международного права*. 2025;15(4A):267-271. DOI: 10.34670/AR.2025.55.83.005
Lavrova I.G. Issues of liability of robots and artificial intelligence. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2025;15(4A):267-271. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2025.55.83.005
11. Васильева О.Н. Бизнес-экосистемы и человеческий потенциал: взаимосвязь и правовое регулирование. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(2):151-158. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-151-158
Vasilyeva O.N. Business ecosystems and human potential: Interrelation and legal regulation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(2):151-158. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-151-158
12. Шахов Д.В. Введение экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой трансформации. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):178-186. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-5-178-186
Shakhov D.V. Introduction of experimental legal regimes in the context of digital transformation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):178-186. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-5-178-186
13. Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Трансформация экономического пространства: новые векторы комплексного развития территорий. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(4):6-15. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-6-15
Molchanov I.N., Molchanova N.P. Transformation of the economic space: New vectors of integrated development of territories. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(4):6-15. (In Russ.). DOI: 110.26794/1999-849X-2025-18-4-6-15

14. Андреева М. С. Использование искусственного интеллекта при разработке методики определения размера компенсации морального вреда. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(2):181-190. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-2-181-190
Andreyanova M. S. Developing an AI-based method to assess compensation for moral harm. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(2):181-190. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-2-181-190
15. Каприанова Л. Д. Цифровая трансформация общества и уровень жизни населения. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):81-91. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-81-91
Kapranova L. D. Digital transformation of society and the standard of living of the population. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):81-91. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-81-91

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Максим Владимирович Демченко — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового регулирования экономической деятельности юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Maxim V. Demchenko — Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7010-8445>

mvdemchenko@fa.ru

Юлия Ивановна Фроловская — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yulia I. Frolovskaya — Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0008-9818-1554>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

yifrolovskaya@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.02.2026; принята к публикации 28.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was revised 24.02.2026; accepted for publication 28.07.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.